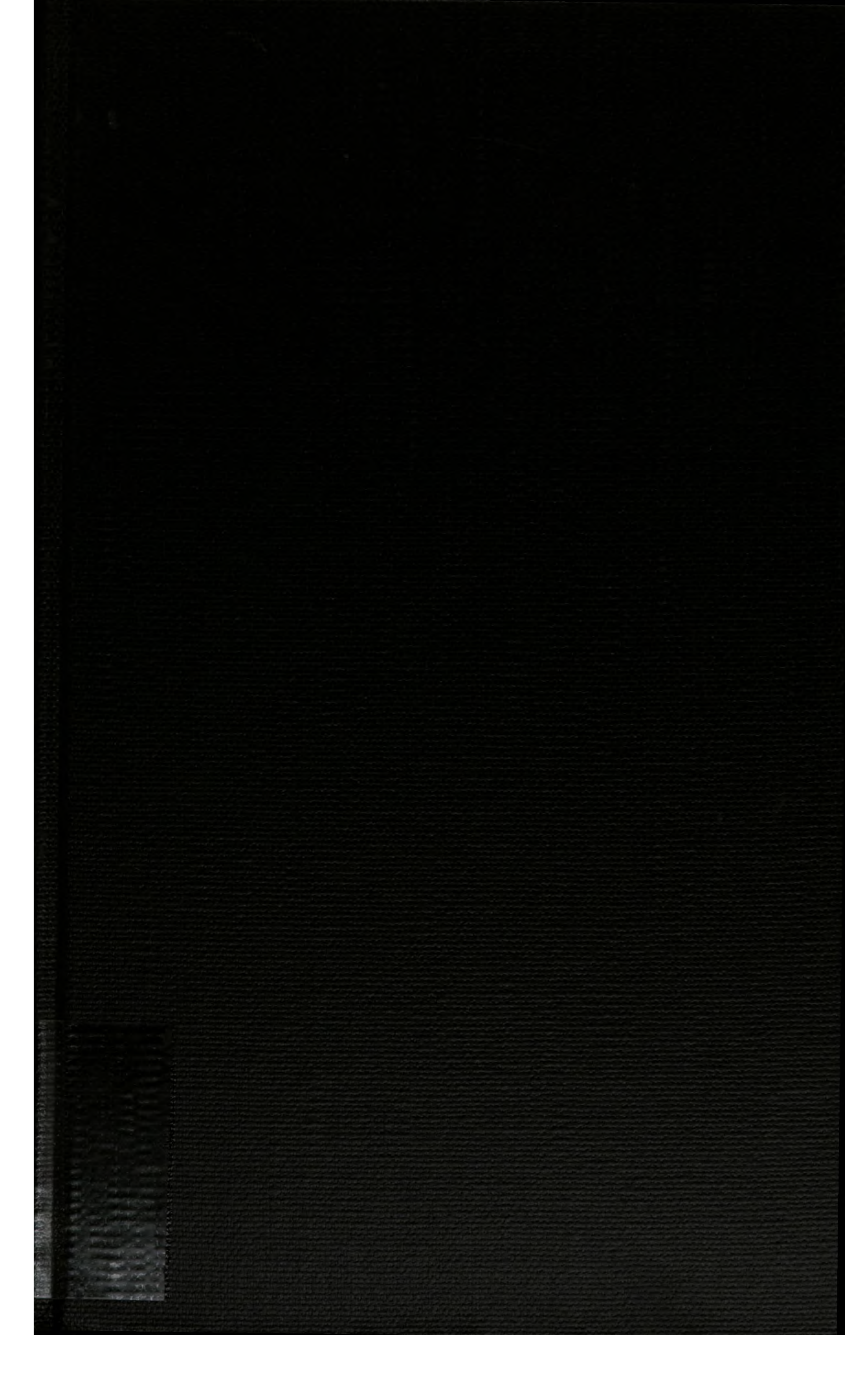
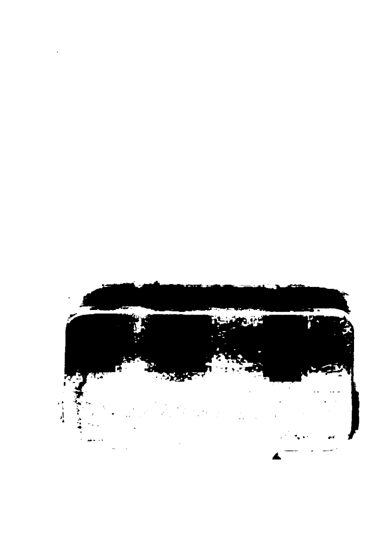

№ 7. ІЮЛЬ

Русскія Записки

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 7.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1916.

СОДЕРЖАНІЕ.

АМАЗОНКА.

Романъ.

XVII.

Старая исторія повторяется съ смѣхотворной точностью: чувство къ Мишѣ уходитъ, какъ вода изъ треснувшаго кувшина. Но откуда взять вѣрности, если ея нѣтъ? Не поучиться ли у преданной любящей Рахили, у Леночки?

Рахиль приходитъ не часто, жмется блѣдная и заплаканная къ Леночкѣ, завидуетъ тому, что мы веселы и здоровы.

Говоритъ она можетъ только о мужѣ и ребенкѣ, на этомъ для нея клиномъ сошелся міръ и некуда, незачѣмъ идти дальше.

Ребенокъ поправился, но все онъ безобразенъ, и судя по неправильной формѣ большого черепа, едва ли будетъ изъ него толкъ. Но она-то находитъ его хорошенькимъ и необыкновенно смышленнымъ: «О, онъ беретъ уже въ руки чайную ложечку и улыбается матери».

Напрасно мы заводимъ съ ней разговоры о книгахъ и о театрѣ, о любви и объ искусствѣ: слушаетъ съ милой улыбкой и точно извиняется за то, что ее это не интересуетъ: вѣдь дома мужъ отказался ѣсть супъ, и она не знаетъ, капризъ это или что серьезное.

— Но я все-таки очень счастлива,—неизмѣнно добавляетъ она.

Въ послѣдній разъ я усумнилась:

— Это счастье? Рахиль, Рахиль, это всего на всего больной ребенокъ и больной мужъ!

Она нахмурилась, но снова расцвѣла:

— Они поправляются, но... я боюсь только вѣрить... у меня есть надежда имѣть скоро другого ребенка.

Совершенно ошеломленная, я не нашлась сказать ей что-нибудь на это: шутитъ она, что ли? Но она не шутитъ.

Чтобы не разобидѣть ее моимъ отношеніемъ къ этой семейной радости, я ушла къ Танѣ, оставивъ Рахиль съ Леночкой.

Таня стоитъ у зеркала и старается естественно произнести какой-то неестественный монологъ. Она увлечена мечтой о сценѣ.

— Ты слышала, Таня?

— Что?

Она оглядывается, вся еще погруженная въ свое занятіе, и съ трудомъ возвращается къ дѣйствительности. Я сообщаю ей новость.

— Бѣдняжка! Она очень убита?

— Ничуть.

— Огорчена, по крайней мѣрѣ?

— Она еле вѣритъ своему счастью.

Тогда Таня разражается новымъ монологомъ, уже ес естественнымъ:

— Дура! Нелѣпая баба! Точно мало ей одного урода, чтобы еще разводить эту нечисть. Да почему же, ради Создателя, сдѣлать несчастнымъ взрослаго человѣка скверно, а произвести на свѣтъ младенца, которому предстоитъ быть несчастнымъ—хорошо! И вѣдь считаетъ себя образцомъ добродѣтели, и всѣ считаютъ.

— Ну, не непремѣнно же онъ будетъ больнымъ,—говорю я.

— Но къ чему свелись тогда наши теоріи? Не она ли первая разглагольствовала о здоровой расѣ и прочихъ широкихъ задачахъ?

— Такова жизнь. Вѣдь и ты собираешься выходить замужъ за Никитина. А можно ли тутъ ждать здоровыхъ дѣтей: это клубокъ нервовъ въ слабомъ тѣлѣ.

Таня осѣклась. Потомъ сказала мнѣ увѣренно:

— Я постараюсь обойтись безъ дѣтей. Какая я мать? Но не ужасно ли, что дѣти обязаны расплачиваться за наше благополучіе? И если я выбру подходящаго отца для моего ребенка, добродѣтельное бабье и всѣ грязные развратники предадутъ меня анафемѣ. Благодарю покорно! Пусть другія мамаши упражняются въ добродѣтели и приносятъ ей въ жертву своихъ дѣтей. Отъ меня этого не дождутся. Если я заведу себѣ дѣтей, то имъ грѣхъ будетъ жаловаться на родителей.

— Ты ясно понимаешь, что говоришь?

— Вполнѣ ясно. Но ты не завидуешь, что я нашла себя и буду артисткой?

— Я только рада. Меня это не увлекло бы.

— Чѣмъ же, наконецъ, будешь ты?

Я вполнѣ искренно отвѣчаю:

— Не знаю.

— Ты собиралась быть и врачомъ, и юристомъ, и профессоромъ.

— Это прошло. Я не люблю ни больныхъ, ни преступниковъ. Мнѣ хотѣлось бы жить для здоровыхъ и сильныхъ.

— Тогда будь матерью многочисленнаго семейства. Или хочешь быть писательницей, не смотря на всѣ неудачи?

— Идеальная мать—Рахиль, но это не по мнѣ. Писательницей? Конечно! И ты это отлично знаешь. Но вѣдь бѣда въ томъ, что у меня нѣтъ ни въ чемъ твердой и ясной увѣренности. О чемъ писать съ увлеченіемъ?

— И серьезна же ты стала. Совсѣмъ умный Пильцъ изъ нѣмецкаго перевода: умный Пильцъ спрятался подъ кровать и сталъ обдумывать положеніе...

— Не такъ давно ты упрекала меня въ несправедливомъ легкомысліи. Чему вѣрить?

Она широко раскрываетъ глаза:

— Вѣдь вѣрно! Умный Пильцъ бросился на негодяя какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ противорѣчилъ самому себѣ.

Я перестала слушать ее. Вспомнила почему-то Авдѣя Павловича съ его Евангеліемъ. Неужели нѣтъ для меня ничего, чему бы я такъ радостно отдала жизнь? И не странно ли, что до сихъ поръ за поддержкой и примѣромъ я обращаюсь исключительно къ простымъ и бѣднымъ людямъ, среди которыхъ протекло мое дѣтство! Но, можетъ быть, такіе люди есть и здѣсь. Надо хорошенько присмотрѣться, понять ихъ вкусы и узнать, что они живы, мужчины и женщины.

Въ одинъ тревожный, совсѣмъ ужь по-весеннему шумный день ко мнѣ забѣжала Кернъ. Нарядная, благоухающая и чѣмъ-то недовольная. Принесла книжку своихъ разсказовъ и сразу заговорила:

— Вотъ единственная радость, какую даетъ мнѣ весна: вышла моя книжка. Это экземпляръ для васъ. Дайте-ка я сдѣлаю надпись.

Она приподняла вуаль, взяла перо и задумалась, приложивъ ко лбу розовые пальчики съ отшлифованными, какъ зеркало, ногтями.

Ея туалетъ ошеломилъ меня, какъ всегда, и не роскошью своей—на это у нея не хватало средствъ,—но какой-то необыкновенной дерзостью. Это, дѣйствительно, крикъ моды и притомъ, что за отчаянный крикъ!

Перо на шляпѣ торчитъ въ сторону, шляпа держится на прическѣ совершенно непостижимымъ образомъ, узоръ на вуалѣ дѣлаетъ Кернъ похожей на татуированнаго индѣйца, въ сущности скромный тальеръ удивительно нескромно охваты-

ваетъ ея фигуру, даже ручка зонтика, въ видѣ изогнувшагося дракона, вопитъ и взываетъ ко всеобщему вниманію. Но это идетъ къ ней, и, кажется, никто другой не посмѣлъ бы такъ одѣться и, во всякомъ случаѣ, никто другой не вышелъ бы изъ этого испытанія съ такимъ блескомъ и трескомъ, какъ она.

Она сдѣлала росчеркъ во всю страницу, передала мнѣ книжку и принялась жаловаться:

— Милая моя, вы видите передъ собой совсѣмъ несчастную женщину! Терпѣть не могу этихъ некомфортабельныхъ сезоновъ—весны и лѣта. То жара, то пыль, то дождь! Не знаешь, что надѣть! Волосы развиваются, кожа портится, журналы наполнены всякой дрянью. Вѣрите ли, за все лѣто не найдешь иногда путной темы для разговора. И я вообще не знаю, о чемъ можно говорить лѣтомъ. Всѣ интересные люди или перестаютъ быть интересными, или совсѣмъ куда-то пропадаютъ... Нѣтъ, нѣтъ, можетъ быть, все это нужно крестьянамъ для овса или еще для какихъ-то полезныхъ растеній, но для интеллигентнаго человѣка это—гробъ.

Принесли чай, Кернъ взяла чашку и ужаснулась:

— Можно ли пить такія чернила! Хорошо, что есть кипятокъ... я разбавлю... вотъ такъ... А то сонъ и цвѣтъ лица.. Но что я вижу! У васъ веснушки! Какъ вы это допустили! Я дамъ вамъ рецептъ крема, напомните мнѣ. Что же съ вами будетъ въ маѣ?

— Я не боюсь испортить кожу. За то отдохну какъ слѣдуетъ въ деревнѣ.

Она ахнула:

— Хорошъ отдыхъ!

— Неужели вы не любите деревню?

— Лучше не говорите! Всѣ эти пригорки и ручейки страшно надоѣдаютъ! Живешь три мѣсяца среди какихъ-то дешевыхъ открытокъ. И еслибы еще все это было собрано въ одномъ мѣстѣ и видно хоть съ балкона. А то, тамъ пригорокъ, а черезъ три версты ручеекъ, а черезъ пять—лѣсъ. Я зябну отъ ужаса, когда мнѣ предлагаютъ пойти «смотрѣть виды». Какъ потащутъ васъ въ корсетѣ, да на высокихъ каблукахъ, да безъ шляпы черезъ какіе-то рвы... О, Боже мой! Нѣтъ! А страшные мужики, которые васъ все время съ чѣмъ-то поздравляютъ и надо имъ давать за это деньги! Кошмаръ!

Брезгливыя гримаски на ея подвижномъ личикѣ краснорѣчиво дополнили этотъ своеобразный монологъ.

Потомъ она перебила себя.

— Между нами, милая Марія Васильевна, сколько же времени вамъ предстоитъ еще мучиться съ вашими скучными книгами? Васъ нигдѣ не видно, о вашихъ поклонникахъ ни-

чего не слышно, о васъ почти не сплетничаютъ, а вы вѣдь хорошенькая...

И, не дожидаясь отвѣта, залпомъ, продолжала:

— Я никогда не могла увлечься наукой. Все системы и всѣ другъ друга опровергаютъ. Почему я знаю, кому вѣрить? Лучше подожду, когда всѣ сойдутся на чемъ-нибудь одномъ. Вотъ мнѣ доказали, что земля вертится, и очень хорошо, такъ-то бы и все остальное... Я лично люблю только изящную литературу... Но надо спѣшить, я такъ болтлива. Бѣгу мѣрить новое платье, хотя настоящій шикъ возможенъ только зимой. Не грустно ли это? Да, кстати... не черкнете ли вы пару словъ о моей книжкѣ? Лучше даже, если вы ее разбраните. Ну, хоть за рискованный выборъ темъ, что ли. Это такъ поднимаетъ спросъ!

Она щебетала еще минуты двѣ, расцѣловала меня, схватила свой зонтикъ, сумочку, пакетъ, перевязанный розовой ленточкой и сбѣжала. По двору она шла, слегка покачиваясь, приподнявъ двумя пальцами платье и осторожно ступая по выложенной кирпичами дорожкѣ, ведущей отъ дверей флигеля къ воротамъ.

Я смотрѣла ей вслѣдъ. Какіе, однако, счастливцы всѣ, кто нашелъ себя и доволенъ своими достиженіями. Я, какъ ни муштрую себя, ничего путнаго пока не вижу. Слишкомъ быстро какъ-то достаю до дна собственной души и вижу, какъ невеликъ мой духовный багажъ. Обнадеживаю себя, но стоитъ только выпустить вожжи изъ рукъ, и я точно падаю въ пропасть, бѣдная, обокраденная, нищая...

— Маша,—зоветъ Таня—Лена уѣзжаетъ, а мы и не заботимся о томъ, чтобы убрать все къ Пасхѣ!

За меня отвѣчаетъ Леночка:

— До Пасхи цѣлая недѣля, и я уѣду еще не скоро, вы успѣете все сдѣлать. Но вы вѣдь и не гонитесь за этимъ.

Таня выскакиваетъ изъ своей комнаты:

— Какъ это такъ! У насъ все должно быть, «какъ у людей». И яйца будемъ красить, и даже сдѣлаемъ бумажные цвѣты.

И цѣлую недѣлю мы ведемъ себя «по-людски»: занимаемся уборкой, готовимъ пасхальный столъ. Мы добились-таки того, что создали атмосферу праздника: гардины у насъ ослѣпительно бѣлы, ручки дверей и задвижки ослѣпительно ярко вычищены, половики, цыновки, запахъ мастики, кажутся иными, чѣмъ въ обыкновенные дни, а цвѣты ужь навѣрное смотрятъ зеленѣй и пушистѣй.

— Ну, вотъ тебѣ примѣръ формы безъ содержанія,—сказала Таня—плохо ли? По твоимъ глазамъ вижу, что не совсѣмъ то, что нужно. Какъ хочешь, а мнѣ скучно безъ Бога. Пошли тамъ какіе-то логосы, субстанціи, да ужь и не знаю еще

что, но знаю, что скука. О, Господи! Ужъ если Ты создалъ меня женщиной, такъ не портилъ бы Ты дѣла рукъ Твоихъ и не награждалъ бы меня проклятой мужской сметкой. Любятъ эти господа откапывать плоскія истины и раскрывать тайны. Ты замѣть, Маша, что дѣвочкамъ всегда интересно знать, **кто** живетъ въ цвѣткѣ, въ лѣсу, въ рѣкѣ, а мальчишки добиваются узнать, **что** тамъ, и ихъ за это не сѣкутъ...

— Ты бы для праздника придержала языкъ,—мирно говорю я.

— Вотъ именно для праздника я и разрѣшаю себѣ отвести душу. Не бойся, «завоеванія разума» скоро возьмутъ свое. Но... «боги видятъ, какъ я сопротивлялась». Теперь сознайся только въ одномъ, и я умолкну. Скажи, тебѣ не жаль, что все переполнено чѣмъ-то,—тайнами, истинами, законами, но за т **кого-то** нѣтъ нигдѣ? Пріятна тебѣ эта великолѣпная истина? И неужели тебѣ интересны разныя клѣтки, электроны, атомы, вся эта міровая физіологія, какія бы чудеса она ни хранила?

— На эту тему ты лучше поговори съ Павлищевымъ, онъ охотникъ просвѣщать заблудшіе умы, а мнѣ скажи, съ кѣмъ мы пойдемъ къ заутренѣ, хотя намъ и не съ чѣмъ туда идти?

— Съ Никитинымъ и Павлищевымъ. Но оба будутъ липнуть ко мнѣ, и тебѣ не мѣшаетъ позаботиться о болѣе внимательномъ кавалерѣ.

— Ничего, пускай Павлищевъ поскучаетъ со мной.

Въ субботу мы еле успѣли убрать столъ и одѣться. Никитинъ и Павлищевъ пришли ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и теперь торопили насъ. Мы вышли на улицу и праздникъ точно принялъ насъ въ свои объяться.

Въ Кремлѣ было людно, но тихо, хотя и слышался немолчный говоръ, даже смѣхъ.

Я шла впереди съ Павлищевымъ, вдругъ Таня окликнула:

— Маша, не убѣгай отъ насъ, у насъ, кстати, новый спутникъ. Позволь представить тебѣ доктора Штурма.

Очень высокій, немного согнувшійся, стоялъ передо мной Штурмъ. Онъ снялъ шляпу, и я, совсѣмъ растерявшись, смотрѣла на густые сѣдѣющіе кудри, на темные глаза, и вся моя душа улыбалась и радовалась навстрѣчу человѣку, которому я впервые протянула руку.

— Вы разрѣшите мнѣ пойти съ вами?—спросилъ онъ—я шатаюсь одинъ, а сегодня это немного грустно.

— Конечно, непремѣнно,—сказала я. И сейчасъ же заговорила съ нимъ.

Мы пошли рядомъ, пробираясь черезъ толпу, потомъ вышли на темную набережную, остановились надъ рѣкой, прислушиваясь къ странно-тихому оживленію.

Все жило, дышало и трепетало вокругъ насъ, но никакой

звукъ не выдавался и плескъ воды не заглушался голосами: никто вѣдь не говоритъ громко и не кричитъ передъ заутреней у Кремля.

Мы оперлись на ограду.

— Какой хорошій моментъ,—сказалъ Штурмъ.

Онъ улыбался, и близко около себя я видѣла невыразимо привлекательное для меня лицо, очень смуглое, мужественное и открытое.

Вдругъ сильный и мягкій ударъ бросился внизъ съ колокольни и вольно поплылъ надъ городомъ, а въ отвѣтъ ему вздрогнула, загудѣла и зазвучала вся Москва, колокола звонили и у меня въ душѣ, смѣясь и перебивая другъ друга.

Весенній вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, ошеломлялъ, кружилъ голову.

— Маша, Христосъ воскресе!—крикнула Таня, удерживая шляпу отъ вѣтра и кивая головой.

Она подошла, приподняла вуаль и поцѣловала меня, блестя глазами.

— Поцѣлую и васъ, Андрей Павловичъ! Развѣ это плохо для начала?

Штурмъ съ неловкой улыбкой наклонился сначала къ ней, а потомъ ко мнѣ. Я еле уловила прикосновеніе его холодныхъ губъ, но все смѣшалось и спуталось у меня въ головѣ.

Почти не помню, какъ мы очутились опять дома. Торжественная и нарядная Матильда встрѣтила насъ поклонами и поздравленіями, въ столовой на затѣйливо накрытомъ столѣ кипѣлъ самоваръ, комнаты казались новыми, наши гости по новому интересными, немного далекими.

На вопросы я отвѣчала не сразу.

Штурмъ сѣлъ около меня. Я добросовѣстно старалась занять его и показать себя съ самой выгодной стороны. Потомъ вспомнила, что отъ вѣтра мои волосы совсѣмъ сбились, лицо, вѣроятно, красно, и почти упала духомъ. Я говорила однѣ глупости, повторялась, неумѣстно смѣялась, а мнѣ такъ хотѣлось ему нравиться.

XVIII.

Экзамены на носу, а я...

Штурмъ приходилъ часто, правда, на короткое время, и я узнала его довольно близко. Это не трудно. Онъ откровененъ, охотно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, ничего не скрываетъ, ничего не прибавляетъ. Онъ изъ тѣхъ, кому всего выгоднѣе оставаться самимъ собою.

Кернъ разсказала мнѣ, что у него былъ продолжительный романъ съ Гончаровой.

— Милая моя, это очень потѣшная исторія. Они десять

разъ сходились и расходились. Гончарова собиралась выходить замужъ. Штурмъ собирался жениться, а потомъ они сплавляли куда-то этихъ жениховъ и невѣстъ и опять оказывались вмѣстѣ. Теперь они въ ссорѣ, и она даже завела какой-то сентиментальный флиртъ.

Послѣднія слова меня успокоили. Я не стараюсь себя сдерживать, не скрываю отъ Штурма своей симпатіи къ нему. Но онъ молчитъ, молчу и я.

Въ концѣ-концовъ, надо бы до іюня закрыть глаза и уши на всѣхъ и все, иначе экзамены сойдутъ хуже, чѣмъ слѣдуетъ. Я стала избѣгать Штурма и бороться съ возростающимъ влеченіемъ къ нему. Онъ угадалъ, въ чемъ дѣло, и сталъ бывать рѣже.

А скоро случилась нелѣпая исторія: куда-то на цѣлыхъ два дня исчезла Таня, и мы напрасно искали ее всюду. Никитинъ сходилъ съ ума. Оказалось, она уѣхала съ Кернъ къ ея родственникамъ въ имѣніе, недалеко отъ Москвы. И обрадовались же мы потомъ оглушительно затрещавшему звонку.

Таня вбѣжала веселая и смѣющаяся и сейчасъ же стала просить прощенія:

— Ну, не сердитесь же! Вѣдь я думала, что успѣю во время вернуться, но такъ веселилась, такъ хорошо мнѣ было, что я все забыла. Подумайте: весна, распутица, тревога какая-то, какія-то черныя птицы такъ и надрываются, скворцы, должно быть... А ужь компанія подобралась на диво.

— Это грубый эгоизмъ,—возмутилась я.—Мы тутъ всѣ головы потеряли!

— Мусикъ, ты упрекаешь меня въ эгоизмѣ! Ты! Но я добра сегодня, и ничего тебѣ не скажу. Будетъ, Лена, вѣдь я цѣла и невредима. А впередъ знайте, что если я пропаду, то не ищите меня въ церкви святой Параскевы и не ищите меня у ложа больного старца, а ищите меня у Кернъ. Теперь же заключимъ скорѣе миръ.

Мы отложили объясненія и выговоры до другого раза, не хотѣлось портить ей настроеніе.

— Собственно, все затѣялъ Ника,—сказала Лена,—я-то знала, что ничего страшнаго съ тобой не случится.

Таня усмѣхнулась:

— Ну, теперь и Ника предупрежденъ, и я могу исчезать, когда хочу.

Никитинъ нервничалъ и кусалъ губы:

— Что-жъ, буду и я исчезать...

Таня посмотрѣла на него сверху внизъ:

— Это идея! Еслибы я знала, что ты нападешь на эту блестящую мысль, я пропала бы недѣли на двѣ.

И такимъ холодомъ и искренностью звучали ея слова, что я испугалась за Никитина.

— Что такое?—растерянно спросилъ онъ,—ты хочешь, чтобъ я...

— Ничего не имѣю противъ,—спокойно сказала Таня, проходя къ себѣ.

Онъ медленно, точно сконфуженно, поднялъ руки къ головѣ, робко улыбнулся...

Этого я не могла перенести и пошла за Таней.

— У тебя нѣтъ ни такта, ни состраданія,—сказала я ей— у тебя грубая душа, и ты не любишь Нику...

Она поправляла волосы передъ зеркаломъ и безъ всякаго раздраженія отвѣтила:

— Кажется и правда, не люблю. Такъ что надо бы покончить съ этимъ. Но, если я не оборву разомъ, то не оборву никогда....

— Но что же случилось? Почему такъ сразу?..

— Не знаю. Знаю только, что не чувство управляетъ мной, а я всячески его направляю и раздуваю, потому что хочу заставить себя любить хорошаго человѣка, а то мнѣ все такая дрянь нравится! Но ты видишь, что это не выгораетъ. Захочу полюблю, захочу разлюблю, хорошо для цыганки, а мнѣ, видно, суждено не хотѣть, да любить и наоборотъ.

Вошла Лена, красная и злая, и разразилась цѣлымъ монологомъ:

— Ты безсердечна и неблагодарна, ты—дрянь! Ты играешь его душой, а сама не стоишь его мизинца. Отними у тебя твою красоту и ты останешься просто скверной испорченной бабой, которую надо засадить въ лечебницу...

Таня вздрогнула, быстро схватила острыя ножницы и ударила ими себя по лицу. Страшный крикъ Лены, какой-то толчокъ внутри меня, и ножницы очутились у меня въ рукахъ.

Леночка билась въ слезахъ у ногъ Тани, Никитинъ откуда-то появился и заметался по комнатѣ, но я точно окаменѣла и не могла оторвать глазъ отъ окровавленнаго лица Тани, отъ ея взгляда печальнаго и тяжелаго.

Рана оказалась глубокой, почти насквозь прорѣзавшей щеку, но Леночкѣ удалось скоро остановить кровь. Черезъ нѣсколько минутъ Таня уже лежала въ постели съ закрытымъ до половины лицомъ и мы всѣ столпились вокругъ нея.

— Боже мой, я такъ люблю тебя, я не знаю, чего бы я не сдѣлала, лишь бы тебѣ было хорошо,—плакала и жаловалась Леночка.

Таня съ трудомъ прошептала:

— Прости, такъ было нужно... Я запуталась... Помогите мнѣ обѣ.

Страстная нѣжность къ Танѣ охватила меня. Я не думала раньше, что люблю ее такъ сильно. Люблю въ ней все,—и ея вздорный характеръ, и злобныя выходки. Но больше всего, конечно, не поддающееся опредѣленію ея обаяніе. Она давала намъ что-то большое и хорошее, была постояннымъ праздникомъ въ нашемъ домѣ. Я наклонилась къ ней и поцѣловала ея руку.

— Милая,—прошептала я—ты лучше и милѣе всѣхъ. Дѣлай, что хочешь и все будетъ хорошо.

Никитинъ сидѣлъ въ креслѣ, закрывъ лицо.

— Ника,—сказала Лена—если вы любите ее, не женитесь на ней. Откажитесь отъ нея такъ легко, чтобы она не боялась заставить васъ страдать. Повѣрьте, это всего лучше. Я знаю, что такъ нужно, вижу это уже давно...

Минута напряженнаго молчанія, и совсѣмъ спокойно Никитинъ сказалъ:

— Неужли вы думаете, что еслибы я раньше сомнѣвался я бы осмѣлился... Я хочу только ея счастья и ничего больше Въ концѣ-концовъ, она распоряжается мной, какъ хочетъ. Вѣдь если даже она и выйдетъ за меня, она не теряетъ ничего ровно, будетъ такъ же свободна, какъ и сейчасъ, а я просто получу право открыто посвятить ей всю мою жизнь. Но если и этого она не хочетъ, то я не скажу ни слова противъ, ни въ чемъ не измѣню своего отношенія къ ней...

Я еле сдержала вздохъ облегченія. Онъ продолжалъ:

— Вѣдь ты все-таки останешься моимъ другомъ, Таня?

— Милый,—со слезами отвѣтила Таня—какое я ничтожество передъ тобой, передо всѣми вами... эгоистка и истеричка. Какъ ты можешь думать, что я откажусь отъ тебя. И откуда Лена взяла это? Я буду всю жизнь любить только тебя одного...

Его лицо страдальчески исказилось отъ радости, онъ наклонился къ ней:

— Не говори ничего, будь спокойна, моя славная дѣвочка А я хочу привезти Штурма на всякій случай.

Онъ вышелъ.

— Что ты сдѣлала, Таня?—заговорили мы обѣ разомъ.

Но она перебила насъ:

— Не смущайте меня больше. Какъ я могу пройти мимо такой любви, и стоитъ же чего-нибудь прекрасная человѣческая душа.

Мысль, что сейчасъ можетъ придти Штурмъ, совсѣмъ заполонила меня. Я вышла въ гостиную. Тамъ Матильда зажгла лампадку передъ образомъ, и только этотъ красноватый свѣтъ освѣщалъ комнату, маленькую и уютную, всю заставленную цвѣтами, тѣнь отъ которыхъ чернымъ подвижнымъ

узоромъ легла на потолокъ и стѣны. Сердце билось во мнѣ рѣдкими сильными ударами, руки ослабѣли.

Не слѣдовало довѣрять этому. Вѣдь въ этой же самой комнатѣ когда-то говорилъ мнѣ въ первый разъ о любви Миша, и здѣсь же я ждала въ тоскѣ и смятеніи Алексѣя Ивановича, и здѣсь же цѣловала Леву. Не довольно ли? Вѣдь каждый разъ мнѣ казалось, что это уже настоящее, «на всю жизнь». И скоро все проходило. Я равнодушна къ нимъ всѣмъ. Только Миша еще возбуждаетъ во мнѣ время отъ времени теплое и нѣжное чувство. Но оно такъ мало похоже на настоящую любовь. Нѣтъ, надо заглушить въ себѣ влеченіе къ Штурму...

Я вошла къ Танѣ. Лена говорила ей что-то, прижавшись щекой къ ея ладони. Я сказала:

— Посовѣтуйте мнѣ что-нибудь, я сейчасъ такъ волнуюсь, не сбѣжать ли мнѣ отъ Штурма.

Леночка улыбнулась:

— Не стоитъ, у тебя это быстро проходитъ, и безболѣзненно. Хотя его не мѣшало бы пощадить. По зубамъ ли ему такая добыча, какъ ты?

Мнѣ однако было не до шутокъ. И когда раздался звонокъ, я вылетѣла въ гостиную вихремъ и стояла тамъ, совсѣмъ задохнувшись, съ пылающими щеками, все время, пока не прошли Штурмъ и Никитинъ въ комнату Тани.

Они пробыли тамъ не долго. Штурмъ нашелъ рану не опасной, сдѣлалъ необходимыя распоряженія и вышелъ въ коридоръ вмѣстѣ съ Леной.

— Почему не видно Марьи Васильевны?—услышала я.

Тогда я рѣшилась показаться.

— Здравствуйте, Андрей Павловичъ. Вы не спѣшите, надѣюсь?

Говорила, а сама еле слышала свой голосъ и не помнила, какъ это мы очутились вдвоемъ въ полутемной гостиной.

Я стояла передъ нимъ, точно школьница, налетѣвшая на учителя, готовая просить прощенія за что-то. Не догадалась даже предложить ему сѣсть.

— Васъ такъ давно не видно.

— Да, мы оба, оказывается, заняты порядкомъ. Я все думалъ, что вы пріѣдете какъ-нибудь на стройку.

Тѣни отъ мелькающей лампадки скользили по его лицу, ставшему далекимъ и неузнаваемымъ. Мнѣ показалось, что онъ холоденъ и слишкомъ равнодушенъ ко мнѣ. А я-то все еще не овладѣла собой и всей душой стремилась къ нему.

Онъ разспросилъ меня о Танѣ.

— Она—типичная истеричка, увѣряю васъ,—сказалъ онъ мнѣ.—Если Николай Степановичъ женится на ней, бракъ бу-

детъ самый несчастный, а онъ такой хорошій и талантливый человѣкъ.

— Она не истеричка. Это просто странный характеръ.

— «Просто» странныхъ характеровъ не бываетъ. Скажите мнѣ, почему у васъ горятъ лампадки? Неужели вы религіозны?

— Нѣтъ. Но мы всѣ тяжело разстались съ религіей. Приблизительно такъ, какъ съ прекрасной сказкой. И это внѣшняя связь съ дѣтской вѣрой. Ни одна изъ насъ не нашла еще ничего, что замѣнило бы религію вполнѣ. Вы никогда не были религіозны?

— Никогда. Мой отецъ былъ большимъ скептикомъ по натурѣ. А матери я не помню.

— Кто васъ воспитывалъ?

— Отецъ же. Мнѣ никогда не давали читать ни сказокъ, ни стиховъ, вообще воспитывали на самыхъ аскетическихъ началахъ. Я былъ довольно слабымъ ребенкомъ, и отецъ всячески пытался закалить меня. Я не ѣлъ сладкаго, обливался по утрамъ холодной водой, дѣлалъ гимнастику, всѣ занятія распредѣлялись очень строго по часамъ. Теперь я могу похвастать рѣдкимъ здоровьемъ и выносливостью.

— Вы съ удовольствіемъ вспоминаете дѣтство?

— Нѣтъ. До сихъ поръ мнѣ жаль, что у меня не было матери. Бабку я помню. Она была очень добра и ласкова со мной. Но за то, что она дѣлала попытки внушить мнѣ правила нашей религіи, отецъ разрѣшалъ мнѣ ѣздить къ ней только съ нимъ вмѣстѣ по праздникамъ. А она была такой правовѣрной еврейкой, что со стороны отца было настоящей жестокостью на ея глазахъ дѣлать меня отщепенцемъ.

— И у васъ нѣтъ никакой связи съ еврействомъ?

— Такая же, какъ со всякой другой націей.

— Какъ странно не знать ни религіи, ни поэзіи, ни любви къ своему народу.

— Это не вѣрно. Я люблю свой народъ. Но я люблю и вашъ, и всякій другой. Мнѣ кажется страннымъ любить одну націю больше, чѣмъ другую, только потому, что самъ принадлежишь къ этой націи. Зачѣмъ такъ ограничивать себя?

— Какъ-то поневолѣ любишь то, что ближе.

Меня заинтересовала тема разговора и мы говорили еще долго. Прощаясь, онъ просилъ меня навѣстить его послѣ экзаменовъ, и я обѣщала, очень обрадованная.

Кое-что въ немъ выяснилось для меня, но я подумала, что при всей справедливости его сужденій отъ нихъ вѣетъ нѣкоторымъ холодомъ, такъ долженъ бы думать человѣкъ не рожденный женщиной, а приготовленный въ ретортѣ. Но мнѣ это нравилось почему-то.

XIX.

Черезъ три недѣли послѣдній экзаменъ и свадьба Тани. Я заперлась, махнувъ рукой на бѣготню и хлопоты. Таня и Лена забросили занятія, кое-какъ готовятся къ экзаменамъ, что меня настоящимъ образомъ возмущаетъ. Точно нельзя обвѣнчаться послѣ.

Таня демонстративно свищетъ, поетъ и хохочетъ, какъ лѣшій, у самыхъ моихъ дверей, пока я не прогоню ее покупать ея идіотскія тряпки или примѣрять платья.

Ея родители пишутъ ей отчаянныя письма, умоляютъ одуматься. Они мечтали о принцѣ для Тани.

Каждый день приходитъ злой и нахмуренный Лева и подъ предлогомъ разговоровъ о томъ, нельзя ли какъ-нибудь разстроить бракъ Тани, отнимаетъ у меня добрый часъ времени. Онъ все еще влюбленъ и не теряетъ надежды. Но у меня по отношенію къ нему появилось такое несправедливое чувство насмѣшливаго презрѣнія, такое опредѣленное, что я искренно почти не замѣчаю бѣднаго юношу. Ни одно его слово не доходитъ до моего сердца и его попытки обратить на себя мое вниманіе вызываютъ только смѣхъ.

Я, къ стыду моему, стала понимать тѣхъ мужчинъ, которые презираютъ своихъ мимолетныхъ возлюбленныхъ, вѣроятно, за то, что тѣ не сумѣли вызвать въ нихъ болѣе глубокихъ чувствъ.

Лена занимается по ночамъ и сильно отстаетъ отъ меня Но за то моими успѣхами она гордится, какъ своими собственными.

Я умышленно закрываю глаза и на переутомленіе Лены, и на «патетическую» нѣжность Тани къ Никитину, котораго она не отпускаетъ отъ себя ни на шагъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ не до нихъ.

Но отъ себя самой я не могу скрыть, что не только домашняя суета мѣшаетъ мнѣ какъ слѣдуетъ заниматься. Она ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что происходитъ во мнѣ самой.

Въ нашемъ маленькомъ саду уже просохла земля, уже въ зелени и цвѣту всѣ деревья. Небо ярко, солнце жарко, и днемъ я сижу съ моими книгами подъ яблоней. Но я не смѣю ни на минуту оторвать мысль отъ рамокъ моей программы. Когда я отдыхаю, я заставляю себя думать о какихъ-нибудь далекихъ людяхъ прошлаго вѣка, о томъ, что хорошо было бы поговорить съ самимъ Василіемъ Осиповичемъ о «тяглыхъ людишкахъ».

Цвѣтущая, пушистая вѣтка сама тянется ко мнѣ. Пригибаю ее, закрываю глаза и вижу темное лицо съ рѣзкими чер-

тами, суровые глаза, сжатыя губы... Блѣдная вѣтка сломана, изорвана и истерзана. Слезы досады бѣгутъ изъ глазъ. Я бьюсь головой объ столъ, отъ отчаянья, отъ жажды любви, и именно его любви, какъ ни борюсь я съ мыслью о немъ.

Смѣшно сказать, что я принимаю бромъ, обливаюсь холодной водой, смертельно боюсь случайно встрѣтить Штурма, иначе пропалъ день.

Раза два меня увидѣла въ такомъ состояніи Таня.

— Ага! Амазонка гнетъ Маргариту въ бараній рогъ. Туда ей и дорога. Плачь, Маргарита. За то потомъ будешь шельмовать другихъ съ чистымъ сердцемъ. Личный примѣръ—великое дѣло.

Это жестоко, но достигаетъ цѣли. Я смѣюсь и немного успокаиваюсь.

Схватка съ любовью кончилась все-таки побѣдой. Экзамены сошли блестяще всѣ до одного.

Теперь я могла влюбиться хоть до потери сознанія. Я радовалась, бѣсновалась, и мнѣ безконечно хотѣлось скорѣе увидѣть Штурма. Но до свадьбы оставалось всего пять дней, и у меня не хватало времени. А послѣ свадьбы пора уже ѣхать къ дядѣ.

Мои страхи относительно Тани разсѣялись. Она была очень весела, не разставалась съ Никой, радовалась, что останется съ нимъ на всю жизнь.

Никитинъ спросилъ меня, удобно ли будетъ, если Штурмъ и Гончарова встрѣтятся на свадьбѣ.

Я взяла на себя обязанность предупредить ее. Она засмѣялась:

— Да я очень рада. Я такъ давно его не видѣла. Впрочемъ, я ручаюсь вамъ и за него. Вѣдь мы не ссорились. Самое лучшее, ничего ему не говорить, онъ терпѣть не можетъ, когда его опекаютъ или вмѣшиваются въ его личныя дѣла.

Утромъ въ день свадьбы Таня меня разбудила:

— Вставай скорѣе. Ты проспала. Тамъ уже пришелъ парикмахеръ.

Послѣ экзаменовъ я спала по десяти часовъ въ сутки, отсыпалась за все разомъ. И первой мыслью при пробужденіи было: сегодня увижу Штурма.

Домъ уже полонъ суеты и шума. Леночка, Рахиль, Ирина носятся по комнатамъ. Въ столовой Таня спѣшно глотаетъ черный кофе.

Гончарова кажется подросткомъ среди насъ, все высокихъ и крупныхъ. Ея бѣлое платье сильно подчеркиваетъ смуглую блѣдность кожи и яркую линію рта.

— За что именно онъ любилъ ее?—думаю я.—Вѣроятно, за эту нервную живость, да развѣ еще за неизмѣнно ровную веселость, за которой что-то кроется. Но что?

Трудно было скрыть волненіе, и я старалась какъ можно меньше попадаться на глаза Танѣ и Леночкѣ.

— Дайте мнѣ причесать васъ,—говорить Гончарова.—Завиваться вамъ не нужно, и парикмахеру съ вами нечего дѣлать.

Я усаживаюсь у туалета и, пока она возится съ моими волосами, я разсматриваю ее въ зеркало и ловлю себя на томъ, что изучаю ее съ пристрастіемъ, стараясь найти недостатки.

Она не отличается красотой, но она не хуже меня. Она проста и очень скрытна, то есть ничего не говорить о себѣ лично. Когда она не улыбается, ея глаза почти теряють выраженіе. У нея свободный, воспріимчивый умъ и скорѣе короткій умъ, чѣмъ умное сердце. Всего этого достаточно, чтобы Штурмъ могъ любить ее, но мало, чтобы она навсегда овладѣла его сердцемъ. Я моложе, интереснѣе, а главное, я нравлюсь ему больше сейчасъ. Хорошо, что она равнодушна къ нему.

Вошла Таня, нарядная, блестящая, похожая на снѣжную королеву во всемъ ея бѣломъ великолѣпіи.

— Сейчасъ пріѣдутъ за нами,—сказала она.—Вы, Ириночка, и ты, Маша, приготовьтесь къ встрѣчѣ съ вашимъ темнымъ прошлымъ. Пріѣдутъ Лева и Штурмъ. Вы не смущаетесь этимъ?

— Ничуть,—весело отвѣтила Ирина.

Меня безконечно интересовало, какъ встрѣтитъ Штурмъ Ирину. Но ничего любопытнаго не случилось. Онъ поздоровался со всѣми и обратился къ ней:

— Какъ поживаешь, Ирина? Что это тебя такъ давно не видно?

— Для желающихъ меня видѣть я всегда дома,—отвѣтила она, лукаво улыбаясь.

— Ты приглашаешь?

— Милости просимъ. Но надо ѣхать, господа.

Вотъ и все. Мнѣ показалось, что было что-то насмѣшливое въ этомъ разговорѣ, точно они поддразнивали другъ друга. Потомъ Штурмъ заговорилъ со мной:

— Какъ мы размѣстимся, Марья Васильевна?

Пріѣхалъ Павлищевъ, сначала не пожелавшій быть шаферомъ Тани.

— Я разъ и навсегда отказываюсь играть какую бы то ни было роль въ вашей жизни,—торжественно заявилъ онъ ей.

— Но вашъ выходъ уже былъ,—невинно удивилась она.—Помните, «вмѣстѣ съ народомъ?» Вы изображали толпу. У васъ есть способности.

Въ каретѣ противъ меня и Тани помѣстились Лева и Штурмъ. Мы всѣ молчали и смѣялись, но я про себя сравнивала Штурма съ Левой.

Штурмъ не молодъ, черты его лица кажутся почти грубыми, и рядомъ съ нимъ Лева напоминаетъ юнаго полубога. И все-таки я удивляюсь, какъ могло мнѣ нравиться это возмутительно красивое, живое и тонкое лицо, и какъ можно оставаться равнодушной къ лицу Штурма.

Никитинъ уже ждалъ насъ въ церкви, куда съѣхалось нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. И, должно быть, общая усталость сказалась во мнѣ, потому что я видѣла все точно сквозь легкій туманъ.

Началось вѣнчаніе. Весело было отъ бѣлыхъ нарядовъ, отъ молодыхъ, почти сплошь красивыхъ и интересныхъ сегодня лицъ, отъ цвѣтовъ, запаха духовъ, даже отъ того, что священникъ былъ очень старъ и сѣдъ и дрожащимъ голосомъ читалъ трогательныя слова обряда.

Я встала такъ, чтобы все время видѣть Штурма. Смотрѣла на него и думала, что нельзя разлюбить такого человѣка, его всю жизнь пронесешь въ сердцѣ, что бы ни случилось, такъ несомнѣнно и выгодно онъ отличается отъ другихъ.

Лицо Тани было скрыто отъ меня ея вуалемъ, Никитинъ стоялъ, какъ каменный.

Штурмъ иногда оглядывался все въ одну и ту же сторону. Я посмотрѣла туда: у стѣны, позади всѣхъ неподвижно стояла Гончарова, бѣлая, какъ ея платье, и о чемъ-то глубоко и печально думала.

Сейчасъ же послѣ обряда Штурмъ направился къ ней, и я видѣла, какъ онъ взялъ ее за руку, заботливо посмотрѣлъ ей въ лицо и спросилъ что-то. Потомъ оба подошли ко мнѣ.

— Иринѣ нездоровится,—сказалъ онъ.—Мы должны извиниться передъ вами, и я отвезу ее домой.

— Вѣдь вы живете недалеко, Ириночка,—сказала я,—можетъ быть вы отдохнете и позднѣе пріѣдете?

— Нѣтъ, нѣтъ, сегодня ужь пускай она останется дома,—перебилъ Штурмъ.

Мнѣ стало тяжело, и шевельнулось враждебное чувство къ Иринѣ. Все было потеряно, всѣ надежды, оставалось только собрать всѣ силы, чтобы не терять наружнаго спокойствія и равновѣсія. Мнѣ удавалось сдѣлать это для всѣхъ, кромѣ Лены. Она ласково взяла меня подъ руку:

— Успокойся. Надо справиться съ собой, дорогая. Сама видишь, тутъ что-то не такъ.

Подошла Кернъ, въ такой прическѣ, что я на минуту забыла все остальное:

— Какова Гончарова? Рѣжьте меня на куски, если я понимаю что-нибудь въ этомъ романѣ. Да и романъ ли еще это? Вѣдь «амазонки» мастерицы выдумывать новыя отношенія и сбивать съ толку простыхъ смертныхъ.

Она блестѣла глазами, зубами, сережками, пряжками, вся искусственная, причудливая и занятная. Ничто печальное не могло имѣть мѣста въ ея присутствіи, хотя бы потому, что это портило цвѣтъ лица.

Я положительно уцѣпилась за нее. И мы усѣлись съ ней и съ Павлищевымъ въ карету, прихвативъ съ собой еще блѣднаго, красиваго Луневича, прозваннаго «Пьеро» и неслыханнаго баловня женщинъ. Я знала его мало. Теперь онъ былъ въ большой дружбѣ съ Кернъ.

Тѣснота въ каретѣ, остроты, анекдоты и рискованныя шутки Кернъ развлекли и немного взвинтили меня. Я смѣялась такъ много и искренно, что сама себѣ не вѣрила. Дома мы завтракали, пили вино, потомъ провожали на вокзалъ новобрачныхъ. Они ѣхали къ родителямъ Тани и должны были вернуться черезъ недѣлю: Никитина ждали дѣла.

На вокзалѣ тоже пили вино. Я точно утратила какую-то часть себя и при томъ наиболѣе тяжеловѣсную. Мнѣ стало легко и весело.

Насъ было всего человѣкъ десять мужчинъ и женщинъ, но мнѣ казалось, что вдвое больше. Всѣ шумѣли, кричали, возвращались съ вокзала въ другихъ какихъ-то экипажахъ, неизвѣстно, гдѣ добытыхъ.

Почему-то мнѣ показался необыкновенно привлекательнымъ Павлищевъ. До этого дня онъ не производилъ на меня никакого впечатлѣнія. Онъ отвѣчалъ мнѣ взаимностью, и когда я вышла въ свою комнату, онъ безъ разрѣшенія вошелъ вслѣдъ за мной и нѣсколько разъ крѣпко поцѣловалъ меня. Я отвѣтила ему съ неменьшимъ энтузіазмомъ, но, когда онъ впослѣдствіи напомнилъ мнѣ объ этомъ безпочвенномъ событіи, я отговорилась сначала «запамятованіемъ», потомъ «незнаніемъ законовъ».

Послѣдующіе дни, вплоть до отъѣзда къ дядѣ, я не давала себѣ ни отдыха, ни срока, стараясь заглушить обиду и тоску.

Я почти не разставалась съ Кернъ, веселой и безпечной.

Павлищевъ и Луневичъ стали нашими постоянными спутниками. И за Луневичемъ нельзя было не признать права на званіе любимца женщинъ. Въ немъ точно было два пола, и оба проявлялись какъ разъ когда надо.

— Удивительно. Когда мнѣ надоѣдаетъ мужское общество, я забываю, что Луневичъ—мужчина, когда у меня начинается тоска «о немъ», я вспоминаю, что Луневичъ—мужчина,—говорила Кернъ.—А главное, и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ—совершенство.

Всѣ мы подозрѣвали, что у него было не мало побѣдъ, но никогда ни одного намека на это отъ него не слышали, такъ

же, какъ и о многихъ довѣренныхъ ему тайнахъ. Намъ не нравилось отпускать его въ мужское общество, да и самъ онъ къ нему не стремился, мужчины его не жаловали.

Мы разстались съ нимъ добрыми друзьями и до самой осени я о немъ не вспомнила, такъ свободно отъ всякаго лишняго обязательства было отношеніе къ нему. За то радость при встрѣчѣ шла отъ самаго сердца.

Такое отношеніе къ людямъ я стала цѣнить очень высоко. Все, что сильнѣе и глубже, только отвлекаетъ меня отъ намѣченнаго плана.

XX.

У дяди все шло такъ, точно и не прошло почти года съ тѣхъ поръ, какъ я была здѣсь.

Такъ же ходитъ онъ по саду, подрѣзая и подвязывая цвѣты и вѣтки. Такъ же тетя Соня, съ утра затянутая въ корсетъ, сѣдая и величественная, читаетъ французскіе журналы и книги, изрѣдка поправляя золотое пенснэ и далеко отставивъ руку съ журналомъ. Такъ же мама въ бѣломъ батистѣ праздно сидитъ на балконѣ, очень счастливая и очень юная.

— Идеалъ женщины—ваша матушка,—сообщилъ мнѣ дядя.—Она мечтательна, изящна и молчалива. Право, я не знаю лучшаго примѣра для подражанія. Это—сама поэзія, не смотря на пережитыя ею испытанія, о которыхъ вы не сообщили мнѣ своевременно, Мари, и прощаю вамъ это только потому, что вижу здѣсь большой героизмъ. Она лѣнива, учитесь у нея: дѣятельныя женщины такъ вульгарны.

На другой день явился Миша. Я обрадовалась ему, но онъ держался почти холодно.

— Онъ охладѣлъ ко мнѣ,—подумала я.—Ну и слава Богу!

Какъ нѣкогда по Москвѣ, мы шатались теперь по Петербургу и окрестностямъ. Миша зналъ всѣ живописные уголки, всѣ интересныя мѣста, и прогулки съ нимъ были одна другой увлекательнѣе.

Всѣ удивляются моей неудержимой страсти къ экскурсіямъ.

— Вы понятія не имѣете о томъ, что такое сидѣть дома,—говоритъ дядя.—Въ мое время...

Но я перебиваю:

— Дядя, увѣряю васъ, что это время еще не прошло. До сихъ поръ эта virtus antiqua считается одной изъ первыхъ добродѣтелей женщины, да, пожалуй, и мужчины. Но развѣ вамъ не нравится Шумановскій «Мельникъ»?

И я, смѣясь, напѣваю ему:

Плохой тотъ мельникъ долженъ быть,
Что дома вѣкъ свой хочетъ жить,
Все дома. все дома...

Онъ качаетъ въ тактъ головой:

— Вы выбрали не то мѣсто. Вамъ слѣдовало взять:

Вода ничѣмъ не дорожитъ,
Она впередъ себѣ бѣжитъ,
Все дальше, все дальше...

— Вѣрно! Все дальше! И самое лучшее, конечно, ничѣмъ не дорожить, каждую минуту быть готовой измѣнить всему: людямъ, вещамъ, чувствамъ, убѣжденіямъ...

— Не шутите такъ, Мари. Даже убѣжденіямъ!

— О, имъ всего больше.

— Еслибы я не былъ увѣренъ въ томъ, что вы шутите, я пришелъ бы въ ужасъ. Вѣдь должно же въ насъ хоть что-нибудь быть вѣчнымъ.

— А наша измѣнчивость?

— Парадоксально, но мило!

У меня нѣтъ охоты дольше запугивать дядю, и мы ѣдемъ съ Мишей кататься по Невѣ.

— А ты вѣдь не шутила, когда говорила объ измѣнѣ всему,—говоритъ Миша и смотритъ на меня съ настороженнымъ любопытствомъ.

— Не знаю, право. Почти не шутила.

— И по твоему вѣрность и устойчивость чуть ли не пороки?

— Около того. Все, чего не сдвинешь съ мѣста, что разъ и навсегда признано лучшимъ, часто портитъ жизнь.

— Такъ что любить десять разъ лучше, чѣмъ разъ на всю жизнь?

— Это уже навѣрное! Каждая новая любовь обновляетъ душу, дѣлаетъ ее богаче и свѣжѣе, затрогиваетъ новыя струны. Донъ-Жуанъ куда ярче Ромео или Филемона, не правда ли?

Онъ сжимаетъ губы и смотритъ въ сторону.

«А онъ былъ много интереснѣе, когда былъ влюбленъ въ меня»,—думаю я, и говорю:

— Посмотри мнѣ въ глаза, Миша.

— Что за фантазія!

Мы смотримъ оба съ минуту и смѣемся.

— Ледъ таетъ!—вскрикиваю я.

Онъ покраснѣлъ.

— Какой тутъ, къ чорту, ледъ! Но, знаешь ли... Не многія женщины даютъ столько поводовъ думать о себѣ дурно, какъ ты.

— Думай, что хочешь. Я не боюсь.

Черезъ нѣсколько дней Миша сказалъ мнѣ:

— У меня есть свободныхъ дней десять. Хочешь проѣхаться въ Финляндію и Швецію пароходомъ?

Я еле повѣрила этой возможности.

— А наши? Какъ отнесутся?

— Нашла о чемъ безпокоиться!

Но особенныхъ протестовъ и не послѣдовало.

— Это по-американски, Мари,—сказалъ дядя.—Но Миша —вашъ кузенъ, а въ роду у насъ всѣ были рыцарями. Да и вы исключительная дѣвушка, нравственная и сильная, я убѣжденъ, что вашъ первый поцѣлуй будетъ данъ только жениху въ день свадьбы.

Я не пыталась возражать...

И вотъ мы на пароходѣ, на пути къ Гельсингфорсу.

Радость переполняетъ меня. Мнѣ трудно стоять на мѣстѣ, еще труднѣе сидѣть, и, конечно, я ни за что не лягу сегодня въ постель, не пропущу возможности провести ночь на палубѣ.

Миша взялъ свой прежній холодный тонъ, но это меня больше не трогаетъ. Мнѣ хорошо и такъ.

Цѣлыми часами я смотрю, какъ заколдованная, въ море.

— Чему ты улыбаешься?—спрашиваетъ Миша.

— Морю. Мнѣ кажется, что я выиграла въ лотереѣ жизни весь міръ и еще что-то на придачу.

— Напримѣръ?

Я смѣюсь и опускаю глаза:

— И еще пару самыхъ хорошенькихъ туфелекъ!

— А я, кажется, готовъ былъ бы отдать весь этотъ выигрышъ за одну твою туфельку...—неожиданно говоритъ онъ. И я до сихъ поръ не могу сказать, отчего у меня замерла душа.

— Ты очень любезенъ,—холодно роняю я, и мы оба молчимъ нѣсколько мгновеній.

— Ты недовольна мной?—тихо спрашиваетъ онъ.

И, не смотря на то, что нѣжность и благодарность къ нему рвутся наружу, несмотря на то, что его близость мнѣ пріятна сейчасъ, я... щажу его.

— Не будемъ говорить о любви, Миша. Мнѣ хорошо съ тобой, но я не хочу большой любви, а то, что я могу дать, такъ безконечно мало: минутная радость... вотъ и все.

— Хорошо,—говоритъ онъ.—Я не стану больше огорчать тебя.

Но и самъ онъ не огорченъ, потому что надѣется на что-то.

Сказка жизни развернулась для меня во всей ея фантастической прелести. И я переживаю ее такъ сильно и страстно, точно медленно сгораю съ утра до вечера и съ вечера до утра.

Мое обычное, «я» разстояло въ другомъ и, должно быть, настоящемъ «я». Передвиженіе, новые люди, новая природа,

чужой языкъ разсѣивали во мнѣ какой-то туманъ, облегчали грузъ, который я беззаботно сбрасывала съ души.

Все хорошо, и то, что вѣчно, и то, что измѣнчиво!...—пѣло и трепетало во мнѣ.

Къ Стокгольму мы подъѣзжали утромъ. И когда я издали увидала прекрасный городъ съ его шумомъ и звономъ, съ красками и громадами зданій, мнѣ на минуту показалось, что я быстро и легко лечу внизъ съ головокружительной высоты, и меня охватило острое желаніе закричать, какъ дикарь, и броситься въ волны, чтобы плыть самой къ берегу.

Совершенно спутались дни и ночи. Вмѣсто десяти дней, мы путешествовали три недѣли, и когда возвращались домой, то могли говорить только о томъ, какъ и куда мы поѣдемъ въ слѣдующій разъ.

Послѣдняя ночь на пароходѣ показалась мнѣ чудесной и знаменательной. Мѣсяцъ, какъ золотой мячъ, прыгаетъ въ волнахъ, соленое прохладное дыханіе моря опьяняетъ, какъ вино. Въ головѣ стоитъ легкій шумъ.

— Это кровь поетъ,—думаю я.—Можетъ ли кто-нибудь, какъ-нибудь передать музыку крови? И это все мое. У меня не будетъ ни друзей, ни дома, ни привязанностей, потому что настоящая я—пилигримъ міра. Для меня не будетъ даже смерти: вѣдь ея ужасъ существуетъ только для окружающихъ, для тѣхъ, кому тяжело безъ насъ; для себя мы только крѣпко и сладко засыпаемъ, вотъ и все... Хорошо, что меня никто особенно сильно не любитъ. И хочу ли я чьей-нибудь любви?

А что, еслибы Андрей Штурмъ спросилъ меня объ этомъ?

Я вздрагиваю такъ сильно, что еле удерживаюсь на ногахъ. Я ясно и близко увидѣла смуглое лицо, почувствовала прикосновеніе холодныхъ губъ... И, не сдержавъ стона, я прижала руку къ загорѣвшейся щекѣ.

Миша остановился около меня, онъ все время ходилъ по палубѣ.

— Что съ тобой. Маша?

Я дрожала съ головы до ногъ, и, когда онъ подошелъ, я обняла его.

— Что я дѣлаю? Что я дѣлаю?—пронеслось въ головѣ.

Но такъ было легче...

Помню, Таня сказала мнѣ какъ-то:

— Воображаю, какой мерзавецъ-мужчина пропалъ въ тебѣ! Вѣдь ты абсолютно не считаешься съ чувствами тѣхъ, кѣмъ тебѣ угодно забавляться. Сейчасъ ты разбиваешь только надежды и податливыя сердца, но тогда ты спокойно разбивала бы жизни.

Я спорила и сердилась, но теперь видѣла, что она, пожалуй, права.

Миша догадался ни о чемъ меня не спрашивать, а самой мнѣ было неловко и стыдно за себя.

Утромъ я собирала свои вещи въ каютѣ, и онъ пришелъ помочь мнѣ. Я была очень смущена и сконфужена, а на этотъ именно разъ и слѣдовало бы сказать правду, сознаться, что вчерашняя вспышка—нехорошее пятно на моей совѣсти. Но, когда онъ обнялъ меня и посмотрѣлъ мнѣ въ лицо безконечно счастливыми, вѣрящими глазами, у меня не хватило мужества не отвѣтить на поцѣлуй и не оставить его въ заблужденіи.

Дома я тоже все откладывала объясненіе, тѣмъ болѣе, что онъ упорно молчалъ, а цѣловать себя я разрѣшала безъ протестовъ. Было даже хуже, иногда, когда меня особенно мучила тоска о Штурмѣ, я пыталась заглушить ее, удвоивъ вниманіе къ Мишѣ. Въ такія минуты онъ имѣлъ всѣ основанія жестоко обманываться на мой счетъ и думать, что я не помню себя отъ любви...

Я нашла у себя нѣсколько писемъ: отъ Лены и Тани, отъ Гончаровой и Рахили.

Два письма Гончаровой были остроумны и веселы.

О Штурмѣ она писала только, что почти не видитъ его, а когда видитъ, то отъ него такъ же мало толку, какъ отъ использованнаго трамвайнаго билета.

Никитинъ вернулся, его присутствіе было необходимо на стройкѣ, и Таня жила съ нимъ на дачѣ, недалеко отъ Гончаровой. О Танѣ я ничего больше не узнала, и ея двѣ открытки съ припиской Гончаровой, мнѣ ничего не сказали.

Сейчасъ же я написала и той, и другой, требуя обстоятельныхъ отвѣтовъ. Но Таня отвѣтила только, что путешествіе было великолѣпно, родители любезны и ласковы, мужъ вѣренъ и заботливъ, а сама она изнываетъ отъ жары и бездѣлья, спитъ ночью въ гамакѣ и жалѣетъ, что въ свое время не вышла замужъ за эскимоса,—«все, чай, было бы прохладнѣе!»

Гончарова надъ своимъ письмомъ поставила подзаголовокъ: «Въ высшей степени секретно».

... «Ваша подруга престранное созданіе. Я никогда не разберу шутитъ она самыми серьезными вещами, или тутъ есть и доля правды. Недавно сказала мнѣ:—«Завидую всѣмъ, кто безсердеченъ, особенно Машѣ. Она на моемъ мѣстѣ купила бы мужу хорошій револьверъ и рекомендовала бы ему узнать, есть ли еще жизнь за гробомъ или нѣтъ, да кстати ужь и не мозолить ей глаза».—Что вы на это скажете? Я не рѣшилась ее допрашивать, тѣмъ болѣе, что она очень мила съ мужемъ. А потомъ она спросила меня, всѣ ли мужчины отвратитель-

ны, когда ихъ одолѣваетъ страсть, или есть исключенія?—Это уже симптомъ, имѣйте все это въ виду.

До отъѣзда въ Москву оставалось нѣсколько дней, и я съ удовольствіемъ думала, что теперь у меня будетъ много времени. Я докончу повѣсть и найду еще тьму интересныхъ для меня дѣлъ. А пока я только читала, строила планы и готовила докладъ, чтобы прочесть въ какой-нибудь маленькой аудиторіи и провѣрить себя, могу ли я просто говорить съ каѳедры, или буду сбиваться, и мнѣ лучше читать по тетради.

— Тебѣ ужь опять некогда,—сердился Миша.—Вѣдь такъ будетъ некогда и всю жизнь. И куда ты только торопишься?

Но я не тороплюсь, я попросту не могу ни минуты провести безъ дѣла.

Я попросила маму переписать мой докладъ, и надо было видѣть, какъ усердно она выводила буквы, прямая и маленькая, похожая на прилежную школьницу.

У нея прекрасный почеркъ, и съ работой она справилась отлично. Но лучше всего былъ ея наивный восторгъ:

— Какая ты умница, Маша... Я даже многаго и не поняла въ твоемъ докладѣ!

Мнѣ было странно называть матерью этого вѣчнаго ребенка, и мнѣ никогда даже въ голову не приходило просить ея разрѣшенія что бы то ни было сдѣлать.

Однажды я увидѣла, что она пришла на балконъ съ Декамерономъ въ рукахъ.

— Дядя, это вы дали мамѣ Декамерона?—спросила я.

— Нѣтъ... это я сама нашла въ библіотекѣ...—робко отвѣтила мама.

Тогда я взяла у нея книгу:

— Ты не знаешь исторіи этой книги, мамочка, и потому не найдешь въ ней самаго главнаго, того, что ее оправдываетъ и объясняетъ. А безъ этого ее читать, пожалуй, не стоитъ. Какъ вы думаете, дядя?

— Я думаю, что вы правы, Мари. Но можно вѣдь познакомить Елену Дмитріевну съ необходимой литературой по этому вопросу.

— Если она хочетъ...

— Ахъ, нѣтъ, Маша,—взмолилась мама—я совсѣмъ не умѣю читать серьезныя книги. Лучше выбери мнѣ сама что-нибудь для чтенія.

Моими указаніями она осталась очень довольна. Я прекрасно знала ея вкусъ.

Передъ моимъ отъѣздомъ мы съ Мишей вышли вечеромъ въ садъ. Миша, видимо, былъ чѣмъ-то озабоченъ и удрученъ.

— Будь повеселѣе,—попросила я.

Онъ пожалъ плечами:

— Чему мнѣ особенно радоваться?

— Но не о чемъ и горевать.

— Не говори того, чего не думаешь; ты знаешь, какъ мнѣ тяжело. И неужели ты не догадываешься, что давно пора сказать мнѣ что-нибудь опредѣленное?

— То есть?

— Ты не находишь, что мнѣ важно знать, чѣмъ все это кончится?

Я не рѣшилась притворяться непонимающей.

— Предоставимъ это времени, Миша. Сейчасъ я не могу сказать тебѣ ничего. Когда все выяснится для меня самой, мы поговоримъ.

Въ этотъ моментъ онъ сидѣлъ у моихъ ногъ и моя рука лежала на его головѣ. Казалось, всѣ элементы любви были налицо, не было только самой любви.

— Что именно тебѣ не ясно?—спросилъ онъ, еще далекій отъ подозрѣній.

— Мое собственное отношеніе къ тебѣ

Онъ всталъ на ноги, весь покраснѣвъ.

— Ну, эти шутки, Маша, ты оставь. Нашу близость можно объяснить или любовью, или твоей испорченностью, чтобы не сказать больше.

— Это я и сама хочу провѣрить

— Ахъ, вотъ даже какъ? Но ты надѣюсь, знала, что я люблю и уважаю тебя, смотрю на тебя, какъ на будущую жену. Теперь оказывается, что я могъ бы... что у меня были основанія...

— Не стѣсняйся, Миша. Говори прямо, что я соблазнила тебя обѣщаніемъ выйти за тебя замужъ, и ты пропустилъ хорошій случай,—насмѣшливо сказала я, хотя смѣяться было довольно опасно, я еле узнавала его.

Онъ схватилъ мою руку.

— Случай я не пропустилъ! Я и сейчасъ могу это доказать, я знаю тебя.

— Одну минуту,—сказала я,—выслушай меня, вѣдь я не отказываюсь, и ты...

— Ты лжешь,—прошепталъ онъ, и я чувствовала, что ему не хватаетъ голоса, что онъ потерялъ всякое самообладаніе.— Ты лжешь, какъ лгала до сихъ поръ, но моей женой ты все-таки будешь. Я не остановлюсь больше ни передъ чѣмъ. Съ тобой всѣ средства хороши.

Я не чувствовала обиды, вѣдь онъ былъ правъ.

Но его гнѣвъ, его бѣшенство испугали меня. Совершенно ясно было, что это другой человѣкъ, котораго я не знала до сихъ поръ, и что человѣкъ этотъ ускользнулъ отъ моей власти, да, можетъ быть и отъ своей собственной.

Въ минуту нѣсколько плановъ замелькало у меня въ головѣ, надо было какъ-нибудь прекратить эту сцену.

Древняя Ева проснулась во мнѣ.

— Миша, вѣдь не о себѣ одной я думаю. Стою ли я такого человѣка, какъ ты? Я только испорчу тебѣ жизнь, какъ бы я ни старалась ее украсить и сдѣлать счастливой.

Но древняя Ева во мнѣ плохо знала свое дѣло и мои слова только подлили масла въ огонь.

— Объ этомъ у тебя было время подумать,—крѣпко стиснувъ мои руки, прошепталъ Миша, и я съ ужасомъ увидѣла, что онъ смѣется.

— У тебя было время, но ты пустила его въ ходъ, чтобы разбудить во мнѣ звѣря, а теперь дрожишь и пугаешься... Ты все-таки женщина, какъ всѣ другія... отлично, это развязываетъ мнѣ руки. Съ другомъ я не поступилъ бы такъ...

— Чего ты хочешь?

Онъ взялъ мою голову въ руки, нѣсколько разъ поцѣловалъ меня...

Да что же это, что съ нимъ!

Я совсѣмъ растерялась, не понимала ровно ничего и видѣла только, что онъ опасенъ сейчасъ для насъ обоихъ.

— Прости меня, милый!

Былъ ли это маневръ все той же Евы, или жалость взяла верхъ надъ страхомъ, но я сама обняла Мишу.

— Прости меня, я сдѣлаю все, что ты хочешь!

Онъ отстранилъ меня немного, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и неожиданно спокойно сказалъ: «Идемъ!»

Мнѣ оставалось только послѣдовать за нимъ. Когда мы подошли къ балкону, я почти успокоилась. Миша овладѣлъ собой.

Наши всѣ «сумерничали» на балконѣ.

— Вы опоздали къ чаю,—сказала мама.

Миша наклонился къ ея рукѣ.

— У меня есть извиненіе,—сказалъ онъ,—я сдѣлалъ предложеніе вашей дочери и получилъ ея согласіе. Вы не противъ нашего брака, тетя Лена?

Нужно ли говорить, что прежде всѣхъ и больше всѣхъ удивилась именно я и почти не слышала ни возгласовъ изумленія, ни поздравленій, ни разспросовъ...

Уже поздно вечеромъ, скорѣе ночью, я вышла опять въ садъ, такъ какъ не могла спать.

Я долго стояла одна, подставивъ лицо вѣтру, не пытаясь собрать разметавшихся мыслей. Какой-то важный шагъ былъ сдѣланъ, и я не думала отступать.

Дверь балкона скрипнула,—это вышелъ вслѣдъ за мной Миша

Подошелъ ко мнѣ.

— Ну-съ, моя дорогая невѣста! Впередъ насъ двигаютъ только поступки, не правда ли? Долгія размышленія ни къ чему не ведутъ.

Его слова, его глаза были холодны. Онъ стоялъ передо мной, засунувъ руки въ карманы, глядя на меня сверху внизъ, чуждый и странный.

Я вдругъ подумала: «А что, если я скажу ему о Штурмѣ?»

Но тамъ, около Штурма стояла Ирина, насмѣшливая и увѣренная...

— Люби меня, какъ можешь, сильнѣе,—прошептала я.

XXI

Въ Москвѣ Таня встрѣтила меня на вокзалѣ, блѣдная, постарѣвшая и какая-то тихая.

Сначала я стала разсказывать о себѣ, мнѣ хотѣлось услышать, что она скажетъ.

Я разсказала, какъ изъ мелкихъ, почти незамѣтныхъ, ошибокъ, ложныхъ шаговъ, трусливыхъ умалчиваній создалось что-то большое и непоправимое. Клубокъ недоразумѣній увеличивался съ каждымъ днемъ, и въ результатѣ—я невѣста человѣка, хорошаго, близкаго, но такъ мало любимаго, что если бы кто-то захотѣлъ...

— Берегись, онъ можетъ захотѣть,—перебила меня Таня,— онъ не встрѣчается больше съ Гончаровой, и, кажется, это уже настоящій конецъ. По крайней мѣрѣ, такъ онъ сказалъ моему супругу, они вѣдь друзья.

Горячая волна подступила къ моему лицу. Я слегка задохнулась, и еле сдержала нервныя слезы.

— Что ты говоришь, Таня!

— А ты что такъ волнуешься? Вотъ видишь, какъ все это неладно!

— Вижу и не скрываю. Но что дѣлать теперь? Заглушить все, остаться съ Мишей и ни на кого больше не смотрѣть? Я смогу это сдѣлать, воли хватитъ, но это только дружба, симпатія, долгъ, а онъ захочетъ большой любви и въ бракѣ будетъ ясно, что ея нѣтъ.

— О чемъ ты спрашиваешь меня, если сама такъ ясно все видишь?

— Я не кончила. Я не въ силахъ сказать все Мишѣ, поправить дѣло... Это такъ глубоко оскорбительно для него. Повѣрь мнѣ, Таня, я не лицемѣрю, когда говорю, что ясно сознаю всю мою подлость, и поступаю все-таки противъ совѣсти.

— Напрасно. Лучше испортить человѣку годъ жизни, чѣмъ

всю жизнь. Ты, и правда, Маша, не годишься въ жены, развѣ только въ «невѣрныя», но ему это едва ли по душѣ.

— Что же дѣлать? Я слишкомъ мало люблю его для жены, и слишкомъ много, чтобы мучить его... Ахъ, не то я говорю! Помоги, Таня! Скажи что-нибудь.

Таня встала съ мѣста и подошла къ окну.

За окномъ накрапывалъ дождикъ, въ комнатѣ было холодно и неуютно, потому что не было еще занавѣсокъ, мебель стояла въ чехлахъ, на стульяхъ валялись мои неубранныя вещи.

Меня охватила тоска. Я безсильна и безпомощна передъ жизнью. Есть что-то сильнѣе меня, что заставляетъ меня дѣлать ошибки, ни минуты не сомнѣваясь въ томъ, что это именно ошибки, а не правильные шаги.

Неужели я такъ нелѣпо размотаю жизнь, безъ толку и смысла!

Таня обернулась.

— Видишь ли, Маша, видишь ли...

Она съ трудомъ собиралась съ мыслями, еще больше поблѣднѣла, и брезгливая гримаса все время набѣгала на ея лицо.

— Въ чемъ дѣло, Таня?

Она перевела духъ.

— Не мнѣ учить тебя. Все, что я могу, это предостеречь тебя отъ глупости, которую сдѣлала сама. Можно жалѣть, можно цѣнить умъ и сердце, можно любить братской любовью, но все это летитъ къ чорту послѣ первыхъ же объятій. Бракъ совершается не для насъ самихъ и нашихъ личныхъ удобствъ, а для какихъ-то другихъ цѣлей. Ничего ни предугадать, ни обдумать заранѣе мы не можемъ. Легко можетъ быть, что твой бракъ съ Мишей окажется на рѣдкость счастливымъ, но такъ же легко можетъ оказаться и несчастнымъ. Вы оба тутъ не при чемъ. Я даю тебѣ слово, что любила Нику такъ, какъ это мнѣ доступно, но теперь я ненавижу его... ненавижу до того, что хочу ему всякаго зла. Меня не трогаютъ больше его страданія, не восхищаютъ его талантливость, его чудесная душа, его любовь ко мнѣ... Я дрожу отъ отвращенія, когда вспоминаю его лицо, его руки, прикосновеніе...

Она съежилась, закрыла лицо ладонями. Потомъ продолжала:

— Ради Бога, Маша, не повтори этого. Бракъ сначала союзъ тѣлъ, а потомъ ужь душъ, души не нуждаются въ двухспальной кровати... Если совпадаетъ и то, и другое,—это великое счастье, но если приходится выбирать, то выбирай тѣло. Все простишь привлекательному внѣшне человѣку, и ничего тому, котораго противно поцѣловать!

— Мнѣ не противно цѣловать Мишу.

— Иди еще дальше. Иначе будетъ то же, что со мной. Я точно умерла. Сѣрая, нудная, глупая жизнь...

Стало еще тоскливѣе.

— Поѣдемъ къ тебѣ, Таня,—предложила я.—Очень ужъ тутъ неуютно, даже лампы не горятъ путемъ...

— Это онѣ безъ Леночки такъ. И чего Ника на ней не женился! Были бы они счастливы, какъ боги. Но знаешь что! Если ты не очень устала, одѣнься-ка ты какъ слѣдуетъ, а я поѣду домой, тоже переодѣнусь и вызвоню Павлищева и Луневича. Поѣдемъ вмѣстѣ куда-нибудь ужинать. И скорѣе заводи у себя телефонъ, а то...

— Теперь скоро, хотя и не стоитъ...

— Почему? Ахъ да... Ну„ до твоей свадьбы еще много воды утечетъ, повѣрь мнѣ!

Она ушла и скоро вернулась съ Павлищевымъ и Луневичемъ. Опять она стала какъ будто прежней, развеселилась, разговорилась. А я безконечно обрадовалась милому «Пьеро», который такъ хорошо «во всѣ зубы» улыбался.

— У васъ волосы созданы для самыхъ эффектныхъ прическокъ,—сказалъ онъ мнѣ —а вы не умѣете причесываться. Дайте-ка я вамъ это устрою.

И онъ принялся дѣлать мнѣ прическу съ искусствомъ, какому позавидовалъ бы не одинъ парикмахеръ

Мы отправились въ «Прагу».

— И пропащій же мы народъ,—весело сказала Таня, усаживаясь за столъ въ маленькомъ кабинетѣ.—Домашней обстановкѣ предпочитаемъ кабакъ, законнымъ мужьямъ какихъ-то, прости Господи, безпризорныхъ...

— То-то я радуюсь, что мнѣ не удалось на васъ жениться, —отозвался Павлищевъ.—Сидѣлъ бы я теперь дома, а вы здѣсь съ Никитинымъ обо мнѣ бы сокрушались и пили бы за мое здоровье и за мои добродѣтели. Будь я Парисомъ, я отдалъ бы яблоко Леночкѣ. Жена должна быть Юноной!

— Но ваше яблоко уже надкусила Афродита,—усмѣхнулась Таня.

— И разъ даже слегка лизнула Миневра,—не сдержалась я. Мы смѣялись и веселились потомъ до поздней ночи, но безъ обычной схватки между Павлищевымъ и Таней дѣло все же не обошлось. Таня, не долюбливавшая Штурма, замѣтила вскользь, что онъ, «какъ всѣ мужчины», дѣлаетъ карьеру даже изъ любви къ ближнему.

— Какъ это такъ?—немедленно прицѣпился Павлищевъ.— Изъ чего вы это заключаете?

— Вижу,—упрямилась Таня.—Строитъ санаторій, ищетъ тамъ какой-то ядъ для туберкулезныхъ бактерій, а самъ честолюбецъ ужасный. Ужъ я это знаю.

— Стыдитесь говорить такую чушь! Ищетъ ядъ, а самъ честолюбецъ. Что это за бабье разсужденіе!

Изъ поднявшейся вслѣдъ за этимъ бури еле можно было выхватить, что, съ одной стороны, мужчины и умирать-то любятъ съ трескомъ, да еще на глазахъ у публики... они готовы чертить проекты собственныхъ монументовъ... они всякую идею превращаютъ въ окаменѣлость или въ прокрустово ложе... христіанскую любовь насаждаютъ съ помощью огня и меча... а супружескую... да они устроили настоящій департаментъ любви... чиновники... себялюбцы...

Съ другой стороны не уступалъ и Павлищевъ.

— Отлично! Мы вотъ утвердили себя съ нашимъ честолюбіемъ и себялюбіемъ, и всѣмъ прочимъ... а вы, самоотверженныя и мудрыя, плететесь гдѣ-то на пристяжкѣ, и мы еще не имѣли случая убѣдиться, что вы не чиновницы и не узколобыя законницы... еще намъ двадцать очковъ впередъ дадите...

Затѣмъ оба несли вздоръ уже исключительно на зло другъ другу.

Мнѣ и Луневичу это быстро надоѣло, и мы пригрозили тѣмъ, что перейдемъ въ другой кабинетъ. Это подѣйствовало.

— Помиримся,—какъ ни въ чемъ не бывало,—сказала Таня, чокаясь съ Павлищевымъ.—Тѣмъ болѣе, что вы правы. Еслибы вы знали, до чего скучны и бздарны женщины въ массѣ! Лѣнтяйки, сплетницы...

Павлищевъ перебилъ великодушно:

— И все-таки онѣ лучше нашего брата. Тоже хороши! Мелкота, зависть, узколобость...

Мужчины получили свою долю брани...

— И Штурмъ славный малый,—созналась Таня, ставя рюмку на столъ.—Все у него какъ-то разумно, честно, скромно. И не честолюбецъ онъ, конечно, я клевещу на него. Просто завидую этой внутренней цѣльности и силѣ... Не могу только понять его отношенія къ Иринѣ. Люди они умные и другъ друга любятъ. Ну, что еще имъ нужно?

— Гончарова вашего поля ягода,—сказалъ Павлищевъ—а вы не годитесь въ жены.

— Ну-ка, выразитесь яснѣе,—вступилась теперь ужъ я.

— Могу! Только какъ бы это... ну... теплоты въ васъ, что ли, нѣтъ настоящей. Помните, какъ у Чехова въ «Свадьбѣ» посаженый отецъ говоритъ объ электричествѣ? «Сунутъ туда уголекъ, и думаютъ глаза отвести. Нѣтъ, ты подавай мнѣ огонь, который настоящій, а не умственный».

— Браво, браво,—обрадовалась Таня.—Павлищевъ, милый, да я просто въ восторгѣ отъ васъ. Вы сказали именно то, что я всегда думала!

Павлищевъ просіялъ.

— Это золотыя слова! И разсуждаете вы совсѣмъ, какъ чеховскій посаженый отецъ! Полная иллюзія!

Сіянье на лицѣ Павлищева быстро померкло при общемъ хохотѣ.

А вдругъ онъ правъ? — подумала я про себя.

XXI

Кернъ грѣлась въ большомъ креслѣ у камина.

— Просите Никитина подправить какъ-нибудь вашъ милый домъ. Подумайте, вы составляете такой чудесный контрастъ съ этимъ анахронизмомъ. Дѣвицы-модернъ и деревянный домъ съ каминомъ и съ кухней въ подвальномъ этажѣ! Теперь этого по всей Москвѣ не сыщешь.

Она куталась въ пледъ, подставляя озябшія ноги веселому огню. Яркое зимнее солнце подчеркивало всѣ дефекты потертыхъ креселъ, выцвѣтшихъ обоевъ и полинявшихъ ковровъ, но цвѣты и чистота являлись на выручку. Отъ зоркихъ глазъ Лены не укрывалась ни одна пылинка, и все, что могло блестѣть, блестѣло, что есть мочи.

Матильда принесла кофе и поставила его на столикъ подлѣ Кернъ.

— И кофе такого тоже нигдѣ больше не встрѣтишь. Ужасно боюсь, что всѣ хорошія женщины, вродѣ Леночки, скоро вымрутъ, и мы останемся горькими и безпріютными холостяками, весь уютъ и всѣ кухонные рецепты погибнутъ вмѣстѣ съ ними.

— Ничего, химики изобрѣтутъ что-нибудь для капризныхъ аппетитовъ,—успокоила я.

— Химики! Ихъ только не хватаетъ! Нѣтъ, по мнѣ хорошія привѣтливыя женщины куда милѣе и нужнѣе химиковъ. Кстати, вѣдь, вы скоро окончите вашу повѣсть? Что же вы не спѣшите ее пристроить? Давно пора.

— Милая Ольга Владимировна, я затѣмъ и просила васъ придти сегодня, чтобы на этотъ счетъ посовѣтоваться.

— Имѣйте въ виду, что, если вашъ талантъ не ошеломляетъ сразу, то вамъ придется туго.

— Я не думаю, что онъ ошеломляетъ сразу,—улыбнулась я.

— Хорошо, будемъ надѣяться, что онъ захватываетъ постепенно. Но начнемъ мы съ того, что вы прочтете двѣ-три главы у меня въ присутствіи людей, которые могутъ быть вамъ полезны.

— Боюсь я этого.

— Вздоръ. Закажите себѣ хорошенькое платье, причешите

волосы прилично, а то вы причесаны, какъ попадья, Сусанна Петровна приготовитъ вамъ лицо...

— То есть?

— Т. е. изъ вашего лица «Матрешки», правда—недурной, сдѣлаетъ лицо интеллигентной женщины. Вѣдь вы даже не пудритесь, это просто смѣшно. Я уже не говорю о большомъ гримѣ, куда вамъ, но маленькій вечерній макильяжъ необходимъ.

— Но я все же надѣюсь, что для меня вы сдѣлаете исключеніе.

— Господи, до чего вы бываете иногда старомодны.. И что это за мѣщанскій страхъ передъ гримомъ! Наши бабушки и даже дѣды пудрились и румянились во всю. И это только красиво, увѣряю васъ. Впрочемъ, послушайте лучше Сусанну Петровну, она докажетъ вамъ, что гримъ дѣлаетъ чудеса.

И она принялась передразнивать Сусанну Петровну, «директриссу» института красоты.

— «Ко мнѣ пришелъ мадамъ Цацароффъ, и это биль стари лошадь, а теперь за ней ухаживаль жандармски польковникъ...» Вы представляете себѣ, что можно сдѣлать изъ васъ, если какая-то «старая лошадь» подцѣпила жандармскаго полковника! А въ общемъ, вы удивительно наивны!..

Она произнесла это въ тотъ самый моментъ, какъ я подумала: «Боже мой, до чего она наивна!»

Она продолжала:

— Ну гдѣ же вашъ пустоцвѣтъ, Таня? Ужъ кончала бы она свой брачный водевиль. Мы недавно говорили о ней, мы, «Аспазіи». И нашли, что васъ, «Амазонокъ», все-таки некому сѣчь, чтобы вы тамъ ни толковали.

— За что именно?

— А вотъ за такія штуки! На что похоже, что взрослая разумная дѣвушка по доброй волѣ выходитъ замужъ за умнаго, добраго, талантливаго человѣка, и начинаетъ куралесить чуть не на другой же день послѣ свадьбы. Онъ некрасивъ, правда. Но онъ не вчера подурнѣлъ. И къ тому же, зачѣмъ мужу красота? Мужъ—уважаемый человѣкъ, товарищъ на всю жизнь, у нихъ одно имя, одна жизненная цѣль, одни взгляды...

— Подождите, Кернъ, все это вѣрно, но тутъ есть кое-что что трудно преодолѣть...

— Слыхала! Тоже чепуха! Капризы темперамента. Для такихъ вещей существуютъ Луневичи Но съ ними о мужьяхъ даже и говорить не принято. Это раньше «друзья дома» считались чуть не героями, а законные мужья чуть не дураками. Теперь кончено. На паразитовъ домашнихъ очаговъ такъ и смотрятъ, какъ на паразитовъ, альфонсовъ и темныхъ лично-

стей. И на мѣстѣ Тани, если ужь она не можетъ обуздать себя, я устроила бы мужу покойную счастливую жизнь, а Луневича...

— Довольно, дорогая, у меня уши вянутъ,—перебила я.

— У меня тоже, когда я слушаю о похожденіяхъ Тани,—парировала Кернъ.

— Вы разсуждаете, какъ элементарная мѣщанка!

— А вы, какъ монахиня изъ Декамерона!

— Вы открыто проповѣдуете самую отвратительную пошлость и подлость.

— Ну, это надо еще доказать! Вѣдь мы не сами творили себя по нашему плану, а дѣлала это природа, намъ остается только дать ея непристойному замыслу сколько-нибудь пристойную и пріемлемую форму.

— Недурная пристойность!

— И очень! Пускай природа влетаетъ въ окно, съ этимъ мы безсильны бороться, но двери... двери должны быть заперты!

При этомъ она съ самымъ серьезнымъ видомъ подняла палецъ и смотрѣла на меня, какъ смотритъ какая-нибудь патронесса пріюта Магдалинъ на свою питомицу.

Почему-то я вспоминаю о Штурмѣ, о Мишѣ, обо всѣхъ моихъ романахъ и теряю охоту спорить...

— Мы разучились любить, это ужасно. Я потеряла всякое представленіе объ истинной, хорошей любви!

Кернъ дѣлается еще торжественнѣе.

— Я тоже! Этому искусству надо посвятить жизнь, а мы ужь научились цѣнить многое другое, кромѣ любви, въ этомъ все дѣло.

— Напримѣръ?—съ интересомъ спрашиваю я.

— Напримѣръ, свободу, самостоятельность, право мѣнять привязанности, когда хотимъ. Скажите-ка сами, на чемъ бы вы остановились, еслибы вамъ предложили выборъ между счастливой любовью и удачной литературной карьерой?

Я вскрикнула:

— Ну, вотъ еще!

— Вотъ видите, для васъ нѣтъ даже сомнѣній. Но неужели вы не знаете моментовъ, когда вы съ наслажденіемъ послали бы къ чорту всю вашу карьеру ради прекрасныхъ глазъ... кого бы это... ну, Нежанова, что ли, или Штурма, я никакъ не могу разобрать, «кого же дѣва сердцемъ избрала?».

Одного имени Штурма было достаточно, чтобы сразу всколыхнуть во мнѣ душу. А что, еслибы онъ самъ спросилъ меня объ этомъ?

Приходъ Никитина меня выручилъ. Кернъ закричала:

— Легокъ на поминѣ! Мы только что говорили о васъ. А Таня гдѣ?

— Не могу вамъ сказать, должно быть, бѣжала въ Америку. Но что за морозы! Я зашелъ погрѣться.

Онъ сѣлъ поближе къ камину и подбросилъ дровъ.

Я давно не видѣла его днемъ: онъ сталъ еще некрасивѣе, и сердце больно сжалось у меня, когда я приглядѣлась къ порѣдѣвшимъ вискамъ, къ углубившимся линіямъ у рта, къ глазамъ, утратившимъ огонь и живость...

— Хотите кофе, Ника?—спросила я.

Онъ кивнулъ головой.

— Я пойду къ Леночкѣ на минутку,—сказала Кернъ,—и кстати попрошу прислать вамъ кофе.

Мы остались одни. Нужно было какъ-нибудь развлечь и утѣшить его, но я могла только молча провести рукой по его мягкимъ кудрямъ. Онъ взялъ мою руку и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее нѣжно и пламенно, понявъ безъ объясненій, какъ я страдала сейчасъ за него...

— Маша, дорогой мой другъ, вѣдь Таня ушла вчера и до сихъ поръ не возвращалась...

— Всюду ли вы справлялись. Ника?

— Всюду, гдѣ это удобно. Лена тоже спрашивала у всѣхъ, Хорошо, что у васъ есть теперь телефонъ...

— Не у Гончаровой ли она?

— Зачѣмъ? Онѣ не такъ близки!

Кернъ вернулась:

— Вамъ несутъ кофе. А Лена по уши занята. И какъ только она умудряется быть такой здоровой и сильной. Я ни разу не видѣла, каъ она ѣстъ или спитъ.

Мы стали говорить о разныхъ пустякахъ и Никитинъ былъ такъ спокоенъ и сдержанъ, что я еле вѣрила своимъ глазамъ. Но притворство это или отчаяніе?

Кернъ, наконецъ, собралась уходить:

— Ну, я бѣгу, мнѣ давно пора быть въ редакціи. Да не забѣжите ли и вы туда черезъ часокъ, Марья Васильевна? Я затѣю тамъ одинъ разговоръ, а вы меня поддержите.

Я обѣщала и пошла проводить ее въ переднюю.

Она зашептала:

— Таня негодная жена, это правда, но и Никитинъ... уффф!.. Хоть бы искра энергіи, силы, какого-нибудь мужского начала. Я и женщинъ-то не люблю, когда онѣ распускаются, а отъ такого мужчины просто тошнитъ.

— Вы, однако, не хотѣли понять, что отъ этого могло тошнить и Таню.

— Не хотѣла и не хочу. Надо было видѣть это раньше.

Она ушла, разсерженная. Я вернулась къ Никитину. Онъ разсѣянно мѣшалъ ложкой кофе и не замѣтилъ даже, какъ я вошла. Не отвѣтивъ на мой вопросъ о какомъ-то пустякѣ, онъ вдругъ заговорилъ оживленно:

— Знаете, Маша, мы вчера долго спорили съ Штурмомъ. Онъ говоритъ, что женится только на женщинѣ, которую никуда не тянетъ, на лѣнтяйкѣ, которая будетъ сидѣть дома, на капризницѣ, которую хочется баловать, но непремѣнно на преданной ему одному, на очень женственной...

— Женственной!—возмутилась я.—Но для этого онъ самъ долженъ быть мужественнымъ. Ахъ, тамъ ищутъ женщину тутъ мужчину, точно оба пола пропали. Впрочемъ, такъ оно и есть. Я вотъ не нахожу для себя мужчины... Я хочу сказать, настоящаго носителя вѣчно мужественнаго. Мелькнетъ иногда что-нибудь въ этомъ родѣ, присмотришься, а изъ-подъ тонкаго налета такъ и прорывается мяготѣлый мирный обыватель.

— Какимъ вы себѣ представляете вашего носителя вѣчно мужественнаго?

Онъ уже улыбался и съ любопытствомъ ждалъ отвѣта.

— О, прежде всего сильнымъ, настойчивымъ... Онъ долженъ быть бѣднымъ и фанатичнымъ, рыцаремъ идеи... во всякомъ случаѣ не отцомъ, не мужемъ, «не хорошимъ семьяниномъ»...

— Все это красивыя слова, Маша, но сейчасъ нѣтъ и не можетъ быть ни Лоэнгриновъ, ни Донъ-Кихотовъ. Надо же съ этимъ считаться. Какъ вы его себѣ конкретно представляете?

— Конкретно? Ну, хотя бы въ образѣ борца за какую-нибудь идею. Онъ можетъ быть ученымъ, литераторомъ, общественнымъ дѣятелемъ, но такъ, чтобы его дѣло поглощало всѣ личныя выгоды, всѣ разсчеты...

— Развѣ такихъ нѣтъ?

— Есть, но я не нашла такого для себя.

— Возьмите Штурма. Онъ рѣшилъ спасти человѣчество отъ цѣлаго ряда болѣзней, и, если понадобится, не задумается привить себѣ любую гадость... Согласитесь, что это уже кое-что. Но стоитъ ли тогда рисковать быть его супругой? Онъ, пожалуй, не прочь будетъ и вамъ предложить подвергнуться какому-нибудь научному опыту.

Я еле сдерживала улыбку радости и гордости за Штурма.

— Ну, что жь! Я бы не отказалась. Только вѣдь онъ ищетъ вѣчно-женственнаго, а какая же я Маргарита или Пенелопа? Посудите сами!

— Да, на Пенелопу вы не похожи, что и говорить, и до Маргариты вамъ далеко. А ужь какъ мы соскучились по Маргаритамъ и Пенелопамъ, еслибы вы только знали!

— Стыдитесь, Ника,—сказала я.—Неужели въ насъ нѣтъ совсѣмъ ничего хорошаго?

Онъ сталъ серьезенъ и нахмурился.

— Какъ не быть, но все это не про насъ... Не того мы хотимъ.

— Чего же?

— Отдыха. Я былъ «натасканъ» вами, какъ гимназистъ передъ экзаменомъ, а теперь вижу, что проваливаюсь. Право, по вашей милости мы, то есть я, вашъ кузенъ, Штурмъ, Павлищевъ, всѣ мужчины, которые окружаютъ васъ, устали, потеряли почву подъ ногами. Теперь мы мечтаемъ о старозавѣтной семьѣ, съ вѣрностью, съ дѣтьми, съ цѣломудріемъ жены и властью мужа.

Я не хотѣла возражать ему особенно рѣзко: понимала, что онъ пришелъ ко мнѣ озлобленный и измученный, но отъ маленькаго укола все-таки не воздержалась:

— Разведитесь съ Таней и женитесь еще разъ. Только не берите такихъ, какъ я, Ирина, Кернъ, Таня... Добродѣтельныхъ и смирныхъ Маргаритъ еще такъ много...

— Поздно теперь. Вы отравили насъ. Знаемъ, что все въ васъ гибельно, горько, непрочно и безпокойно, но на чистую воду уже не можемъ перейти. Но я задерживаю васъ, идите, мнѣ нужно сказать слова два Леночкѣ.

Мы простились внѣшне по-дружески, но я была задѣта и слегка обижена.

Въ редакціи журнала, гдѣ мы съ Кернъ были постоянными сотрудницами, я застала обычную картину. Въ редакторской, мутной и ненужно огромной, сидѣлъ равнодушный ко всему міру редакторъ, Владиміръ Федоровичъ. Противъ него Кернъ брезгливо держалась на кончикѣ стула, вся красная и злая. Мальчишка принесъ черный чай въ большихъ липкихъ стаканахъ.

Облокотившись о столъ, нашъ присяжный поэтъ, онъ же и завѣдующій объявленіями, Моисей Ильичъ Файнъ, псевдонимъ «Арбенинъ», ерошилъ свои великолѣпные кудри, щурилъ томные глаза и цѣдилъ:

— Но это ново, ново, и при томъ такъ неожиданно прелестно... «Въ рдяной чащѣ вертограда...».

— Э, вздоръ,—лѣниво басилъ Владиміръ Федоровичъ,—ужасный вздоръ. Скажите лучше, какъ вы раздѣлались съ этой толстой дамой?

— Это насчетъ ея родильнаго пріюта? Да все устроилось, пойдетъ въ слѣдующемъ номерѣ...

Моисей Ильичъ обладалъ способностью мѣнять настроеніе съ такой же быстротой, какъ и темы.

Кернъ увидала меня:

— Ага! Вотъ и она. Скажите, Марья Васильевна, развѣ

правда, что вы «съ благодарностью» берете десять копѣекъ за строчку, когда даже Капринскому, неучу и бездарности платятъ двѣнадцать?

— Во всякомъ случаѣ безъ энтузіазма,—вступилась я, сразу понявъ, въ чемъ дѣло.

Мы принялись «насѣдать» на Владимира Федоровича изъ-за двухъ копѣекъ за строчку и отвоевали-таки ихъ, какъ онъ ни упирался.

Уходя, мы ясно слышали, какъ онъ пустилъ вслѣдъ

— Чортово бабье!

Но насъ это мало трогало.

XXIII.

Таня телефонировала откуда-то, что она придетъ къ намъ ночевать позднѣе, можетъ быть, очень поздно, и просила о ней не бозпокоиться. Лена разсердилась, но мнѣ почему-то стало тяжело за Таню, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше становилась тоска. Было нестерпимо жаль Таню. По звуку ея голоса, по тону умышленной бравады, я угадывала, какъ она борется съ собой и какъ глубоко страдаетъ. Всего семь часовъ вечера, она придетъ еще не скоро, а мнѣ такъ захотѣлось посмотрѣть въ ея глаза, попытаться ее утѣшить.

Лена собралась къ Рахили. Спросила меня, не пойду ли я хоть «въ кои-то вѣки разъ» взглянуть на мальчика Рахили и посвятить ей самой нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ, не пойду,—почти рѣзко отвѣтила я.—У меня нѣтъ охоты говорить о дѣтскихъ болѣзняхъ и о гигіенѣ беременности.

Лена хмурится:

— Не говори такъ, ты знаешь, какъ Рахили плохо живется.

— Оттого-то я и не иду. Не люблю людей, которымъ плохо живется.

Лена густо краснѣетъ:

— Это ново! Но тогда почему ты жестока только къ Рахили?

— Никакой жестокости тутъ нѣтъ. Просто, мнѣ скучно у нея. Противный зеленый мужъ, противный желтый ребенокъ и еще другой наготовѣ...

— Она въ этомъ не виновата... Къ Танѣ ты, однако, много снисходительнѣе...

Я моментально выхожу изъ себя:

— Вотъ и прекрасно! Носись съ твоей мамашей-Рахилью, какъ съ писаной торбой, а меня оставь. Я нахожу, что всѣхъ больныхъ надо отравить, а всѣхъ нытиковъ перевѣшать!..

— А тебя надо посадить на цѣпь, какъ бѣшеную!—разражается Лена.

— Ужъ не вы ли съ мадамъ Фишъ посадите меня на цѣпь? Но чего ты добиваешься отъ меня, не понимаю, и почему не уходишь?

— Я добиваюсь справедливости къ Рахили и приличнаго отношенія къ ней.

— Удовольствуйся просто искренностью: меня возмущаетъ Рахиль, я нахожу ее слишкомъ нетребовательной, слишкомъ мѣщанкой, прѣсной, скучной, сѣрой. Таня была права: Рахиль изъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ бракъ—могила души.

— Не Танѣ говорить объ этомъ съ такимъ апломбомъ!

— Именно ей.

— Нѣтъ не ей, да и не тебѣ! Обѣ вы грубыя эгоистки, и обѣ не представляете себѣ, что можно любить ребенка и мужа, каковы бы они ни были.

— И понимать не хотимъ! Мужъ долженъ быть силенъ и энергиченъ, а ребенокъ здоровъ. А она вышла замужъ за завѣдомо больного Фиша и собирается имѣть неопредѣленное количество завѣдомо негодныхъ дѣтей. Это-то и есть грубый эгоизмъ, но ни ты, ни Рахиль этого во вѣкъ не поймете...

— Куда ужъ намъ! Но все-таки патентованнымъ умницамъ не мѣшаетъ напомнить, что не только мужъ и ребенокъ должны быть имъ по вкусу, но и женѣ не грѣхъ попытаться быть приличнѣе, да кстати ужъ и невѣстѣ...

Я бросаюсь лицомъ внизъ на диванъ и больше не возражаю ни звука на всѣ упреки и обвиненія Лены. Она уходитъ наконецъ, глубоко возмущенная.

А что, если Рахиль любитъ своего мужа, какъ я Штурма? Можетъ быть, и сильнѣе, и мучительнѣе. Смогла ли бы я сама во имя какихъ-то постороннихъ соображеній отказаться отъ счастья быть его женой и матерью его ребенка?

Не знаю. Это такъ трудно себѣ представить. Но вотъ сейчасъ между нимъ и мной нѣтъ никакихъ другихъ преградъ, кромѣ его равнодушія ко мнѣ. Будь я мужчина, онъ—женщина, я бы грубо добивалась его любви. Но въ качествѣ женщины я только жду, я только позволяю себѣ не скрывать отъ него моей радости и тревоги, когда я вижу его, вотъ и все.

Беру въ руки маленькое зеркало со стола. Ну, на наружность мнѣ лучше не разсчитывать. Я похудѣла и поблѣднѣла, изнервничалась, какъ старая дѣва или молодая вдова. Я хочу любви Штурма и должна или добиться ея, или побѣдить себя окончательно, всѣми средствами... Попытка обратить чувство на Мишу не удалась, вышла только некрасивая, жестокая игра человѣческимъ сердцемъ, да еще добрымъ и преданнымъ.

Потомъ, не совсѣмъ ясно сознавая, что именно я собираюсь дѣлать, я иду къ телефону:

— Вы не заняты сейчасъ, Андрей Павловичъ?

— Занятъ, какъ всегда, но поговорю съ вами все-таки съ удовольствіемъ.

— Мнѣ мало этого, мнѣ необходимо васъ видѣть...

— Даже необходимо! Когда же вы хотите, чтобы я пріѣхалъ къ вамъ?

— Возможно скорѣе, сейчасъ...

— Вы нездоровы?

— Хуже...

— Ого! Тогда черезъ полчаса я буду у васъ. Очень радъ, что смогу оказать вамъ какую-нибудь услугу и очень польщенъ вашимъ довѣріемъ.

Въ его голосѣ слышна улыбка, и я прихожу въ отчаяніе: никогда, никогда не смогу я отдѣлаться отъ его власти надо мной. Пускай это обыкновенный порядочный человѣкъ, не очень молодой, не очень красивый, совсѣмъ не похожій ни на одного изъ моихъ воображаемыхъ героевъ, но, Боже мой, могла ли я думать, что обаяніе прямой и ясной мужественной души такъ неодолимо для меня? Я мысленно сравниваю его съ собою. Стою ли я его? Я суетна и въ глубинѣ души честолюбива. Я жадно спѣшу жить, боюсь, не прошла бы мимо меня какая-нибудь невѣдомая мнѣ радость жизни. Иногда мнѣ хочется устраивать жизнь, но гораздо чаще и больше просто использовать ее для себя. Но Штурмъ совсѣмъ не знаетъ, что такое личная радость. Къ себѣ самому онъ безконечно равнодушенъ. Онъ бѣденъ, хотя зарабатываетъ много: всѣ средства уходятъ на опыты... Я думаю о немъ съ возрастающимъ чувствомъ нѣжности и восхищенія, а время идетъ, черезъ четверть часа онъ будетъ здѣсь.

Зачѣмъ я позвала его, что я скажу? И, чтобы не думать объ этомъ, я подвигаю къ себѣ клеенчатую растрепанную тетрадку, куда вотъ уже два года какъ вношу разные парадоксы, афоризмы и прочія случайныя мысли, такъ, ради забавы, чтобы посмотрѣть потомъ, чѣмъ я была и о чемъ думала...

«Знаніе привидѣнное и мечтательное, коего вкусивши, человѣцы глупѣйшіи бываютъ неразумныхъ, ибо, весьма темны сущи, мнятъ себя быти совершенны. Ѳеофанъ Прокоповичъ».

Это записано было для Павлищева.

«Есть два чуда на свѣтѣ: звѣздное небо надъ нами и нравственный законъ внутри насъ. Кантъ».

А вотъ и два афоризма «собственной кухни»:

«Разумъ дѣлаетъ насъ свободными, чувство—рабами».

«Горящій духъ творитъ, угасающій критикуетъ».

Захлопываю тетрадь. Я надоѣла себѣ самой, мнѣ хочется

обмѣнять мое «я» на какое-нибудь другое, а то я всюду тащу его за собой, какъ калѣка сломанную ногу. Теперь спрашивается, что я скажу Штурму?

Его звонокъ застаетъ меня врасплохъ, онъ пришелъ раньше, чѣмъ я думала.

— Скажу, что было скверное настроеніе, тоска, что просто хотѣлось его увидѣть... поговорю о Танѣ...

Но онъ уже входитъ, протягиваетъ мнѣ обѣ руки, улыбаясь смотритъ мнѣ въ глаза.

— А я, признаться, и не ждалъ такой чести. Ну-съ, такъ что же случилось?

Онъ сегодня такой, какимъ я люблю его всего больше, какимъ часто его себѣ представляю.

Онъ не догадывается, онъ не любитъ меня,—мелькаетъ въ головѣ. И почти сквозь слезы, скороговоркой, съ отчаяньемъ и ужасомъ въ душѣ, я говорю:

— Простите меня, что я васъ вызвала, потому что мнѣ совсѣмъ нечего сказать вамъ... я...

— Нѣтъ, я вижу, что что-то есть.

Я перебиваю его:

— Я хочу быть вашей женой, Андрей Павловичъ... то есть нѣтъ... я хочу, чтобы вы любили меня... если можете...

Онъ ошеломленъ такъ, точно я стрѣляю ему въ лицо изъ революьвера; но я не даю ему опомниться:

— Не отказывайтесь отъ меня, вѣдь я вамъ нравлюсь немного, не отвергайте меня.

Я еще о чемъ-то прошу, что-то обѣщаю, но все это уже не нужно ни мнѣ, ни ему. Ласковыя руки легкимъ движеніемъ скользятъ по моимъ волосамъ, онъ приподнимаетъ мое лицо и смотритъ мнѣ въ глаза близко, близко...

— Неужели это не капризъ, Маша? Неужели вы думаете, что я смѣю мечтать о такомъ счастьѣ, какъ ваша любовь?

Я собираю всѣ свои силы, чтобы самымъ позорнымъ образомъ не расплакаться отъ волненія.

— Вѣдь это... вѣдь это я сдѣлала вамъ предложеніе...— дрожа съ головы до ногъ и нервно смѣясь, говорю я.

— Да, я былъ слишкомъ глупъ, чтобы рѣшиться на это. Я такъ боялся отказа. И вообще мнѣ не казалось возможнымъ... я старъ для васъ. Я и сейчасъ плохо вѣрю во все это: что я такое? Вы скоро разочаруетесь во мнѣ...

Онъ, сильный и умный, считалъ чуть ли не честью для себя предложеніе со стороны вздорной дѣвчонки, измотавшейся въ поискахъ собственной души. Онъ продолжалъ:

— Но я не буду считать этотъ вопросъ рѣшеннымъ, пока вы не узнаете все, что вамъ необходимо знать.

Я засмѣялась:

— Что же именно я должна знать?

— Очень многое. Я по многимъ причинамъ не гожусь въ мужья. Не говоря уже о моемъ возрастѣ, о разницѣ возрастовъ. Но я, кромѣ того, небогатъ, моей женѣ придется имѣть это въ виду. Если я примусь за расширеніе практики, за платный трудъ, мнѣ не удастся заниматься такъ много наукой. Вотъ видите. Какъ тогда быть съ выборомъ между семьей и наукой?

— Выбирайте по вкусу.

— А если наши вкусы не совпадутъ?

— У насъ есть время сговориться. Ну, что, напримѣръ, вы предпочли бы, еслибы сейчасъ пришлось выбирать между мной и вашимъ любимымъ дѣломъ?

— Я положила руки ему на плечи. Онъ улыбнулся, хотѣлъ наклониться ко мнѣ, но я отодвинулась.

— Рѣшайте сейчасъ. До вашего отвѣта я не поцѣлую васъ...

Тогда онъ сталъ серьезенъ. —

Всего полчаса тому назадъ ничто не предвѣщало мнѣ, что я переживу одинъ изъ самыхъ страшныхъ и значительныхъ моментовъ моей жизни. Я смотрѣла въ лицо человѣку, котораго просила быть моимъ мужемъ, съ любовью къ которому казалась безсильной бороться, и въ его глазахъ читала приговоръ себѣ.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ медленно, съ тяжкимъ усиліемъ надъ собой, отвелъ мои руки:

— Я отказался бы отъ васъ, Маша. Но вы должны вѣрить, что сейчасъ мнѣ такъ тяжело, какъ никогда еще не было за всю мою жизнь... Я долго и хорошо скрывалъ мою мечту о васъ, даже отъ самого себя, а сейчасъ мнѣ кажется, что вы не сможете простить мнѣ... я и самъ отталкиваю васъ. Попытайтесь понять, если можно...

Волненіе не давало мнѣ перебить его, но я все-таки скоро овладѣла собой:

— Одну минуту...

Я обняла его:

— Конечно, такъ, и только такъ вы должны были отвѣтить, и я недостойна была бы васъ, если бы потребовала лжи и притворства. Совсѣмъ не нужно любить меня на смерть, совсѣмъ не нужно ничего измѣнять въ вашей жизни ради меня. Я люблю васъ, а не кого-то, что не похожъ на васъ.

Кажется, я хотѣла сказать что-то куда болѣе понятное, но какъ выразишь словами вещи, о которыхъ не принято много разговаривать?

Ничего путнаго и опредѣленнаго мы сказать не успѣли и особенно къ этому не стремились, но главное было налицо: предложеніе сердца не было отвергнуто, а рука... вопросъ о

«рукѣ» я отложила, благо онъ самъ не ставилъ его на очередь. Онъ только просилъ сегодня же написать Мишѣ все.

Когда онъ ушелъ, я сѣла и написала:

— «Дорогой мой. Не спѣши ѣхать въ Москву. Я измѣнила тебѣ и этого не нужно даже стараться исправить. Не даю тебѣ шаблоннаго совѣта «быть мужчиной», но если ты захочешь когда-нибудь и сможешь простить меня за все зло, которое я причинила тебѣ, то это будетъ для меня огромнымъ счастьемъ, вѣдь я все-таки люблю тебя, какъ брата и друга. Маша».

Теперь я могла лечь и предоставить хаосу, поднятому во мнѣ, укладываться въ любыя формы.

Пришла Лена. Она ни за что не легла бы въ постель, не примирившись со мной послѣ недавней стычки. Мы изгнали изъ употребленія обычай объясняться послѣ ссоръ, просто первый, въ комъ стихало раздраженіе, подходилъ и протягивалъ руку другому. Такъ было и сейчасъ, руки мы протянули одновременно.

Я молча указала глазами на письмо къ Мишѣ.

Она прочла, сѣла у стола, и черезъ пальцы ея покатились слезы.

— О чемъ это, Лена?—съ изумленіемъ спросила я.

И сквозь рыданія она отвѣтила:

— Обо всемъ. О тебѣ, о Танѣ, о Рахили. Всѣ пути, прямые и окольные, честные и нечестные ведутъ къ какому-нибудь несчастью. Какъ же жить и что дѣлать?

— Все уладится, Лена.

— Нѣтъ. Многое уже не поправишь. Ты и Таня ведете себя такъ, точно весь міръ предоставленъ вашему милостивому усмотрѣнію. Измучили Нику, Мишу, я не говорю уже о нѣкоторыхъ другихъ. И сама я никуда больше не гожусь...

— Да ты-то почему?

— Я потеряла почву подъ ногами. Какъ бы я ни сопротивлялась, я уже не могу смотрѣть на вещи иначе, чѣмъ ты и Таня. Но вѣдь мнѣ не нравится ни единый вашъ шагъ! Сегодня я сердилась на тебя за Рахиль, а вотъ была у нея и все время чувствовала себя предательницей. Она мила и добра и несчастна, я очень страдаю за нее. Но настоящимъ образомъ я люблю васъ, эгоистокъ и вѣтреницъ, и вашу любовь я смертельно боюсь потерять. Права во всемъ Рахиль, но я больше всего боюсь походить на нее. Не ужасно ли, что мнѣ почти смѣшны и ея кротость, и ея вѣрность, и все хорошее въ ней, а ты накричала на меня сегодня, наговорила грубостей, и я еле дождалась, когда приду домой и поцѣлую тебя. И еслибы Таня...

Оглушительный, нетерпѣливый звонокъ затрезвонилъ въ прихожей и не прекращался, пока мы не впустили Таню.

— До свиданія, Пьеро,—бросила она кому-то черезъ пле-

И вошла, румяная, яркая, смѣющаяся. Даже прихожая точно сдѣлалась наряднѣе отъ ея большой шляпы, мѣха, брилліантовъ и запаха духовъ. Сейчасъ же заговорила громко:

— А я думала, что вы уже спите, потому такъ и звонила. Здравствуйте, милыя дѣвочки, и угостите меня чаемъ, я буду ночевать у васъ. Не удивляйтесь. А если будете предлагать мнѣ глупые вопросы, то получите умные отвѣты... въ двухъ шагахъ отъ истины. Истина шляется нагишомъ, и вы сконфузитесь.

Мы благоразумно воздержались отъ глупыхъ вопросовъ.

Леночка принялась кипятить воду.

Столовая была ярко освѣщена, и тутъ бросилось въ глаза, что шляпа сбилась въ сторону надъ спутанной прической Тани, на щекахъ горятъ красныя пятна, глаза расширены и обведены темными кругами.

Но она смѣялась:

— Не стройте непроницаемыхъ лицъ, благоразумныя дѣвы, и дайте мнѣ скорѣе что-нибудь съѣсть, не могу привыкнуть къ ресторанной ѣдѣ, только пью, какъ писатель изъ народа.

— Хоть бы разсказала, гдѣ была и какъ веселилась,—робко попросила Леночка.

— Была я, моя мадонна, въ разныхъ учрежденіяхъ и, какъ и подобаетъ Коломбинѣ, въ обществѣ милаго Пьеро. При этомъ и Пьеро, и учрежденіе положительно составляли одно цѣлое, такъ, что я не рѣшилась портить стиль. Ахъ, хорошая все-таки вещь—стройный, красивый юноша, веселая болтовня, вино. Начинаю вѣрить, что красота имѣетъ смыслъ, и что въ мірѣ есть только одна удачная комбинація: молодой красивый мужчина и молодая красивая женщина. Все остальное—суррогаты и развратъ, а при этой комбинаціи все пойдетъ гладко и все станетъ на мѣсто. Когда ты примешься умничать, Маша, прими это въ разсчетъ и провѣрь на опытѣ. Кромѣ того, мнѣ интересно было узнать, всѣхъ ли цѣлуешь, какъ суринамскую жабу или только моего Арлекина. Представьте, не всѣхъ! Настоящее открытіе.

— Таня,—дрожа и краснѣя, сказала Леночка,—подумай, ты всего нѣсколько мѣсяцевъ замужемъ и уже...

Таня перебила:

— Леночка! Совершенно достаточно быть замужемъ одинъ единственный день, чтобы проклясть день свадьбы. Но ты не пугайся, я не измѣнила Арлекину. Нѣтъ, онъ сумѣлъ меня отравить и застраховать отъ «измѣнъ». Но я хуже сдѣлала, я измѣнила моему Адаму, единственному... не дождалась его, а теперь я его больше не стою...

— Ну, хватитъ теперь возни на всю ночь,—подумала я, и попыталась предупредить истерику:

— Что же ты не берешь цыпленка, Таня, или кусочекъ сыру?..

— Спасибо. Да ты не бойся, Маша, очередной скандалъ сегодня уже былъ.

Я покраснѣла за себя.

— Неужели нельзя какъ-нибудь уладить твои отношенія съ мужемъ, Таня?—спросила Лена:—вѣдь такъ вы вгоните въ гробъ другъ друга.

— Можно. Самое лучшее мнѣ уйти теперь же. Но еслибы вы знали, какъ трудно съ живого человѣка сдирать кожу. Я отказалась быть его женой, и это не капризъ... мнѣ казалось, что меня обнимаетъ паукъ, и хотѣлось прямо кричать и молить о помощи. Что подѣлаешь. Онъ хорошій человѣкъ и понялъ это, просилъ только остаться съ нимъ, пока онъ не примирится съ мыслью о разлукѣ. Я согласилась, но онъ любитъ все больше и больше, ко всѣмъ ревнуетъ, все видитъ и слышитъ, точно у него сотня глазъ, хотя ничего не говоритъ. Это настоящій кошмаръ! Я всюду вижу его глаза, какъ у виноватой собаки. Онъ выслѣживаетъ меня, и я никогда не ручаюсь, что я одна, все хочется внезапно вскочить и распахнуть дверь. Я стала лгать и обманывать ради ощущенія свободы. Но толку мало. Тутъ есть что-то, отъ чего не отдѣлаешься. Какая-то невѣдомая внѣшняя сила, мы ея игрушки, и всѣ наши разсужденія летятъ вверхъ ногами, когда госпожѣ природѣ угодно бываетъ покапризничать. Какъ бороться съ ревностью, со страстью, съ отвращеніемъ? Помогаетъ только смерть. Но почему умирать должна я, а не онъ?

Она застучала по столу.

— Я, а не онъ! Но если я умру, онъ все равно не будетъ свободенъ отъ любви и горя.

Лена кусала губы:

— А если онъ?

— Тогда я вздохну свободно. Буду жалѣть объ умномъ и добромъ архитекторѣ и художникѣ, какъ жалѣютъ о талантѣ, погибшемъ вѣка два-три тому назадъ, но въ то же время буду радоваться, что меня больше не преслѣдуетъ отвратительный фавнъ. Вѣдь онъ точно изъ-подъ земли выростаетъ... Ай!...

Она вскрикнула, вскочила, разрыдалась: Леночка уронила крышку чайника, и ей показалось, что въ комнатѣ есть еще кто-то. Мы спѣшно утѣшали ее, давали капли, но она билась и кричала:

— Онъ здѣсь, вы спрятали его, скажите правду!

Съ трудомъ удалось успокоить ее, и, какъ обычно, она успокоилась внезапно, разсмѣявшись надъ собой:

— Ну, не дура ли я! Это все коньякъ! Лучше всего раздѣться и лечь.

Мы облекли ее въ японскій халатъ, причесали и заплели косу на ночь.

— «Кто прежней Тани, бѣдной Тани теперь въ княгинѣ бъ не узналъ»,—прошептала она, оглянувшись на себя въ зеркало.—Здорово я истратилась и издержалась. Я, Маша, лягу въ твою постель, она широкая и мягкая, а ты ужь переселись сегодня въ мою комнату, кстати она заготовлена для Миши, и ты будешь видѣть его во снѣ.

— Она его и на яву-то отказалась видѣть,—сорвалось у Леночки.

Таня широко раскрыла глаза

— Что я слышу! Повторите это еще разъ.

— Штурмъ сдѣлалъ мнѣ сегодня предложеніе... То есть я сдѣлала предложеніе Штурму, и онъ его принялъ,—быстро сказала я.

— Кратко и сильно. А Миша? Но откуда эта волчья тактика? Съ Мишей ты придерживалась змѣиной.

— Брани меня скорѣе и ложись въ постель.

— Нѣтъ, бранить не за что. Еслибы я во время сумѣла поступить такъ, какъ ты, не произошло бы со мной и съ Никой этого несчастья.

— И все-таки я поступаю скверно,—созналась я.—Мнѣ жаль Мишу, а я ничего не дѣлаю, чтобы смягчить ему непріятность...

— Нѣтъ ничего хуже, опаснѣе и оскорбительнѣе жалости, Маша. Она умѣстна только по отношенію къ тѣмъ, кто ниже по духу или слабѣе насъ. Моя жалость къ Никѣ—величайшая изъ мерзостей, какія я по отношенію къ нему совершала. Знаешь, я могла бы простить даже насиліе надъ собой, измѣну, грубость, но никогда не простила бы, еслибы, допустимъ, человѣкъ женился на мнѣ изъ сostраданія.

Леночка насмѣшливо пожала плечами:

— Итакъ?

— Итакъ, Миша самъ справится со своимъ горемъ и навсегда останется уважаемымъ и дорогимъ другомъ для Маши, какъ и она для него.

— Объ этомъ надо сначала спросить самого Мишу.

— Вѣрно. Но не раньше, какъ черезъ годъ. Во время болѣзненной операціи хочется умереть, а потомъ благодарить Бога за то, что не умеръ.

— Да здравствуетъ волчья тактика!

— Напрасно иронизируешь. Или тебѣ нравится, какъ я влетѣла съ овечьей?

— Не очень. Для себя я выбрала бы просто человѣческую. Оно и ближе, и естественнѣе.

— То есть?

— То есть не начинала бы того, чего не могу съ честью закончить, только и всего. Съ самаго начала было видно, что ни ты съ Никой, ни Маша съ Неждановымъ совсѣмъ не подходите другъ къ другу. Не было ни непреодолимой любви, ни исключительной духовной близости. Ну, вотъ, обѣ и влетѣли.

— А ты увѣрена въ томъ, что никогда ни въ чемъ не ошибешься и не влетишь?

— Нѣтъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что я не должна видѣть вашихъ ошибокъ и не называть вещи своими именами.

— Какъ ты называешь наши поступки?

— Твой—глупостью, а Машинъ подлостью.

— Подадимъ другъ другу руки, Маша. Мы... Впрочемъ, Лена права. Она не заставитъ страдать никого и вовсе не потому, что она безстрастна. Въ ней есть какой-то хорошій регуляторъ. Всѣ его хвалятъ и уважаютъ, то есть всѣ мужчины, конечно. Но рѣшительно никто не согласенъ любить такъ, какъ любятъ въ насъ наше змѣиное и волчье начало.

Лена нервно вмѣшалась.

— Но вѣдь и я сама люблю васъ обѣихъ, не смотря ни на что. Ругаю, осуждаю, а все-таки люблю. Мы только что говорили объ этомъ съ Машей. За минуту до твоего прихода. Я думаю, что ты останешься съ нами, Таня, совсѣмъ и навсегда. Но объ этомъ поговоримъ завтра. Ложись наконецъ.

На глазахъ у нея были слезы. Таня какъ-то поникла сразу и угасла. Потомъ подняла на Леночку печальные, спокойные глаза.

— А вѣдь я оскорбила тебя. Прости. Тебя мало цѣнятъ не потому, что ты недостаточно привлекательна, а потому, что ты создана для человѣка больше, чѣмъ для звѣря. Но еслибы ты знала, какъ силенъ проклятый звѣрь. Какъ онъ вопитъ и голоситъ и заглушаетъ всѣ человѣческія разсужденія.

Лена почти не слушала и чуть не насильно укладывала Таню. Мы сѣли у кровати въ ожиданіи, когда она уснетъ. Засыпая, она шептала:

— Пьеро сидитъ, какъ статуя... Это хорошо. Сдѣлай онъ одно только движеніе и я выброшу его за дверь.

Е. В. Бровцына.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Подоходный налогъ на Западѣ и у насъ.

Съ 1 января 1917 года у насъ будетъ взиматься общеподоходный налогъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Послѣ многихъ мытарствъ подоходный налогъ все же восторжествовалъ, одержалъ побѣду надъ своими многочисленными врагами. Въ области подоходнаго обложенія, какъ и во многомъ другомъ, мы сильно отстали. Не только Англія и Германія,—въ чемъ ничего страннаго нѣтъ,—но и Италія, Голландія, Индія опередили насъ въ этомъ отношеніи. Періодомъ борьбы за подоходный налогъ являлась на Западѣ послѣдняя четверть XIX вѣка и первое десятилѣтіе XX-го. Въ настоящее время прогрессивное подоходное обложеніе входитъ въ спеціальный инвентарь всякаго культурнаго государства наравнѣ съ конституціоннымъ строемъ, всеобщимъ обученіемъ, свободой рабочихъ союзовъ. Подоходный налогъ означаетъ проникновеніе соціальнаго момента въ налоговую систему, является признакомъ перехода отъ стараго сословнаго государства къ общественному строю, основанному на болѣе справедливыхъ началахъ. Конечно, это только первый шагъ. Въ настоящее время и въ области податной выдвигаются уже новыя требованія и осуществляются новыя мѣры. Двадцатый вѣкъ перестраиваетъ всю податную систему на совершенно новыхъ основаніяхъ. Но для этого необходимъ въ качествѣ базиса подоходный налогъ: онъ является исходной точкой для дальнѣйшихъ податныхъ реформъ въ соціальномъ направленіи.

I.

Впервые подоходный налогъ появился въ Англіи, и Англія являлась долгое время единственной страной съ подоходнымъ обложеніемъ [1]).

---

[1]) О подоходномъ налогѣ въ Англіи см. Озеровъ. Подоходный налогъ въ Англіи. 1898. Покровскій. О подоходномъ налогѣ. 1915. Dowell. Income-tax. 6 edit. 1908. Seligman. The Income Tax. 1911. Vocke. Geschichte der Steuern des Britischen Reiches. 1866.

Въ Англіи уже съ XVII ст. существовали поразрядные налоги, взимавшіеся соотвѣтственно соціальному положенію плательщика, причемъ наиболѣе высоко облагались титулованныя лица, ибо „если послѣднія и не владѣютъ крупнымъ имуществомъ, то все же титулъ обезпечиваетъ имъ такое мѣсто, котораго они въ противномъ случаѣ не могли бы занимать“. Поэтому, согласно акту 1641 г., герцогъ платилъ 100 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, маркизъ—80 ф., графъ—60 ф., виконтъ или баронъ—40 ф.; джентльменъ, если онъ расходуетъ 100 фунтовъ въ годъ, платилъ 5 ф. ст.; если его расходъ меньше, налогъ составлялъ отъ 40 до 1 шилл., а все прочее населеніе подлежало подушной подати въ 1 пенсъ. Въ этой схемѣ обложенія существенной является градація, установленная для джентльмена, хотя она приводится въ связь еще не съ доходами, а съ расходами его—въ зависимости отъ того, составляютъ ли его расходы 100, 50, 20, 10 или 5 фунтовъ, онъ платилъ налогъ въ 5 ф., 40 шилл., 5, 2 или 1 шилл.

Но тотъ же принципъ обложенія по титулу и рангу и по расходамъ проводился въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, при помощи налоговъ на роскошь—на мужскую прислугу, на лошадей, на право выставлять гербы на экипажахъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ связи съ этими налогами на роскошь или на расходы и возникъ подоходный налогъ. Онъ былъ установленъ въ самомъ концѣ XVIII ст., когда велась война съ французской республикой, чтобы „искоренить гидру революціи“, какъ говорили тогда. Государственный долгъ Англіи, составлявшій въ 1793 г. 238 милл. ф. стерл., увеличился къ 1798 г., т. е. за пять лѣтъ, еще на 118 милл. ф. или возросъ въ полтора раза. Въ Амстердамѣ возникалъ вопросъ о томъ, долго ли Англія еще въ состояніи будетъ уплачивать проценты по своимъ долгамъ, а англійскіе писатели утверждали, что либо нація должна уничтожить свои долги, либо долги уничтожатъ ее. Питтъ по старой привычкѣ прибѣгъ къ увеличенію акцизовъ и къ введенію новыхъ, причемъ „ни одного способа, кажется, не было пропущено, при помощи котораго можно было бы обложить подданнаго налогомъ; лицамъ, изобрѣтавшимъ новые налоги, выдавались награды“. Появились и новые налоги на роскошь—на женскую прислугу, на перчатки, на шляпы и часы, на пудру для волосъ, на собакъ. Они вызвали большое неудовольствіе среди аристократіи. Герцогъ Норфолькскій, одинъ изъ богатѣйшихъ людей Англіи, выразилъ свой протестъ противъ налога на пудру тѣмъ, что, вопреки установившемуся обычаю, пересталъ пудриться и запретилъ употреблять пудру своимъ слугамъ; напротивъ, герцогъ Бедфордскій устроилъ демонстрацію противъ налога, приказавъ пудрить хвосты лошадямъ. Налогъ на собакъ былъ выдуманъ нѣкіимъ Дентомъ якобы въ цѣляхъ борьбы съ водобоязнью, вызываемой большимъ количествомъ собакъ. Дентъ получилъ прозвище Dog-Dent и въ парламентѣ ему совѣтовали не

опасаться водобоязни, ибо, по существующему въ Голландіи повѣрью, укушеніе бѣшеной собаки дѣлаетъ человѣка умнымъ. Жаловались и на то, что налогъ вызоветъ избіеніе собакъ, а между тѣмъ „армія собакъ въ Ямайкѣ сражается успѣшно съ бѣглыми невольниками, поддерживая дѣло общественнаго порядка, гуманности и религіи (!!)".

Но протесты и насмѣшки не остановили Питта; онъ, напротивъ, еще усилилъ обложеніе состоятельныхъ лицъ, заставивъ въ 1798 г. тѣхъ, кто уплачивалъ налоги на роскошь (на мужскую прислугу, лошадей, собакъ, часы и т. д.), вносить еще дополнительный налогъ, который взимался сообразно размѣру налоговъ на роскошь. Если сумма налоговъ на роскошь, уплачиваемыхъ даннымъ лицомъ, составляла менѣе 25 фунтовъ ст., то дополнительный налогъ взимался въ троекратномъ размѣрѣ этой суммы, если налоги на роскошь равнялись 25—30 ф. ст., то добавочный налогъ устанавливался въ $3^1/_2$ кратномъ размѣрѣ; при болѣе высокой суммѣ налоговъ на роскошь дополнительный налогъ уплачивался въ 4, $4^1/_2$ и 5-кратномъ размѣрѣ. Мало того, Питтъ не ограничился чисто-механическими надбавками къ налогамъ на роскошь, но установилъ и извѣстную связь между добавочнымъ налогомъ и доходомъ плательщика. Именно добавочный налогъ не долженъ былъ вовсе распространяться на лицъ съ доходомъ ниже 60 фунт. ст.; съ тѣхъ, кто имѣетъ 60—65 ф. ст., онъ не долженъ превосходить $^1/_{120}$ дохода; при доходѣ въ 65—70 ф. ст. онъ не долженъ превышать $^1/_{95}$ дохода и т. д.,—вплоть до дохода въ 200 ф. ст. и выше, когда добавочный налогъ долженъ составлять не свыше $^1/_{10}$ дохода. При этомъ плательщикъ, находящій, что взимаемый съ него добавочный налогъ выше указанныхъ предѣльныхъ нормъ, долженъ подать объ этомъ заявленіе, представить декларацію размѣровъ своего дохода за своей подписью и за подписью двухъ свидѣтелей; если комиссіонеры внутренняго обложенія, какъ они назывались, признавали ходатайство правильнымъ, то они понижали налогъ.

Какъ мы видимъ, въ приведенномъ законѣ 1798 г. имѣются уже главные элементы подоходнаго обложенія. Установленъ свободный отъ обложенія прожиточный минимумъ, такъ какъ лица, имѣющія менѣе 60 фунтовъ дохода, не подлежали совсѣмъ добавочному налогу. Установлена прогрессія въ обложеніи (отъ 0,8 проц. дохода), такъ какъ добавочный налогъ не долженъ превышать на низшей ступени $^1/_{120}$ дохода, на дальнѣйшихъ ступеняхъ $^1/_{95}$, $^1/_{70}$, $^1/_{65}$, $^1/_{60}$ и т. д., на высшей же ступени (при доходѣ свыше 200 ф. ст.) онъ можетъ доходить до $^1/_{10}$ дохода. Есть и зачатки деклараціи: кто желаетъ воспользоваться правомъ быть обложеннымъ не свыше опредѣленной части дохода, долженъ сообщить, каковъ этотъ доходъ, декларировать его размѣры. Не хватало лишь одного—нужно было разорвать связь между нало-

гами на роскошь и подоходнымъ налогомъ. Вмѣсто того, чтобы подоходный налогъ взимался въ опредѣленномъ кратномъ отношеніи къ налогамъ на роскошь, не превышая лишь извѣстной доли дохода, необходимо было установить, что онъ попросту долженъ равняться такой то и такой-то части дохода. Такъ и поступилъ Питтъ въ слѣдующемъ году, сохранивъ лишь вторую часть прежняго закона—предѣльные оклады налога были сдѣланы нормальными. Налогъ освободился отъ своей скорлупы въ видѣ налоговъ на роскошь и выступилъ на свѣтъ въ чистой формѣ подоходнаго налога, взимаемаго въ зависимости исключительно отъ величины дохода, причемъ плательщикъ обязанъ былъ объявить свой доходъ—подать декларацію.

Подоходный налогъ былъ введенъ на покрытіе расходовъ, вызываемыхъ войной, и какъ только въ 1802 г. былъ заключенъ Амьенскій миръ, такъ тотчасъ же въ парламентъ посыпались петиціи съ требованіями объ отмѣнѣ этого „дьявольскаго“ налога, ибо онъ противорѣчитъ основамъ британской конституціи и правамъ и привилегіямъ жителей свободной страны и наноситъ ущербъ торговлѣ, промышленности и кредиту; населеніе скорѣе готово—говорилось въ петиціяхъ—отдать девять десятыхъ своего имущества государству, чѣмъ уплачивать этотъ ненавистный налогъ. Пришлось отмѣнить подоходный надогъ, сохраняя его про запасъ на будущее время.

Но уже годъ спустя возобновившіяся военныя дѣйствія снова заставили Англію прибѣгнуть къ нему. Форма обложенія и все построеніе его были однако значительно измѣнены. Прежняя форма, при которой устанавливался весь доходъ даннаго лица, независимо отъ того, изъ какихъ источниковъ онъ получался, причемъ обязательна была подача деклараціи о доходѣ, являлась слишкомъ совершенной для того времени, была сопряжена въ тѣ времена со слишкомъ большими затрудненіями. Питту принадлежитъ большая заслуга въ томъ, что онъ впервые создалъ подоходный налогъ, включилъ его въ податную систему Англіи, провозгласилъ самый принципъ подоходнаго обложенія. Но онъ игнорировалъ при построеніи этого налога историческій опытъ прошлаго, условія соціальной жизни и податную технику того времени. Въ Англіи, классической странѣ свободы индивида, органы правительства не могутъ проникать въ домъ, поскольку они не посланы судьей; это было бы нарушеніемъ свободы. „My home is my castle“. Населеніе помнило еще тѣ времена, когда существовалъ поочажный сборъ, при которомъ сборщики налога могли входить въ домъ и провѣрять количество очаговъ; этотъ налогъ создавалъ рабство для населенія, — жаловались впослѣдствіи въ парламентѣ, — ибо чужіе люди могли вторгаться въ жилище и производить обыски. Онъ былъ одной изъ причинъ изгнанія Стюартовъ и съ воцареніемъ

Вильгельма III въ 1689 г. былъ немедленно отмѣненъ. Теперь, съ введеніемъ подоходнаго налога, чиновникамъ, правда, не предоставлялось права проникать въ жилище англичанина, но за то послѣдній обязанъ былъ сообщать размѣръ всего своего дохода и давать возможность посторонним лицамъ провѣрять правильность этого заявленія. Въ этомъ правѣ податныхъ органовъ выяснять доходъ каждаго лица англичане усматривали нарушеніе свободы личности, вмѣшательство въ частную жизнь. Злоупотребленія фискальныхъ органовъ, ихъ жестокое отношеніе къ населенію было еще у всѣхъ въ памяти,—времена Стюартовъ еще не были забыты.

По этой причинѣ преемникъ Питта, Аддингтонъ, возстановляя подоходный налогъ въ 1803 году, построилъ его на иныхъ основаніяхъ,—онъ разбилъ весь доходъ на 5 частей, на тѣ пять шедулъ, которыя сохранились и до настоящаго времени. Плательщику не приходилось сообщать общей суммы своего дохода; послѣдняя оставалась тайной. Онъ уплачивалъ доходъ по отдѣльнымъ источникамъ; для каждаго вида доходовъ устанавливался какъ бы самостоятельный налогъ. По шедулѣ A облагалась недвижимость— земли и дома; по шедулѣ B доходъ отъ сельскаго хозяйства,—доходъ фермера; въ шедулу C входятъ доходы отъ государственной ренты и различныхъ иныхъ фондовыхъ бумагъ; шедула D обнимаетъ всѣ доходы отъ промышленности, торговли и всякаго рода профессій; наконецъ, по шедулѣ E облагаются жалованія и пенсіи чиновниковъ.

При этомъ не только общая сумма дохода является тайной, не только устранена ненавистная плательщикамъ декларація о доходѣ (только по шедулѣ D она сохранилась), но и отдѣльные виды доходовъ облагаются не на основаніи опредѣленія дѣйствительнаго размѣра дохода, а по извѣстнымъ нормамъ, по столь распространенной въ тѣ времена и столь свойственной прежней эпохѣ системѣ внѣшнихъ признаковъ. Такъ, напр., доходъ землевладѣльца (шедула A) предполагался равнымъ той рентѣ, которую могъ бы доставлять земельный участокъ, будучи сданъ въ аренду; доходъ арендатора (шедула B) предполагался равнымъ $^3/_4$ уплачиваемой имъ ренты. Другіе виды доходовъ—отъ государственныхъ фондовъ, доходы чиновниковъ—были извѣстны и выясненіе ихъ не требовало никакихъ заявленій со стороны плательщиковъ и никакой провѣрки. Но законъ 1808 г. (и поправки къ нему слѣдующихъ лѣтъ) и тутъ упростилъ технику обложенія,—налогъ уплачивался у источника, онъ вычитался при самой выплатѣ жалованія, пенсіи, процентовъ съ фондовыхъ бумагъ. Точно также фермеръ уплачивалъ налогъ не только со своего дохода, но и съ дохода собственника земли и затѣмъ вычиталъ его при внесеніи арендной платы; должникъ уплачивалъ налогъ съ процентовъ, причитающихся кредитору, и вычиталъ его при уплатѣ долга,—избѣга-

лось, слѣдовательно, непосредственное обращеніе къ землевладѣльцу и кредитору.

Такимъ образомъ подоходный налогъ распался какъ бы на рядъ налоговъ, обложеніе пріобрѣло упрощенный характеръ, устанавливалось на основаніи опредѣленныхъ нормъ. Налогъ взимался автоматически, почти незамѣтно для плательщика,—къ послѣднему нерѣдко вовсе не обращались, не спрашивали его о тѣхъ или другихъ доходахъ, не безпокоили его. Вычетъ налога производился изъ причитающихся ему получевій, какъ бы за спиной плательщика, подобно тому, какъ акцизъ совершенно невидимо для плательщика включается въ цѣну покупаемаго имъ товара.

Конечно, эта упрощенная техника взиманія имѣла и свои отрицательныя стороны. Она была несовмѣстима съ новыми принципами обложенія—свободнымъ отъ налога прожиточнымъ минимумомъ и прогрессіей въ ставкахъ налога. Освобожденіе лицъ съ очень малымъ доходомъ было необходимо, такъ какъ при небольшомъ доходѣ трудно покрыть даже самые необходимые расходы и никакого избытка, который могъ бы быть отданъ государству, не остается; уплата налога въ этомъ случаѣ обозначала бы сокращеніе самыхъ насущныхъ потребностей. При болѣе значительномъ доходѣ взиманіе налога уже возможно, но на низшихъ ступеняхъ дохода оно не можетъ составлять большого процента дохода, тогда какъ съ возростаніемъ дохода этотъ процентъ можетъ и долженъ повышаться: чѣмъ крупнѣе доходъ, тѣмъ большая доля его остается свободной за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей плательщика и его семьи и, слѣдовательно, тѣмъ большую часть дохода плательщикъ обязанъ передать государству на общія нужды населенія.

Правда, кое-что въ этомъ направленіи было допущено въ Англіи закономъ 1803 года: лица съ доходомъ не свыше 50 фунтовъ стерл. были изъяты отъ налога, а лица съ доходомъ отъ 50 до 150 фунт. облагались въ пониженномъ размѣрѣ; при 150 фунт. наступало обложеніе въ 5 проц., которое сохранялось и на всѣхъ дальнѣйшихъ ступеняхъ обложенія; такъ что лишь до 150 ф. дохода процентъ обложенія возросталъ съ увеличеніемъ дохода, при болѣе же высокомъ доходѣ уже устанавливался пропорціональный налогъ. Кромѣ того, только тотъ могъ воспользоваться освобожденіемъ отъ налога или обложеніемъ въ пониженномъ размѣрѣ, кто доказалъ, что общая сумма его дохода не превышаетъ 50 фунтовъ въ первомъ и 150 фунтовъ во второмъ случаѣ; иначе говоря, эти льготы предоставлялись лишь тому, кто соглашался на выясненіе совокупности дохода, на подсчетъ дохода по всѣмъ источникамъ, вмѣстѣ взятыхъ, и кто подавалъ объ этомъ декларацію. Такъ что въ этихъ случаяхъ необходимо было отступленіе отъ обложенія дохода по частямъ, безъ всякой связи между ними, отъ упрощенной и авто-

матической техники обложенія,—лучшее подтвержденіе того принципа, что свойственные подоходному налогу признаки въ видѣ изъятія прожиточнаго минимума, скидокъ и т. д. мыслимы лишь тогда, когда имѣется дѣйствительно подоходный налогъ, т. е. налогъ, взимаемый съ общей суммы дохода.

II.

Ту форму, которую англійскій подоходный налогъ получилъ въ 1803 году, онъ сохранилъ вплоть до начала двадцатаго вѣка. Лишь въ послѣдніе годы были введены существенныя измѣненія, хотя система пяти шедулъ существуетъ и въ настоящее время. Но было бы ошибочно думать, что налогъ взимался непрерывно втеченіе свыше столѣтія: онъ просуществовалъ въ своей новой формѣ всего нѣсколько лѣтъ, затѣмъ былъ отмѣненъ и лишь 30 лѣтъ спустя снова возстановленъ на прежнихъ началахъ.

Подоходный налогъ разсматривался въ качествѣ чрезвычайной мѣры,—рессурса, необходимаго на веденіе войны. Поэтому,—какъ мы видѣли,—онъ былъ отмѣненъ въ 1802 г. и снова введенъ въ 1803 г.; по той же причинѣ въ 1815 году, послѣ заключенія мира, населеніе настаивало на упраздненіи его. Когда военный деспотизмъ Франціи—говорится въ одной изъ петицій, поданныхъ въ парламентъ,—угрожалъ свободѣ и независимости Европы, населеніе охотно несло это бремя, не имѣвшее прецедентовъ въ исторіи; но теперь, когда Франція побѣждена дважды и занята военной силой, настало время уничтожить его. Въ другой петиціи аргументируется нѣсколько иначе: налогъ этотъ созданъ былъ для гнусной цѣли—поддерживать Людовика XVIII на тронѣ Франціи противъ желанія французскаго народа, съ помощью иностранной арміи, оплачиваемой англійскимъ народомъ; а теперь онъ даетъ возможность содержать въ Англіи военную силу, которая и здѣсь угрожаетъ свободѣ населенія.

Петиціи подавались въ огромномъ количествѣ, были среди нихъ такія, какъ, напр., петиція отъ Сомерсетшира въ 25 ярдовъ длины (ярдъ почти равенъ метру), причемъ подписи шли въ два ряда. Даже рабочіе, не платившіе налога, протестовали противъ него, усматривая въ немъ причину своего бѣдственнаго положенія. Больше всего кричали, конечно, промышленники, о которыхъ еще Вальполь сказалъ, что они не позволятъ вырвать у себя ни одного клочка шерсти безъ того, чтобы не оглушить весь приходъ своими криками. Лишь немногіе благоразумные люди старались „остановить этотъ потокъ общественнаго шума, который заглушаетъ голосъ разсудка". „Здѣсь говорилось,—заявлялъ канцлеръ казначейства въ парламентѣ—что сохраненіе подоходнаго налога есть заговоръ богатыхъ противъ бѣдныхъ. Нѣтъ, я бы сказалъ наоборотъ: отмѣна этого налога была бы заговоромъ, такъ какъ это

взвалило бы на бѣдныхъ то податное бремя, котораго они въ противномъ случаѣ избѣгли бы“.

Налогъ былъ отмѣненъ въ 1816 г. Но лордъ Брумъ внесъ кромѣ того предложеніе объ уничтоженіи всѣхъ документовъ, относящихся къ подоходному налогу. Предложеніе было принято, причемъ первоначально предполагалось выскоблить имена плательщиковъ, самые же списки и деклараціи сохранить. Но палата постановила по-просту сжечь всѣ документы, и уже черезъ нѣкоторое время она затребовала отъ податныхъ учрежденій отчетовъ относительно выполненія этой операціи. Такое ауто-да-фе не являлось, повидимому, въ Англіи чѣмъ-либо необычайнымъ; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что въ 1806 году, когда былъ отмѣненъ налогъ на желѣзо и на пивовареніе для собственныхъ надобностей, всѣ относящіеся къ этимъ налогамъ документы, по приказанію палаты общинъ, были сожжены. Но такой образъ дѣйствія во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, какой страхъ состоятельные классы въ Англіи питали передъ подоходнымъ обложеніемъ, какъ они хотѣли устранить самую мысль о возможности возвращенія его, уничтожить даже воспоминаніе о немъ, стереть всѣ слѣды подоходнаго обложенія съ лица земли.

Но это не удалось. Подоходный налогъ былъ отмѣненъ, но населеніе его не забыло. Во многихъ петиціяхъ рабочаго класса, поданныхъ въ парламентъ въ началѣ 1830-хъ годовъ, снова упоминается о необходимости подоходнаго обложенія. Рабочіе жалуются на тяжелое бремя косвенныхъ налоговъ, просятъ объ уменьшеніи косвеннаго обложенія и о замѣнѣ его прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ; послѣдній долженъ достигать при доходѣ свыше 8 тысячъ фун. ст. 25 проц. съ дохода. Жалобы усиливаются, ибо косвенное обложеніе втеченіе 30-хъ годовъ становится нестерпимымъ. Акцизы взимаются со всего рѣшительно: облагается ситецъ и коленкоръ, мыло и свѣчи, кирпичъ и черепица, стекло, крахмалъ, бумага; облагается, слѣдовательно, чистота тѣла, наука и образованіе, замѣна деревянныхъ построекъ каменными. „Налоги—говорилъ лордъ Брумъ — установлены на все, что попадаетъ въ ротъ, покрываетъ тѣло или лежитъ подъ ногами; налоги существуютъ на все, что пріятно видѣть, слышать, чувствовать, нюхать или вкушать; налоги—на все на землѣ, въ водѣ и подъ землею; на все, что произростаетъ дома или привозится изъ-за границы; налоги—на сырые матеріалы и на издѣлія изъ нихъ, полученныя трудомъ человѣка; налоги—на всякій кусокъ хлѣба, который съѣдаетъ здоровый человѣкъ, и на всякое лекарство, которое принимаетъ больной; налогъ на горностай, который украшаетъ судью, и на веревку, на которой вѣшаютъ преступника; налогъ на ленты для подвѣнечнаго платья и на бронзовые гвозди для гроба... Умирающій англичанинъ наливаетъ лекарство, съ котораго взимается налогъ въ 7 проц., въ ложку, которая оплачивается

налогомъ въ 15 проц., и ложится въ постель, налогъ съ которой составляетъ 22 проц. ея стоимости; онъ составляетъ завѣщаніе, за которое платитъ 8 фунтовъ ст. пошлины, и испускаетъ духъ на рукахъ врача, который уплачиваетъ 100 фунт. ст. за привилегію довести его до смерти. Все его имущество облагается 2—10-проц. налогомъ, его добродѣтели возвѣщаются потомству на обложенномъ налогомъ мраморѣ, а главное—онъ самъ отправляется ad patres, чтобы ужь болѣе не платить никакихъ налоговъ".

Противниками акцизовъ были не только рабочіе, но и фабриканты, находившіе, что они удорожаютъ производство и затрудняютъ вывозъ англійскихъ издѣлій за границу. Они отрицательно относились и къ таможенному протекціонизму, къ пошлинамъ на привозные товары. Къ этому присоединился дефицитъ въ бюджетѣ, который невозможно было покрыть дальнѣйшимъ повышеніемъ косвенныхъ налоговъ. Въ этомъ отношеніи были достигнуты предѣлы обложенія. Единственнымъ доходомъ являлся подоходный налогъ. Пиль заключилъ съ промышленниками какъ бы молчаливое соглашеніе: они покупали себѣ свободу торговли подоходнымъ налогомъ. Акцизы понижались, хлѣбные законы и многочисленныя иныя пошлины отмѣнялись, но поступленія отъ нихъ съ избыткомъ покрывались подоходнымъ налогомъ, такъ что дефицитъ въ бюджетѣ устранялся, а принципы фритредерства осуществлялись.

Дѣйствительно, въ 1840-хъ годахъ была произведена коренная реформа. Хлѣбные законы въ 1846 г. были упразднены и замѣнены номинальной пошлиной въ 1 шилл. съ квартера. Изъ 1200 статей таможеннаго тарифа 750 было понижено; въ 1846 г. число статей тарифа сократилось до 500. А вмѣстѣ съ тѣмъ появился подоходный налогъ съ 1842 года. Пиль оправдывалъ введеніе его крайней необходимостью. Онъ успѣлъ сдѣлать столь непопулярный подоходный налогъ почти популярнымъ, сдѣлавъ его средствомъ уничтоженія большого количества налоговъ, которые стѣсняли промышленность на каждомъ шагу и были болѣе обременительны, чѣмъ самый подоходный налогъ.

Промышленники заключили выгодную сдѣлку. Пиль заявилъ имъ: „я вамъ дамъ огромное благодѣяніе, но за это вы должны заплатить; я вамъ дамъ торговлю всего міра, но я обращаюсь къ вашимъ доходамъ". Но, не смотря на выгодность введенія подоходнаго налога для торговопромышленнаго класса, послѣдній „съ присущей ему привычкой торговаться, и въ этомъ случаѣ считалъ не лишнимъ прибѣгнуть къ тому же пріему, который нерѣдко въ частной жизни приводилъ къ выгоднымъ результатамъ", тѣмъ болѣе, что иниціатива введенія налога исходила отъ правительства, слѣдовательно, создавала выгодное положеніе для представителей торговли и промышленности. Этимъ объясняются, повидимому, тѣ протесты, которые и теперь раздавались противъ возста-

новленія подоходнаго налога. Въ петиціяхъ говорилось объ инквизиторскомъ характерѣ налога, о томъ, что онъ обозначаетъ гибель англійской свободы, что уничтоженіе его привѣтствовалось съ такой же радостью, какъ прекращеніе чумы или пораженіе вражеской арміи. „Times“ писалъ, что для подоходнаго налога нѣтъ ничего святого, „онъ вмѣшивается въ брачныя и родственныя отношенія, поскольку они отражаются въ завѣщаніяхъ, отыскиваетъ контракты и документы въ письменныхъ столахъ и извлекаетъ ихъ на свѣтъ; онъ стоитъ у дверей лавокъ и ведетъ счетъ покупателямъ, онъ вскакиваетъ въ коляску врача и подсчитываетъ полученный имъ гонораръ, онъ высчитываетъ помощь, оказываемую старикамъ... Мы, пожалуй,—заключаетъ авторъ статьи—ничего не имѣли бы противъ допущенія цѣлой арміи солдатъ въ свои дома, когда врагъ находится поблизости, но есть ли это достаточное основаніе къ тому, чтобы поставить въ наши дома взводъ мушкетеровъ навсегда?“ Говорилось и о томъ, что подоходный налогъ необходимо беречь, какъ рессурсъ на время войны. „Что подумаютъ за границей, когда узнаютъ, что мы прибѣгаемъ къ такому источнику? Это произведетъ тамъ впечатлѣніе, что другихъ источниковъ у насъ нѣтъ, что Англія изнемогаетъ въ борьбѣ за существованіе, что наша страна не подготовлена къ войнѣ“.

Въ виду этого подоходный налогъ былъ введенъ лишь въ качествѣ временной мѣры на три года. Онъ былъ построенъ по прежнему по системѣ 5 шедулъ, общую же сумму дохода плательщикъ обязанъ былъ показать только въ томъ случаѣ, когда онъ желалъ воспользоваться освобожденіемъ отъ уплаты налога или пониженіемъ его. Первое было опредѣлено при доходѣ ниже 150 ф. ст., второе—для всѣхъ доходовъ до 200, позже до 400 фунт. ст. Въ 1845 г., по истеченіи трехлѣтняго срока, налогъ былъ продолженъ снова на три года; это повторялось еще нѣсколько разъ до начала 50-хъ годовъ. Но раздавались голоса за упраздненіе подоходнаго налога, такъ какъ онъ свою задачу выполнилъ—реформа 40-хъ годовъ была осуществлена. На такой точкѣ зрѣнія стоялъ и Гладстонъ, называвшій подоходный налогъ грандіознымъ орудіемъ, необходимымъ въ критическій моментъ, но излишнимъ въ обычное время. Джонъ Ст. Милль утверждалъ, что, будучи въ принципѣ наиболѣе справедливымъ изъ всѣхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, подоходный налогъ въ жизни оказывается менѣе справедливымъ, чѣмъ другіе налоги, вызывающіе на первый взглядъ много сомнѣній. Милль считалъ поэтому наиболѣе правильной старую теорію, согласно которой прямые налоги должны примѣняться лишь въ качествѣ чрезвычайной мѣры въ годы нужды, когда передъ необходимостью быстраго увеличенія государственныхъ доходовъ всѣ прочія соображенія должны отступать на второй планъ. Въ виду этого въ 1853 г. рѣшено было сохранить по-

доходный налогъ лишь на 7 лѣтъ, но затѣмъ покончить съ нимъ; обложеніе втеченіе этого семилѣтія должно было постепенно понижаться и въ 1860 г. совершенно прекратиться.

Крымская кампанія разрушила всѣ планы. Налогъ, составлявшій въ періодъ 1842—1853 гг. 7 пенсовъ съ фунта стерл. или почти 3 проц. дохода, вмѣсто пониженія до 6 и 5 пенсовъ, какъ предполагалось, былъ повышенъ въ 1854—56 гг. до 14 и 16 пенсовъ, т. е. до 5,8—6,7 проц. дохода. Изъ 77½ милліоновъ фунт., истраченныхъ на военныя нужды, 42½ милл. были покрыты займами, 24 милл. подоходнымъ налогомъ и всего 11 милл. прочими налогами. Подоходный налогъ такимъ образомъ снова, уже въ третій разъ, оказался тѣмъ фискальнымъ оружіемъ, которое вынимается и пускается въ ходъ во время войны.

Любопытно, что еще въ 1860 г., когда вызванные войной расходы были окончательно ликвидированы и послѣдніе остатки таможеннаго протекціонизма уничтожены, возникла снова мысль о томъ, нельзя ли вычеркнуть подоходный налогъ изъ англійскаго бюджета. Но оказалось, что, въ случаѣ отмѣны его, получилось бы еще болѣе неравномѣрное обложеніе, чѣмъ то, которое имѣется при подоходномъ налогѣ. Населеніе постепенно освоилось съ этимъ налогомъ, признало его необходимой составной частью бюджета. Борьба противъ налога мало-по-малу затихла, раздавались лишь отдѣльныя жалобы, одинокіе голоса.

Но если подоходному налогу уже не приходилось болѣе бороться за свое существованіе, то имущіе классы все же вели съ нимъ борьбу въ другой формѣ—старались держать процентъ обложенія возможно ниже, сдѣлать налогъ нечувствительнымъ, вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ обложенія. Появилась „теорія резерва и низкаго уровня". Подоходнымъ налогомъ слѣдуетъ пользоваться и въ обыкновенное время, но только взимая его въ невысокомъ размѣрѣ для того, чтобы онъ являлся резервомъ на черный день, на случай необходимости. Всякій лишній пенсъ обложенія понижаетъ способность налога выступить въ качествѣ сильнодѣйствующаго средства въ случаѣ нужды. „Вспоминая тѣ великія задачи, которыя выполнили Питтъ, Пиль и Гладстонъ при помощи подоходнаго налога и осуществленіе которыхъ было бы немыслимо безъ него,—говорилъ одинъ авторъ въ 1892 г.—и имѣя въ виду, что въ немъ мы имѣемъ важный рессурсъ въ случаѣ войны или для разрѣшенія великихъ экономическихъ реформъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что сохраненіе этого налога въ нашей податной системѣ являлось мудрымъ рѣшеніемъ. Но для того, чтобы обезпечить себѣ его помощь въ часъ нужды, необходимо пользоваться имъ въ нормальное время лишь въ минимальныхъ размѣрахъ". „Въ этомъ случаѣ и дурныя свойства его чувствуются меньше и не являются чрезмѣрной преміей за тѣ

почти неисчислимыя благодѣянія, которыя онъ способенъ оказать въ моментъ національной опасности“.

Дѣйствительно, втеченіе всего тридцатилѣтія 1864—1894 гг. подоходный налогъ въ Англіи составлялъ лишь два раза, въ 1886 и 1887 гг., 8 пенсовъ съ фунта стерл. или $3^1/_3$ проц. дохода, обычно же равнялся всего 4—6 пенсамъ или 1,7—2,5 проц. дохода, а въ нѣкоторые годы понижался до 3 и даже 2 пенсовъ, т. е. до 1,25 проц. или падалъ ниже 1 проц. (0,8 проц.). Въ 1895—1900 гг. онъ составлялъ снова 8 пенсовъ и только подъ вліяніемъ бурской войны повысился до 12—15 пенс., т. е. до 5—6 проц. съ дохода, выполняя снова обязанности военнаго налога, „резерва, привлекаемаго въ грозный часъ опасности“. Въ повышеніи его втеченіе всего мирнаго періода 1860—1900 гг. не было надобности, такъ какъ богатство англійскаго населенія быстро возростало и поэтому каждый пенсъ налога, взимаемый съ фунта стерл., съ теченіемъ времени доставлялъ гораздо больше, чѣмъ раньше. По вычисленіямъ Bowley, народный доходъ Англіи, составлявшій въ 1860 г. 700 милліоновъ фунтовъ стерл., повысился уже спустя десять лѣтъ до 950 милл., т. е. на 35 проц., въ 1880 г. до 1.150 милл., а въ 1890 г. до 1.350 милл., въ 1900 г. онъ рявнялся 1.650 милл., т. е. успѣлъ увеличиться за одно лишь послѣднее десятилѣтіе болѣе чѣмъ на 20 проц., а за весь 40-лѣтній періодъ 1860—1900 гг.—на 130 проц., между тѣмъ какъ населеніе въ Соединенномъ Королевствѣ за то же сорокалѣтіе возросло всего съ 30 до $41^1/_2$ милл. или на 40 проц. Поступленія подоходнаго налога при 1 пенсѣ съ фунта составляли въ 1843 г. всего 772 тысячи фунт стерл., а 20 лѣтъ спустя 1,2 милл. фунт., еще черезъ 20 лѣтъ, въ 1880 г., 1,9 милл., въ 1895 г. 2 милл. и въ 1909 2.8 милл. Въ 1885 г. общія поступленія отъ подоходнаго налога равнялись 13 милл. ф. ст. или шестой части бюджета, въ 1907 году онъ достигалъ 32,4 милл., что равнялось четверть бюджета.

III.

Втеченіе столѣтія подоходный налогъ въ Англіи почти совершенно не измѣнялъ своего первоначальнаго характера. Повышался и понижался размѣръ обложенія, нѣсколько измѣнялись скидки для небольшихъ доходовъ, но система и организація оставалась та же. За это время подоходный налогъ успѣлъ распространиться по Европѣ; въ другихъ государствахъ стали примѣнять принципъ прогрессивнаго обложенія, продолжая прогрессію вплоть до самыхъ высшихъ ступеней, стали допускать пониженное обложеніе для тѣхъ плательщиковъ, которые вынуждены прокармливать большую семью, стали принимать во вниманіе помимо размѣровъ дохода (объективныя условія) и другіе семейные и хозяйственные моменты (субъективные). Все это мыслимо было, конечно, лишь при опредѣленіи всей совокупности дохода; плательщикъ сообщаетъ

ее въ подаваемой имъ деклараціи, которая провѣряется различными способами. Проводится и разграниченіе между доходами, заработанными личнымъ трудомъ и зависящими отъ трудоспособности человѣка, его жизни и здоровья, съ одной стороны, и тѣми доходами, съ другой стороны, которые получаются отъ земли и капитала, получаются и въ томъ случаѣ, если плательщикъ не ударилъ палецъ о палецъ, и имѣютъ постоянный, вѣчный характеръ. Для доходовъ второй категоріи вводится повышенное обложеніе обыкновенно въ формѣ дополнительной къ подоходному налогу поимущественной подати, взимаемой со всякаго имущества; но только съ имущества, такъ что тотъ, кто живетъ съ одного лишь труда, ему не подлежитъ.

Континентъ Европы и Америка создали такимъ образомъ новую, болѣе совершенную, организацію подоходнаго обложенія. Англія же все оставалась при своей прежней формѣ подоходнаго налога, введенной Аддингтономъ въ 1803 году, возстановленной въ 1842 году и сохранявшейся еще въ началѣ XX вѣка. Первоначально на подоходный налогъ смотрѣли, какъ на временную мѣру, и поэтому о реоганизаціи его и не думали. Позже, когда пришлось признать, что вычеркнуть подоходный налогъ изъ англійскаго бюджета невозможно, стали обращать вниманіе на устарѣлость его организаціи, на необходимость введенія новыхъ началъ въ подоходное обложеніе. Но всѣ попытки ударялись объ одно препятствіе,—отсутствіе деклараціи о суммѣ дохода. Нужно было прежде всего отказаться отъ взиманія какъ бы пяти самостоятельныхъ налоговъ по пяти шедуламъ, отказаться отъ взиманія налога у источника, отказаться, слѣдовательно, отъ столь удобнаго для плательщика, какъ и для казны, автоматическаго характера обложенія. Но кто рискнулъ бы на такую коренную реформу, кто рѣшился бы отказаться отъ формъ, съ которыми свыклось англійское населеніе и вернуться къ первоначальной системѣ подоходнаго обложенія, вызвавшей столько неудовольствія въ свое время? Двѣ трети всѣхъ поступленій отъ подоходнаго налога получалось путемъ такихъ вычетовъ у источника, взимались раньше, чѣмъ доходъ попалъ въ руки того лица, которому онъ причитается, безъ какихъ бы то ни было разслѣдованій объ имущественномъ положеніи и доходахъ этого лица. А при сохраненіи этой системы мыслимы были лишь частичныя улучшенія. Наиболѣе важное изъ нихъ заключалось въ томъ, что пониженное обложеніе, установленное для доходовъ до 400 ф. ст. (доходы не свыше 150, позже 160 фунт. вовсе изъяты), было распространено на доходы до 500 фунт. ст., а съ 1898 года на доходы до 700 фунтовъ. Именно при доходѣ до 400 фунт. вычитается 160 фунт., такъ что обложенъ лишь доходъ въ 240 фунт., при доходѣ въ 400—500 фунт. вычитается 150 ф., при доходѣ въ 500—600 фунт. вычетъ составляетъ 120 ф., а изъ доходовъ въ 600—700 вычитается 70 фун-

ковъ. Для доходовъ до 700 фунтовъ, т. е. до 7,000 рублей, получается, слѣдовательно, прогрессивное обложеніе или точнѣе,—какъ оно именуется въ наукѣ—дегрессивное обложеніе, ибо оно все же заканчивается на 700 ф. и затѣмъ уже становится пропорціональнымъ. На первый взглядъ между дегрессіей и прогрессіей нѣтъ существенной разницы; однако, если ближе присмотрѣться, они отличаются другъ отъ друга, „какъ оборона отъ наступленія“. Дегрессивный налогъ сохраняетъ принципъ пропорціональнаго обложенія, но только старается облегчить мелкихъ плательщиковъ, понижать для нихъ бремя налога. Напротивъ, прогрессивный налогъ послѣдовательно осуществляетъ принципъ возростанія процента обложенія съ ростомъ дохода, стараясь захватить крупные доходы, „преслѣдуя одновременно цѣли политическаго, соціальнаго и фискальнаго характера“.

Но даже и это дегрессивное обложеніе достигалось путемъ весьма искусственныхъ мѣръ. Для того, чтобы воспользоваться дегрессіей или вовсе быть изъятымъ отъ налога, если общая сумма дохода не превышаетъ 150 фунт. ст., плательщикъ вынужденъ, уплативъ уже налогъ по соотвѣтствующимъ шедуламъ, подать заявленіе объ общей суммѣ своихъ доходовъ съ просьбой вернуть ему излишне уплаченный налогъ обратно. Иначе и быть не можетъ при обложеніи по шедуламъ, при взиманіи налога у источника, нерѣдко за другихъ лицъ (за землевладѣльца, за кредитора). Какъ бы незначительна ни была уплачиваемая въ томъ или другомъ случаѣ сумма налога, доходъ, съ котораго она взимается, вѣдь можетъ оказаться частью весьма крупнаго дохода. Поэтому и приходится сначала платить налогъ, а потомъ требовать его обратно. Въ началѣ XX вѣка среди 1.100.000 плательщиковъ съ доходомъ въ 700 милл. ф. ст. имѣлось около семисотъ тысячъ лицъ съ доходомъ въ 250 милліоновъ фунтовъ, декларировавшихъ свой доходъ съ цѣлью воспользоваться правомъ на пониженіе обложенія, такъ какъ доходъ ихъ не достигалъ 700 фунт. Этимъ лицамъ выплачивалось обратно около 1.600.000 фунтовъ ст., т. е. казна возвращала около 16 милліоновъ рублей обратно—такимъ путемъ осуществлялась дегрессія въ подоходномъ налогѣ.

Первую значительную реформу въ англійскомъ подоходномъ обложеніи произвелъ Асквитъ въ 1907 году[1]). Не измѣняя общей организаціи налога, онъ внесъ однако слѣдующее новшество: провелъ различіе между „заработанными“ (earned) и „незаработанными“ (inearned) доходами,—въ первымъ отнесены жалованья,

[1]) Относительно новѣйшихъ реформъ въ подоходномъ обложеніи Англіи см. The Lords Debate on the Finance Bill. 1909. Hansard. Parliamentary Debates. Commons. Vol. 4 p. 1954 sqq. vol. 5. p. 514 sqq. Escarra. Les modifications apportées à l'income-tax par le finance-act de 1909—10, а также Bulletin de statist. et legisl comparée. Mai; 1909.

заработная плата, доходы отъ либеральныхъ профессій и отъ самостоятельнаго веденія предпріятія; доходы же въ видѣ земельной ренты, процентовъ и дивидендовъ или прибыли, получаемой отъ предпріятія, управляемаго другимъ лицомъ, признаются незаработанными и облагаются по повышенной шкалѣ. Такое повышенное обложеніе такъ называемыхъ фундированныхъ доходовъ, по сравненію съ доходами отъ личной дѣятельности, и само по себѣ весьма существенно. Но оно имѣло еще болѣе важныя послѣдствія въ смыслѣ вліянія на общую систему подоходнаго обложенія. Правда, новый принципъ разграниченія заработанныхъ и незаработанныхъ доходовъ проводился старымъ испытаннымъ способомъ: кто желаетъ получить скидку, ссылаясь на то, что его доходъ получается отъ труда, либеральныхъ профессій и т. д., обязанъ подать объ этомъ заявленіе и тогда обложеніе для него соотвѣтственно понижается. Но при этомъ онъ обязанъ доказать, что общая сумма его дохода не превышаетъ 2.000 фунтовъ, ибо только для лицъ, имѣющихъ не болѣе 2 тыс. ф. дохода (въ настоящее время повышено до 2½ тысячъ), проводится различіе между фундированными и нефундированными доходами; при болѣе высокой суммѣ дохода обложеніе одинаковое, независимо отъ того, изъ какихъ источниковъ получается доходъ. Такимъ образомъ всѣ лица, имѣющія исключительно или частью доходъ отъ труда или иной личной дѣятельности, вынуждены подать декларацію объ общей суммѣ своего дохода; примѣненіе принципа установленія всего дохода съ подачей декларацій теперь сильно расширилось: не только лица съ доходомъ до 700 фунтовъ, но и значительная часть плательщиковъ съ доходомъ отъ 700 до 2.000 (нынѣ до до 2.500) фунт. вынуждена подавать декларации.

Но на этомъ реформа не могла остановиться; возникалъ еще гораздо болѣе важный вопросъ осуществленія прогрессіи въ подоходномъ обложеніи. За это принялся Ллойдъ-Джорджъ. Подоходный налогъ—заявлялъ онъ—не является болѣе временнымъ средствомъ, предназначеннымъ для доставленія казнѣ рессурсовъ въ эпохи кризисовъ; это основная статья англійскаго бюджета, ключъ и якорь спасенія англійскихъ финансовъ. Поэтому-то размѣръ его не можетъ уже опредѣляться въ настоящее время величиной тѣхъ расходовъ, которые онъ долженъ покрывать; онъ долженъ соразмѣряться съ платежеспособностью каждаго, а, слѣдовательно, долженъ возростать по мѣрѣ увеличенія дохода, долженъ имѣть прогрессивный характеръ. Предложеніе Ллойдъ-Джорджа вызвало много возраженій. Какъ всегда, когда рѣчь идетъ о прогрессивномъ обложеніи, противники его называли прогрессію несправедливой, говорили о революціонномъ характерѣ ея, о томъ, что ее невозможно примѣнить безъ произвола и инквизиторскихъ пріемовъ, что подоходный налогъ потеряетъ пріобрѣтенную имъ среди англійскаго населенія популярность

Ллойдъ-Джорджъ, будучи государственнымъ человѣкомъ, „конечно, не могъ остановиться—какъ говоритъ одинъ авторъ—передъ этими теоретическими, если хотите, сантиментальными разсужденіями". Но какъ осуществить прогрессивное обложеніе? На упраздненіе шедулъ и взиманія у источника и на установленіе обязательной для всѣхъ деклараціи о суммѣ дохода даже у Ллойдъ-Джорджа не хватило мужества. Парламентская коммиссія, которой было поручено разсмотрѣніе вопроса о реформѣ подоходнаго налога, предложила осуществить прогрессію двоякамъ путемъ. Прежде всего повысить ту сумму налога, при которой допускаются вычеты т. е. продолжить дегрессію свыше 700 фунтовъ. Но она же указывала на то, что значительно повысить этотъ размѣръ невозможно, ибо въ случаѣ установленія скидокъ и для болѣе крупныхъ доходовъ, получилось бы огромное количество плательщиковъ, требующихъ возвращенія излишне уплаченной суммы; крупныя суммы отнимались бы у населенія на продолжительное время и создавалась бы колоссальная, совершенно непроизводительная, работа по взиманію ихъ и затѣмъ обратной уплатѣ, своего рода переливаніе изъ пустого въ порожнее. Еслибы, напр., скидки допускались для всѣхъ доходовъ ниже 40.000 ф. ст., то получилось бы дѣйствительно прогрессивное обложеніе, но при сохраненіи системы шедулъ всѣ лица съ доходомъ ниже этого размѣра вынуждены были бы подавать деклараціи о суммѣ своего дохода, и имъ бы пришлось обратно возвращать излишне уплаченную сумму; въ такомъ положеніи находились бы всѣ плательщики, за исключеніемъ маленькой группы лицъ, имѣющихъ болѣе 40.000 фунт. дохода. Налогъ уплачивался бы съ 450 милліоновъ фунтовъ и затѣмъ частью возвращался бы съ 430 милліоновъ; только съ 20 милл. налогъ былъ бы уплаченъ окончательно.

Въ виду этого коммиссія признала, что повышеніе того уровня дохода, при которомъ допускаются скидки, возможно лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Она предложила продолжать дегрессію до 1.000 фунтовъ вмѣсто существующихъ 700. А Ллойдъ-Джорджъ и отъ этого отказался, сохранивъ прежній уровень скидокъ.

Другой путь, указанный коммиссіей (она предложила комбинировать оба способа) и принятый и Ллойдъ-Джорджемъ, заключался въ томъ, чтобы къ основному налогу, взимаемому по старой системѣ шедулъ, присоединить еще дополнительное обложеніе крупныхъ доходовъ, но уже взимаемое на новыхъ основаніяхъ—со всего дохода сразу и путемъ обязательной подачи деклараціи. Дополнительный налогъ super-tax былъ установленъ въ 1910 г. для доходовъ свыше 5.000 ф. ст. (впослѣдствіи для доходовъ свыше 8.000 ф. ст.) и взимался только съ той части ихъ, которая превышала 3.000 ф. ст., причемъ оказывалось всего 10 тысячъ плательщиковъ съ доходомъ въ 120 милліоновъ фунтовъ, подлежащихъ

дополнительному налогу. Первоначально дополнительный налогъ былъ установленъ въ одинаковомъ размѣрѣ для всѣхъ доходовъ свыше 5 тыс. фунтовъ, но нѣсколько лѣтъ спустя, когда началась война, онъ получилъ прогрессивный характеръ: для каждой слѣдующей тысячи фунтовъ дохода установлена болѣе высокая ставка, чѣмъ для предыдущей, и налогъ достигаетъ максимума для той части дохода, которая превышаетъ 10 тысячъ фунтовъ ст. Вслѣдствіе этого, на основаніи послѣдняго (третьяго) военнаго бюджета 1915—16 гг., плательщикъ съ доходомъ въ 5 тыс. ф. ст. уплачиваетъ 21 проц. своего дохода (въ качествѣ основного и дополнительнаго налога, вмѣстѣ взятыхъ), при доходѣ въ 10 тысячъ ф. онъ платитъ 33$^1/_3$ проц. дохода, если же доходъ составляетъ 100 тысячъ ф., то налогъ повышается до 34$^1/_6$ проц. При еще болѣе высокомъ доходѣ онъ приближается къ предѣльной величинѣ—35 проц. дохода, никогда однакоже не достигая ея.

Говоря о размѣрахъ обложенія на основаніи послѣдняго бюджета, мы перешли къ роли англійскаго подоходнаго налога и организаціи его во время нынѣшней европейской войны. Уже въ послѣдніе годы до войны налогъ былъ значительно повышенъ Ллойдъ-Джорджемъ, который заявлялъ, что еслибы налогъ былъ даже удвоенъ, то все же плательщики его, уплативъ двойной, по сравненію съ предыдущимъ годомъ, налогъ, остались бы при томъ доходѣ, который они имѣли пять лѣтъ тому назадъ. Главной причиной повышенія налога являлась та крупная соціальная реформа, къ которой приступилъ Ллойдъ-Джорджъ, введя въ 1911 г. обязательное страхованіе рабочихъ отъ болѣзни и отъ безработицы. Страхованіе отъ болѣзни было признано обязательнымъ для всѣхъ рабочихъ и служащихъ старше 16 лѣтъ, имѣющихъ менѣе 160 ф. ст. годового дохода, т. е. доходъ, не подлежащій подоходному налогу. Казна вноситъ $^2/_9$ страховой суммы рабочихъ и $^1/_4$ страховой суммы работницъ. Страхованіе отъ безработицы было пока введено лишь въ горной промышленности, металлургической, машиностроительной и кораблестроительной, причемъ четверть всѣхъ расходовъ брало на себя государство. Въ бюджетѣ 1913/14 г. на страхованіе рабочихъ было уже ассигновано 20 милл. ф. ст. Между тѣмъ въ области страхованія отъ безработицы это былъ еще только первый опытъ; говоря, что подоходный налогъ теперь уже не является болѣе чрезвычайнымъ рессурсомъ для особенно крупныхъ расходовъ во время войны или для осуществленія соціальныхъ и экономическихъ реформъ, Ллойдъ-Джорджъ былъ вполнѣ правъ: онъ смотрѣлъ на новое соціальное законодательство лишь, какъ на начало цѣлой эпохи реформъ, и на вызываемые имъ расходы, какъ на явленіе не временное, а постоянное. Поэтому и подоходное обложеніе не могло въ будущемъ понизиться, а, напротивъ, должно было и въ дальнѣйшемъ обнаруживать повышеніе. Но, конечно, значительное увеличеніе налога мыслимо было лишь, поскольку

рѣчь шла о крупныхъ доходахъ; распространять его на небольшіе доходы невозможно было. Отсюда и получилось вполнѣ естественно дополнительное обложеніе для доходовъ свыше 5000 ф. ст., впослѣдствіи свыше 3000 ф. ст.,—получилось въ извѣстныхъ предѣлахъ прогрессивное обложеніе.

Ллойдъ-Джорджу принадлежитъ большая заслуга, что онъ ввелъ дополнительный налогъ для крупныхъ доходовъ. Это повлекло за собой и расширеніе системы декларацій, такъ какъ всѣ лица съ доходомъ свыше 5000 ф. должны были декларировать общую сумму своего дохода. Подача декларацій стала обязательной и въ другихъ случаяхъ: податнымъ органамъ предоставлено было во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ, разсылать плательщикамъ бланки для деклараціи дохода, которые плательщики, подъ страхомъ наказанія, обязаны заполнить и вернуть къ опредѣленному сроку. Онъ ввелъ, въ цѣляхъ контроля, обязанность для всѣхъ предпринимателей, компаній, учрежденій и т. д. сообщать податнымъ органамъ не только имена служащихъ у нихъ лицъ, но и размѣръ получаемаго послѣдними содержанія. Онъ же установилъ впервые въ интересахъ малоимущихъ плательщиковъ, обремененныхъ большой семьей, скидки по числу дѣтей моложе 16 лѣтъ: если доходъ не превышаетъ 500 фунтовъ, то изъ него дѣлается вычетъ въ размѣрѣ 10 фунтовъ на каждаго ребенка. Такой вычетъ производился еще при Питтѣ въ концѣ XVIII стол., но затѣмъ былъ упраздненъ, такъ какъ опытъ показалъ, что злоупотребленія чрезвычайно велики: плательщики не гнушались показывать подъ присягой, что у нихъ имѣется обширная семья, хотя бы ея въ дѣйствительности не было.

Ллойдъ-Джорджъ сдѣлалъ первые шаги. Великая европейская война заставила Англію пойти еще гораздо дальше въ томъ же направленіи. Въ 1910 г. подоходный налогъ составлялъ еще 14 пенсовъ съ фунта (или 6 проц. дохода), понижаясь до 9 пенс. (или 4 проц.) для трудовыхъ доходовъ и повышаясь до 20 пенс. или $8^1/_2$ проц. для доходовъ свыше 5000 ф. (съ суммы, превышающей 3000 ф.). Гигантскіе расходы военнаго времени заставили удвоить и утроить ставку основного налога, повысивъ ее до 30, а затѣмъ и до 42 пенсовъ съ фунта (т. е. до $12^1/_2$ и $17^1/_2$ проц. дохода), а для трудовыхъ доходовъ до 18 и 25 пенс. ($7^1/_2$ и $10^1/_2$ проц.),—размѣровъ, совершенно неслыханныхъ. А къ этому присоединяется еще дополнительный налогъ для крупныхъ доходовъ, благодаря которому, какъ мы видѣли выше,—подоходное обложеніе прогрессируетъ вплоть до 35 проц. Роль подоходнаго налога въ качествѣ военной подати такимъ образомъ вовсе не отошла въ область преданій. Его пришлось немедленно мобилизовать и въ несравненно большихъ размѣрахъ, чѣмъ это было въ прошломъ, ибо предыдущія войны—крымская кампанія и война съ бурами—являются, по сравненію съ нынѣшней европейской войной, небольшими похо-

дами. Какъ и во время тѣхъ войнъ, Англія и теперь придерживается того принципа, что необходимо использовать оба возможныхъ пріема покрытія расходовъ—какъ займы, такъ и налоги. Не въ традиціяхъ англичанъ сваливать все бремя военныхъ расходовъ путемъ займовъ на будущія поколѣнія, напротивъ, и нынѣшнее поколѣніе должно участвовать въ несеніи финансовыхъ тягостей войны,—въ особенности всѣ тѣ, кто обладаетъ обильными средствами, для кого война является не раззореніемъ, а источникомъ крупныхъ доходовъ. А это достигается путемъ подоходнаго обложенія. Если парламентъ вынужденъ былъ подъ давленіемъ консерваторовъ повысить акцизы и таможенныя пошлины на пиво, сахаръ, чай, какао, кофе, табакъ, спиртъ, а также увеличить почтовый, телеграфный и телефонный тарифы, то все же главное бремя падаетъ на подоходное обложеніе, ему принадлежитъ первая роль въ финансовой оборонѣ отечества. Въ первые годы XX вѣка подоходный налогъ доставлялъ казнѣ около 30—33 милл. фунтовъ ст. ежегодно; подъ вліяніемъ реформы Ллойдъ-Джорджа, поступленія въ 1912/13 и 1913/14 гг. повысились до 45—46 милл., а въ бюджетѣ 1915/16 г. эта послѣдняя цифра увеличилась болѣе, чѣмъ вдвое: подоходный налогъ долженъ дать 103 милл. ф. ст., т. е. около полутора милліарда рублей (по теперешнему курсу). По послѣднему „мирному“ бюджету на 1913/14 г. подоходный налогъ равняется четвертой части всѣхъ поступленій; въ „военномъ“ бюджетѣ на 1915/16 г. онъ составляетъ почти 40 проц. или двѣ пятыхъ всѣхъ государственныхъ доходовъ.

Военные бюджеты закончили преобразованіе подоходнаго обложенія въ Англіи въ прогрессивный налогъ. Прежде имѣлось лишь прогрессивное обложеніе для доходовъ до 700 ф. ст. и прогрессивное для доходовъ свыше 5000 ф. ст. — ихъ раздѣляло обширное пространство, на которомъ господствовало обложеніе изъ одинаковаго процента. Въ настоящее время этотъ пробѣлъ устраненъ, рядъ сомкнулся, образовалась одна непрерывная цѣпь прогрессивнаго обложенія, начинающаяся — по послѣднему бюджету — съ 0,7 проц. дохода и доходящая до 35 проц.

IV.

Въ области политической и соціальной жизни Англія всегда являлась тѣмъ идеаломъ, къ которому стремились либеральные и радикальные круги на континентѣ Европы. Въ сферѣ конституціоннаго права, суда, торговой политики, рабочаго вопроса континентальныя государства подражали Англіи, копировали англійскія учрежденія, рѣдко подвергали ихъ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ, гораздо чаще портили ихъ. Къ числу такихъ исключеній, когда англійскій институтъ, попавъ на континентъ Европы, не былъ искалѣченъ, а, напротивъ, успѣшно развивался дальше, при-

надлежитъ подоходный налогъ. И онъ былъ занесенъ изъ Англіи въ другія страны Европы; о немъ мечтали уже давно, но привить его удалось лишь весьма не скоро. Въ Пруссіи въ началѣ XIX в., въ эпоху реформъ Штейна и Гарденберга, вмѣстѣ съ либеральными идеями о свободѣ промысловъ и уничтоженіи цеховъ, стѣснявшихъ производство, проникла изъ Англіи и идея подоходнаго налога: при невозможности облагать каждаго по его доходу „мы играемъ по необходимости въ жмурки"—говорили сторонники его. Но противники отвѣчали, что подоходный налогъ „по своей природѣ вмѣшивается въ частную собственность и вслѣдствіе этого деморализуетъ населеніе, богатаго иностранца удерживаетъ отъ переселенія въ страну, а состоятельнаго жителя гонитъ изъ страны". Подоходному налогу предпочли грубую подушно-поразрядную подать (такъ наз. классный налогъ), которая была введена въ 1820 году, но и то не вездѣ; въ болѣе крупныхъ городахъ она замѣнялась обложеніемъ предметовъ первой необходимости—хлѣба и мяса посредствомъ налога на помолъ и убой. Съ отмѣной подоходнаго налога въ Англіи, когда даже тамъ выяснился его вредный характеръ—какъ утверждали,—конечно, на континентѣ о немъ не могло быть болѣе рѣчи. Но къ концу 40-хъ годовъ, въ годы броженія, послѣ того, какъ онъ былъ возстановленъ Англіей, и въ Пруссіи былъ выработанъ законопроектъ подоходнаго налога, который долженъ былъ замѣнить налогъ на помолъ и убой. По проекту, налогъ, какъ и въ Англіи, разбивался на пять частей, по источникамъ дохода, но доходъ облагался въ общей суммѣ и съ подачей декларацій (хотя и въ запечатанныхъ конвертахъ); впрочемъ, никакого прожиточнаго минимума, въ силу котораго лица съ небольшимъ доходомъ освобождаются отъ налога, не устанавливалось. Однако „врагамъ отечества" и теперь не удалось „искусственно навязать Пруссіи ненавистную иноземную подать". Примѣромъ могла служить и Голландія, гдѣ „пало двѣнадцать министерствъ" изъ-за попытокъ ввести общеподоходный налогъ съ деклараціей дохода. Обложеніе хлѣба и мяса въ Пруссіи сохранялось, а подоходному налогу предпочли нѣкоторое улучшеніе поразряднаго налога, но безъ свободнаго отъ обложенія минимума и безъ прогрессивнаго обложенія. И то, и другое появилось лишь въ 1873 году.

Прогрессіи еще и въ 60-хъ и 70-хъ годахъ сильно боялись, усматривали въ ней нѣчто коммунистическое, революціонное, клонящееся къ ниспроверженію монархіи. Дѣйствительно, прогрессивное обложеніе еще въ половинѣ XIX вѣка весьма мало соотвѣтствовало господствовавшему въ то время податному строю. Послѣдній покоился на обложеніи предметовъ первой необходимости и на прямыхъ налогахъ, имѣвшихъ еще недавно характеръ поголовныхъ податей, т. е. взимаемыхъ въ равномъ размѣрѣ со всѣхъ

плательщиковъ, независимо отъ ихъ состоятельности; богатый и бѣдный платили одинаковую сумму, иначе говоря, бѣдный уплачивалъ гораздо большую долю своего имущества, чѣмъ богатый. Постепенно эти сборы стали измѣнять свой характеръ, принимая форму подушно-поимущественныхъ, поземельныхъ, поразрядныхъ податей, гдѣ болѣе состоятельныя лица хотя и платили больше, чѣмъ тѣ, кто ничего не имѣлъ, но все же еще далеко не пропорціонально размѣрамъ своего имущества или дохода. Если, напр., тотъ, кто обладалъ имуществомъ въ 100 гульденовъ, уплачивалъ 1 гульд., т. е. налогъ въ размѣрѣ 1 проц., то владѣлецъ имущества въ 1000 гульд. платилъ не 10 гульд., какъ должно было бы быть при пропорціональномъ обложеніи, а всего 5 гульд., т. е. лишь $^1/_2$ проц., а имущество въ 5000 гульд. облагалось $12^1/_2$ гульд., т. е. въ размѣрѣ $^1/_4$ проц. Такъ что болѣе состоятельныя лица, правда, платили абсолютно больше, чѣмъ лица съ меньшими средствами, но въ процентномъ отношеніи къ своему имуществу значительно меньше. Получалась обратная прогрессія, при которой процентъ обложенія не наростаетъ, а, напротивъ, понижается. И это считалось въ тѣ времена вполнѣ справедливымъ: богатый, конечно, долженъ вносить нѣсколько больше въ пользу города или государства, чѣмъ бѣдный, но эта разница не должна быть слишкомъ велика и не должна соотвѣтствовать разницѣ въ ихъ состоятельности, такъ какъ оба пользуются въ равной мѣрѣ защитой города или государства, и выгоды, извлекаемыя ими изъ дѣятельности правительства или городскихъ властей, вовсе не обусловливаются размѣрами ихъ имущества.

Французская революція впервые провозгласила принципъ пропорціональнаго обложенія. Изъ идеи равенства вытекало равное обложеніе, равномѣрное разверстаніе налоговъ между всѣми плательщиками, сообразно средствамъ каждаго, иначе говоря: каждый обязанъ отдать одинаковую часть своего имущества государству. Если въ XVIII вѣкѣ обратно-прогрессивное прямое обложеніе считалось вполнѣ правильнымъ, наряду съ обложеніемъ необходимыхъ предметовъ пропитанія, то со времени революціи обнаруживалось и въ литературѣ, и въ законодательствѣ стремленіе облагать каждаго по его средствамъ, т. е. пропорціонально послѣднимъ. Прежде исходили изъ того, что всякій новый налогъ не только не раззоряетъ населенія, а, напротивъ, является стимуломъ къ увеличенію производства, заставляя больше работать, чтобы пріобрѣсти необходимый и на пропитаніе, и на уплату податей заработокъ. Это вполнѣ соотвѣтствовало ученію о выгодности для населенія низкой заработной платы, высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, продолжительнаго рабочаго дня—все это увеличиваетъ количество труда, сокращаетъ расходы предпринимателя, удешевляетъ товары, облегчаетъ конкуренцію съ иностранной промышленностью. Съ начала XIX вѣка точка зрѣнія измѣнилась—о выгодности для на-

селенія высокаго обложенія болѣе не говорили; теперь государство разсматривалось въ качествѣ своего рода страховой компаніи: за охрану своего имущества каждый уплачиваетъ извѣстную сумму въ видѣ податей государству на содержаніе его органовъ; отдавая одну десятую своей собственности, онъ, благодаря этому, сохраняетъ остальныя девять десятыхъ. А изъ этого вытекала пропорціональная система обложенія: „каждый долженъ пропорціонально участвовать въ несеніи государственныхъ расходовъ,—заявлялъ Тьеръ еще въ 40-хъ годахъ XIX вѣка—пропорціонально тому, что онъ пріобрѣтаетъ или чѣмъ онъ владѣетъ, по той вполнѣ естественной причинѣ, что въ расходахъ соціальной охраны необходимо принимать участіе по количеству охраняемыхъ цѣнностей". Государство—по его мнѣнію—ближе всего подходитъ къ страховому обществу, которое взимаетъ премію по цѣнности страхуемыхъ вещей.

Эта новая точка зрѣнія лишь постепенно вытѣсняла старые принципы. Либераламъ, отстаивавшимъ идею равенства и пропорціональности въ обложеніи, нелегко было бороться съ поклонниками старины, которые заявляли, что въ монархическомъ государствѣ къ прямому обложенію можно прибѣгать лишь въ видѣ исключенія, въ республикѣ же оно допустимо, но каждый долженъ платить то же, что и другіе; заставлять богатаго платить больше потому только, что онъ можетъ это сдѣлать,—это разсужденія нищихъ, а не ученыхъ, мотивы, которые могутъ имѣть значеніе въ области благотворительности, но совершенно не умѣстны тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выполненіи своихъ обязанностей. И на практикѣ пропорціональность въ прямомъ обложеніи проводилась далеко не вполнѣ: въ Пруссіи поразрядно-подоходный налогъ вплоть до 1873 г. составлялъ 3 проц. со всѣхъ доходовъ, не исключая и самыхъ минимальныхъ, но для очень крупныхъ доходовъ онъ понижался, ибо абсолютный максимумъ обложенія составлялъ 7200 тал. при доходѣ въ 240 тыс. тал. и выше, какъ бы высокъ онъ ни былъ. Поэтому тотъ, кто имѣлъ 480 тыс. тал., уплачивая тѣ же 7200 тал. налога, платилъ уже не 3, а всего $1^1/_2$ проц. своего дохода, а при доходѣ въ 720 тысячъ налогъ въ 7200 тал. равнялся всего 1 проценту дохода.

Въ эпоху, когда приходилось бороться за проведеніе пропорціональности въ обложеніи, для прогрессивнаго налога очевидно совсѣмъ не было мѣста, идея прогрессіи являлась совершенно несвоевременной. Правда, и она уже была давно извѣстна, но извѣстность эта доставляла ей мало выгоды: прогрессія была примѣнена революціоннымъ правительствомъ во Франціи и тѣмъ самымъ для всѣхъ „благомыслящихъ гражданъ" являлась чѣмъ-то запретнымъ, о чемъ даже помышлять не слѣдуетъ. Впервые „l'imposta progressiva" появилась, повидимому, во Флоренціи, той самой Фло-

ренціи, гдѣ въ 1378 году произошло возстаніе чіомпи, popolo minuto, „предковъ всѣхъ нынѣшнихъ пролетаріевъ". Начавшись съ невысокаго обложенія, прогрессія въ послѣдующіе годы, при взиманіи чрезвычайныхъ налоговъ съ недвижимостей, стала доходить до 22, 33 и даже до 50 проц. дохода; такъ, decima displacente 1447 г. начиналась съ 8 проц. при доходѣ въ 1—50 флор., составляла при 1000—1200 флор. уже 43 проц., а при доходѣ свыше 1500 флор.—50 проц., вселяя ужасъ въ крупныхъ землевладѣльцевъ. „Такъ люди никогда не довольны достигнутымъ и, добившись одного, они тотчасъ же стремятся уже къ другому, еще большему". Медичи же имѣли возможность посредствомъ такого обложенія „вполнѣ законнымъ путемъ разорять богачей и аристократію, бороться со своими врагами". Итальянскій писатель XVI ст. Гвиччардини останавливается на вопросѣ о прогрессивномъ налогѣ. Въ діалогѣ Гвиччардини противникъ прогрессіи, на сторонѣ котораго стоитъ, повидимому, и авторъ, жалуется на нарушеніе принципа равенства, разъ однимъ приходится платить 12 проц., другимъ же 20, 25 и 30 проц. своего дохода. Но кромѣ того налогъ этотъ опасенъ, такъ какъ богатыхъ онъ превращаетъ въ бѣдняковъ; а это наноситъ ущербъ городу, ибо богачи создаютъ славу городу, поддерживаютъ его въ случаяхъ нужды, приходятъ на помощь и бѣднымъ. Правильно устроенное государство не стремится къ устраненію имущественныхъ различій, а старается сохранить каждому то состояніе, которое онъ имѣетъ. Сторонникъ прогрессіи на это заявляетъ, что „послѣдняя необходима въ цѣляхъ равенства въ обложеніи, ибо только при прогрессивномъ налогѣ каждый приноситъ ту же жертву, что и прочіе плательщики; для государства же не можетъ получиться опасности отъ того, что богачи отдаютъ часть своего богатства, такъ какъ чрезмѣрное богатство ведетъ лишь къ распущенной, вредной для здоровья, жизни, вызывающей опасное подражаніе и у менѣе состоятельныхъ жителей, плодитъ опасныхъ, ищущихъ новшествъ, бездѣльниковъ-аристократовъ". Но на это ему отвѣчаютъ, что равенство заключается въ томъ, что каждый гражданинъ пользуется равной съ прочими защитой, что всѣ подлежатъ одинаковымъ законамъ, и голосъ одного, имѣетъ такое же значеніе, какъ и другого. Равенство же въ имущественномъ отношеніи означало бы прекращеніе всякаго прогресса, уничтоженіе человѣческаго общества. Расходы не у всѣхъ одни и тѣ же, ибо люди занимаютъ различное положеніе. „Если бѣдный человѣкъ имѣетъ всего одну служанку и одну одежду, то никто въ этомъ не усматриваетъ чего-либо дурного, напротивъ, богачъ, ограничиваясь такими же расходами, вызывалъ бы упреки, возмущеніе и насмѣшки". Наконецъ—исходя изъ опыта—противникъ прогрессіи называетъ прогрессію произволомъ, ибо никто не можетъ поручиться за то, что государство остановится на опредѣленной шкалѣ обложенія и „decima scalata" не пойдетъ все дальше

и дальше: „природа вещей такова, что всякое начало незначительно, но затѣмъ, если человѣкъ не достаточно остороженъ, та же вещь быстро ростетъ и ведетъ къ цѣли, которую даже невозможно предвидѣть". Въ результатѣ прогрессія привела бы къ тому, что „добродѣтель, прилежаніе, трудъ замѣнились бы бездѣліемъ, грабежомъ, лѣностью, дурными словами и еще худшими поступками". Прогрессія—заключаетъ онъ—„есть тотъ ядъ, который въ началѣ кажется сладкимъ, но затѣмъ оказывается убійственнымъ".

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Гвиччардини, жившій въ XVI вѣкѣ, въ эпоху строгихъ сословныхъ перегородокъ, знакомый съ доходившимъ до „ультрапрогрессивныхъ" ставокъ въ 50 проц. обложеніемъ Флоренціи, не могъ стоять на сторонѣ прогрессіи: вѣдь каждый долженъ зарабатывать и жить сообразно своему сословію и „грѣшно подняться выше своего сословія, ибо самое дѣленіе на сословія установлено Богомъ". Но характерно, что тѣ же выраженія мы находимъ у писателей XIX вѣка. Находимъ у Бастэбля, который говоритъ о соціально-необходимыхъ потребностяхъ богатыхъ классовъ, хотя дорогіе туалеты, ужины въ лучшихъ ресторанахъ и тысячные проигрыши въ карты едва-ли могутъ считаться удовлетвореніемъ необходимыхъ для богатыхъ людей потребностей. Находимъ у Гнейста, заявляющаго, что прогрессивное обложеніе есть нарушеніе самыхъ священныхъ политическихъ идей равенства, что оно вноситъ „ядъ" въ прямое обложеніе (повтореніе словъ Гвиччардини). Находимъ у Макъ Келлоха, Тьера, Рошера, по мнѣнію которыхъ прогрессія есть произволъ; примѣняя ее, мы оказываемся „въ безбрежномъ морѣ несправедливости безъ руля и компаса"; прогрессія есть идея „выродившейся демократіи", эксплоатирующей богатыхъ людей въ качествѣ „безправныхъ враговъ".

Въ послѣднихъ словахъ слышится намекъ на „демократію" эпохи конвента, „сдѣлавшаго аристократію богатства безусловно опасной". Бабефъ смотрѣлъ на прогрессивное обложеніе, какъ на переходную ступень къ коммунистическому строю, Камбонъ предлагалъ „налогъ съ богачей и эгоистовъ, спокойно выжидающихъ результатовъ революціи или вступающихъ въ борьбу съ ней". Но первый прогрессивный налогъ 1792 года отличался и тутъ еще умѣренностью: освобождая доходъ до 900 фр. отъ обложенія, онъ начинался съ 0,3 проц. при доходѣ въ 900—3000 фр. и достигалъ 5 проц., если доходъ превышалъ 150.000 фр. Но и здѣсь „суверенный народъ" требовалъ дальнѣйшихъ шаговъ въ томъ же направленіи, заявляя, что классъ бѣдный все время приноситъ жертвы его кровь лилась въ защиту свободы; „пусть же богачи примутъ участіе въ томъ бремени, которое до сихъ поръ несли одни бѣдняки. Мы настаиваемъ на военномъ налогѣ съ богачей!". Правда, предложенный Робеспьеромъ прогрессивный налогъ, основанный на принципахъ „вѣчной справедливости", не былъ введенъ, вслѣд-

ствіе протеста болѣе умѣренныхъ членовъ конвента. Но послѣдній произвелъ принудительный заемъ, который при доходѣ въ 40—50 тыс. фр. составлялъ 20 тыс. фр., т. е. 40—50 проц., а при болѣе высокомъ доходѣ равнялся всей суммѣ, превышающей 30 тыс. фр.; такъ что при доходѣ въ 200 тыс. фр. онъ достигалъ 170 тыс. фр. или 65 проц., при доходѣ въ 500 тыс. фр.—470 тыс. фр. или 94 проц. дохода, постепенно охватывая чуть не весь доходъ богатыхъ людей. Такіе же принудительные займы, означавшіе не что иное, какъ конфискацію имущества, происходили и впослѣдствіи нѣсколько разъ въ эпоху Конвента, предпочитавшаго ихъ налогу, причемъ они шли еще дальше займа 1793 года: въ пользу государства съ 9000 фр. уплачивалась половина, а съ болѣе крупныхъ доходовъ, кромѣ того, и вся та часть, которая превышала 9 тыс. фр.; такъ что владѣлецъ дохода въ 80 тыс. фр. платилъ уже 25.500 фр. или лишался 80 проц. своего дохода. „Ты богатъ,—заявлялъ Камбонъ,—твои взгляды вызываютъ расходы для республики, такъ отдай свое имущество ей“. А Дантонъ къ этому прибавлялъ: „Граждане, облагать богачей это значитъ придти имъ на помощь. Для нихъ это не жертва, а истинная благодать. Въ Парижѣ много роскоши, огромныя богатства. Такъ выжмемъ же эту губку!“.

V.

Не удивительно, если послѣ такого образа дѣйствій уже одна мысль о возможности прогрессивнаго обложенія бросала людей въ дрожь. Прогрессія и конфискація имущества считались синонимами. Въ революціонныя эпохи 1830 и 1848 годовъ идея прогрессивнаго обложенія вновь выплыла, но также въ связи съ идеалами коммунизма. Первые 200 талеровъ—гласитъ прусскій проектъ 1849 года—облагаются въ размѣрѣ 1 проц., вторые 200 въ 2 проц. и т. д., а все, что превышаетъ 9900 талеровъ, поступаетъ цѣликомъ въ казну. „При такомъ подоходномъ обложеніи—прибавляетъ авторъ—тѣ густыя облака, которыя нависли между престолами царей и народами, исчезли бы до послѣдняго атома. Ибо лучшей и единственно хорошей формой правленія является та, при которой бѣдность становится невозможной. Передъ ней преклонятся всѣ колѣни, ей должны подчиняться ангелы и каннибалы, это истинно-неограниченная и истинно-свободная форма правленія“.

Знаменіемъ времени являлся однако тотъ фактъ, что прусскимъ правительствомъ былъ выработанъ въ 1849 году проектъ прогрессивнаго подоходнаго налога; налогъ начинался съ 3 проц. и достигалъ 5 проц. съ дохода. Послѣ изложеннаго не приходится, конечно, удивляться тому, что на него набросились со всѣхъ сто-

---

1) См. Stourm. Les finances de l'Ancien Régime et de la Révolution. Vol. II. 1885.

ронъ, усматривая въ такомъ налогѣ „уступку краснымъ республиканцамъ“, называя его осуществленіемъ „соціалистическаго и коммунистическаго принципа“, и законопроектъ провалился.

Но многіе города въ Германіи уже съ 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX ст. взимали въ свою пользу прогрессивные подоходные налоги, хотя и очень небольшихъ размѣровъ или съ чрезвычайно умѣренной прогрессіей. Такъ, въ Галле съ 1841 г. существовалъ коммунальный подоходный налогъ, который составлялъ отъ 0,0085 проц. при доходѣ въ 240—270 мар. до 0,25 проц. съ дохода въ 9000 мар. (т. е. доходы крупные облагались въ 30 разъ выше, чѣмъ мелкіе), доходъ же, не превышавшій 240 мар., былъ свобо-денъ отъ обложенія. Въ Эрфуртѣ уже съ 20-хъ годовъ XIX вѣка находимъ прогрессивный налогъ въ пользу кассы общественнаго призрѣнія, который взимался въ размѣрѣ отъ 0,7 проц. при 150—225 маркахъ дохода, до 1,2 проц. при доходѣ въ 6000 мар. и болѣе. Въ Килѣ въ 1830 г., т. е. еще до перехода его отъ Даніи къ Пруссіи, былъ введенъ прогрессивный налогъ съ доходовъ и имущества, причемъ установленіе прогрессіи мотивировалось—одна изъ наиболѣе раннихъ мотивировокъ прогрессіи—тѣмъ, что при уплатѣ каждымъ одинаковаго процента со своего дохода получилось бы болѣе тяжелое обложеніе для менѣе состоятельныхъ, чѣмъ для болѣе богатыхъ плательщиковъ; первые вынуждены отдать часть того дохода, который не вполнѣ покрываетъ или только покрываетъ необходимое для нихъ и ихъ семействъ содержаніе, тогда какъ для болѣе состоятельныхъ, чѣмъ больше ихъ доходъ, тѣмъ менѣе чувствительнымъ становится налогъ, при которомъ ихъ необходимыя потребности не ограничиваются.

И прусское городовое положеніе 1853 года не препятствовало сохраненію городами прогрессивнаго обложенія въ будущемъ: попытка внести въ законъ постановленіе, что прогрессивное обложеніе недопустимо, не встрѣтила сочувствія въ ландтагѣ. Такое предложеніе сдѣлано было въ верхней палатѣ однимъ изъ ораторовъ, заявившимъ, что прогрессивное обложеніе противорѣчитъ основнымъ законамъ Пруссіи, что оно нарушаетъ миръ въ общинѣ и ведетъ къ войнѣ между малоимущими и состоятельными лицами наконецъ, что оно обозначаетъ коммунизмъ и не соотвѣтствуетъ существующему хозяйственному строю. Въ нижней палатѣ въ пользу такого же предложенія приводились слѣдующія соображенія. Системы коммунизма существуютъ различныя. Всѣ они имѣютъ цѣлью уничтоженіе собственности и религіи; но однѣ системы идутъ напроломъ, другія же дѣйствуютъ медленно, болѣе осторожными средствами; къ числу послѣднихъ относится и прогрессивное обложеніе. Въ то время, какъ господствующій строй признаетъ, что каждому принадлежитъ его имущество, независимо отъ того, каковы его размѣры, коммунизмъ заявляетъ, что все то имущество, которое превышаетъ извѣстную сумму, принадлежитъ

обществу, а не отдѣльнымъ лицамъ; распоряженіе этимъ имуществомъ со стороны общества и осуществляется въ первую голову въ видѣ повышенія процента обложенія, начиная съ извѣстной суммы имущества или дохода. Вмѣсто того, чтобы налогъ уплачивался всѣми въ равномъ процентѣ за защиту имущества государствомъ, въ этомъ случаѣ получается, что плательщикъ сохраняетъ свое имущество не потому, что имѣетъ на это право, а лишь благодаря тому, что общество благоволитъ оставить ему столько-то. Это первый шагъ на пути къ коммунизму.

Эти разсужденія весьма характерны, но они не могли имѣть успѣха, такъ какъ опытъ городского обложенія показалъ, что рядомъ съ „ультрапрогрессивнымъ" обложеніемъ временъ Робеспьера мыслима и самая умѣренная прогрессія, достигающая въ максимумѣ 1/2—1 проц. дохода и совершенно не чувствительная для состоятельныхъ лицъ. Запретить же всякое прогрессивное обложеніе означало бы отмѣнить его во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ оно уже существовало, гдѣ населеніе съ нимъ вполнѣ свыклось и гдѣ оно во многихъ случаяхъ шло на погашеніе огромныхъ долговъ города. Ландтагъ и высказался въ томъ смыслѣ, что всѣ эти запугиванія коммунизмомъ и революціей совершенно неосновательны, что все это софизмы, не имѣющіе никакого отношенія къ прогрессіи. Вполнѣ справедливо, чтобы тѣ, кто больше имѣютъ, отдавали и болѣе значительную часть своего избытка; при иной же системѣ обложенія пришлось бы установить равный для всѣхъ процентъ обложенія въ гораздо болѣе высокомъ размѣрѣ, чѣмъ въ настоящее время платятъ лица малоимущія, такъ что послѣднія были бы обложены слишкомъ высоко [1]).

Такимъ образомъ въ городахъ постепенно прививалось прогрессивно-подоходное обложеніе, и не только въ Пруссіи, но и въ другихъ германскихъ государствахъ, въ особенности въ Саксоніи. Въ послѣдней появился и первый государственный подоходный налогъ въ 1874—78 годахъ. За Саксоніей въ 1884 г. послѣдовали Баденъ и Гессенъ, установивъ обще-подоходный налогъ въ размѣрѣ отъ 1/2 до 2 1/2 проц. (въ Гессенѣ отъ 1 до 2 1/2 проц.) со свободнымъ отъ обложенія прожиточнымъ минимумомъ въ 500 мар. Только въ 1891 году и Пруссія произвела коренную реформу своего поразряднаго обложенія (классного и классифицированнаго налоговъ); но за то прусскій подоходный налогъ, который послужилъ впослѣдствіи образцомъ и для другихъ государствъ, имѣлъ болѣе совершенную организацію, чѣмъ его предшественники. Онъ усилилъ прогрессію, доведя ее до 4 проц. дохода (впослѣдствіи до 5 проц.) и освободилъ отъ обложенія недостаточное населеніе, установивъ прожиточный минимумъ въ 900 мар. Законъ исходилъ изъ того соображенія, что доходъ менѣе 900 марокъ едва доста-

[1]) Кулишеръ. Коммунальное обложеніе въ Германіи въ его историческомъ развитіи. 1914, стр.

точенъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей и изъ него ничего не остается для уплаты налоговъ; между тѣмъ налоги на потребленіе, и притомъ въ значительныхъ размѣрахъ, вынуждено уплачивать и населеніе съ минимальнымъ доходомъ; очевидно, его необходимо во всякомъ случаѣ освободить отъ подоходнаго обложенія. Имѣя въ виду, что платежеспособность опредѣляется не только суммой дохода, но и хозяйственными и семейными условіями, въ которыхъ находится плательщикъ, прусскій законъ допускаетъ въ широкихъ размѣрахъ пониженіе окладовъ, напр., въ случаѣ болѣзни, отсутствія заработка, необходимости содержать другихъ членовъ семьи; кромѣ того, изъ дохода вычитается по 50 марокъ на каждаго ребенка моложе 14 лѣтъ, что составляетъ облегченіе для многосемейныхъ. Прусскій законъ вводитъ принципъ самообложенія: каждый плательщикъ (съ доходомъ свыше 3 тыс. мар.) обязанъ подать декларацію, показывая въ ней размѣры своего дохода по 4 рубрикамъ (доходы отъ недвижимости, торговли и промышленности, денежныхъ капиталовъ, прочихъ занятій). Эти деклараціи провѣряются оцѣночными коммиссіями, въ составъ которыхъ входятъ плательщики; постановленіе коммиссіи можетъ быть обжаловано въ апелляціонныя коммиссіи и въ административный судъ. Введеніе декларацій встрѣтило сильное противодѣйствіе, но опытъ показалъ, что при отсутствіи ихъ доходы ускользаютъ отъ обложенія въ весьма большихъ размѣрахъ, притомъ именно крупные доходы. Извѣстный судебный процессъ, имѣвшій мѣсто въ Бохумѣ въ 1891 г., обнаружилъ, что нерѣдко дѣйствительный доходъ въ 10 и болѣе разъ превышалъ доходъ, установленный коммиссіей. Послѣдняя безъ декларацій не въ состояніи была справиться со своей задачей, а нерѣдко и намѣренно оцѣнивала доходъ ниже, чѣмъ слѣдовало, изъ личныхъ выгодъ или подъ вліяніемъ воздѣйствія извнѣ. Этотъ процессъ послужилъ въ значительной мѣрѣ стимуломъ къ введенію обязательныхъ декларацій; и, дѣйствительно, уже въ слѣдующемъ году доходъ плательщиковъ, подавшихъ деклараціи (т. е. съ доходомъ свыше 3 тыс. мар.), былъ установленъ почти въ полтора раза выше, чѣмъ въ предыдущемъ году—вмѣсто 1,9 милліардовъ мар., получилось 2,8 милліард. Въ 1907 году доходъ этихъ лицъ превышалъ уже 5 милліард. мар. Поступленія отъ подоходнаго налога въ Пруссіи равнялись въ 1892 году 125 милл. мар., а въ 1914 году 380 милл., т. е. увеличились за это время въ три раза. Къ подоходному налогу присоединился и поимущественный, введенный также въ 1893 г.; хотя послѣдній, именуемый дополнительнымъ налогомъ (Ergänzungssteuer), и является пропорціональнымъ и размѣры его весьма невелики (1/2 проц. съ тысячи мар. имущества)—эти уступки пришлось сдѣлать правымъ партіямъ, такъ какъ иначе налогъ не прошелъ бы въ ландтагѣ,—но все же онъ имѣетъ существенное значеніе: онъ даетъ возможность рядомъ съ

равнымъ для всѣхъ видовъ дохода подоходнымъ налогомъ еще дополнительно облагать лицъ, владѣющихъ доходами отъ земли или капиталовъ, слѣдовательно, болѣе платежеспособныхъ, чѣмъ лица съ одинаковымъ доходомъ, но получающимся отъ собственнаго труда.

Прусскій подоходный налогъ 1891 года оказалъ большое вліяніе на распространеніе подоходнаго обложенія въ Европѣ. Нѣмецкія государства, не только крупныя, но и мелкія и самыя мелкія, поспѣшили послѣдовать примѣру Пруссіи, а тѣ, которыя уже раньше имѣли подоходное обложеніе, измѣнили и улучшили его по прусскому образцу. Впрочемъ, прожиточный минимумъ, свободный отъ обложенія, лишь въ немногихъ изъ нихъ достигаетъ 900 мар.; даже Саксонія, Вюртембергъ, Гессенъ, освобождаютъ только населеніе, имѣющее менѣе 400—500 мар. дохода. Прогрессія у нихъ также большей частью не идетъ дальше 2—3 проц. съ дохода, только въ Любекѣ она достигаетъ 8 проц. Но въ общемъ большинство нѣмецкихъ государствъ построило свое подоходное обложеніе на прусскій манеръ; по образцу Пруссіи организовано оно въ значительной мѣрѣ также въ Австріи, Венгріи, Даніи и другихъ странахъ; въ Даніи введенъ одновременно съ подоходнымъ, по примѣру Пруссіи, и поимущественный налогъ. Въ Италіи и Швейцаріи находимъ комбинацію изъ поимущественнаго и подоходнаго налоговъ.

Подоходное обложеніе не ограничилось предѣлами Европы; оно перекинулось и въ другія части свѣта,—подоходный налогъ въ настоящее время имѣется въ Канадѣ, Японіи, Индіи, австралійскихъ колоніяхъ. Въ 1913 году онъ введенъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Временно онъ взимался тамъ и раньше, повидимому, подъ вліяніемъ примѣра Англіи; онъ устанавливался и тамъ на покрытіе военныхъ расходовъ въ 1812—14 и въ 60-хъ годахъ XIX вѣка. Но со времени отмѣны его въ 1872 г. подоходнаго обложенія, взимаемаго союзомъ, болѣе не существовало; имѣлись лишь подоходные налоги въ отдѣльныхъ штатахъ. Правда, въ 1895 году была снова сдѣлана попытка перейти къ подоходному обложенію, но едва оно было установлено, какъ въ верховный судъ была подана жалоба на то, что оно противорѣчитъ американской конституціи. Согласно послѣдней, прямые налоги должны быть взимаемы союзомъ въ отдѣльныхъ штатахъ по численности населенія, а вовсе не по доходамъ, имѣющимся въ каждомъ штатѣ. Вслѣдствіе этого законъ 1894 года былъ признанъ антиконституціоннымъ и отмѣненъ. Подобно тому, какъ Англія въ 1816 году устроила ауто-да-фе, и Соединенные Штаты подвергли сожженію всѣ документы, относящіеся къ подоходному налогу, чтобы потомство даже не знало объ этомъ, столь опасномъ для республики, покушеніи на ея конституцію.

Лишь въ 1913 году американцы снова вернулись къ мысли о подо-

ходномъ налогѣ: положеніе о немъ появилось въ качествѣ второго отдѣла закона о таможенной реформѣ—между таможеннымъ тарифомъ и правилами о таможенномъ досмотрѣ. Въ этомъ должна было особенно ярко выразиться связь между подоходнымъ обложеніемъ и новыми таможенными пошлинами. Послѣднія имѣли до сихъ поръ рѣзко-протекціонный характеръ, и такъ какъ промышленность въ Соединенныхъ Штатахъ блестяще развивалась, то всѣ были увѣрены, что тарифъ приноситъ огромную пользу, что тѣ милліарды, въ которыхъ выражается ростъ производства, экспорта и т. д., созданы таможенными пошлинами—post hoc ergo propter hoc. Но стоило конъюнктурѣ измѣниться, и вѣра въ спасительность протекціонизма сразу исчезла—сдѣланы были значительныя уступки фритредерамъ и таможенный тарифъ былъ переработанъ на новыхъ началахъ; это было признано необходимымъ и въ цѣляхъ борьбы съ „тираніей трестовъ". А такъ какъ при пониженномъ таможенномъ тарифѣ поступленія должны сократиться, то на покрытіе недостающей части ихъ и былъ введенъ подоходный налогъ. Построенъ налогъ весьма своеобразно, на чисто-американскій манеръ, съ американскимъ размахомъ. Прожиточный минимумъ составляютъ не 1200 руб., какъ въ Англіи, и не 450 р., какъ въ Пруссіи, а 6000 руб., (3000 долл.), т. е. въ 5 разъ болѣе, чѣмъ въ Англіи, и въ 13 разъ больше, чѣмъ въ Пруссіи. Съ доходовъ свыше 3000 долларовъ налогъ взимается въ размѣрѣ 1 проц., но съ доходовъ свыше 20.000 долл. берется еще дополнительный налогъ на прогрессивныхъ началахъ, равняющійся 1 проц. съ той части дохода, которая составляетъ 20—50 тыс. долл., затѣмъ 2 проц. (съ 50—100 тыс. долл.) и т. д. вплоть до 6 проц. съ суммы дохода, превышающей 500.000 долл. Такимъ образомъ лица, съ доходомъ менѣе 3 тыс. долл., ничего не платятъ, при доходѣ въ 50 тыс. долл., платятъ всего $1^1/_2$ проц., напротивъ—при доходѣ въ 250 тыс.—4 проц., а если доходъ составляетъ 20 милл. долл.— 7 проц. дохода. Недаромъ американцы называютъ этотъ налогъ податью на милліардеровъ.

Изъ Англіи американцы заимствовали уплату налога у источника—удержаніе его при выплатѣ какихъ-либо доходовъ плательщику; а для того, чтобы воспользоваться правомъ изъятія отъ обложенія (ибо общая сумма доходовъ неизвѣстна удерживающему налогъ лицу или учрежденію) или иными льготами, плательщикъ долженъ доставить уплачивающему за него налогъ лицу или учрежденію точную декларацію размѣра всѣхъ своихъ прочихъ доходовъ и просить о примѣненіи къ нему соотвѣтствующихъ льготъ. Такъ что частнымъ лицамъ и частнымъ учрежденіямъ подается декларація о доходѣ, они ее провѣряютъ, и казна разрѣшаетъ имъ опредѣлять льготы, на которыя имѣетъ право плательщикъ. Такого сообщенія свѣдѣній о всѣхъ своихъ доходахъ всякому, отъ кого плательщикъ получаетъ доходъ, и такого довѣрія со стороны

казны мы нигдѣ, кромѣ Америки, не найдемъ. Правда, это касается только основного оклада въ 1 проц., но и въ этихъ предѣлахъ составляетъ неслыханную для Европы мѣру. Съ нею вполнѣ гармонируетъ и постановленіе, что податной надзоръ имѣетъ право требовать предъявленія торговыхъ книгъ и притомъ не только отъ плательщика но и отъ всякаго другого лица, имѣющаго съ нимъ дѣла, и требовать отъ нихъ показаній подъ присягой—и въ этомъ отношеніи Америка оставила далеко позади Старый Свѣтъ. Своеобразную чисто-американскую мѣру составляетъ и командировка чиновъ податной администраціи въ разныя мѣстности для отыскиванія плательщиковъ. Предполагается, что они скрываются и необходимы спеціальныя лица для отысканія ихъ и выясненія ихъ доходовъ. Наконецъ, характерно, что въ Америкѣ не подлежатъ обложенію государственные фонды и—это еще любопытнѣе—изъяты отъ налога почему-то президентъ Соединенныхъ Штатовъ, судьи и чиновники. Въ Европѣ такой льготой пользуются только коронованныя особы [1]).

Такъ, прогрессивный общедоходный налогъ,—тотъ самый налогъ, который противники его называли самымъ ужаснымъ орудіемъ разрушенія и междоусобной войны, какое когда-либо было извѣстно,—этотъ самый подоходный налогъ въ различныхъ формахъ обошелъ весь міръ, сталъ полноправнымъ членомъ податной системы всякой культурной страны. Мало того, не довольствуясь своей первоначальной скромной ролью надстройки къ существующимъ прямымъ налогамъ—поземельному, подомовому, промысловому, съ денежныхъ капиталовъ,—онъ вскорѣ сдѣлалъ дальнѣйшіе шаги и вытѣснилъ ихъ, занявъ то мѣсто, которое прежде принадлежало этимъ реальнымъ налогамъ съ отдѣльныхъ видовъ имущества; изъ надстройки онъ превратился такимъ образомъ въ основу прямого обложенія. Въ настоящее время во многихъ государствахъ—Пруссіи, Баденѣ, Саксоніи, Швейцаріи Даніи, Италіи,—все прямое обложеніе состоитъ исключительно или почти исключительно изъ подоходной и поимущественной податей, въ Англіи—изъ одной только подоходной; отъ реальныхъ же налоговъ сохранились въ этихъ государствахъ—въ противоположность Россіи, Франціи, Австріи — лишь незначительные остатки, воспоминанія отъ тѣхъ временъ, когда подоходнаго налога еще не знали

(Окончаніе слѣдуетъ).

I. Кулишеръ.

---

[1]) См. Покровскій, стр. 92.

СТЕПНЫЕ СИЛУЭТЫ.

ОТЪѢЗДЪ.

Горденко (Вячеславъ Горденко—скрипачъ) стоялъ однимъ колѣномъ на своей постели и снималъ со стѣны старинное оружіе. У него была своя собственная небольшая коллекція, на составленіе которой ушла одна четверть его состоянія.

Бережно снимая драгоцѣнный хламъ, онъ неторопливо, почти нѣжно, обтиралъ вещи тряпкой и складывалъ ихъ тутъ же на постель. Два ящика, въ которые должна была переместиться коллекція, стояли рядомъ на полу, раскрытые, длинные, похожіе на гробы, ждущіе эти драгоцѣнные трупы вещей, вышедшихъ изъ употребленія.

Ружья Лебеды и Мортимера, старые кинжалы, кремневыя винтовки и пистолеты, толедскія шпаги и необыкновенныя курительныя трубки,—все это лежало на дешевомъ, потрепанномъ одѣялѣ, которымъ Горденко прикрывалъ свое великолѣпное тѣло спортсмена.

Одинъ изъ пистолетовъ онъ задержалъ дольше другихъ. Эта вещь всегда нѣсколько волновала его, такъ какъ принадлежала когда-то его дѣду, который во время бунта застрѣлилъ крѣпостного человѣка. Было вполнѣ возможно, что онъ сдѣлалъ это изъ этого пистолета.

Горденко осмотрѣлъ кремень, съ задумчивымъ видомъ закрылъ полку и щелкнулъ куркомъ. Звѣздочки искръ брызнули на затравку.

Это его взволновало. Его душа была такъ подстроена, что всякій звукъ, всякое движеніе, вызванные изъ тьмы прошлаго, отзывались въ ней, подобно тому, какъ униссоны переходятъ отъ одной струны къ другой.

Странное волненіе овладѣло имъ. Онъ стоялъ на колѣняхъ среди вещей прошлыхъ вѣковъ, держалъ въ рукѣ старый пистолетъ и потемнѣвшими глазами смотрѣлъ въ пространство. Онъ ничего не видѣлъ ни въ прошломъ, ни

въ настоящемъ, но ощущалъ томленіе, легкое замираніе сердца, какъ будто невидимыя руки протянулись изъ тьмы прошлаго и прикоснулись къ его умиленной душѣ. Онъ утратилъ представленіе о дѣйствительности и пересталъ ощущать себя.

Нѣсколько мгновеній въ его сознаніи не было ни мыслей, ни представленій. Потомъ тамъ что-то случилось, вспыхнуло нѣсколько блѣдныхъ пятенъ, тьма дрогнула, и Горденко увидѣлъ берегъ рѣки, домъ съ мезониномъ и колоннами, своего прадѣда въ напудренномъ парикѣ, какихъ-то дамъ и еще что-то неопредѣленное и смутное, какія-то движенія и мельканія, похожія на переливы свѣта въ хрустальныхъ призмахъ.

Два нервныхъ кирпично-красноватыхъ пятна показались на его матово-блѣдныхъ щекахъ. Въ этотъ моментъ онъ былъ почти прекрасенъ со своимъ блѣднымъ, отчетливо очерченнымъ лбомъ и темными, мерцающими глазами. Въ немъ было какое-то сходство съ Христомъ, не съ Христомъ опредѣленнаго художника, а съ тѣмъ общимъ у всѣхъ художниковъ лицомъ, которое, не смотря на разнообразіе отдѣльныхъ толкованій, неизбѣжно вырисовывается въ чертахъ Спасителя.

Стукъ проѣхавшей по двору телѣги спугнулъ видѣнія.

Горденко вздохнулъ и опять увидѣлъ свою комнату, кучу стараго оружія, наполовину свернутый коверъ на полу, гимнастическія гири, брошенныя въ безпорядкѣ на срединѣ комнаты,—весь этотъ хаосъ изъ ружейныхъ гильзъ, трубокъ, коробокъ, старыхъ брюкъ, охотничьихъ гетръ, бумажекъ, валявшихся всюду на столѣ, диванѣ и полу.

Рука съ пистолетомъ безсильно опустилась.

Скрипачъ вспомнилъ обстоятельства, предшествовавшія превращенію тихаго мірка, созданнаго имъ въ своей комнатѣ, въ эту безформенную кучу обломковъ и почувствовалъ боль въ груди.

Ему было больно; онъ томился и страдалъ, потому что чувствовалъ себя униженнымъ.

Его гнали вонъ.

Положимъ, не вполнѣ гнали и даже, собственно говоря, совсѣмъ не гнали!.. Но какого же чорта не идетъ она просить его остаться?

Безъ сомнѣнія, она была виновата. Она тронула самую больную струну его души; она его оскорбила.

— А-а, Боже мой!

Пистолетъ полетѣлъ въ общую кучу; подброшенная носкомъ сапога коробка изъ-подъ гильзъ взлетѣла на воздухъ.

— А если она не придетъ?

Нѣсколько безформенныхъ темныхъ пятенъ пролетѣло въ его головѣ. Онъ началъ укладывать свои вещи только для того, чтобы она пришла, но теперь, когда въ комнатѣ не осталось ни одной не перевернутой вверхъ ногами вещи, ему начало казаться, что моментъ упущенъ и что она уже не можетъ придти.

Онъ провелъ по лицу дрожащей отъ гнѣвнаго волненія рукой.

Да, возможно, что онъ проигралъ и что кой-какія слова не слѣдовало употреблять.

Отъ одной фразы во всякомъ случаѣ слѣдовало воздержаться.

Да, это была ошибка. Она проститъ ему все, что угодно, но не это.

Какъ она ощетинилась!

И подумать, что все началось изъ-за этой проклятой старинной чашки. Для нея—это только хламъ; для него—обломокъ исчезнувшаго міра, съ которымъ у него существуетъ какая-то таинственная связь.

Они спорили около часа. Потомъ въ раздраженіи она высказала нѣсколько упрековъ, пользуясь фразами, слышанными отъ тетки, которая пріѣзжала разъ въ мѣсяцъ только для того, чтобы поставить племянницѣ на видъ предосудительность ея поведенія.

Вотъ тогда-то онъ и сказалъ ей нѣсколько словъ, отъ которыхъ у ней задрожали губы.

Но развѣ по существу дѣла онъ былъ не правъ?

Онъ сказалъ ей, что ея превосходство надъ нимъ—мнимое. Шестьсотъ десятинъ земли. Подумаешь, какъ это внушительно!

Онъ сердито повалился на диванъ въ кучу хлама и взялся руками за голову.

Ну, да... Онъ прижился у нея и пользуется частью ея доходовъ, но что въ этомъ недостойнаго, собственно говоря?

Ея мужъ прежде, чѣмъ умеръ, дѣлалъ то же самое, и то же самое дѣлали и дѣлаютъ милліоны людей... Вотъ Гайднъ, напримѣръ... А она сама,—эта помѣщица съ неувѣренными манерами и непріятнымъ цвѣтомъ лица,—развѣ она сама не живетъ по существу дѣла на средства своего умершаго дяди? Между нимъ—бездомнымъ скрипачомъ—и ею разницы по существу дѣла нѣтъ никакой. Они оба состоятъ на содержаніи: онъ у живой помѣщицы, а она у умершихъ родственниковъ.

А если нѣсколько углубиться въ эту тему...

Но вотъ именно этого-то и не слѣдовало дѣлать.

Онъ сказалъ, что по существу дѣла онъ даже больше,

чѣмъ кто он то ни было, имѣетъ право жить здѣсь, въ этомъ домѣ, такъ какъ онъ — единственный здѣсь человѣкъ, чувствующій связь съ тѣмъ прошлымъ, въ которомъ создавались и эти стѣны, и эти картины, и паркъ, и земельная рента. Его душа — такой же обломокъ исчезнувшаго міра, какъ и всѣ эти вещи, которымъ онъ ближе, чѣмъ сама ихъ хозяйка...

Это было красиво, но неосторожно сказано.

Съ этого момента тонъ разговора рѣзко измѣнился и черезъ нѣсколько минутъ его подруга уже кричала.

Онъ замѣчалъ это и раньше. Всѣ онѣ становятся необычайно чувствительны, какъ только въ ихъ мутномъ воображеніи мелькаетъ что-нибудь въ родѣ опасности, угрожающей ихъ праву. Онѣ щетинятся, какъ собака, охраняющая кость.

Ну, и чортъ съ ними! У него есть чувство чести и онъ не позволитъ такъ съ собой разговаривать.

Чтобы успокоиться, онъ взялъ скрипку.

Это былъ инструментъ одного изъ послѣднихъ Амати. Земля четыреста разъ обернулась съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ собранъ въ счастливой комбинаціи, дающей такой глубокій и мягкій тонъ.

Горденко чувствовалъ почти физическое удовольствіе отъ прикосновенія къ этимъ потемнѣвшимъ доскамъ, въ которыхъ скрывался замыселъ мастера, когда-то жившаго, мучившагося въ творчествѣ, искавшаго новыхъ комбинацій. Нѣсколько мгновеній онъ безцѣльно держалъ въ рукахъ скрипку, потомъ провелъ по декамъ платкомъ и взялъ смычокъ.

Могучій, гнѣвный аккордъ и слѣдомъ за нимъ бурное „летучее" стаккато; еще аккордъ и еще стаккато.

Благородные, законченные, уплотненные звуки наполнили весь домъ. Это былъ импровизированный призывный вопль, который въ переводѣ на обычный языкъ означалъ:

— Милая моя, ты должна же, наконецъ, понять, какъ мнѣ больно. Я не могу придти къ тебѣ самъ, потому что ты оскорбила меня. Тебѣ удобнѣе сдѣлать первый шагъ. Пощади меня. Иначе я уѣду, какъ ни жутко мнѣ опять начать нищенствовать.

Нѣсколько случайно подвернувшихся подъ пальцы фразъ изъ „Манфреда въ горахъ" заинтересовали его.

Онъ видѣлъ теперь эстраду, стройную спину Кусевицкаго, управлявшаго оркестромъ, и слышалъ наполнявшіе залъ аккорды мрачнаго отчаянія. Съ серьезнымъ и прислушивающимся выраженіемъ лица онъ искалъ эти звуки на скрипкѣ...

Игра никогда не доставляла ему полнаго удовлетворенія.

Его утонченный слухъ улавливалъ всѣ малѣйшіе шорохи смычка и незамѣтныя для рядового слушателя случайныя неточности звука. Онъ игралъ почти хорошо и могъ бы играть совсѣмъ хорошо, еслибы не былъ такъ лѣнивъ. Но даже, еслибы онъ игралъ, какъ виртуозъ, игра все-таки не дала бы ему полнаго удовлетворенія, такъ какъ въ его сознаніи рождались звуки такой чистоты и выразительности, что ихъ нельзя было передать ни на какомъ инструментѣ.

И теперь, вслушиваясь въ части аккордовъ изъ Манфреда, онъ чувствовалъ смутное безпокойство, которое становилось тѣмъ опредѣленнѣе, чѣмъ яснѣе ему становился замыселъ композитора. Теперь онъ уже не видѣлъ Кусевицкаго. Въ его сознаніи скользили пятна горнаго ландшафта, сверкающее озеро, туманная дымка долинъ и холодная прозрачность воздуха на вершинахъ. Онъ видѣлъ и самого мрачнаго графа, исключительныя чувства котораго среди исключительной природы казались почти вѣроятными.

Зрительныя впечатлѣнія, наконецъ, подавили музыкальныя. Съ задумчивымъ видомъ Горденко сдѣлалъ нѣсколько неопредѣленныхъ щипковъ лѣвой рукой и опустилъ скрипку.

Вслѣдъ затѣмъ онъ швырнулъ смычокъ въ футляръ.

Она не пришла все-таки.

Скрипку онъ уложилъ дрожащими руками, но очень бережно.

Она не придетъ. Это ясно теперь.

Оружіе опять полетѣло со стѣны на постель и съ постели въ ящики.

Поѣздъ отходитъ въ семь съ четвертью. Прекрасно! Онъ успѣетъ уѣхать сегодня же.

— Надя!

Вошла чистенькая горничная.

— Скажите, чтобы приготовили телѣжку къ пяти часамъ. Я уѣжаю.

Горничная вышла.

Онъ прислушался. Неужели ничего, ни малѣйшей попытки удержать? Ему легче было бы уѣхать, сопротивляясь и капризничая.

О, какъ больно!

И какъ это случилось, что его вліяніе такъ ослабѣло?

Онъ провелъ рукой по лысѣющему лбу. Да, онъ старѣетъ, теряетъ волосы и зубы. Ему уже сорокъ лѣтъ.

Когда-то этотъ возрастъ казался ему предѣломъ, до котораго стоило жить. Теперь ему хотѣлось бы прожить еще лѣтъ пять, шесть, десять... Дольше пятидесяти во всякомъ случаѣ ж ть не стоило.

Онъ представилъ себѣ эти десять лѣтъ безъ комфорта и денегъ, въ полномъ одиночествѣ. Ему придется, конечно, давать уроки. Это было всего ужаснѣе. Порой онъ чувствуетъ раздраженіе и почти физическую боль отъ своей собственной игры; каждая фальшивая нота влетаетъ въ его сознаніе, какъ капля расплавленнаго свинца, а ученики издаютъ втеченіе первыхъ двухъ лѣтъ однѣ только фальшивыя ноты.

Въ сосѣднихъ комнатахъ послышались шаги.

Онъ всталъ и, нервно потирая руки, прислушался.

Нѣтъ, это не она.

Онъ почувствовалъ себя во власти враждебныхъ случайностей и, почти смирившись, началъ заколачивать ящики.

Черезъ часъ онъ сидѣлъ въ телѣжкѣ и благосклонно отвѣчалъ на поклоны прислуги, которой онъ раздалъ на чай одну треть своихъ наличныхъ денегъ.

Его будутъ здѣсь помнить.

Лошади тронули; домъ и садъ качнулись.

Но онъ еще продолжалъ ждать. Онъ всматривался въ темную зелень вишневыхъ кустовъ, разсаженныхъ по границѣ сада, и нѣсколько разъ ему казалось, что онъ видитъ что-то, похожее на дамскую блузку.

И только, когда садъ остался позади, его чувства и мысли приняли новый оттѣнокъ полной безнадежности.

И домъ, и садъ, и эта женщина, которая четыре года была такъ терпѣлива и такъ послушна, всѣ эти вещи и люди, нѣсколько минутъ тому назадъ составлявшія условія его жизни, теперь отошли въ прошлое. Ему предстояло войти въ какія-то другія условія, усвоить вліяніе какихъ-то новыхъ вещей и новыхъ лицъ.

Острая грусть овладѣла имъ и нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ охваченный ощущеніями, въ которыхъ было что-то общее съ сильнымъ, сладковатымъ запахомъ сѣна, наполнявшимъ степь.

Когда онъ очнулся, вдали уже виднѣлась красная крыша станціи.

Это вызвало въ его сознаніи рядъ новыхъ представленій. Онъ думалъ теперь о станціи, о поѣздѣ, о дорожныхъ встрѣчахъ.

Годъ тому назадъ, проѣзжая по этой же дорогѣ, онъ встрѣтился и разговорился съ дѣвушкой, у которой были нѣсколько приподнятыя плечи, воинственно торчащія уши и паралитикъ отецъ, съ которымъ она жила въ своемъ имѣньѣ.

Тогда онъ не довелъ дѣло до конца, но развѣ подобная встрѣча не могла повториться?

Полузакрывъ глаза, онъ увидѣлъ окно вагона и дѣвушку съ торчащими ушами. Дѣвушка стояла у окна, смотрѣла на разбѣгающіяся въ стороны кривыя отдѣльныхъ точекъ степи и слушала. Онъ держалъ въ рукахъ старинные часы, послужившіе поводомъ для начала разговора, но эта тема была оставлена еще полчаса тому назадъ.

Теперь онъ говорилъ о прелестяхъ кочевой жизни. Историческія мѣста и названія волновали его. Равнина между Днѣпромъ и Волгой, которую они перерѣзали поперекъ, была населена мрачными призраками прошлаго. Это былъ путь гунновъ, печенѣговъ, половцевъ, татаръ и гдѣ-то здѣсь же проходили полки Игоря.

— Смотрите, вотъ Донъ!

Самый звукъ этого имени взволновалъ его.

— Донъ!

Небольшая, но необыкновенно нѣжная, голубая рѣка, прижавшаяся къ бѣлому, мѣловому горному берегу, вызвала у него нѣсколько восторженныхъ междометій.

— О, какъ это красиво!

На другомъ, степномъ, берегу далеко впереди весело и привѣтливо бѣлѣла церковь, и весь этотъ кусокъ пейзажа съ примитивными линіями и нѣжными тонами былъ похожъ на тѣ милыя стереотипныя заставки, которыя такъ часто употребляются въ хорошихъ дѣтскихъ книжкахъ.

— Древніе называли Донъ Танаисъ,—сказалъ онъ—они поднимались, можетъ быть, сюда на своихъ лодкахъ, какъ теперь европейцы поднимаются по Конго, и это не всегда благополучно сходило имъ съ рукъ.

Дѣвушка лучше его знала мѣста, по которымъ они ѣхали, и сказала:

— А вонъ, смотрите, это—Шатрище,—гора, гдѣ прятался Стенька Разинъ.

— Онъ, кажется, вездѣ прятался.

Потомъ, щурясь на бѣлые склоны холма, Горденко заговорилъ, нѣсколько преувеличивая свое волненіе:

— Нѣтъ ничего болѣе волнующаго, чѣмъ путешествіе. Первыя впечатлѣнія—всегда самыя яркія и самыя цѣнныя. Въ первыхъ впечатлѣніяхъ улавливаешь самую душу предмета. Вонъ у той бѣленькой церкви, напримѣръ, душа—привѣтливая и наивная,—что-то въ родѣ души хорошей деревенской дѣвушки... Иногда я дѣлаю тысячу верстъ въ вагонѣ, чтобы уловить улыбку какой-нибудь старой барской усадьбы или полуразвалившейся крѣпости... Я—обломокъ прошлаго; моя душа принадлежитъ тому, что уже умерло... Я—что-то въ родѣ осколка погибшей планеты, которая когда-то

была полна жизни, а теперь безформенными кусками носится въ пространствѣ. Я нигдѣ не могу создать себѣ прочное гнѣздо.

— Вы играете на скрипкѣ? — спросила дѣвушка, глядя на скрипичный футляръ.

Онъ зналъ женщинъ и не удивился внезапному зигзагу ея мысли.

— Да,—отвѣтилъ онъ—я скрипачъ немного.

— Скучно въ степи... Такая тоска, просто ужасъ.

Даже теперь, переживая эту сцену въ мечтаніяхъ, Горденко почувствовалъ нѣкоторое удовлетвореніе и облегченно вздохнулъ.

То, что было, мѣшалось въ его мечтаніяхъ съ тѣмъ, что могло быть и что, можетъ быть, когда-нибудь дѣйствительно будетъ. Онъ еще не оформилъ въ опредѣленные образы то, что должно было послѣдовать вслѣдъ за заявленіемъ дѣвицы о скукѣ, но уже ощущалъ возможность благополучнаго конца.

Да, въ степи было скучновато, и онъ могъ разсчитывать на нѣкоторое вниманіе.

Щуря свои близорукіе глаза, онъ всматривался въ бѣлесовато-синюю даль степи, гдѣ скрывалось его будущее,—тѣ новыя условія жизни, которыя ему предстояло найти.

Волненіе ожиданія, смутныя предчувствія, почти съ юношеской силой овладѣли имъ. Онъ втянулъ нервными ноздрями сладковатый ароматъ вянущей степи и не подумалъ, а ощутилъ, что жизнь для него еще не кончена и что впереди есть кой-что неизвѣстное и волнующее.

ПОЛЮДЬЕ.

Кончивъ сѣдлать, Арчаковъ попробовалъ пальцемъ подпругу, тряхнулъ сѣдло и вошелъ въ избу за нагайкой и револьверомъ.

Маленькая, чистенькая, въ бѣлыхъ манжетахъ и воротничкѣ женщина, сидѣвшая за накрытымъ клеенкой столомъ, подняла голову отъ книги и оглядѣла его грустными глазами.

Это сочетаніе изящной женской фигурки съ плохо выкрашеннымъ, покоробившимся поломъ и стѣнами, оклеенными потрескавшимися дешевыми обоями, всегда нѣсколько дѣйствовало на его нервы, раздражая, какъ длительный диссонансъ. Было бы лучше, еслибы она въ этой обстановкѣ отказалась отъ своихъ культурныхъ привычекъ.

— Ты ѣдешь?—сказала она.

— Надо будетъ... Ты вѣдь знаешь, что это надо... Я поѣду и соберу кой-какія старыя недоимки.

Онъ поднялъ брови и напряженно наморщилъ свой покатый лобъ.

Эта тема была исчерпана еще утромъ, но онъ все же боялся какихъ-нибудь новыхъ словъ, какихъ-нибудь неожиданныхъ аргументовъ, которые могли зародиться въ этой маленькой лабораторіи, скрывавшейся за нѣжнымъ, осѣненнымъ бѣлокурыми локонами, лбомъ жены. Тамъ не прекращалась смущавшая его работа, результаты которой всегда казались ему неожиданными, такъ какъ онъ не въ состояніи былъ уловить подготовительный процессъ.

На минуту жена опустила глаза въ литографированныя лекціи по исторіи литературы. Потомъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ уже началъ считать себя свободнымъ, сказала:

— А если эти твои... ужасные двоюродные братья придутъ и что-нибудь сдѣлаютъ?

— Они не придутъ.

— Ну, а если?

— Зачѣмъ они придутъ, Олюшка, если меня не будетъ? Они на меня злятся, а не на тебя.

Ей хотѣлось чѣмъ-нибудь расплатиться съ нимъ за тѣ нѣсколько часовъ одиночества, которые ей предстояли, и она настойчиво повторила:

— Но если придутъ?

Онъ вдругъ сдѣлалъ неопредѣленный порывистый жестъ правой рукой; его верхняя губа слегка приподнялась, обнаруживъ два ряда прекрасныхъ, бѣлыхъ зубовъ.

Въ своей черной, крѣпко стянутой на высокой таліи, поддевкѣ, со скошеннымъ назадъ лбомъ и хищнымъ выраженіемъ рта, онъ былъ похожъ на большую, злую осу.

— Тогда,—сказалъ онъ, блѣднѣя отъ гнѣва,—тогда я имъ... я ихъ...

— О-о!

Жена опять опустила голову и безцѣльно перевернула страницу. Она жила въ этихъ условіяхъ полгода, но уже начала сознавать, что взяла на себя бремя свыше силъ.

Со стороны это не казалось такъ страшно, и, даже увидѣвъ прошлой весной избу, въ которой имъ предстояло прожить годъ, она не упала духомъ. Лѣтомъ эта изба, уцѣлѣвшая среди пепелища усадьбы, сожженной въ 1906 году, казалась даже привлекательной. Вся площадка передъ ней заросла густой и высокой травой, а у самаго крыльца цвѣли вырождающіяся, но еще яркія, штокъ-розы.

И они поселились здѣсь, потому что мужъ убѣдилъ ее въ необходимости этого. Собственно говоря, она такъ и не усвоила, почему это было необходимо для хозяйства, но поняла, что мужъ находится во власти навязчивой идеи. Она любила этого красавца, чувствовавшаго себя свободнѣе на лошади, чѣмъ за банковской конторкой, и на ея рѣшеніе оказало нѣкоторое вліяніе эстетическое чувство: ея мужъ въ роли сельскаго хозяина представлялъ изъ себя законченную фигуру, которая особенно нравилась ей. Кромѣ того, она иногда почти вѣрила, что изъ этого предпріятія дѣйствительно что-нибудь можетъ выйти.

О, какъ она была неосторожна!

Она увѣрила себя, что этотъ годъ въ степи не помѣшаетъ ея занятіямъ и что въ тиши зимнихъ вечеровъ она сможетъ пройти, по крайней мѣрѣ, два семестра.

Но съ первыхъ же дней она почувствовала себя во власти силъ, о существованіи которыхъ не подозрѣвала. Оказалось, что цвѣтъ стѣнъ, размѣръ оконъ, форма печки и состояніе пола имѣютъ огромное, почти рѣшающее, вліяніе на работу мысли. И всякій разъ, когда она садилась за книги, ей приходилось преодолѣвать вліяніе всѣхъ этихъ грязныхъ, безформенныхъ вещей, которыя дѣлали безсильными, жалкими и безсодержательными слова, которыя она читала въ своихъ лекціяхъ.

И такъ же примитивны и грубы, какъ вещи, были здѣсь и человѣческія отношенія.

Иногда на улицахъ деревни она встрѣчала веселыхъ парней (не арендовавшихъ землю у мужа), которые съ безпечнымъ нахальствомъ оглядывали ее съ ногъ до головы и говорили тономъ, насыщеннымъ юморомъ:

— Госпожа... помѣщица.

Или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Она перестала жаловаться мужу, такъ какъ онъ въ такихъ случаяхъ хватался за нагайку, и человѣческія отношенія угрожали перейти въ драку.

Въ состояніе, близкое къ дракѣ, перешли и ихъ отношенія съ двоюродными братьями мужа.

При размежеваніи наслѣдства дѣда оказалось, что въ натурѣ земли на двадцать десятинъ больше, чѣмъ по документамъ. Ни та, ни другая группа наслѣдниковъ не пожелала ни уступить, ни подѣлить спорный кусокъ пополамъ. Никто не зналъ причинъ такого приращенія, но всѣ какими-то таинственными для Ольги путями пришли къ заключенію, что спорная земля заключается въ „Моховомъ баракѣ“.

При такомъ оборотѣ дѣла шансы мужа Ольги повыша-

лись, такъ какъ его отецъ сдавалъ Моховое въ аренду, но оказалось, что мать двоюродныхъ братьевъ послѣ смерти брата тоже сдала спорное угодье другимъ крестьянамъ. По этой причинѣ двоюродные братья пришли разъ пьяные, угрожали, хватались за карманы, въ которыхъ были револьверы, и ушли, ругаясь.

Ольга съ полнымъ довѣріемъ относилась къ такимъ понятіямъ, какъ право и владѣніе, но способы аргументаціи противниковъ поразили ее. По существу дѣла она присутствовала при процессѣ зарожденія права собственности на двадцать десятинъ земли, но не видѣла ничего, кромѣ угрожающихъ жестовъ.

Теперь оскаленные зубы мужа вызвали въ ней непріятное чувство.

На мгновеніе она утратила связь съ дѣйствительностью и этотъ скалившій зубы красивый мужчина показался ей чужимъ. Онъ въ своей поддевкѣ и папахѣ съ малиновымъ верхомъ сливался съ обстановкой, въ которой Ольга чувствовала себя чуждымъ пятномъ.

Переступивъ съ ноги на ногу, онъ сказалъ:

— Ты ужь, пожалуйста... ты не волнуйся, сдѣлай одолженіе. Что же дѣлать, если надо ѣхать? Вѣдь у насъ нѣтъ денегъ.

Она сдѣлала неопредѣленное движеніе плечомъ.

— Это девятый вѣкъ какой-то... Иногда мнѣ кажется, что большіе города, театры, книги, мои профессора, курсы, все это—сонъ какой-то, что-ли, а реально и безусловно только то, что насъ окружаетъ. Такъ жили тысячу лѣтъ тому назадъ и такъ живутъ теперь. Такъ же возятся съ землей, такъ же чувствуютъ, пьянствуютъ и дерутся, такъ же собираютъ и платятъ оброкъ... Ты вотъ собрался, напримѣръ, на полюдье... Внѣшне разница очень небольшая, а по существу дѣла ея нѣтъ вовсе. Иногда я чувствую, какъ глупѣю. Еще немного—и я перестану мѣнять бѣлье, начну сушить грибы, кричать и думать только о томъ, что вижу... Это—ужасно. И было бы хотя ради чего мучить себя. Изволите видѣть, мы собрались копить деньги на домъ. Какъ это убѣдительно выходило, когда ты говорилъ!.. А теперь у насъ нѣтъ денегъ, чтобы заплатить за молоко.

— Но вѣдь ты знаешь, — нынѣшній годъ неурожайный. У насъ есть деньги,—только онѣ еще тамъ, у крестьянъ, но это совершенно все равно. Я вотъ поѣду и получу деньги.

Она опять шевельнула плечомъ.

— Ну, это, конечно, все равно, есть у насъ деньги или ихъ у насъ нѣтъ.

— И потомъ (ты же вѣдь и это знаешь) мы не могли ве-

сти хозяйство изъ города. Нуженъ былъ приказчикъ. Какой же смыслъ былъ платить приказчику столько, сколько я самъ зарабатывалъ въ этомъ банкѣ. А? Вѣдь это убытокъ прямой.

Онъ надѣлъ нагайку черезъ плечо и подошелъ къ ней.

— Такъ я поѣду, — сказалъ онъ цѣлуя,—ты ужь, пожалуйста, не волнуйся, сдѣлай одолженіе.

Потомъ онъ торопливо, наклоняя голову въ низкихъ для него дверяхъ, вышелъ во дворъ.

Подъ ногами возбуждающе звонко скрипѣлъ снѣгъ; лошадь, вся покрытая легкимъ инеемъ, нервно поводила ушами и, когда Арчаковъ отвязалъ поводъ, начала отплясывать въ сторону.

Почти не глядя на нее, тѣмъ машинальнымъ и отчетливымъ движеніемъ, которое вырабатывается только долгой практикой, онъ попалъ ногой въ стремя и легко и мягко опустился въ сѣдло.

И тотчасъ вслѣдъ затѣмъ въ его головѣ погасли всѣ тѣ темные огоньки, которые вспыхивали тамъ во время разговора съ женой. Теперь въ его сознаніи было только то, что онъ непосредственно воспринималъ: блескъ солнца на снѣжной равнинѣ, нѣжныя тѣни, лежавшія въ складкахъ почвы, движенія лошади и скрипъ воротъ гдѣ-то за оврагомъ въ деревнѣ.

Повернувъ по плохо наѣзженой дорогѣ, онъ выѣхалъ на берегъ оврага, гдѣ семь лѣтъ тому назадъ стояла усадьба. Теперь тамъ виднѣлись только снѣжные, уродливые бугры, подъ которыми скрывались остатки фундамента. Кусты дикаго терна и одичавшей вишни, выбравшіеся изъ оврага, торчали изъ-подъ снѣга на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то была площадка для крокета.

Придерживая лошадь, косившуюся на остатки фундамента, которые даже подъ снѣгомъ оставались чуждыми окружающему и странно мертвыми, Арчаковъ началъ спускаться внизъ къ саду и усадьбѣ тетки.

Еще издали, съ берега оврага, онъ разглядѣлъ своими степными глазами у воротъ дома фигуру старшаго изъ братьевъ, который съ ружьемъ на перевязи стоялъ и разговаривалъ съ двумя крестьянами.

Ощущеніе враждебности,—легкое, едва сознаваемое волненіе,—охватило его. Тамъ внизу что-то предстояло, и онъ ничего не имѣлъ противъ хорошей перебранки, а, пожалуй, и нѣсколькихъ жестовъ съ нагайкой.

Онъ нарочно особенно медленно проѣхалъ мимо воротъ, но двоюродный братъ проводилъ его мрачнымъ взглядомъ и ничего не сказалъ.

Выбравшись въ степь, Арчаковъ толкнулъ лошадь и по-

ѣхалъ дѣловитой, сдержанной рысью. Онъ ѣхалъ автоматически, такъ, какъ обычно ходятъ,—не ощущая привычныхъ движеній,—и его сознаніе было теперь въ такой степени заполнено голубовато-бѣлымъ полукругомъ степи, что онъ ощущалъ себя почти исключительно черезъ боль въ ушахъ, которыя начали зябнуть.

Черезъ полчаса онъ задержалъ лошадь. Ему предстояло сдѣлать выборъ между двумя деревнями. Въ одной крестьяне изъ года въ годъ снимали у него свои участки и тамъ не предстояло никакихъ осложненій. Въ другой деревнѣ снимали „Моховой", и населеніе ея дѣлилось на сторонниковъ Арчакова и его братьевъ, въ зависимости отъ того, кто кому заплатилъ аренду.

Арчаковъ въ точности зналъ, что его противники склонны избить его, такъ какъ у него вышло съ ними нѣсколько недоразумѣній весной при попыткахъ запахать спорный участокъ. Тогда кой-кто изъ нихъ ушелъ съ кровоподтеками на разныхъ частяхъ тѣла, и Арчаковъ не безъ чувства нѣкотораго удовлетворенія думалъ о томъ, что впечатлѣніе произведенное имъ, очевидно, еще не изгладилось.

Сама по себѣ возможность столкновенія была настолько привлекательна, что онъ не колебался бы, еслибы разсчитывалъ собрать въ этой деревнѣ хотя сколько-нибудь значительную сумму. Впрочемъ, потребности духа скоро преодолѣли соображенія матеріальнаго порядка, и онъ повернулъ влѣво, навстрѣчу возможной дракѣ.

Черезъ четверть часа онъ спустился въ ложбинку, переѣхалъ незамерзшій ручеекъ, вода котораго казалась черной, какъ чернила, и постучалъ нагайкой въ окно крайней избы.

Вышелъ благообразный, чернобородый мужикъ въ одной ситцевой рубахѣ и безъ шапки.

— Алексѣй Степанычъ, — сказалъ онъ и принялъ лошадь.

Онъ не проявлялъ ни суетливости, ни особенной радости, но Арчаковъ зналъ, что въ немъ можно было быть увѣреннымъ, такъ какъ основной чертой его характера была вѣрность. Онъ не видѣлъ большой разницы между Алексѣемъ и его братьями, но, разъ ставъ на сторону Алексѣя, онъ считалъ себя обязаннымъ занимать эту позицію до конца.

Войдя въ избу, Арчаковъ снялъ папаху и сѣлъ за столъ

— Сходи, братъ, скажи тамъ кой кому, чтобы несли Марьѣ Прокофьевой скажи, Сашкѣ кривому... Ну, вали братъ!

Потомъ онъ досталъ квитанціонную книжку и патентованное перо. Онъ долго возился съ нимъ, пробовалъ его на ногтѣ, пытаясь заставить его писать и, наконецъ, превос-

ходнымъ почеркомъ, испытывая почти эстетическое наслажденіе, вывелъ:—Ал. Арчак... и расчеркнулся.

Операція сбора денегъ заняла около часа. Пять мужиковъ и двѣ бабы приходили, кланялись, платили деньги, просили объ отсрочкѣ, ворчали...

Онъ держался великолѣпно.

При полученіи денегъ въ такихъ обстоятельствахъ совсѣмъ не такъ просто сохранить достойный видъ. Одни вступаютъ въ излишнія пререканія съ плательщиками, другіе безсильно мякнутъ и теряютъ время и деньги; третьи кричатъ и бушуютъ, какъ завоеватели, право которыхъ не обратилось еще въ привычку.

Арчаковъ былъ сдержанъ, но въ немъ было столько увѣренности въ себѣ и въ своемъ положеніи, что сборъ протекалъ всегда успѣшно. Онъ былъ безпристрастно милостивъ и справедливо строгъ.

Въ этотъ моментъ сослуживцы по банку не узнали бы въ немъ плохо владѣющаго рѣчью счетовода, получавшаго пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

Когда все было кончено, Арчаковъ всталъ и потянулся такъ, что хрустнули кости. Онъ усталъ сидѣть.

Лошадь его тоже устала стоять, прозябла и сразу запросила поводья.

Поднимаясь въ гору, онъ замѣтилъ нѣсколько темныхъ фигуръ, мелькнувшихъ между хлѣбными амбарами, и въ его головѣ вспыхнула свѣтлая полоса, какъ будто внезапно открылась и тотчасъ захлопнулась дверь въ освѣщенную комнату.

Онъ не успѣлъ разглядѣть, что скрывалось за этой дверью, но его руки и ноги уже знали, что слѣдуетъ дѣлать.

Онъ круто задержалъ лошадь и вынулъ портъ-сигаръ.

Въ пятидесяти шагахъ отъ него чернѣли амбары, изъ-за которыхъ могла, пожалуй, сверкнуть молнія выстрѣла. Доставъ папиросу, онъ долго возился со спичками, которыя гасли, не переставая въ то же время видѣть малѣйшіе закоулки между амбарами. Тамъ что-то происходило. Быть можетъ, тамъ подсчитывались силы и шансы успѣха.

Папироса, наконецъ, задымилась, но фигура всадника продолжала оставаться неподвижной. Это былъ рѣшающій моментъ, когда тѣ, которые прятались, почувствовали, что они постепенно изъ охотниковъ превращаются въ дичь.

Обѣ стороны хранили полное молчаніе, но всѣ прекрасно понимали другъ друга.

Когда переходный моментъ кончился и охотники окончательно почувствовали себя въ роли дичи, Арчаковъ толк-

нулъ лошадь и шагомъ поѣхалъ дальше, не оглядываясь и не принимая никакихъ мѣръ предосторожности.

Отъѣхавъ саженъ сто, онъ уловилъ далекій крикъ, похожій на крѣпкое ругательство, но не оглянулся

Постепенно онъ поддавался вліянію обстановки. Нервное возбужденіе улеглось.

Онъ ѣхалъ теперь по землѣ своихъ предковъ и ощущалъ только это. Маленькая женщина въ безукоризненно чистомъ воротничкѣ одиноко сидѣла въ бывшей людской избѣ, стала крошечной точкой въ его сознаніи, значеніе которой онъ едва понималъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлалъ для этого усиліе.

То, что онъ чувствовалъ теперь, по существу дѣла было мечтаніями, хотя въ его головѣ почти не было образовъ, такъ какъ онъ не обладалъ сильнымъ воображеніемъ.

Онъ ощущалъ себя помѣщикомъ, настоящимъ бариномъ, ѣдущимъ по своимъ владѣніямъ.

Три четверти той земли, по которой онъ ѣхалъ, были еще его отцомъ спущены за долги, но теперь онъ вновь чувствовалъ ее своей. Онъ не въ состояніи былъ вызвать въ сознаніи сколько-нибудь опредѣленные и связные образы, но ощущалъ онъ прекрасно.

Ради этихъ призрачныхъ ощущеній онъ оставилъ мѣсто въ банкѣ и поселился въ избѣ, самъ наполовину сознавая, что всѣ остальныя соображенія играютъ только служебную роль.

Щурясь отъ легкаго вѣтра, онъ смотрѣлъ въ искрящееся голубоватыми отсвѣтами снѣжное пространство, время отъ времени туманившееся струями мелкаго снѣга, переносимаго низовымъ вѣтромъ.

И чѣмъ упорнѣе онъ вглядывался въ эти однообразныя мерцанія, тѣмъ блѣднѣе становились его мысли и тѣмъ опредѣленнѣе и ярче онъ ощущалъ.

Въ немъ пробуждались старые инстинкты, тысячелѣтніе навыки къ опредѣленному душевному строю.

Подъ нимъ живыми и ритмическими движеніями шевелилась лошадь; надъ нимъ было мутно-сиреневое небо; а вокругъ разстилалась необъятная бѣлая плоскость степи, по которой плыли, вьючись, падали и кружились на мѣстѣ тонкія струи снѣга, въ движеніяхъ которыхъ была та же порывистость и кажущаяся произвольность, какъ въ движеніяхъ песка на днѣ прозрачной и быстрой рѣчки...

Вдали темнымъ пятномъ вырисовалась дубовая поросль оврага; усадьба была уже близко.

Арчакову жаль стало разстаться со своими ощущеніями и, задержавъ лошадь, онъ поѣхалъ шагомъ.

Ф. Воскресенскій.

Великая научная революцiя.

(Принципъ относительности).

(Окончанiе).

XV. Мiръ, какъ четырехмѣрное многообразiе.

Какъ ни странны и парадоксальны изложенныя здѣсь идеи Эйнштейна, но еще болѣе странными и парадоксальными онѣ стали, когда появилось замѣчательное ихъ толкованiе, сдѣланное черезъ три года послѣ ихъ провозглашенiя, въ 1908 г., генiальнымъ Минковскимъ (сыномъ ковенскаго еврея), незадолго до его преждевременной кончины. Вообще Минковскiй придалъ ученiю Эйнштейна такую изящную математическую формулировку и сообщилъ ему такой глубокiй философскiй смыслъ, что оно вызвало особенный интересъ не только у физиковъ (и вообще у естествоиспытателей), но и у математиковъ и философовъ. Къ сожалѣнiю, популярное изложенiе теорiи Минковскаго встрѣчаетъ чрезвычайныя (можетъ быть, непреодолимыя) затрудненiя, и потому я ограничусь самыми общими замѣчанiями, хотя и это нелегко.

Какъ извѣстно, мы привыкли различать пространство и до извѣстной степени независимо отъ него время. До извѣстной степени, потому что, какъ справедливо указываетъ Минковскiй, „никто не замѣчалъ никогда мѣста иначе, какъ въ опредѣленное время, или время иначе, какъ въ опредѣленномъ мѣстѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли себѣ кто-нибудь представить такой кубъ, который не имѣлъ бы никакой продолжительности во времени? Нѣтъ, не можетъ, потому что кубъ, какъ и всякое реальное тѣло, долженъ имѣть не только длину, ширину и высоту, но и продолжительность. Всякое тѣло ограничивается не только своими обычными протяженiями въ длину, ширину и высоту, но и временемъ своего существованiя въ природѣ. И вообще мы не можемъ созерцать какое бы то ни было явленiе въ природѣ, происходящее только во времени или только въ пространствѣ: мы всегда придаемъ ему одновременно и то, и другое. Когда мы разсматриваемъ

только пространство, внѣ понятія длительности, мы получаемъ одновременность послѣдовательныхъ фазисовъ. Налагаемые другъ на друга, эти фазисы даютъ только непонятную и смутную длительность, нѣчто похожее на образы кинематографа, вмѣстѣ проектированные въ одинъ и тотъ же моментъ. Взятые въ отдѣльности, они остаются безъ взаимной связи. Однимъ словомъ, всякое явленіе, происходя въ пространствѣ, одинаково совершается для насъ и во времени, и наоборотъ, такъ что оба эти понятія другъ друга покрываютъ, пополняютъ и находятся въ нѣкоторой взаимной зависимости. Можно, конечно, мысленно отдѣлять пространственную опредѣленность явленія отъ его временной опредѣленности. Но мы не можемъ себѣ представлять воспріятіе въ пространствѣ безъ помощи воспріятія во времени, и наоборотъ. Значитъ: не существуетъ пространства безъ времени и времени безъ пространства—существуетъ только время въ пространствѣ и пространство во времени.

Принципъ относительности показываетъ это особенно рельефно. Мы видѣли, что въ нашихъ измѣреніяхъ пространства—длины и формъ—участвуютъ скорость свѣта и движеніе измѣряемаго тѣла по отношенію къ намъ. Во всѣ пространственныя измѣренія замѣшивается время: смотря на тѣло, движущееся по отношенію къ намъ, намъ кажется, что укоротились какъ его линейные размѣры, такъ и процессы, на немъ происходящіе—его время. Словомъ, согласно принципу относительности, у насъ нѣтъ ни абсолютнаго времени, ни абсолютнаго пространства. И то, и другое зависитъ отъ отношенія нашей скорости къ скорости свѣта, причемъ, поровнявшись по скорости со свѣтомъ, мы теряемъ и время, и пространство, и движеніе, и вмѣсто безконечнаго времени, безконечнаго пространства и безконечнаго движенія мы пріобрѣтаемъ (см. ниже) безконечную инертную массу!..

Чѣмъ же объяснить существованіе этой критической, предѣльной скорости, которая, при всякихъ условіяхъ измѣренія, получается неизмѣнной, постоянной? На этотъ вопросъ Минковскій, прежде всего, и даетъ интересный отвѣтъ. Онъ отвѣчаетъ и математически доказываетъ, что это обусловливается особыми свойствами пространства и времени; что въ этомъ выражается проявленіе существующей между ними глубочайшей связи. Иначе говоря, по его мнѣнію, время является неразрывно связаннымъ съ пространствомъ и связаннымъ при помощи свѣта: оттого скорость свѣта и является критической. Слѣдовательно, пространство и время не представляютъ болѣе двухъ совершенно различныхъ сущностей, которыя можно разсматривать отдѣльно и независимо другъ отъ друга, но двѣ части одного и того же цѣлаго, столь тѣсно слитыя, что ихъ не легко отдѣлить другъ отъ друга. Пространство и время это—одна и та же сущность, лишь окрашенная нашей психикой различно.

Но въ такомъ случаѣ мы должны заключить, что міръ, доступный нашему наблюденію, имѣетъ не три измѣренія, какъ думали до сихъ поръ, а четыре, и его четвертое измѣреніе—это время. Другими словами, наши пространственныя измѣренія въ дѣйствительности происходятъ не въ многообразіи трехмѣрномъ, т. е. имѣющемъ три измѣренія въ длину, ширину и высоту, какъ любое тѣло, а въ многообразіи четырехмѣрномъ, гдѣ роль четвертаго измѣренія играетъ время. Какъ же это понимать?

Разсмотримъ этотъ интересный и важный вопросъ.

Пространство, какъ всякому извѣстно, представляетъ трикратное, или трехмѣрное многообразіе (вмѣсто послѣдняго слова мы можемъ говорить также: область или міръ). Стоя на какой-нибудь опредѣленной точкѣ, можно отмѣчать направленіе налѣво и направо, впередъ и назадъ, вверхъ и внизъ. Это называется тремя измѣреніями пространства—его длиной, шириной и высотой. Наше собственное тѣло, все, что мы воспринимаемъ чувствами, имѣетъ три измѣренія. Но внутри трехмѣрнаго пространства имѣются не только трехмѣрныя образованія, тѣла (пространственныя или геометрическія тѣла, которыя не слѣдуетъ смѣшивать съ дѣйствительными или физическими тѣлами, наполненными матеріей), но и образованія меньшаго многообразія, а именно: поверхности, имѣющія только два измѣренія—въ длину и ширину; линіи съ однимъ измѣреніемъ—длиной; и точки, вовсе не имѣющія измѣренія. При этомъ безразлично, имѣемъ ли мы дѣло съ плоской поверхностью или съ кривой, съ прямой линіей или кривой,—поверхности всегда имѣютъ только два измѣренія, линіи—только одно, т. е. мѣсто точки на поверхности опредѣляется только двумя разстояніями по направленіямъ длины и ширины, а на прямой—только однимъ разстояніемъ по длинѣ. Въ настоящемъ смыслѣ слова поверхность не есть что-либо дѣйствительное, реальное, а всегда только предѣлъ, граница, напримѣръ, граница между рѣкой и находящимся надъ ней воздухомъ. Равнымъ образомъ и линіи представляютъ собственно только границы, напримѣръ, ребра куба суть границы его сторонъ.

Что же касается времени, то, когда мы хотимъ имѣть о немъ конкретное представленіе, мы его представляемъ въ видѣ безконечной линіи: съ одной стороны—прошедшее, съ другой стороны—будущее и между ними эту, всегда подвижную, точку, которую нельзя схватить и которая есть настоящее мгновеніе. Время поэтому для насъ словно пространство съ однимъ измѣреніемъ. Мы увлечены его движеніемъ впередъ, словно мнимое существо, мчащееся по прямой линіи, принужденное двигаться безпрестанно по одному и тому же направленію и оставляющее настоящій моментъ, какъ только оно его достигаетъ, ничего не знающее о будущемъ, по направленію котораго оно движется, знающее о прошломъ только то, что оно видѣло, или только то, что о немъ разсказали.

Такъ какъ, несомнѣнно, кромѣ пространства трехъ измѣреній, мы можемъ себѣ наглядно представлять и образованія меньшаго многообразія, то невольно возникаетъ вопросъ: нельзя ли себѣ представить и высшія многообразія, скажемъ, пространство четырехъ измѣреній? Наше наглядное представленіе, наше восиріятіе безусловно трехмѣрно; этимъ оно исчерпывается; и въ этомъ смыслѣ на поставленный вопросъ слѣдуетъ дать абсолютно отрицательный отвѣтъ. Но это не значитъ, что мы не можемъ нашимъ разсудкомъ постигнуть четырехмѣрное многообразіе и его свойства: когда вопросъ идетъ не о наглядномъ представленіи, а о внутреннемъ, логическомъ, то слѣдуетъ рѣшительно отвѣтить положительно. Эту возможность постигнуть четырехмѣрное многообразіе даетъ намъ такъ называемое умозаключеніе по аналогіи отъ болѣе простыхъ обстоятельствъ къ болѣе сложнымъ.

Представимъ себѣ существа, живущія въ пространствѣ двухъ измѣреній, т. е. на поверхности (это мы можемъ себѣ наглядно представить) и могущія двигаться только по этой поверхности, подобно тѣнямъ птицъ, пробѣгающимъ иногда по всѣмъ направленіямъ по гладкой поверхности воды. Такія существа, дѣйствительно, были бы своего рода тѣнями, призраками, имѣющими только длину и ширину, но не имѣющими третьяго измѣренія—высоты, т. е. не имѣющими никакого представленія о чемъ-нибудь, находящемся внѣ этой поверхности. Другими словами, такіе одаренные жизнью и интеллектомъ призраки, кромѣ своей поверхности, ничего не знаютъ, а потому они обладаютъ представленіемъ пространства только двухъ измѣреній. Все, что находится внѣ ихъ поверхности, все, переходящее въ третье измѣреніе — въ высоту, будетъ для нихъ невоспринимаемо. Пусть ихъ міръ движется въ нашемъ трехмѣрномъ пространствѣ, принимая послѣдовательно (см. рис. 3)

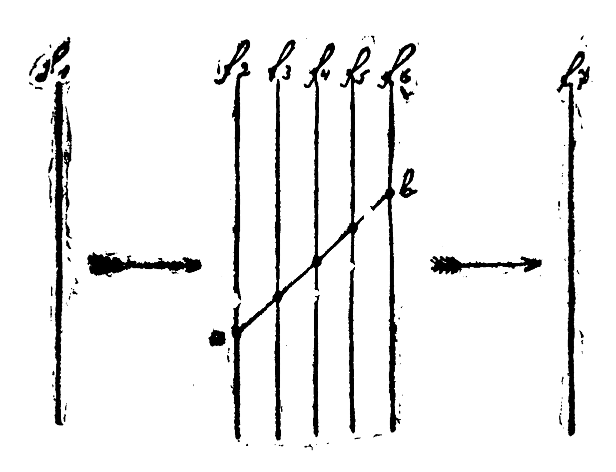

Рис. 3

положенія f_1, f_2, f_3..., о чемъ, конечно, эти существа совершенно и не подозрѣваютъ. Въ нашемъ пространствѣ, съ другой стороны, пусть имѣется косая линія ab. Въ положеніи f_1 призрачныя существа вовсе не будутъ видѣть этой линіи, въ положеніи f_2 они вдругъ увидятъ точку a, которая будетъ затѣмъ для нихъ постепенно подниматься вверхъ, пока, наконецъ, она опять не исчезнетъ въ точкѣ b. Что же отсюда слѣдуетъ? То, что мы созерцаемъ, какъ нѣчто одновременное, какъ нѣчто находящееся другъ возлѣ друга, какъ линію, какъ пространственное измѣреніе, двухмѣрныя существа, оказывается, понимаютъ и непремѣнно должны понимать, какъ нѣчто послѣдовательное, какъ движеніе одной единичной точки, какъ время. Образованія внутри своей поверхности и они также разсматриваютъ, какъ пространственныя. Но все, что выходитъ за предѣлы ихъ міра, все, переходящее въ третье измѣреніе, становится для нихъ явленіемъ во времени!

Если мы теперь примѣнимъ умозаключеніе по аналогіи, то мы можемъ себѣ представить нашимъ разумомъ, что постигаемое нами какъ послѣдованіе, какъ время, какъ совершеніе, становленіе, будетъ представляться существу съ высшей организаціей четвертымъ измѣреніемъ пространства, чѣмъ-то одновременнымъ, находящимся другъ возлѣ друга. Интересно отмѣтить, что Данте, поэтъ такъ называемаго „глубокаго средневѣковья“, говоритъ о Божествѣ, что оно однимъ взглядомъ обнимаетъ все, даже то, что совершается послѣдовательно во времени. Приведенное разсужденіе во всякомъ случаѣ показываетъ намъ, что только вслѣдствіе ограниченности нашей способности нагляднаго представленія пространство и время кажутся намъ по существу различными и что для неограниченнаго интеллекта они по существу одинаковы.

И вотъ Минковскій математически показалъ, что принципъ относительности со всѣми его выводами приводитъ насъ именно къ такому заключенію, такъ что вмѣсто того, чтобы говорить о трехъ измѣреніяхъ пространства и о времени, мы можемъ говорить вообще о четырехъ многообразіяхъ міра. Другими словами, онъ показалъ, что время связано съ тремя измѣреніями пространства столь же неизмѣнно, столь же нераздѣльно, какъ эти измѣренія между собой. И о пространствѣ, какъ о таковомъ, можно теперь говорить, примѣрно, лишь въ такомъ смыслѣ, какъ до сихъ поръ говорили о двухмѣрныхъ образованіяхъ—о поверхностяхъ. Этимъ Минковскій совершенно уничтожилъ отдѣльныя другъ отъ друга понятія о пространствѣ и времени, сковалъ эти два понятія въ одно нераздѣльное и однородное цѣлое. Мы теперь понимаемъ его знаменитыя слова: „Отнынѣ время по себѣ и пространство по себѣ должны сдѣлаться всецѣло тѣнями, и только особаго рода сочетаніе ихъ сохранитъ самостоятельность“...

Итакъ, на основаніи заключенія, вытекающаго изъ принципа относительности, что измѣреніе времени вліяетъ на измѣреніе про-

странства и что, слѣдовательно, существуетъ внутренняя связь между пространствомъ и временемъ, мы можемъ создать понятіе міра, образующаго одно органическое цѣлое, съ четырьмя измѣреніями: длиной, шириной, вышиной и временемъ. Три первыхъ измѣренія этого многообразія можемъ изобразить тремя лентами рулетокъ, на которыхъ отмѣчены аршины, сажени или другія мѣры длины, а четвертое измѣреніе—лентой кинематографа, на которой каждая точка соотвѣтствуетъ новой фазѣ явленій міра. Разстоянія точекъ этой четвертой ленты измѣряются часами, идущими безразлично съ той или другой скоростью, такъ что одинъ наблюдатель измѣритъ разстояніе двухъ точекъ однимъ годомъ, другой сотней лѣтъ, другими словами, переходъ отъ одной точки этой ленты до другой соотвѣтствуетъ нашему понятію теченія времени.

Но если міръ представляетъ собою четырехмѣрное многообразіе, то мы въ немъ имѣемъ не одно трехмѣрное пространство, а безконечное множество такихъ пространствъ, подобно тому, какъ въ пространствѣ трехъ измѣреній имѣется безконечное множество плоскостей, причемъ каждому изъ пространствъ соотвѣтствуетъ свое время. При этомъ Минковскій показалъ, что всѣ такія комбинаціи пространства и времени совершенно равноправны между собой, что въ каждомъ изъ нихъ явленія природы представляются намъ совершенно одинаковыми. Другими словами, всѣ четыре протяженія міра совершенно равнозначущи. Они, подобно длинѣ и ширинѣ и плоскости, могутъ обмѣниваться ролями, могутъ быть взяты на безчисленное множество равноправныхъ между собою ладовъ. Что же это значитъ? То, что нѣтъ никакой разницы между временемъ и какимъ-нибудь изъ измѣреній пространства. Слѣдовательно, время не течетъ, какъ не течетъ пространство: течемъ мы, странники, въ четырехмѣрной вселенной. Время — такое же протяженіе пространства, какъ длина, ширина и высота, и потому, переставляя ихъ въ выраженіи какого-либо закона природы, мы приходимъ тоже къ ея закону.

Все человѣчество всегда было убѣждено въ томъ, что прошедшее прекращаетъ свое существованіе, исчезаетъ, какъ только оно прошло. Но разъ время ничѣмъ не отличается отъ пространственныхъ протяженій, то прошедшее, тотъ моментъ времени, который соотвѣтствовалъ какому-нибудь событію, уже протекшему, напримѣръ, зарожденіе жизни на землѣ, не исчезъ, а прошелъ — онъ существуетъ. Онъ не переживетъ вселенной, а только землей; только для послѣдней онъ канулъ въ бездну прошедшаго, на самомъ же дѣлѣ онъ существуетъ во всей своей полнотѣ и неприкосновенности. Мѣсто этого событія въ четырехмѣрной вселенной опредѣляется нѣкоторымъ пунктомъ, и этотъ пунктъ существовалъ, существуетъ и будетъ существовать; теперь черезъ него, черезъ эту пройденную землей станцію, проходитъ другой странникъ. Однимъ

словомъ, по ученію Минковскаго, основанному на принципѣ относительности, во вселенной существуетъ заразъ и вѣчно и прошедшее, и настоящее, и будущее. Слѣдовательно, еслибы мы могли передвигаться по времени, по этому четвертому протяженію пространства, произвольно, подобно тому, какъ мы передвигаемся по тремъ обычнымъ пространственнымъ протяженіямъ, еслибы мы могли „летѣть черезъ время“, то мы видѣли бы какъ давно прошедшее, такъ и грядущее, какъ то, что мы считаемъ уже исчезнувшимъ, такъ и то, что мы считаемъ еще не возникшимъ. Въ основѣ знаменитаго фантастическаго романа Уэллса „Машина времени“ положена именно такого рода идея.

Резюмирую сказанное словами Умова: „Во вселенной дано все: для нея нѣтъ прошлаго и будущаго, она — вѣчное настоящее: ей нѣтъ предѣловъ ни въ пространствѣ, ни во времени. Перемѣны происходятъ въ индивидуальностяхъ и соотвѣтствуютъ ихъ перемѣщенію по міровымъ путямъ въ четырехмѣрномъ вѣчномъ и безпредѣльномъ многообразіи. Эти картины въ области философской мысли должны произвести переворотъ большій, чѣмъ смѣщеніе Коперникомъ земли съ центра вселенной. Со временъ Ньютона естествознанію не развертывались болѣе блестящія перспективы. Не звучитъ ли мощность естествознанія въ переходѣ отъ несомнѣннаго опытнаго факта—невозможности опредѣленія абсолютнаго движенія земли—къ вопросамъ психики! Философъ-современникъ въ смущеніи воскликнулъ: „по ту сторону истины и обмана!“

XVI. Непостоянство массы.

Изъ многочисленныхъ парадоксальныхъ положеній, выдвинутыхъ принципомъ относительности, укажемъ теперь на тѣ, которыя приводятъ насъ къ новому поразительному ученію о массѣ и объ энергіи, ученію, которое перестраиваетъ всѣ основныя естественныя науки — механику, физику, химію, астрономію—и все зданіе философіи природы.

Всѣмъ извѣстно, что признаки, характеризующіе тѣла, напримѣръ, твердость, форма, цвѣтъ и т. д., непостоянны и легко могутъ утрачиваться, замѣняясь новыми. Неизмѣнна при всѣхъ явленіяхъ только масса матеріи, которая опредѣляется обыкновенно, какъ количество вещества въ данномъ тѣлѣ. Эта неизмѣнность массы потому считается самымъ основнымъ и неотъемлемымъ, самымъ характернымъ и постояннымъ признакомъ матеріи, единственной твердой опорной точкой въ подвижномъ многообразіи естественныхъ явленій. Она позволяла физику и химику слѣдить за матеріей при всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. И они поэтому смотрѣли на нее, какъ на нѣчто постоянное, неразрушаемое, вѣчное. На измѣреніяхъ матеріальной массы тѣлъ покоятся всѣ построенія физики,

химіи, механики и астрономіи. Но что такое въ сущности эта масса, мы до сихъ поръ не знаемъ: всѣ попытки выяснить реальное содержаніе этого понятія не привели ни къ какому положительному результату. Въ настоящее время мы умѣемъ ее только измѣрять съ очень большою точностью. Измѣренія массы тѣлъ основаны на двухъ загадочныхъ явленіяхъ, неизбѣжно сопутствующихъ всякому веществу во всѣхъ состояніяхъ: инерціи и вѣсомости.

Инерція, это—то таинственное свойство всякаго матеріальнаго тѣла, которое выражается въ противодѣйствіи вещества тѣла всякому усилію, стремящемуся вывести тѣло изъ состоянія покоя, ускорить или замедлить его движеніе. Инерція заставляетъ тѣло, напримѣръ, крокетный шаръ, не смотря на треніе, продолжать катиться по поверхности послѣ того, какъ толкающая сила ударившаго его молотка перестала на него дѣйствовать. Инерція мѣшаетъ отходящему поѣзду сразу развить полную скорость. По величинѣ обнаруживаемой тѣломъ инерціи мы судимъ о массѣ тѣла. Другой способъ измѣренія массы основанъ на опредѣленіи вѣса. Вѣсъ тѣла измѣряется тѣмъ давленіемъ, которое это тѣло производитъ на подставку, когда оно въ состояніи покоя находится подъ вліяніемъ силы тяжести, и по которому мы также оцѣниваемъ массу тѣла. При этомъ важно запомнить, что результаты измѣренія массъ различныхъ тѣлъ по тому и другому способу всегда между собой оказываются пропорціональными, т. е. чѣмъ больше вѣсомая масса тѣла, тѣмъ больше и инертная, такъ что если принять за единицу для измѣренія какъ инертной, такъ и вѣсомой массы, инертную и вѣсомую массу одного и того же тѣла—напримѣръ, массу одного грамма (одного кубическаго сантиметра чистой воды, взятой при 4° Ц.)—то, очевидно, для любого тѣла его инертная и его вѣсомая массы будутъ имѣть одинаковыя численныя значенія. Такимъ образомъ масса тѣла познается нами или по его инерціи, когда оно движется, или по его вѣсу, по тяжести, когда оно находится въ покоѣ. Инерція и вѣсъ даннаго тѣла никакими способами измѣнены быть не могутъ. И потому ихъ надо считать основнымъ, неотъемлемымъ свойствомъ того, что мы называемъ матеріей: все, что считается не-матеріальнымъ, напримѣръ, энергія во всѣхъ ея видахъ, не инертно и не вѣсомо.

Такъ говорила намъ классическая наука.

Посмотримъ же, что говоритъ намъ новая наука, построенная на принципѣ относительности.

Механика учитъ, что ускореніе, сообщенное тѣлу нѣкоторой дѣйствующей на него силой, тѣмъ больше, чѣмъ больше сила и чѣмъ меньше масса тѣла; чѣмъ меньше сила и чѣмъ больше масса тѣла, тѣмъ ускореніе меньше. Это принято выражать такъ: получаемое тѣломъ ускореніе прямо пропорціонально силѣ и обратно пропорціонально массѣ тѣла. При этомъ принимается, какъ основ-

ной законъ, какъ научный принципъ, что масса (какъ инертная, такъ и вѣсомая) одного и того же тѣла постоянна и что, слѣдовательно, она не зависитъ отъ ранѣе пріобрѣтенной тѣломъ скорости. Изъ этого, какъ мы здѣсь уже видѣли, слѣдуетъ, что подъ дѣйствіемъ постоянной силы скорость, достигнутая тѣломъ въ концѣ первой секунды, должна удвоиться въ концѣ второй, утроиться въ концѣ третьей и т. д., такъ что съ теченіемъ времени скорость можетъ превзойти всякія границы.

Далеко не къ такому заключенію приводитъ насъ принципъ относительности: здѣсь, какъ мы уже знаемъ, скорость втеченіе второй секунды возростаетъ меньше, чѣмъ втеченіе первой, еще меньше — втеченіе третьей и т. д. Это значитъ: скорость тѣла возростаетъ втеченіе второй секунды меньше потому, что тѣло противоставляетъ ускоряющей силѣ большее сопротивленіе. Иначе говоря, тѣло оказываетъ ускоряющей силѣ тѣмъ большее сопротивленіе, чѣмъ быстрѣе оно движется.

Но сопротивленіе ускоренію, какъ сказано, опредѣляетъ величину инертной массы даннаго тѣла. Слѣдовательно, ускореніе происходитъ такъ, какъ будто инерція или масса тѣла не осталась постоянной, а увеличилась. При не очень большихъ скоростяхъ это увеличеніе инертной массы совершенно незамѣтно; и потому масса, какъ и въ старой механикѣ, можетъ быть разсматриваема, какъ постоянная величина. Но при большихъ скоростяхъ картина рѣзко мѣняется: для скорости, равной $^3/_4$ скорости свѣта, приростъ массы уже равенъ почти половинѣ покоящейся массы. Въ случаѣ же движенія тѣла со скоростью, равной скорости свѣта, его инертная масса должна была бы стать сразу безконечно большой! Другими словами: еслибы какое-нибудь тѣло перемѣщалось съ быстротою 300.000 километровъ въ секунду, то никакими усиліями уже нельзя было бы измѣнить скорости такого тѣла ни по величинѣ, ни по направленію. Поэтому-то никакое тѣло въ мірѣ не можетъ догнать свѣтовой лучъ; поэтому-то скорость свѣта является крайнимъ предѣломъ возможныхъ въ природѣ скоростей движенія.

Итакъ, принципъ относительности приводитъ къ заключенію, что инертная масса тѣла не есть нѣчто постоянное; она зависитъ отъ скорости его движенія и ростетъ вмѣстѣ съ нею. Инертная масса постоянна только для наблюдателя, двигающагося вмѣстѣ съ тѣломъ; для покоющагося же наблюдателя масса мельчайшей пылинки можетъ оказаться громадной.

Такъ какъ выводъ этотъ противорѣчитъ тому, что считали непреложнымъ закономъ цѣлыя поколѣнія учащихъ и учащихся, то является вопросъ: не можетъ-ли онъ быть подтвержденъ прямыми опытами?

Многочисленные опыты, приведшіе къ новой теоріи физическихъ явленій,—къ такъ называемой электронной теоріи, въ на-

стоящее время уже вполнѣ окрѣпшей,—показали, что отрицательное (а, вѣроятно, и положительное) электричество, подобно веществу, состоитъ изъ отдѣльныхъ частицъ, изъ атомовъ, называемыхъ электронами. Внимательно изучая эту новую реальность, ставшую въ катодныхъ лучахъ круксовой трубки и въ бета-лучахъ, испускаемыхъ удивительнѣйшимъ веществомъ—радіемъ,—такъ сказать, ощутимой въ чистомъ видѣ, ученые нашли, что она движется съ чрезвычайно большой скоростью, обыкновенно не наблюдаемой, со скоростью, достигающей 200.000 и болѣе километровъ въ секунду. А это именно тѣ скорости, которыя нужны для нашихъ цѣлей. Вообще этотъ атомъ электричества, этотъ электронъ, имѣетъ крайне замѣчательныя свойства. Такъ, напримѣръ, оказалось, какъ это ни странно, что онъ инертенъ и, слѣдовательно, подобно матеріи, имѣетъ массу (въ 2.000 разъ меньшую, чѣмъ масса атома водорода). Но электронъ не есть наэлектризованная частица матеріи. Замѣчательныя опытныя изслѣдованія, произведенныя Абрагамомъ, Кауфманэмъ, Бухереромъ и Хупка показываютъ, что то, что мы называемъ массой электрона, есть не настоящая матеріальная масса, а имѣетъ чисто электрическое происхожденіе. Иначе говоря, электронъ—это чистое электричество безъ матеріи; его вѣсомая, матеріальная масса равна нулю, т. е. электронъ не имѣетъ никакой матеріальной массы...

Дѣло въ томъ, что электронъ, какъ и всякое заряженное тѣло, обладаетъ въ неподвижномъ состояніи опредѣленной электрической энергіей,—какъ говорятъ, онъ окруженъ въ пространствѣ электрическимъ силовымъ полемъ; когда же онъ приходитъ въ движеніе, то къ нему прибавляется еще магнитная энергія, къ электрическому полю прибавляется магнитное поле. Эта электрическая и магнитная энергія, это электро - магнитное силовое поле обладаетъ извѣстнымъ напряженіемъ. И дѣйствіе этого напряженія направлено такимъ образомъ, что задерживаетъ всякое движеніе электрона. И вотъ оказывается, что это задерживающее дѣйствіе электро - магнитнаго поля и создаетъ то, что учитывается, какъ инерція и масса электрона. Слѣдовательно, то, что мы называемъ инертной массой электрона, есть нѣчто фиктивное, иллюзорное, обязанное своимъ происхожденіемъ тѣмъ электромагнитнымъ явленіямъ, которыя происходятъ, когда электронъ приходитъ въ движеніе. И замѣчательный фактъ: опыты упомянутыхъ ученыхъ ясно показываютъ, что эта масса не постоянна, не неизмѣнна, а возростаетъ вмѣстѣ со скоростью движенія электрона. Объясняется это тѣмъ, что съ увеличеніемъ скорости электрона напряженіе электро-магнитнаго поля повышается, увеличивается его задерживающая способность, а, значитъ, увеличивается и то, что мы познаемъ, какъ его массу и инерцію. Только при среднихъ скоростяхъ, не близкихъ къ скорости свѣта, масса электрона такъ же постоянна, какъ постоянна она у всякаго матеріальнаго тѣла.

Этотъ важный результатъ вызываетъ вопросъ: не представляются-ли эти соотношенія между массой и скоростью вполнѣ одинаковыми съ тѣми, къ которымъ приводитъ принципъ относительности? Чрезвычайно тщательные опыты, продѣланные въ 1910 г. Бухереромъ и Хупка, даютъ на этотъ вопросъ положительный отвѣтъ, съ которымъ большинство физиковъ принуждено было согласиться. Первая попытка опытнаго подтвержденія одного изъ главнѣйшихъ выводовъ новаго ученія, такимъ образомъ, дала положительный результатъ.

Итакъ, какъ опытъ, такъ и теорія, приводятъ насъ къ заключенію, что инертная масса всякаго тѣла не постоянна, какъ учили до сихъ поръ, а ростетъ вмѣстѣ со скоростью, такъ что масса въ покоѣ и масса въ движеніи—не одно и то же. Но, какъ извѣстно, увеличеніе скорости соотвѣтствуетъ накопленію въ движущемся тѣлѣ такъ называемой кинетической энергіи, того, что иногда называютъ „живой силой“. Эта энергія, какъ учитъ элементарная физика, равна полупроизведенію массы на квадратъ скорости. И вотъ принципъ относительности приводитъ къ заключенію, что энергія движущагося тѣла можетъ быть принята равной этой величинѣ только въ томъ случаѣ, когда скорость тѣла весьма мала сравнительно со скоростью свѣта. Когда скорость тѣла равна скорости свѣта, энергія движенія должна стать безконечно большой— такой, которая, по старому ученію, можетъ стать только при безконечно большой скорости. Здѣсь особенно ярко выступаетъ предѣльный, критическій характеръ свѣтовой скорости: тѣло, движущееся съ такой скоростью, обладаетъ безконечно большимъ запасомъ энергіи, т. е. работоспособности. Слѣдовательно, необходимо затратить безконечно большую работу, чтобы довести тѣло до свѣтовой скорости, и потому такая предѣльная скорость неосуществима.

XVII. Масса энергіи.

Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ принципъ относительности съ основнымъ нашимъ понятіемъ объ энергіи.

Какъ извѣстно, чтобы объяснить явленія, происходящія съ матеріальными тѣлами, ихъ измѣненія и движенія, ученые съ давнихъ поръ изобрѣли особое понятіе—„сила“, понимая подъ этимъ терминомъ всякую внѣшнюю причину, дѣйствующую на инертную массу извнѣ и вызывающую въ тѣлахъ тѣ или иныя измѣненія. Физика насчитывала много силъ, на которыя она когда-то смотрѣла, какъ на различныя, полагая, что между ними отсутствуетъ какая-либо связь, какое-либо родство. Но во второй половинѣ прошлаго столѣтія, убѣдившись въ томъ, что израсходованіе какой-либо силы всегда сопровождается появленіемъ запасовъ новой силы, ученые пришли къ заключенію, что всѣ силы происходятъ отъ превращеній особой неразрушимой сущности — отъ энергіи.

Энергія въ такихъ случаяхъ можетъ мѣнять свою форму. Но ея міровое количество, подобно матеріи, неизмѣнно и вѣчно: электричество, свѣтъ, теплота, магнетизмъ и т. д., — только различныя формы этой энергіи. Такимъ образомъ, на остаткахъ старинныхъ воззрѣній, послѣ упорнаго труда, было построено ученіе о двухъ верховныхъ и вѣчныхъ началахъ міра: о матеріи, какъ основѣ вещей, и энергіи, какъ основной причинѣ всѣхъ явленій.

Матерія и энергія совершенно различны: это—двѣ сущности, не находящіяся между собой въ какой-либо связи, въ какомъ-либо родствѣ. Какъ матерія, такъ и энергія, могутъ принимать много разныхъ формъ, видовъ. Но онѣ не могутъ превращаться другъ въ друга, т. е. матерія способна проявлять только ту энергію, которой ее раньше снабдили въ какой-нибудь формѣ извнѣ; а энергія не способна обнаружиться въ видѣ матеріи потому, что она не имѣетъ главнѣйшаго, характернѣйшаго признака матеріи — массы. Такъ какъ всѣ наши органы чувствъ матеріальны, то мы не можемъ познавать энергію внѣ матеріи и, наоборотъ, мы не можемъ созерцать матерію безъ энергіи, такъ какъ безъ энергіи матерія мертва не одушевлена, не способна проявлять какія бы то ни было дѣйствія. Міръ, въ которомъ мы живемъ, такимъ образомъ, въ дѣйствительности дуалистиченъ, двойной міръ, или, скорѣе, онъ со стоитъ изъ двухъ совмѣщенныхъ вѣчныхъ міровъ: изъ міра матеріи и міра энергіи.

Теперь мы можемъ выяснить одинъ изъ самыхъ странныхъ выводовъ принципа относительности. Дѣло въ томъ, что онъ приводитъ къ поразительной связи между добавляющейся при движеніи массой и пріобрѣтаемой энергіей, о которой мы выше говорили, а именно, увеличеніе массы оказывается равнымъ сообщенной тѣлу энергіи, дѣленной на квадратъ скорости свѣта, т. е. мы должны признать, что при переходѣ тѣла отъ покоя къ движенію увеличеніе его массы является прямымъ слѣдствіемъ прироста энергіи. Иначе говоря, сама кинетическая энергія движенія обладаетъ нѣкоторой инертной массой, которая численно равна этой энергіи, дѣленной на квадратъ скорости свѣта. Правда, инертная масса энергіи при обычныхъ скоростяхъ оказывается чрезвычайно малой, такъ какъ квадратъ скорости свѣта, выраженной въ километрахъ въ секунду ($300.000 \times 300.000 = 90.000.000.000$), весьма большое число, и мы при движеніи тѣлъ непосредственными измѣреніями не можемъ замѣтить этой ничтожной разницы. Но, тѣмъ не менѣе, кинетическая энергія матеріализована, овеществлена..

Это,—одна изъ самыхъ смѣлыхъ мыслей, когда-либо возникавшихъ. Не менѣе смѣлы и вытекающія изъ этой идеи дальнѣйшія слѣдствія.

Такъ какъ всѣ формы энергіи въ отдѣльности не постоянны и не независимы, а переходятъ одна въ другую, другъ въ друга превращаются, то мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ допустить, что

только одна энергія движенія обладаетъ инертной массой, которая возникаетъ, когда эта энергія образуется изъ другихъ формъ энергіи, напримѣръ, изъ теплоты, и безслѣдно исчезаетъ, когда энергія движенія превращается въ иныя формы энергіи, напримѣръ, при ударѣ — въ энергію тепловую. Отсюда всякая форма энергіи, — въ томъ числѣ и лучистая, матеріализована и должна обладать инертной массой, весьма легко вычисляемой.

Это заключеніе о лучистой энергіи совпадаетъ какъ разъ съ результатами замѣчательныхъ опытовъ, выполненныхъ знаменитымъ безвременно скончавшимся профессоромъ московскаго университета П. Н. Лебедевымъ. Дѣло въ томъ, что, основываясь на давно уже высказанныхъ геніальнымъ Максвелломъ соображеніяхъ о свойствахъ электромагнитной лучистой энергіи, онъ первый экспериментально доказалъ, что лучистая энергія производитъ давленіе на тѣ тѣла, на которыя она падаетъ. Она давитъ, какъ движущаяся инертная масса, какъ матеріальное тѣло, хотя сама она есть энергія электромагнитная, — не что иное, какъ распространяющіяся въ пространствѣ электромагнитныя силы. Инертная масса лучистой энергіи, а въ частности инертная масса свѣтовыхъ лучей, такимъ образомъ, — это инертная масса электромагнитной энергіи, инертная масса электромагнитныхъ процессовъ.

Но если энергія обладаетъ инертной массой, то, конечно, возникаетъ интересный вопросъ: обладаетъ ли она и вѣсомой массой, т. е. обладаетъ ли энергія—свѣтъ, теплота и т. д.—вѣсомъ, тяжестью? Эйнштейнъ, изслѣдовавъ въ послѣднее время этотъ вопросъ, пришелъ къ положительному заключенію, именно, что масса лучистой энергіи есть и тяготѣющая энергія, обладающая вѣсомъ.

Изъ этого вытекаетъ другое, не менѣе поразительное, заключеніе, а именно: лучъ свѣта долженъ подъ вліяніемъ силы всемірнаго тяготѣнія отклоняться отъ своего первоначальнаго направленія, такъ что, когда лучъ, исходящій, напримѣръ, отъ какой-нибудь звѣзды, проходитъ около солнца, то его направленіе мѣняется на уголъ, который, по вычисленію Эйнштейна, составляетъ 0,83 секунды,—величина, измѣримая современными астрономическими инструментами.

Стоитъ сдѣлать изъ этихъ заключеній еще шагъ—и мы очутимся въ области ошеломляющихъ представленій о матеріи и энергіи. Напримѣръ, какъ утверждаютъ Фрицъ Хазенерль, Планкъ и Эйнштейнъ, мы должны признать, что масса каждаго тѣла зависитъ отъ его температуры, такъ что, если тѣло нагрѣть, т. е., если увеличить его тепловую энергію, оно пріобрѣтаетъ и нѣкоторое прибавленіе массы, которое строго пропорціонально количеству пріобрѣтенной тѣломъ тепловой энергіи. И, наоборотъ, при охлажденіи тѣла, т. е. при потерѣ энергіи тѣломъ оно теряетъ соотвѣтствую-

щее количество своей массы. То же самое должно имѣть мѣсто и для другихъ формъ энергіи.

Итакъ, масса тѣла перемѣнчива: тѣло, излучающее энергію, теряетъ часть своей массы, а поглощающее—увеличиваетъ ее. Иначе говоря: излученіе не только охлаждаетъ матеріальный міръ, но и уноситъ изъ него и массу. Такимъ образомъ горячій утюгъ имѣетъ бо́льшую массу, тяжелѣе, чѣмъ холодный; точно также мертвецъ имѣетъ меньшую массу, легче, чѣмъ живой. Согласно вычисленіямъ, одинъ килограммъ воды, охлаждаясь отъ 1000° до 0°, теряетъ въ своей массѣ половину одной стомилліонной доли грамма, а когда 2 грамма водорода соединяются съ 16 граммами кислорода, то образуется не 18 граммовъ воды, но меньше на 3,2 милліонныхъ милиграмма, вслѣдствіе выдѣленія теплоты при химической реакціи соединенія. Астрономъ Бослэръ недавно вычислилъ величину, на которую непрерывно уменьшается масса солнца, благодаря его лучеиспусканія. Оказалось, что втеченіе каждыхъ 30 милліоновъ лѣтъ солнце теряетъ количество вещества, равное массѣ всего земного шара!

Такимъ образомъ масса тѣла не есть постоянная величина: она измѣняется отъ скорости его движенія и отъ различныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, въ томъ числѣ и отъ полученія или потери тепловой энергіи при химическихъ реакціяхъ. Это значитъ: законъ сохраненія массы оказывается неточнымъ! Но эта неточность, эти измѣненія массы, какъ мы видѣли, настолько незначительны, что на опытѣ обнаружить ихъ нѣтъ никакой возможности. Въ предѣлахъ нашихъ измѣреній,—а физическія измѣренія въ послѣдніе годы достигли изумительной точности,—законъ сохраненія массы остается въ прежней силѣ. Иначе говоря: измѣненія массы тѣлъ таковы, что они не могутъ имѣть никакого практическаго значенія для современныхъ научныхъ разсчетовъ. Тѣмъ не менѣе теоретически, принципіально, этотъ выводъ имѣетъ огромное значеніе. Вѣдь онъ говоритъ намъ, что законы природы, установленные классической механикой и физикой и считавшіеся такими незыблемыми, не существуютъ болѣе, какъ прямое выраженіе истины. Они имѣютъ теперь значеніе только какъ извѣстное приближеніе къ тому, что происходитъ въ дѣйствительности.

Вдумываясь въ изложенныя представленія, мы видимъ, что, массу въ извѣстныхъ случаяхъ мы можемъ познавать то какъ массу, какъ матерію, то какъ соотвѣтствующее ей количество энергіи. Мы можемъ легко пойти дальше и принять, что, еслибы тѣло потеряло цѣликомъ всю заключенную въ немъ энергію, оно должно было бы потерять и всю свою массу: оно тогда превратилось бы въ „ничто“, исчезло! А разъ такъ, то вполнѣ естественно заключить, что масса и энергія становятся такими же эквивалентными, равнозначными, равноправными другъ другу величинами, какъ, напримѣръ, теплота и механическая работа. И достаточно, по мнѣ-

нію Эйнштейна, сдѣлать одинъ только шагъ, чтобы разсматривать вообще матерію, какъ концентрацію колоссальныхъ количествъ энергіи.

Принципъ относительности, въ связи съ изложеннымъ, приводитъ насъ еще къ одному парадоксальному результату: температура тѣла, находящагося по отношенію къ наблюдателю въ движеніи, должна быть для него ниже, чѣмъ въ такомъ же тѣлѣ, находящемся по отношенію къ наблюдателю въ покоѣ; сильно раскаленное, но очень быстро движущееся по отношенію къ намъ въ небесныхъ пространствахъ, тѣло можетъ оказаться для насъ, такимъ образомъ, настолько холоднымъ, съ настолько низкой температурой, что мы не увидимъ его въ свои телескопы.

XVIII. Новое ученіе о матеріи и энергіи.

Чтобы яснѣе себѣ представить, во что превратились прежнія понятія „масса“ и „энергія“, необходимо привести здѣсь и дальнѣйшіе шаги въ удивительномъ развитіи относящихся сюда идей. Для этого сначала посмотримъ, въ какомъ отношеніи стоятъ эти идеи къ идеямъ, вытекающимъ изъ другого новаго физическаго ученія—изъ электронной теоріи.

Какъ мы уже знаемъ, то, что мы называемъ электричествомъ, „матеріализовано“, похоже на матерію: оно имѣетъ частичное, прерывное строеніе, т. е. составлено изъ основныхъ индивидовъ, подобно тому, какъ матерія составлена изъ атомовъ. Каждый изъ этихъ „электрическихъ атомовъ“ въ состояніи покоя имѣетъ массу, почти въ двѣ тысячи разъ меньшую, чѣмъ самый легкій изъ извѣстныхъ намъ атомовъ—атомъ водорода. Но, какъ сказано, то, что мы называемъ ихъ массой,—не настоящая матеріальная масса, а имѣетъ чисто электрическое происхожденіе. Далѣе оказалось, что они принимаютъ участіе во всѣхъ извѣстныхъ намъ явленіяхъ природы. Это они являются источниками электромагнитныхъ волнъ, т. е. свѣтовыхъ, тепловыхъ, электрическихъ и пр. явленій. Они же обусловливаютъ проводимость теплоты и электричества, блескъ и цвѣтъ тѣлъ и пр. Болѣе того. Они существуютъ во всѣхъ тѣлахъ и могутъ быть выдѣлены изъ тѣлъ различными путями: при нагрѣваніи тѣлъ до извѣстной температуры, при освѣщеніи ихъ свѣтомъ, при дѣйствіи на нихъ рентгеновскихъ лучей, при химическихъ реакціяхъ и т. д.

Все это наводитъ на вопросъ: не построенъ ли матеріальный атомъ *весь* изъ электроновъ? Полученію положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ много способствовало изученіе радіоактивныхъ веществъ, гдѣ съ большой наглядностью можно наблюдать дѣйствительное разрушеніе и распаденіе матеріальныхъ атомовъ, которое сопровождается выдѣленіемъ лучистыхъ потоковъ, составленныхъ изъ электроновъ. Участіе электрическихъ индивидовъ въ архитек-

турной структурѣ атома такимъ образомъ оказалось налицо, и открылся путь къ успѣшному построенію новой теоріи физическихъ явленій—электронной теоріи матеріи, разсматривающей атомы обыкновенной матеріи, какъ системы электроновъ.

Эта навязанная фактами теорія производитъ ошеломляющій переворотъ во всемъ нашемъ физическомъ и, стало быть, научно-философскомъ міровоззрѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, говоря, что атомы обыкновенной матеріи являются только системами электроновъ, мы тѣмъ самымъ ясно и недвусмысленно говоримъ, что матерія состоитъ всецѣло изъ электричества, что кромѣ электричества въ ней ничего нѣтъ. Такимъ образомъ мы сами, всѣ предметы, насъ окружающіе, вся наша планета, все звѣздное небо, словомъ, весь матеріальный міръ есть собраніе различныхъ системъ электрическихъ индивидовъ. А если такъ, то не только массу электроновъ, но и массу любого тѣла можно разсматривать какъ электромагнитное явленіе, т. е. какъ той же природы, что свѣтъ, электричество, магнетизмъ. Мы, стало быть, имѣемъ теперь, вмѣсто прежней „матеріализаціи" электричества, своеобразную „дематеріализацію" матеріи: „невѣсомая" субстанція—электричество—овеществилась, а „вѣсомыя" вещества—наши матеріальныя тѣла—въ теоріи сведены на эту „невѣсомую" субстанцію.

Съ новой точки зрѣнія, такимъ образомъ, понятіе, которое мы связываемъ со словомъ масса, переворачивается вверхъ дномъ. То, что мы называли матеріей, цѣликомъ совпадало съ понятіемъ масса. Это было то, что представлялось самымъ осязаемымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ постояннымъ въ природѣ. А теперь — теперь вдругъ оказывается, что такой постоянной массы вовсе и не существуетъ. То, что мы называемъ матеріальной массой, не реально, а фиктивно, иллюзорно, есть только результатъ дѣйствія электромагнитныхъ силъ!..

Итакъ, въ настоящее время мы можемъ признать, что вселенная состоитъ изъ системъ родственныхъ другъ другу электрическихъ атомовъ, связанныхъ электромагнитной энергіей—электромагнитными полями, т. е. что электроны это — какъ будто камни мірозданія, а электромагнитная энергія—его цементъ. Масса тѣла есть не что иное, какъ электрическая и магнитная энергія его электроновъ, слѣдовательно, масса матеріи равнозначуща, эквивалентна энергіи. Другими словами, мы приходимъ къ тому же заключенію, къ которому насъ приводитъ принципъ относительности, къ заключенію, что масса матеріи и энергія въ сущности не различаются между собою: онѣ вполнѣ одинаковы, глубоко аналогичны.

Такимъ образомъ мы видимъ, что крайне смѣлое, чисто умозрительное, слѣдствіе принципа относительности вполнѣ совпадаетъ съ ученіемъ о строеніи вещества, основаннымъ на экспериментахъ. Значитъ: матерія=электричество=энергія. Иначе говоря, міръ

матеріи исчезаетъ и сливается съ міромъ электромагнитнымъ, съ міромъ энергіи, и потому масса какой нибудь доли матеріи измѣняется вмѣстѣ съ внутренней энергіей послѣдней, увеличивается и уменьшается вмѣстѣ съ этой энергіей.

Такъ уничтожается классическій дуализмъ между матеріей и энергіей. Законы сохраненія массы (матеріи) и энергіи въ чистомъ видѣ сходятъ со сцены: первый законъ включается во второй. Вмѣсто двухъ несвязанныхъ между собой законовъ постоянства матеріи и энергіи мы получаемъ одинъ, который, по профессору Хвольсону, можно высказать въ такой формѣ: въ замкнутой системѣ, т. е. въ совокупности произвольнаго числа физическихъ тѣлъ, весь запасъ массы или—что то же самое—энергіи остаетс постояннымъ. Это—одинъ изъ тѣхъ выводовъ, которые по смѣлости не имѣютъ себѣ равныхъ.

Согласно принципу относительности и электронной теоріи, энергія матеріи, которая есть энергія образующихъ ее электроновъ и которую мы воспринимаемъ, какъ ея массу, эта энергія почти вся остается въ тѣлѣ при температурѣ абсолютнаго нуля (273° Ц. ниже нуля, ниже температуры таянія льда), при которой, какъ полагаютъ, тепловая энергія уже отсутствуетъ. Она неимовѣрно велика по сравненію съ той энергіей, какую мы можемъ прибавить или отнять путемъ нагрѣванія или охлажденія тѣла. Она несравненно также больше и той энергіи, которая проявляется при химическихъ взаимодѣйствіяхъ между тѣлами. Она поэтому является для насъ, какъ выражается Планкъ, какъ бы скрытой въ атомѣ, „интра-атомной энергіей", какъ ее называетъ французскій ученый, д-ръ Густавъ Ле-Бонъ. И она проявляется наружу только въ видѣ энергіи, когда мы тѣлу сообщаемъ движеніе, а также въ видѣ особой силы, которую мы называемъ силой взаимнаго и всеобщаго тяготѣнія между тѣлами, въ видѣ вѣса. По вычисленію, всякое вещество — вода, мясо, желѣзо, золото, мѣдь и т. д.,—взятое въ количествѣ одного грамма, при выдѣленіи скрытой въ немъ энергіи даетъ 20 тысячъ милліоновъ большихъ калорій (большой калоріей называется то количество теплоты, которое потребно для нагрѣванія одного килограмма чистой воды на 1° Ц.). Это колоссальное число мало говоритъ нашему уму и потому прибѣгнемъ къ иллюстраціямъ.

Еслибы мы сумѣли собрать въ резервуаръ всю воду, заключенную въ Невѣ отъ истоковъ до устья, то для этого потребовался бы громадный цилиндръ съ радіусомъ основанія около версты и высотой въ полверсты. И вотъ, еслибы вся масса этой воды имѣла температуру льда, то, чтобы ее вскипятить, потребовалось бы энергіи, заключенной всего въ одной пятой части килограмма вещества. Или другой примѣръ: по офиціальнымъ даннымъ въ 1913 г. въ Россіи было добыто больше 2 тысячъ милліоновъ пудовъ каменнаго угля. Какъ ни трудно себѣ представить ту громадную

энергію, которая получится отъ сжиганія этого количества угля, а между тѣмъ достаточно одного только килограмма вещества, чтобы превращеніемъ его въ энергію получить тотъ же самый эффектъ. Чтобы заставить курьерскій поѣздъ сдѣлать нѣсколько оборотовъ кругомъ земного шара, достаточно энергіи, заключенной въ веществѣ булавочной головки! Еслибы когда-либо сразу выдѣлилась значительная часть скрытой въ веществѣ энергіи, то, по словамъ Де-Геена, Ле-Бона и Дж. Дж. Томсона, она взорвала бы весь земной шаръ и превратила бы его въ газообразную туманность!..

Нетрудно видѣть, что выдѣленіе скрытой, внутри-атомной энергіи есть не химическій процессъ, а фактическое превращеніе вещества въ энергію: матерія исчезаетъ и взамѣнъ ея остается энергія. Въ подтвержденіе этого говоритъ слѣдующій фактъ. Опытами многихъ ученыхъ установлено, что граммъ радія втеченіе одного часа выдѣляетъ изъ себя около 120 малыхъ калорій, т. е. теплоту, достаточную для нагрѣванія 120 граммовъ воды на 1° Ц. Вмѣсто съ этимъ доказано, что количество радія постепенно убываетъ, напримѣръ, втеченіе одного года убываніе одного грамма радія достигаетъ четырехъ тысячемилліонныхъ долей грамма. Но вѣдь, какъ учитъ физика, матерія не можетъ превратиться въ ничто, а энергія не можетъ появиться изъ ничего. Поэтому Планкъ и заключаетъ—а численныя отношенія этому не противорѣчатъ,—что теплота, которая непрерывно выдѣляется при распадѣ атомовъ радіоактивныхъ тѣлъ, и есть скрытая въ атомахъ энергія и что мы какъ разъ имѣемъ здѣсь дѣло съ самопроизвольнымъ превращеніемъ матеріи въ энергію, съ фактомъ дематеріализаціи, развеществленія вещества.

Само собою разумѣется, что эти новые взгляды на матерію и энергію имѣютъ громадное значеніе не только для науки, но также для техники. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, который достигъ бы возможности произвольно выдѣлять скрытую, интра-атомную энергію, превращать вещество въ энергію въ какихъ угодно количествахъ обладалъ бы всемогуществомъ божества: онъ могъ бы комочекъ грязи превратить въ десятки и сотни тысячъ рублей. Но кто знаетъ? Можетъ быть, достиженіе этой возможности только вопросъ времени. Вѣдь въ прежнее время (лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ) никто даже смутно не предчувствовалъ, что мы когда-нибудь сумѣемъ точно опредѣлять тѣ химическія вещества, которыя входятъ въ составъ небесныхъ свѣтилъ, отстоящихъ отъ насъ на разстояніи сотенъ, тысячъ и болѣе милліоновъ километровъ А теперь это чудо, какъ извѣстно, осуществлено.

XIX. Цѣнность новой теоріи относительности.

Мы пришли къ концу обзора главнѣйшихъ и наиболѣе парадоксальныхъ выводовъ принципа относительности. Многаго мы вовсе

не разсмотрѣли, стѣсненные мѣстомъ; многое сократили, въ цѣляхъ упрощенія. Однако и того, что здѣсь было сказано, вполнѣ достаточно, чтобы понять, какую страшную революцію произвело новое ученіе въ нашемъ научномъ міровоззрѣніи. И невольно является вопросъ: что же остается отъ стараго и что даетъ новая теорія? Хочется отвѣтить: „ничего!“, когда нашъ разумъ чувствуетъ себя безнадежно угнетеннымъ волною сомнѣній и чувствомъ разочарованія. Ничего мы не имѣемъ передъ собою, кромѣ немногихъ формулъ и геометрической картины, которой мы тщетно будемъ пытаться придать осязаемую форму, ибо она пользуется представленіемъ о четырехмѣрномъ пространствѣ.

Но релятивисты, приверженцы принципа относительности, стараются насъ ободрить. По ихъ мнѣнію, существуетъ уже достаточный матеріалъ для построенія новаго научнаго зданія, которое должно быть совершеннѣе и величественнѣе всѣхъ, донынѣ созданныхъ человѣческимъ геніемъ. Прочными, неизмѣнными элементами, которые могутъ служить основой физической картины міра, согласно съ теоріей относительности, по Планку, должны быть слѣдующія, такъ называемыя, „міровыя постоянныя“: прежде всего скорость распространенія свѣта въ пустотѣ; затѣмъ зарядъ электрона, его масса въ состояніи покоя; постоянныя формулы тяготѣнія и нѣкоторыя другія величины. Всѣ эти величины, по мнѣнію приверженцевъ теоріи относительности, обладаютъ реальнымъ, дѣйствительнымъ значеніемъ, не зависящимъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, напримѣръ, отъ положенія и скорости перемѣщенія наблюдателя.

Въ этомъ новомъ направленіи принципъ относительности представляется уже не разрушающей силой, а, наоборотъ, орудіемъ созиданія и упорядоченія новаго міровоззрѣнія. „Только ту форму,— говоритъ Планкъ,—которая и безъ того уже была уничтожена неудержимымъ стремленіемъ науки впередъ, онъ отбрасываетъ въ сторону. На мѣстѣ стараго зданія, ставшаго черезчуръ тѣснымъ, принципъ относительности воздвигаетъ новое, болѣе обширное и долговѣчное, въ которомъ найдутъ свое мѣсто въ измѣненной, но болѣе наглядной, группировкѣ всѣ сокровища прежняго и, само собою разумѣется, и атомистика, и приготовляетъ опредѣленное мѣсто для вновь ожидаемыхъ. Онъ удаляетъ изъ физической картины міра всѣ несущественныя черты, привнесенныя случайностью нашихъ человѣческихъ воззрѣній и привычекъ, и этимъ очищаетъ науку отъ антропоморфныхъ примѣсей,—обязанныхъ своимъ возникновеніемъ характеру физиковъ,—полное изгнаніе которыхъ я считаю истинной цѣлью всякаго физическаго познанія. Онъ открываетъ мятежному въ своихъ исканіяхъ изслѣдователю перспективы, полныя совершенно неизмѣримыхъ далей и величія, и ведетъ его къ такимъ системамъ, которыхъ въ прежніе періоды не могли себѣ и представить. Кто однажды нашелъ въ себѣ смѣлость

сдѣлать первый шагъ и углубиться въ послѣдовательность мыслей этихъ новыхъ идей, тотъ уже не будетъ въ состояніи надолго избѣгнуть чаръ, исходящихъ отъ нихъ. И весьма понятно, что натура, обладающая такою художественною чуткостью, какъ Германъ Минковскій, такъ рано похищенный смертью у науки, могла, благодаря имъ, воспламениться яркимъ вдохновеніемъ. Но вопросы физики рѣшаются не съ эстетической точки зрѣнія, а экспериментально. Подъ этимъ во всѣхъ случаяхъ разумѣется безпристрастная, тщательная, терпѣливая детальная работа. Въ томъ-то и заключается высокій физическій смыслъ принципа относительности, что на цѣлый рядъ вопросовъ физики, вопросовъ, до сихъ поръ полностью покрытыхъ мракомъ, онъ даетъ совершенно опредѣленный отвѣтъ, который можно подвергнуть контролю опыта. Поэтому принципъ относительности, въ противоположность механической гипотезѣ свѣтового эфира, слѣдуетъ признать, по меньшей мѣрѣ, рабочей гипотезой выдающейся плодотворности".

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ принципа относительности, знаменитый нѣмецкій физикъ Максъ Лауэ, говоритъ: „Фактически принципъ относительности Эйнштейна претендуетъ на такое же универсальное значеніе во всѣхъ областяхъ физики, какъ, скажемъ, принципъ сохраненія энергіи... Уже теперь онъ является однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ теоретической физики, потому что онъ открылъ намъ новый законъ, охватывающій отдаленнѣйшія другъ отъ друга части науки и, благодаря этому, помогъ сдѣлать намъ крупный шагъ впередъ по направленію къ созданію единой физической картины міра".

Слѣдуетъ, однако, сказать, что немалое число ученыхъ относятся къ новому ученію скептически и даже безусловно отрицательно. Строго говоря, всѣ ученые, не желающіе отказаться отъ гипотезы эфира, не могутъ полностью стоять на почвѣ новаго ученія. Но не слѣдуетъ забывать, что пока только это ученіе даетъ выходъ изъ того страннаго, непостижимаго положенія, въ которомъ очутилась наука, благодаря отрицательнымъ результатамъ всѣхъ безъ исключенія опытовъ, сдѣланныхъ съ цѣлью обнаруженія движенія земли по отношенію къ эфиру. Съ другой стороны, надо принять во вниманіе, что, независимо отъ принципа относительности, благодаря многочисленнымъ опытнымъ и теоретическимъ изслѣдованіямъ, гипотеза объ эфирѣ въ послѣднее время привела къ такимъ непреодолимымъ затрудненіямъ, что является вопросъ, не лучше-ли совсѣмъ отъ нея отказаться, не лучше-ли совсѣмъ исключить эту міровую среду изъ картины міра. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что хотя рѣшенія спорныхъ вопросовъ и окончательнаго выясненія физическаго значенія принципа относительности слѣдуетъ ожидать отъ будущаго, но пока не видно, чтобы отъ новаго ученія пришлось когда-нибудь вполнѣ отказаться. Замѣчу, что нѣмецкій физикъ Вихертъ противоноста-

вляетъ изложенной здѣсь безусловной теоріи относительности безъ эфира Эйнштейна условный принципъ относительности, сохраняющій эфиръ.

Двѣ причины всегда будутъ оказывать сильную задержку въ распространеніи новаго ученія. Вѣдь здѣсь приходится отказаться отъ слишкомъ привычныхъ взглядовъ, отречься отъ всего нашего стараго мышленія, отъ всѣхъ тѣхъ основныхъ представленій, которыми мы пользовались втеченіе, можетъ быть, десятковъ тысячелѣтій, и потому намъ не такъ-то легко слиться съ новымъ ученіемъ. Съ другой стороны, разница между новымъ и старымъ, громадная въ области отвлеченнаго мышленія, почти совершенно неосязательна на практикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что количественныя измѣненія, вводимыя новымъ ученіемъ въ численныя значенія величинъ времени, длины, массы и проч., проявляются въ ощутительной степени только тогда, когда скорость тѣлъ близка или сравнима со скоростью свѣта. А такія скорости не встрѣчаются ни на землѣ, ни на небѣ, а только въ области электрическихъ и радіоактивныхъ явленій—въ области, знакомство съ которой надолго, а, можетъ быть, и навсегда, останется достояніемъ сравнительно небольшого числа ученыхъ. Измѣненіе нѣкоторыхъ физическихъ величинъ—энергіи и проч.,—оказывается зависящимъ даже не отъ весьма малаго отношенія скорости тѣла къ скорости свѣта, но отъ квадрата этой маленькой дроби. А такія измѣненія измѣрить почти невозможно. Однимъ словомъ, разногласія въ вопросахъ о времени, пространствѣ, скорости, силѣ, массѣ и проч. имѣютъ теоретическій интересъ, могутъ быть обнаружены только въ рѣдкихъ случаяхъ—вѣдь въ противномъ случаѣ, вѣроятно, еще я раньше пришли бы къ теоріи относительности, а потому—практически для насъ все остается по старому. Въ этомъ и заключается причина того, что величайшій изъ всѣхъ научныхъ переворотовъ разыгрывается, говоря словами Хвольсона, „какъ бы за кулисами общеизвѣстныхъ событій и врядъ-ли скоро появится на той сценѣ, съ которой долженъ быть знакомъ всякій образованный человѣкъ".

Итакъ, новое ученіе о природѣ, возникшее благодаря электронной теоріи и принципу относительности, только еще разрабатывается и мнѣнія ученыхъ въ разныхъ пунктахъ еще расходятся. Подтвердится-ли оно вполнѣ или же только отчасти,—это покажетъ будущее, когда будетъ произведено болѣе значительное число тщательныхъ опытныхъ изслѣдованій. Но, какъ бы то ни было, непоколебимымъ остается фактъ, что мы переживаемъ теперь въ области науки о природѣ замѣчательно интересный, рѣдкій моментъ — моментъ величайшаго переворота, грандіозности котораго, безъ сомнѣнія, позавидуютъ даже отдаленнѣйшіе изъ нашихъ потомковъ. Отъ раскрывающихся передъ нами безконеч-

ныхъ перспективъ, полныхъ привлекательности и красоты, захватываетъ дыханіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ родятся сильные порывы энтузіазма и увлеченія, совершенно разсѣивается пессимистическое настроеніе, и мы начинаемъ вѣрить во всемогущество положительной науки.

Г. А. Гуревичъ.

ВЪ ГОРАХЪ.

Смуглая дѣвочка робко стоитъ на порогѣ,
Смотритъ куда-то на югъ, на туманныя горы...
Мечутся по небу черныя тучи въ тревогѣ,
Смутно на землю ложатся ихъ тѣней узоры.
Точно иззябнувъ, надвинулись горы сутуло,
Ели на склонахъ качаются жутко и дико,
Слѣпы и сумрачны черныя окна аула,
Въ улицахъ узкихъ не слышно гортаннаго крика.
Тяжко и влажно цѣпляясь по каменнымъ склонамъ,
Тучи все ниже сползаютъ къ зеленымъ долинамъ.
Вѣтеръ въ ущельяхъ съ мучительно-горестнымъ стономъ
Гонитъ ихъ дальше, путемъ одинокимъ и длиннымъ.
Словно пьянѣя въ сердитой и буйной тревогѣ,
Рветъ и бросаетъ и тучи, и листья, и звуки...
Смуглая дѣвочка робко стоитъ на порогѣ,
Въ пестрыхъ лохмотьяхъ скрывая иззябшія руки.

Е. Өедорова.

Жена сэра Айзэкса Хармана.

Романъ Г. Уэлльса. Переводъ А. Даманской.

Автомобиль въѣхалъ въ невысокія бѣлыя ворота къ подъѣзду подъ густымъ навѣсомъ изъ жасмина и остановился. Молодая женщина съ большимъ мягкимъ ртомъ, изсиня-черными волосами, лежавшими густыми волнами по обѣ стороны широкаго лба, и темно-карими, которые мгновеньями казались совсѣмъ черными, глазами, высунулась изъ автомобиля и стала осматривать домъ. Смотрѣла и любовалась имъ.

Небольшой домъ съ бѣлыми рамами оконъ сонно глядѣлъ на нее изъ-за занавѣсей и не подавалъ никакого признака жизни. Изъ-за угла видѣнъ былъ кусокъ зеленой лужайки, край клумбы, усѣянной лютиками, слышался скрипъ тачки...

— Кларансъ!—крикнула одинъ и другой разъ дама.

Кларансъ съ видомъ человѣка, совершающаго что-то превыше взятыхъ на себя обязанностей, соблаговолилъ, наконецъ, услышать ея зовъ, медленно слѣзъ съ своего сидѣнья и подошелъ къ дверцамъ...

— Кажется, это здѣсь... Посмотрите, Кларансъ, нѣтъ ли звонка?..

Кларансъ медленно взглянулъ на дверь. Лицо его выражало безконечное презрѣніе къ этой двери и отсутствіе малѣйшаго желанія исполнить приказаніе. Но тѣмъ не менѣе, онъ исполнилъ. Правда, съ такимъ видомъ, словно ему послѣ такого страннаго приказанія оставалось только ждать приказанія почистить ботинки или сварить яйца въ смятку... Онъ нашелъ звонокъ и дернулъ его изъ всѣхъ силъ, какъ человѣкъ, къ такому дѣлу совершенно непривычный. Откуда ему было знать, какъ дергать звонки?.. Онъ былъ шофферъ. Звонки не были его спеціальностью.

И, дѣйствительно, звонокъ не то что звонилъ, какъ будто взорвался и звономъ своимъ наполнилъ все пространство. И

поплыли звоны изо всѣхъ оконъ, изъ всѣхъ трубъ, и казалось, что, разъ зазвонивъ, звонокъ этотъ никогда уже звонить не перестанетъ...

Кларансъ вернулся на свое мѣсто и принялъ оборонительно-вызывающую позу. Не вы̀ѣздной же онъ лакей, въ самомъ дѣлѣ?.. Позвонить-то онъ позвонилъ, но его мѣсто у руля машины.

— Какъ онъ позвонилъ!..—тихо промолвила дама, обращаясь, очевидно, къ небу.

Дверь за изящными бѣлыми колонками открылась и на ступеньки подъѣзда вышла маленькая женщина съ краснымъ носомъ, въ криво-сидѣвшемъ чепцѣ, который она, очевидно, напялила на-спѣхъ, не посмотрѣвшись въ зеркало. Она недоброжелательно посмотрѣла поверхъ своихъ выпуклыхъ очковъ на автомобиль и на сидѣвшую въ немъ даму.

Дама помахала въ воздухѣ розоватымъ листкомъ,—это было объявленіе конторы по найму квартиръ.

— Здѣсь «Черный берегъ»?—спросила она.

Маленькая женщина медленно приблизилась къ экипажу, не сводя подозрительнаго взгляда съ розоваго листка. Она подходила осторожными, крадущимися шажками, словно намѣреваясь вырвать объявленіе изъ рукъ молодой дамы.

— Это «Черный берегъ»?—повторила дама.—Извиняюсь за безпокойство и за этотъ звонъ... Вы, пожалуйста...

— Это—«Черный берегъ»,—сказала маленькая женщина тономъ глубокой укоризны и посмотрѣла на посѣтительницу уже не поверхъ очковъ, а въ самыя очки. Лицо ея не стало привѣтливѣе отъ этого, но глаза гораздо больше. Она смотрѣла на даму и бросала быстрые, острые взгляды на розовый листокъ.

— Вы, вѣрно, посмотрѣть пріѣхали?..

— Если никого не обезпокою... И если это нисколько...

— Мистера Брумлея дома нѣтъ,—сказала маленькая женщина.—Но разъ вы пріѣхали по объявленію осмотрѣть домъ, значитъ надо смотрѣть...

— Если позволите...

Дама выпрямилась въ автомобилѣ и вся ея изящная стройная фигура, закутанная въ блестящій черный мѣхъ, выражала нетерпѣливое ожиданіе и нерѣшимость...

— Это, навѣрно, прелестный домъ?..—сказала она.

— Чистый домъ,—отвѣтила маленькая женщина.—Гдѣ угодно ищите—пылинки не найдете...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь,—сказала дама и, сбросивъ мѣховую пелерину, осталась въ темно-красномъ платьѣ, отлично облегавшемъ ея стройное гибкое тѣло. Кларансъ вдругъ

простеръ свою любезность до того, что открылъ ей дверцы автомобиля.

— Ахъ, какія прелестныя окна!—воскликнула она, задержавшись на подножкѣ,—будто хрустальныя...

Суровость маленькой старушки растаяла отъ этой похвалы, и морщинистое лицо ея напоминало въ эту минуту сброшенное вѣтромъ яблочко, полежавшее день, другой на землѣ. Въ дверяхъ она обернулась и сдѣлала властный жестъ рукой:

— Мы входимъ,—сказала она,—это вотъ первая комната... Шляпы и трости мистера Брумлея... Видите—къ каждой шляпѣ подобрана трость—одно къ другому... А на столѣ все перчатки—тоже все подъ цвѣтъ... Дверь направо—въ кухню, а налѣво—дверь въ гостиную. М-ръ Брумлей сдѣлалъ изъ нея свой рабочій кабинетъ...—Она понизила голосъ:—а это дверь въ уборную съ умывальникомъ...

— Прелестная пріемная!—сказала дама.—Такая большая, просторная. И сколько свѣта, уюта... Ахъ, какія прелестныя итальянскія панно... И какой очаровательный садъ...

— Когда пройдетесь по саду, онъ еще лучше вамъ покажется,—сказала маленькая женщина.—М-съ Брумлей натѣшиться на него не могла. Тутъ все почти ея руками сдѣлано... А теперь войдемъ въ гостиную,—продолжала она и распахнула дверь направо.

Навстрѣчу имъ раздалось неясное восклицаніе, что-то въ родѣ: «Чортъ побери!»—Плотный, средняго роста человѣкъ, въ сѣровато-зеленомъ бархатномъ костюмѣ, произнесшій это восклицаніе, стоялъ на одномъ колѣнѣ у широкаго окна и завязывалъ шнурки башмака. У него было круглое, съ легкимъ румянцемъ, привлекательное лицо. На одинъ високъ живописно падалъ клокъ темныхъ волосъ, большой шелковый бантъ завязанъ былъ съ явно-нарочитой художественной небрежностью. Профиль у него былъ правильный и тонкій, глаза выразительные, и ротъ тоже ничего, скорѣе даже—пріятный ротъ. Лицо его въ первое мгновеніе изобразило наивный ужасъ человѣка, застигнутаго въ обнаженномъ видѣ.

Но онъ тотчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло...

Догадался по восхищенному лицу дамы, мгновенно съ извиненіями отпрянувшей назадъ... Она не удержалась, однако, и опять оглянулась на прелестную, свѣтлую комнату съ большой бѣлой статуей Венеры у окна...

— Я думала, что вы ушли черезъ это окно,—фамильярно сказала маленькая женщина и едва было не захлопнула дверь между нимъ и завязкой этого романа, но голосъ человѣка, завязывавшаго свой башмакъ, остановилъ ее.

— Я... вы, очевидно, осматриваете домъ?.. Подождите, м-ссъ Раббитъ.

Онъ вскочилъ на ноги и подошелъ къ дверямъ, волоча за собою незавязанные и беззастѣнчиво щелкавшіе шнурки. Дама вспомнила недалекіе свои школьные годы, когда на такой вопросъ она не преминула бы отвѣтить: «Осматриваю домъ?.. Нѣтъ, я гуляю по Пиккадилли внизъ головой...» Но она только показала ему розовый листокъ бумаги.

— Мнѣ настойчиво рекомендовали... Извиняюсь за безпокойство... Надо было, конечно, предупредить письмомъ... Но... я внезапно собралась...

Господинъ съ художественно-завязаннымъ галстухомъ, знавшій толкъ въ художественныхъ вещахъ, тѣмъ временемъ успѣлъ уже разглядѣть, что дама молода, стройна, красива, привлекательна и одѣта съ большимъ вкусомъ.

— Я очень, очень радъ,—убѣжденно сказалъ онъ—что не успѣлъ еще уйти... Я самъ покажу вамъ домъ...

— О, вы!.. да развѣ вы сумѣете?—вставила маленькая старушка.

— Что—домъ показать? Отчего же мнѣ не сумѣть?..

— А кухню... что вы понимаете въ этихъ вещахъ?.. И черный ходъ?.. Не можете же вы показывать леди черный ходъ?

Господинъ призадумался надъ этими затрудненіями.

— Ладно, я покажу ей то, что смогу показать. А тамъ, если нужно будетъ, я васъ позову. Можете уходить...

— Я боюсь,—сказала м-ссъ Раббитъ, скрестивъ свои маленькія ручки и серьезно глядя на него,—что вы плохо будете чувствовать себя, если не прогуляетесь.

— Ступайте на кухню, м-ссъ Раббитъ,—твердо сказалъ м-ръ Врумлей и м-ссъ Рабитъ послѣ мгновенія безмолвнаго протеста исчезла, недовольно поджимая губы.

— Я не хотѣла бы хоть сколько-нибудь быть вамъ въ тягость,—сказала дама.—Я пріѣхала, не предупредивъ... Я не помѣшала вамъ?—скажите мнѣ откровенно...

— Нисколько,—сказалъ м-ръ Брумлей—я ненавижу мои послѣобѣденныя прогулки, какъ узникъ ненавидитъ верченіе станка.

— Она такая милая старушка!

— Да, она мнѣ замѣняла мать и нѣсколько тетокъ послѣ смерти моей жены. У насъ никогда другой прислуги не было.

— Весь этотъ домъ,—продолжалъ онъ, отвѣчая на вопросительный взглядъ посѣтительницы,—дѣло рукъ моей жены. Это былъ маленькій безличный домикъ на опушкѣ сосноваго лѣса. Она измѣнила и самое расположеніе комнатъ, пристроила пріемную. Мы два раза перестраивали его. А вмѣсто этой гостиной были двѣ комнаты...

— А это окно и ниша?..

— Это она тоже придумала,—сказалъ м-ръ Брумлей.—На

всей этой комнатѣ печать ея личности, ея вкуса.—Онъ помолчалъ немного и продолжалъ:

— Когда мы отдѣлывали этотъ домъ, мы расчитывали, что у насъ дѣла будутъ лучше, чѣмъ оказалось впослѣдствіи, и она въ средствахъ не была стѣснена. Многое здѣсь привезено изъ Голландіи и Италіи...

— Какой милый старинный столикъ! И эта роза въ вазочкѣ!..

— Это она еще поставила здѣсь эту вазочку. Если хотите, даже роза эта поставлена ею... Конечно, она обновляется. М-съ Раббитъ никогда не забываетъ этого...

Онъ вздохнулъ.

— Вы... вы здѣсь работаете?—неувѣренно спросила дама.

— Да, и очень много. Я, вѣдь—нѣкоторымъ образомъ писатель. Вамъ, быть можетъ, знакомы мои книги? Не Богъ вѣсть какія книги, но кое-кто читаетъ ихъ.

Розовыя щеки лэди окрасились немного гуще. Она подняла свою хорошенькую головку и спросила: «Брумлей? Брумлей?» и вдругъ вспомнила:

— Вы—Георгъ Брумлей?—спросила она.—извѣстный Георгъ Брумлей?

— Да, меня зовутъ Георгъ Брумлей,—сказалъ онъ съ гордой скромностью.—Вы, быть можетъ, знаете мои сборники, посвященные Эфеміи? Ихъ больше всего читаютъ...

Леди еще гуще покраснѣла и издала какой-то невнятный, не совсѣмъ увѣренный, утвердительный звукъ. Но ея собесѣдникъ не замѣчалъ ея смущенія.

— Эфемія—это моя покойная жена,—сказалъ онъ, — во всякомъ случаѣ, этотъ образъ Эфеміи дала мнѣ моя жена. Этотъ домъ,—добавилъ онъ, съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ въ голосѣ—домъ Эфеміи. И я пишу только объ Эфеміи. Я полонъ ею и воспоминаніями о ней... Но... очень тяжело стало... Теперь даже тяжелѣе, чѣмъ первое время послѣ ея смерти. И я хочу оставить этотъ домъ. Потому, вотъ, я и рѣшилъ сдать его въ наймы или продать. И не будетъ здѣсь больше Эфеміи...

Голосъ его упалъ.

Леди осматривала большую, уютно обставленную комнату, голландскіе часы, голландскій шкафъ, изящныя кресла передъ каминомъ, ширму у выходившихъ въ садъ дверей. На каждой мелочи лежала печать изысканнаго вкуса, чувствовалось, что люди устраивались заботливо и прочно, и она вздрогнула при воспоминаніи о собственномъ своемъ домѣ, на обстановку котораго потрачено было такъ много стараній и заботъ. Ей казалось, что она видитъ эту женщину, такую же, какъ она, но гораздо, гораздо красивѣе, и какъ она носится по этой комнатѣ и убираетъ ее. И вдругъ женщина эта исчезла — неизвѣстно

куда, оставивъ этого одинокаго человѣка на попеченіе м-сси Раббитъ.

— Она умерла?—спросила она съ мягкимъ блескомъ въ глазахъ и красивой искренней дрожью въ голосѣ.

— Она умерла,—сказала м-ръ Врумлей,—три съ половиной года тому назадъ.—Онъ подумалъ немного и добавилъ:

— Да, какъ разъ три съ половиной года...

Онъ замолкъ. Она тоже сочувственно молчала.

И вдругъ онъ оживился и заговорилъ дѣловито и спокойно; повелъ ее обратно въ пріемную и сталъ ей объяснять:

— Это не столько пріемная, сколько столовая. Когда мы не обѣдали на верандѣ, мы всегда обѣдали здѣсь. Эта дверь направо ведетъ въ кухню...

Леди опять залюбовалась большими длинными панно, на которыя обратила уже раньше вниманіе.

— Это копіи съ Карпаччіо, изъ той серіи, что въ церкви св. Георгія въ Венеціи,—сказалъ онъ.—Мы вдвоемъ покупали. Но вы навѣрно видѣли оригиналы? Знаете, такая старинная темная церковь... одинъ изъ очаровательнѣйшихъ и характернѣйшихъ для Венеціи уголковъ. Вы не находите?

— Я никогда не бывала за границей,—сказала леди.—Но мнѣ бы очень хотѣлось поѣхать. Вы и жена ваша, вѣроятно, много путешествовали?

Онъ изумился тому, что такая изящная леди ни разу не была за границей, желаніе поговорить о своемъ прошломъ помѣшало ему высказать ей свое изумленіе...

— Раза два, три,—сказалъ онъ,—ѣздили за границу до рожденія нашего мальчика. И всегда привозили съ собой что-нибудь для украшенія нашего дома. Глядите,—сказалъ онъ, выходя съ нею на чистенькую, усыпанную толченымъ кирпичомъ дорожку, огибавшую весь домъ.—Вотъ этотъ барельефъ Делла-Роббіа,—онъ указалъ на прелестную зеленую лужайку,—мы возили въ нашемъ багажѣ изъ Флоренціи, а эта каменная ваза —изъ Сіены.

— Это очаровательно!—прошептала леди, нѣсколько мгновеній молча полюбовавшись барельефомъ и вазой.—Здѣсь, навѣрно, хорошо и свѣтло даже, когда нѣтъ солнца...

Она искренне восхищалась домомъ и садомъ, превосходившимъ своей красотой все, что наговорили ей комиссіонеры. И если только она пожелаетъ, все это будетъ ея собственностью...

Она наполняла весь садъ музыкой своихъ восторженныхъ восклицаній. У нея былъ маленькій, по ея фигурѣ, свѣтлый серебристый голосокъ. Было очень тихо въ саду, ни одинъ листъ не шевелился. Даже незримая тачка перестала скрипѣть, будто затихла, прислушиваясь къ чему-то...

Одно только будничное обстоятельство нарушало поэзію ихъ

прогулки по саду: башмакъ м-ра Брумлея все еще не былъ завязанъ. До сихъ поръ не представилось еще благопріятнаго момента, чтобы завязать шнурки. Онъ не обладалъ большой ловкостью въ завязываніи шнурковъ и, когда приходилось это дѣлать торопясь, раздражался, и настроеніе его портилось. Онъ надѣялся, что спутница его не замѣтитъ волочившихся по землѣ шнурковъ, и старался все время ходить не рядомъ съ нею, а немного позади нея... А она съ своей стороны и хотѣла, и не рѣшалась обратить его вниманіе на эту ничтожную, но непріятную помѣху, и предложить ему оправиться. А шнурки, длинные, кожаные, нисколько не считались ни съ ея, ни съ его смущеніемъ, летѣли въ одну, въ другую сторону, и щелкали въ полное свое удовольствіе... Онъ наступалъ на одинъ, другой шнурокъ зацѣплялся о ея ботинки, и она дѣлала незамѣтное усиліе, чтобы высвободить свою ногу. Но человѣкъ—существо ко всему приспособляющееся, и въ концѣ концовъ они оба изловчились настолько, что это непріятное обстоятельство ихъ почти уже не безпокоило. Оба стали относиться къ этимъ назойливымъ шнуркамъ, какъ деликатные воспитанные люди относятся къ человѣку грубому и невоспитанному... Просто не замѣчали ихъ...

Садъ полонъ былъ вещей, которыя многіе люди мечтаютъ завести въ своихъ садахъ и никогда не заводятъ. Былъ здѣсь цвѣтникъ изъ однѣхъ розъ, распустившихся хоромъ, и арки, увитыя сверху до низу розами, и фруктовый садъ съ стройными, холеными деревьями, стволы которыхъ выкрашены были въ бѣлую краску; каменная стѣна, густо поросшая ломоносами, и протянутыя для сушки бѣлья проволоки, на которыхъ такъ весело голубѣли и бѣлѣли фланелевыя рубашки мистера Брумлея, что казались умышленно введенной въ общую картину сада подробностью...

Здѣсь и тамъ клумбы съ многолѣтними растеніями, окаймленныя лютиками, цвѣтущимъ макомъ и мальвой... Клумба съ яркими цвѣтами, рѣзко выдѣлявшаяся подъ холмомъ съ темными соснами... Садъ, казалось, переходилъ прямо въ большой сосновый лѣсъ. Предѣлы его отмѣчала лишь едва замѣтная проволочная сѣтка, защищавшая его въ то же время отъ дѣятельнаго любопытства кроликовъ.

— Эта часть лѣса вплоть до вершины холма принадлежитъ намъ,—сказалъ онъ.—Съ вершины холма чудесный видъ... Хотите посмотрѣть?

Лэди дала ему понять, что она готова смотрѣть все, что онъ можетъ показать ей. Она съ каждой минутой все больше и больше входила во вкусъ этого обзора. М-ръ Брумлей взялъ у нея изъ рукъ стѣснявшую ее мѣховую пелеринку и повелъ ее на холмъ. Шнурки его подпрыгивали и громко пощелкивали,

— Теперь я могу вамъ показать только этотъ видъ...—сказалъ онъ, когда они вышли на вершину холма.—Раньше здѣсь былъ лучшій видъ... Но его испортили... Глядите, какіе холмы. Вы, навѣрно, полюбите ихъ... Какой просторъ! Не правда ли? Но, не видно, къ сожалѣнію, блестящихъ озеръ... Здѣсь удивительныя озера... Поглядите теперь въ эту сторону... Проѣзжая дорога портитъ пейзажъ. Вы не туда, не туда смотрите.. Сюда вотъ...

Леди внимательно смотрѣла въ одну и другую сторону:

— Да, здѣсь все восхитительно...—сказала она.—Я не вижу ничего, что могло бы испортить пейзажъ...

— О, вы не видите... Я бы тоже хотѣлъ не видѣть этого... Но эта кричащая вывѣска...

И, дѣйствительно, у подножія холма, на поворотѣ дороги огромное досчатое объявленіе возвѣщало о томъ, «что зерновой хлѣбъ, самый питательный въ мірѣ хлѣбъ», продается въ «Интернаціональныхъ булочныхъ»—такими яркими желтыми и синими буквами, что всѣ краски и цвѣта казались передъ ними тусклыми и поблекшими...

— О!—воскликнула леди, какъ человѣкъ внезапно понявшій какую-то нелѣпость, и слегка покраснѣла.

— По утрамъ это еще рѣзче... Солнце падаетъ прямо на него и тогда это совершенно обезображиваетъ всю мѣстность...

Леди молча щурилась на далекія озера. Теперь только онъ замѣтилъ, что она покраснѣла. Она повернулась къ своему спутнику съ видомъ растерявшейся школьницы:

— Но это и въ самомъ дѣлѣ очень хорошій хлѣбъ... Онъ изготовляется очень вкусно, изъ цѣльнаго зерна... Надо же доводить объ этомъ до свѣдѣнія людей...

Его удивило ея замѣчаніе. Онъ былъ увѣренъ, что она выразитъ ему полное свое сочувствіе.

— Въ такомъ мѣстѣ оповѣщать объ этомъ!..

— Да, пожалуй, мѣсто можно было бы выбрать иное...

— Вѣдь не хлѣбомъ единымъ живъ человѣкъ..

Леди кивнула головой.

— Это затѣя одного предпріимчиваго человѣка, нѣкоего Xармана. Не трудно представить себѣ, что это за господинъ... Вамъ не кажется, что образъ этого человѣка принижаетъ духъ? Эта чудовищная груда тѣста!.. Пошлое корыстолюбіе, внѣ котораго человѣкъ ничего не видитъ, ни красоты жизни, ни поэзіи, человѣкъ, которому необходимо лишь что-то яркое, мозолящее глаза, привлекающее вниманіе, обезпечивающее ему торжество надъ маленькими, жалкими конкурентами, и ради этого—такое вотъ объявленіе!.. Это—воплощеніе всей пошлости нашей жизни—мелочной, безсовѣстной корысти... Вотъ уже четыре, или пять лѣтъ, какъ они испортили здѣсь видъ.. —добавилъ онъ.

Онъ взглянулъ на нее, ожидая выраженія сочувственнаго негодованія, но какая-то догадка внезапно мелькнула въ его головѣ и — онъ понялъ...

— Видите ли,—мягко проговорила она.—Сэръ Айзексъ— мой мужъ. Конечно... Я должна была назвать себя... Съ моей стороны глупо было...

Мистеръ Брумлей растерянно смотрѣлъ на проѣзжую дорогу, тянувшуюся подъ холмомъ, но въ оправданіе свое ничего сказать не могъ.

— Дорогая лэди!—началъ онъ съ паѳосомъ.—Я въ отчаяніи... Но слова топоромъ не вырубишь. И видъ... видъ, дѣйствительно обезображенъ...

Воспоминаніе о нѣсколькихъ эпитетахъ, произнесенныхъ имъ, обожгло его, и онъ добавилъ:

— Простите, пожалуйста, рѣзкость моихъ замѣчаній...

Онъ повернулся къ ней, какъ бы желая совсѣмъ закрыть, заслонить собою злополучную вывѣску, но она, не двигаясь съ мѣста и слегка сдвинувъ брови, внимательно смотрѣла на предметъ его возмущенія...

— Да, это некрасиво...—проговорила она.—Я уже подумала объ этомъ... Да, конечно, это некрасиво...

— Я умоляю васъ забыть мою вспышку... Это просто озорство съ моей стороны... Но я такъ люблю этотъ пейзажъ... Съ нимъ связано столько воспоминаній...

— Мнѣ не разъ уже приходило въ голову,—продолжала она, отвѣчая на свои собственныя мысли,—что объ этомъ должны думать другіе люди... Это любопытно бываетъ послушать...

Оба молчали нѣсколько мгновеній. Она смотрѣла на вывѣску, а онъ любовался ея изящной фигурой и думалъ о томъ, что никогда еще не видалъ такой красивой женщины...

Пусть всѣ дороги и холмы безобразятъ эти крикливыя вывѣски, только бы жизнь красили такія женщины, какъ эта.

Онъ искалъ подходящихъ словъ, чтобы спасти какъ-нибудь положеніе. Но онъ былъ ненаходчивъ, мысль его не всегда приходила къ нему на помощь въ нужную минуту, а леди тѣмъ временемъ опять заговорила, съ откровенностью человѣка, вслухъ высказывающаго свои мысли.

— Да, рѣдко приходится слышать,—сказала она.—Иногда приходитъ въ голову... И вдругъ!.. Знаете, когда дѣвушка почти ребенкомъ выходитъ замужъ, она мало надъ чѣмъ задумывается... А затѣмъ...

Онъ находилъ, что не совсѣмъ связныя слова ея полны глубокаго, значительнаго смысла, но все-таки смыслъ этотъ не совсѣмъ улавливалъ... А она опять обронила нѣсколько капелекъ своей мысли:

— ... а затѣмъ начинаешь понимать многое, что лучше, пожалуй, было бы не понимать никогда...

Она повернулась, чтобы опять взглянуть на домъ, просвѣчивавшій бѣлыми полосами сквозь красноватые стволы сосенъ. Она смотрѣла, поднявъ немного голову, молча любуясь имъ. И заговорила опять мягко, съ простымъ достоинствомъ, такъ, какъ будто между нею и ея спутникомъ никогда никакого разговора о какихъ-то вывѣскахъ не было:

— Это какой-то сказочный уголокъ... будто изъ другого міра...

Она подавила тихій вздохъ.

— Вамъ очень понравится нашъ искусственный гротъ... Мы потратили на него много усилій,—продолжалъ м-ръ Брумлей, —Изъ каждой нашей поѣздки мы привозили какія-нибудь растенія, чтобы украсить его...

— Какъ вы можете разстаться съ этимъ домомъ?

Онъ разставался съ нимъ потому, что убійственно скучалъ здѣсь. Но душа человѣческая очень сложна и онъ отвѣтилъ ей съ полной искренностью:

— Это будетъ очень тяжело... Но мнѣ ничего другого не остается...

— Но вы такъ долго жили здѣсь и здѣсь написали большинство вашихъ книгъ?..

Нотка состраданія въ ея голосѣ навела его на мысль, что она приписываетъ, быть можетъ, бѣдности его рѣшимость разстаться съ этимъ домомъ. Но бѣдность писателя свидѣтельствуетъ о его непопулярности, а онъ больше всего цѣнилъ свою популярность и поспѣшилъ объясниться:

— Я уѣзжаю отсюда потому, что жизнь здѣсь одинаково тягостна, какъ для меня, такъ и для моего сына... Это мѣсто полно воспоминаній о прекрасной счастливой жизни... Сынъ мой въ школѣ, въ Маргетѣ. И лучше, здоровѣе для насъ обоихъ совсѣмъ уѣхать отсюда, какъ бы это ни было больно на первыхъ порахъ... Каждая вещь въ этомъ домѣ связана для насъ съ неизгладимыми воспоминаніями... Мы здѣсь шагу ступить не можемъ, чтобы не переноситься въ прошлое... А прошлымъ жить нельзя... Жизнь—это перемѣна и обновленіе...

Онъ подчеркнулъ краткой паузой свое обобщеніе.

— Но вамъ, вѣроятно, пріятнѣе было бы знать, что домъ этотъ въ рукахъ людей, которые...—она замялась—людей, которыхъ вы считаете способными сочувствовать вашимъ настроеніямъ?

Мистеръ Брумлей мысленно увѣренно шагнулъ впередъ:

— Мнѣ никого такъ не хотѣлось бы видѣть въ этомъ домѣ какъ васъ,—сказалъ онъ.

— Но...—возразила она—вѣдь вы меня не знаете...

— Иныя вещи познаются нами мгновенно, какъ въ откровеніи, и мнѣ кажется, что я васъ знаю такъ, какъ еслибы двадцать лѣтъ былъ съ вами знакомъ... Это можетъ показаться вамъ глупымъ, но когда я васъ только увидалъ, я тотчасъ подумалъ: вотъ! Вотъ человѣкъ, который долженъ жить въ этомъ домѣ... Это ея домъ... Да... Потому я не пошелъ на свою обычную прогулку и сталъ вамъ показывать домъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, вы хотите передать намъ этотъ домъ,— спросила она,—не смотря на... на вывѣски?..

— Хотя бы ихъ сотни было, всякихъ вывѣсокъ... Я вамъ предоставляю мой домъ...

— Мужъ мой, навѣрно, его возьметъ,—замѣтила лэди Харманъ.

И послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія добавила:

— Я всегда мечтала о такомъ именно домѣ—не очень роскошномъ, но изящномъ и не—банальномъ... Я бы не сумѣла такъ устроиться... Очень немногіе люди умѣютъ создать себѣ уголъ...

Мистеръ Брумлей чувствовалъ, что въ завязавшемся вслѣдъ за этимъ разговорѣ осуществились самыя смѣлыя его надежды. Онъ говорилъ теперь легко, довѣрчиво и былъ несказанно радъ тому, что случайно не вышелъ въ обычный свой часъ на послѣобѣденную прогулку. При всякихъ иныхъ обстоятельствахъ не могло бы произойти этого знаменательнаго разговора о вывѣскѣ... А еслибы и произошелъ, то какъ-нибудь иначе... Во всякомъ случаѣ, теперь не время было думать объ этомъ. Онъ повелъ лэди къ двумъ маленькимъ оранжереямъ, обратилъ ея вниманіе на только что распускавшіеся пышные осенніе цвѣты и направился съ нею къ искусственному гроту, гдѣ лэди Харманъ не могла налюбоваться вдоволь горными рѣдкими растеніями...

Мистеръ Брумлей уже вполнѣ овладѣлъ собою, говорилъ увлекательно, занятно, остро, словомъ, выражаясь банально— онъ былъ очарователенъ...

Мистеръ Брумлей былъ простосердечный человѣкъ съ весьма живымъ воображеніемъ, которому женщина представлялась самой интересной вещью въ этомъ пріятномъ и интересномъ мірѣ. Это былъ добрѣйшей души человѣкъ, и перомъ своимъ онъ честно поддерживалъ устои семьи и брака, и враждебно относился ко всякимъ вѣяніямъ, подрывавшимся подъ всякія основы и требовавшимъ перемѣнъ... Но женщины, женщины влекли его къ себѣ неодолимо. Онъ наблюдалъ ихъ, думалъ о нихъ, любилъ ихъ общество, старался нравиться имъ и часто подолгу мечталъ о нихъ, мысленно оказывалъ имъ ласковое

покровительство, говорилъ имъ удивительныя, трогательныя слова, велъ съ ними нѣжную дружбу, любилъ ихъ и былъ ими любимъ.

Временами ему приходилось обуздывать свои мечты. Временами томленіе о женщинѣ овладѣвало имъ съ силой, какой онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ, и тогда онъ становился непослѣдовательнымъ и скрытнымъ... Его собственный полъ сравнительно меньше интересовалъ его. Даже такія отвлеченныя понятія, какъ доброта и справедливость, принимали въ его воображеніи женскій обликъ и на его письменномъ столѣ, за которымъ онъ писалъ свои критическія статьи, возсѣдала хорошенькая бронзовая дельфійская Сивилла...

Своимъ опытнымъ, внимательнымъ глазомъ онъ изучалъ каждое движеніе лэди Харманъ и его чуткое, изощренное ухо ловило всѣ ея слова и оттѣнки голоса, сообщавшія какую-то особую прелесть ихъ раговору. Въъ качествѣ свѣтскаго извѣстнаго писателя, онъ имѣлъ возможность видѣть и знакомиться со многими интересными женщинами. Но такой, какъ эта лэди Харманъ, ему не привелось еще встрѣтить. Она была красива, молода и свѣжа. Онъ давалъ ей не больше двадцати четырехъ лѣтъ... Держала она себя съ милой простотой, отчего казалась еще моложе своихъ лѣтъ, и съ достоинствомъ, какъ будто была гораздо старше, чѣмъ казалась. И такимъ здоровьемъ чудеснымъ вѣяло отъ нея... Такія женщины встрѣчаются иногда среди молодыхъ богатыхъ евреекъ, но въ лэди Харманъ ничего семитическаго не было, хотя она и была очень смуглой брюнеткой. Мистеръ Брумлей склоненъ былъ думать, что она итальянка... О ея богатствѣ можно было догадываться лишь по тѣмъ вещамъ, которыя были на ней—очень изысканнымъ и дорогимъ. Но держала она себя съ благородной скромностью и манеры ея были безукоризненны. Мистеръ Брумлей не ставилъ ей въ укоръ ея богатаго туалета—онъ любилъ роскошь и ничего не имѣлъ противъ дорогихъ мѣховъ...

Въ головѣ его быстро сложилась исторія, недалекая отъ дѣйствительности—о небогатой семьѣ, осиротѣвшей, быть можетъ, о бракѣ по разсчету въ семнадцать лѣтъ, и...

Наблюдательный умъ мистера Брумлея вилъ нить разсказа, а голосъ его тѣмъ временемъ не умолкалъ. Онъ искусно и полубезсознательно рисовался передъ своей посѣтительницей. Намеками, невольными признаніями, образными замѣчаніями опытнаго разказчика онъ увѣренными штрихами и какъ будто не замѣчая этого нарисовалъ передъ лэди Харманъ плѣнительную картину жизни двухъ возлюбленныхъ, счастливыхъ, беэпечныхъ, изъ которыхъ одна обречена была на смерть...

— Какое это, вѣроятно, счастье такъ начать жизнь,—проговорила лэди Харманъ съ тихимъ вздохомъ и мистеръ Бру-

мией задрожалъ отъ радости, что эта очаровательная женщина завидуетъ его Эфиміи.

— Да,—сказалъ онъ—у насъ была прекрасная весна...

— Жить душа въ душу,—продолжала она,—и въ такомъ очаровательномъ тихомъ уголкѣ...

Въ взаимоотношеніяхъ между двумя людьми всегда бываетъ такой періодъ, когда надо умѣть воспользоваться каждымъ благопріятнымъ мгновеніемъ, желая крѣпче завязать узелъ знакомства и дѣлать соотвѣтствующія случаю обобщенія. Продолжительный опытъ въ разговорахъ съ дамами изощрилъ чуткость мистера Брумлея. И онъ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти замѣтилъ:

— Жизнь порою—удивительная вещь!..

Лэди Харманъ подумала немного, видимо, вспоминая подтвержденіе этому изреченію, и сказала:

— Да,—очень странная...

— Человѣкъ теряетъ самое дорогое въ жизни,—продолжалъ мистеръ Брумлей—и ему кажется, что все потеряно, все кончено... И все-таки продолжаетъ жить...

— А другой начинаетъ жизнь, въ которой ему ничего не дорого,—проговорила лэди Харманъ и быстро замолкла, понявъ, что сказала слишкомъ много.

— Очевидно, инстинктъ жизни въ человѣкѣ... — началъ было мистеръ Брумлей, и остановился, какъ человѣкъ, подошедшій къ самому краю бездны.

— Одинъ человѣкъ живетъ надеждами,—сказала лэди Харманъ.—А другой и надеждъ никакихъ не питаетъ... А судьба готовитъ имъ обоимъ самыя неожиданные сюрпризы...

— Да, самые неожиданные,—повторилъ мистеръ Брумлей.

На нѣсколько мгновеній оба приникли къ этой мысли, какъ двѣ бабочки къ одному и тому же цвѣтку.

— Вотъ я и покидаю теперь этотъ домъ,—сказалъ въ заключеніе мистеръ Брумлей.—Буду нѣкоторое время жить въ Лондонѣ съ моимъ мальчикомъ. А затѣмъ, быть можетъ, поѣдемъ въ Германію, въ Италію, когда у него каникулы будутъ... Будемъ вдвоемъ путешествовать... Но жить намъ все-таки придется врозь. Раньше или позже ему придется жить съ товарищами, въ какой-нибудь школѣ... Пойдетъ своей дорогой...

— Тяжело вамъ будетъ въ одиночествѣ,—сочувственно замѣтила лэди Харманъ.

— Буду работать. — съ печальной отвагой отвѣтилъ мистеръ Брумлей.

— Да, конечно, ваша работа...

Она краснорѣчиво умолкла.

— Это большое счастье...

— Я бы очень хотѣла,—съ внезапной горячею искренностью въ голосѣ начала лэди Харманъ, и покраснѣла.—Я бы очень хотѣла заниматься какимъ-нибудь дѣломъ...

— Но у васъ, вѣроятно, разныя свѣтскія обязанности... Вѣдь это занимаетъ не мало времени...

— Да, конечно... Я просто—неблагодарная душа... У меня вѣдь и дѣти...

— У васъ дѣти, лэди Харманъ!

— Да, четверо...

Онъ былъ пораженъ.

— Ваши собственныя?

Она удивленно взглянула на него своими темно-карими глазами:

— Мои ли собственныя? Чьи же дѣти могутъ у меня быть?

Въ голосѣ ея дрогнулъ веселый смѣхъ.

— Я подумалъ... Быть можетъ, пасынки или падчерицы...

— О, нѣтъ, нѣтъ. Это мои собственныя дѣти... Всѣ четверо...

Она вопросительно смотрѣла на него и ждала дальнѣйшихъ вопросовъ.

— Какъ это странно,—промолвилъ онъ, какъ будто отвѣчая себѣ самому.—Вы такъ рано начали жизнь... Вы такъ еще молоды?..

— Я не такъ молода, какъ вы думаете... Мнѣ скоро двадцать шесть лѣтъ исполнится... Но несмотря на то, что у меня четверо дѣтей, отчего бы мнѣ, какъ женщинѣ, нельзя заниматься и какимъ-нибудь дѣломъ?..

— Я не могу представить себѣ болѣе достойнаго дѣла, какъ воспитаніе дѣтей...

Лэди Харманъ молчала. Она, очевидно, колебалась, сказать ли или не сказать то, что дрожало у нея на устахъ.

— Да, конечно... Но, когда въ домѣ цѣлая рать боннъ и нянь и когда у васъ нѣтъ полной свободы дѣйствій...

Она густо покраснѣла и оборвала неминуемыя дальнѣйшія признанія.

— Нѣтъ,—добавила она,—мнѣ хотѣлось бы заниматься своимъ какимъ-нибудь дѣломъ.

На этомъ мѣстѣ разговоръ ихъ прервался приходомъ шоффёра, чрезвычайно удивившимъ мистера Брумлея, но нисколько не смутившимъ лэди Харманъ.

Клараисъ подходилъ къ нимъ по зеленой лужайкѣ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ оглядывая прелестный садъ. Онъ поднесъ руку къ фуражкѣ, но не то, чтобъ прикоснулся къ

ней, а вѣрнѣе показалъ только, что могъ бы это сдѣлать, если бы нашелъ нужнымъ.

— Пора ѣхать, лэди,—сказалъ онъ.—Сэръ Айзексъ вернется съ пятичасовымъ поѣздомъ... Что же это будетъ, если онъ васъ дома не застанетъ и я на вокзалъ не поспѣю...

Какая-то совершенно исключительная для шоффера исполнительность!

— Неужели надо сейчасъ ѣхать, Клярансъ?—спросила лэди, взглянувъ на свои часы въ браслеткѣ.—Неужели вамъ надо два часа на то, чтобы...

— Даже больше, лэди,—отвѣтилъ Клярансъ,—развѣ только вы разрѣшите мнѣ съѣздить теперь по моимъ дѣламъ...

— Но вы должны непремѣнно выпить чашку чаю,—сказалъ м-ръ Брумлей.—И вы еще кухню не видѣли...

— И службы! Знаете, Клярансъ... Тогда уже поѣзжайте пока, куда вамъ надо...

— Но вы не будете, надѣюсь, меня попрекать: «О, Клярансъ!».

На это лэди Харманъ ничего отвѣтить не могла.

— Я пойду, скажу м-ссъ Раббитъ,—сказалъ м-ръ Брумлей и, неловко наступивъ на свои шнурки, споткнулся и полетѣлъ внизъ, съ искусственной скалистой горки.

— О!—воскликнула лэди Харманъ и всплеснула руками.

У него опять вырвалось восклицаніе, похожее на «чортъ побери!», но онъ въ тотъ же мигъ вскочилъ опять на ноги, съ забавной гримасой показалъ ей свои испачканныя землею ладони и быстро пошелъ къ дому, на этотъ разъ съ зелеными пятнами на колѣняхъ. Клярансъ, которому это маленькое несчастье, видимо, доставило огромное удовольствіе, медленно повернулся и направился по параллельной дорожкѣ къ кухнѣ, предоставивъ лэди Харманъ послѣдовать за нимъ, если ей угодно будетъ...

— Хотите чашку чаю? — бросилъ ему м-ръ Брумлей.

— О, съ величайшимъ удовольствіемъ,—снисходительно отвѣтилъ Клярансъ снисходительно-добродушнымъ тономъ, какимъ говорятъ съ забавнымъ чудакомъ, стоящимъ нѣсколькими ступенями ниже на общественной лѣстницѣ...

М-ссъ Раббитъ успѣла уже тѣмъ временемъ накрыть столъ на уютной верандѣ и обидѣлась, понявъ изъ словъ м-ра Брумлея, что онъ не разсчитывалъ на такую догадливость съ ея стороны.

Мистеръ Брумлей исчезъ на нѣсколько минутъ въ дверяхъ дома. И вернулся съ посвѣтлѣвшимъ лицомъ, чистыми руками, чистыми колѣнями и аккуратно завязанными шнурками. Лэди Харманъ уже сидѣла за столомъ и разливала чай.

— Дѣло въ томъ,—начала она, въ оправданіе своей милой

смѣлости,—что автомобиль долженъ ждать мужа на станціи. Ему, конечно, и въ голову не придетъ...

Она не договорила, предоставивъ мистеру Брумлею догадываться о томъ, что мистеру Айзэксу и въ голову не можетъ придти.

Въ этотъ вечеръ мистеръ Брумлей не въ силахъ былъ приняться за работу. Онъ чувствовалъ, что въ этотъ день произошло что-то въ его жизни. Онъ преувеличивалъ это въ сущности довольно незначительное событіе... Но не переставалъ думать о немъ. Онъ видѣлъ передъ собою стройную, закутанную въ мѣхъ фигуру лэди Харманъ, ея темные, искренніе глаза, нѣжныя очертанія ея рта и ея трогательную простоту, въ которой было столько достоинства и самообладанія... Онъ опять перебиралъ мысленно разговоръ о вывѣскѣ, и жадно, какъ голодный человѣкъ, подбирающій каждую крошку и каплю, выгребалъ изъ памяти новыя и новыя крохи воспоминаній. Сколько достоинства, ея чистосердечное, ласковое прощеніе... Ни одной королевѣ съ нею не сравниться!..

Онъ старался представить себѣ среду и обстановку, въ которой она живетъ... Вѣроятно, сѣрая, безвкусная жизнь среди горъ золота... Такая обстановка, послѣ которой Карпаччіо, Делла-Роббія, старинная мебель, скромный хорошенькій садикъ и духовная атмосфера—показались ей чѣмъ-то сказочнымъ, перенесли ее въ «другой міръ» (и за границей она никогда не была). Въ другой міръ, который такъ счастливъ будетъ принять ее, со всѣми ея мѣхами, богатствомъ, молодостью...

Теплый іюньскій вечеръ разжигалъ мечты м-ра Брумлея. Изъ всѣхъ временъ года больше всего дѣйствовала на мистера Брумлея весна. Она всегда будила новыя струи чувствъ въ его сердцѣ, какъ струи свѣжихъ соковъ въ деревьяхъ его сада.

Онъ просидѣлъ около получаса надъ начатой статьей о Шекспирѣ, не написалъ ни одной строки и рѣшилъ закончить этотъ день прогулкой, отложенной благодаря нежданному визиту...

Вспоминая опять разговоръ съ лэди Харманъ, онъ говорилъ себѣ, что былъ не на высотѣ своего положенія, что не сумѣлъ показать себя ей во всемъ блескѣ, и эта мысль мучила его.

Онъ шагалъ въ сумерки вдоль ограды сада и громко говорилъ съ летучей мышью, кружившей надъ его головою:

— Увижу ли я когда-нибудь опять эти глаза?..

Уже засыпая, онъ подумалъ, что она, навѣрно, сниметъ домъ и онъ много разъ еще увидитъ ее. Эта мысль открыла передъ нимъ перспективы новыхъ бесѣдъ съ нею, новыхъ возможностей сказать ей все то, что онъ не успѣлъ сказать ей сегодня... Онъ придумывалъ одну изящную фразу за другой, пока онѣ не запестрѣли торжественными и совсѣмъ интимными словами... Потомъ стройная связь между ними стала обрываться и мистеръ Брумлей, наконецъ, уснулъ.

Работа не клеилась и на слѣдующее утро. Онъ поѣхалъ завтракать въ клубъ, катался на велосипедѣ съ Гораціемъ Тумеромъ, перечиталъ послѣ чаю написанное наканунѣ стихотвореніе, нашелъ его блѣднымъ, сунулъ его въ ящикъ, и собравшись, наконецъ, съ мыслями, часа два до ужина работалъ надъ своей статьей о Шекспирѣ. Когда м-ссъ Раббитъ по привычкѣ, которую она переняла отъ покойной м-ссъ Брумлей, спросила, какъ идетъ его работа, онъ могъ съ чистой совѣстью отвѣтить ей:

— На всѣхъ парахъ!

II.

Удивительнѣе всего было, однако, то, что два факта, которые принято считать наиболѣе значительными въ жизни женщины, гораздо менѣе занимали воображеніе м-ра Брумлея, чѣмъ всякія ничтожныя подробности, связанныя съ образомъ лэди Харманъ. М-ръ Брумлей не задумывался вовсе надъ тѣмъ, что она была замужемъ и что у нея было четверо дѣтей. Еслибы онъ долго думалъ объ этомъ, это исказило бы образъ, сложившійся въ его воображеніи, и когда мысль его останавливалась на мужѣ и дѣтяхъ лэди Харманъ, то онъ думалъ только о томъ, какъ эти два обстоятельства мало необходимы для дополненія ея образа...

Тѣмъ не менѣе онъ пытался возстановить въ памяти все, что она сказала о своихъ дѣтяхъ. Но это ему не удавалось, хотя это были самыя простыя въ мірѣ слова...

— Случайное послѣдствіе этого замужества,—пытался м-ръ Брумлей объяснить существованіе дѣтей въ жизни лэди Харманъ.

... Дорогія бонны, гувернантки—все, что можно купить на деньги, и, навѣрно, еще и свекровь...

А этотъ Харманъ?..

Но тутъ воображеніе м-ра Брумлея оказывалось безсильнымъ: у него никакихъ данныхъ не было для возсозданія его образа. «Но, несомнѣнно,—говорилъ онъ себѣ,—банальный дѣлецъ, выдвинувшійся благодаря экономической эволюціи, замѣщающей мелкихъ торговцевъ синдикатами... Человѣкъ, быть можетъ, достойный сожалѣнія, рядомъ съ этимъ непони-

мающимъ себя божествомъ»... М-ру Брумлею очень понравилась мысль о непонимающемъ себя божествѣ, и лишь въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ дней сэръ Айзексъ занялъ болѣе замѣтное мѣсто въ плоскости его мыслей...

Кое-что онъ узналъ о немъ отъ своего пріятеля Горація Тумера. Онъ былъ такъ полонъ мыслями о лэди Харманъ, что ни о чемъ иномъ говорить не могъ.

— Я, вѣроятно, скоро сдамъ мой домъ,—сообщилъ онъ своему пріятелю.—Нѣкій Харманъ хочетъ его взять...

— Это не директоръ синдиката «Интернаціональныхъ булочныхъ»?

— Да... И какое странное совпаденіе... Меня такъ выводила изъ себя эта вывѣска...

— Говорятъ, у него очень хорошенькая жена и онъ держитъ ее подъ замкомъ...

— Она пріѣзжала осматривать домъ,—сказалъ Брумлей, считая лишнимъ подчеркнуть, что она пріѣзжала одна.

— Хорошенькая?..

— По моему, очаровательная...

— Онъ очень ревнивъ... Разсказываютъ, что шофферу наказано не возить ее по лондонскимъ улицамъ, только по окрестностямъ... Они живутъ въ большомъ безобразномъ домѣ въ Путней-Хиллѣ. Отвратительный онъ господинъ...

— Въ какомъ смыслѣ?..

— Да вообще... Разоряетъ мелкихъ торговцевъ... такъ, потѣхи ради... Онъ полуинвалидъ... какая-то застарѣлая болѣзнь, почекъ, кажется... Цѣлые дни иногда проводитъ въ постели, пьетъ Контрэксвилльи и строитъ планы, какъ разорять несчастныхъ людей... Но партія носится съ нимъ... И дворянство получилъ...

— Партіи нужны деньги...

— Онъ не очень щедръ... Но чего можно ждать отъ людей, которые...

Тумеръ закончилъ фразу нецензурнымъ эпитетомъ.

Это былъ любопытный типъ человѣка по природѣ циничнаго, грубаго, но тщательно вылощеннаго воспитаніемъ, образованіемъ и претвореннаго въ безукоризненнаго джентльмена. У него была неодолимая потребность сквернословить и грязнить все чистое, порядочное самыми отборными непристойными словами... И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жадно тянулся къ людямъ, которые были на виду, пользовались успѣхомъ, вліяніемъ... Самъ онъ утверждалъ свое положеніе на защитѣ общественныхъ и государственныхъ устоевъ и въ своемъ журналѣ «Britisch Critic» безпомощно нападалъ на все новое, молодое, на каждое благородное начинаніе, на все, что можно было

порочить и поносить безотвѣтственно... Харманъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, оскорблять которыхъ онъ считалъ и своимъ правомъ и задачей. Это былъ человѣкъ другого круга, предпріимчивый, новый и не имѣвшій еще большаго вѣса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ несмѣтно богатъ и надо было съ нимъ считаться. И знаменитый журналистъ и юмористъ расписывалъ его передъ Брумлеемъ съ безсильною радостью, плохо прикрываемой саркастическими ужимками...

— Я лично ничего противъ него не имѣю,—говорилъ онъ, затянувшись папироской и пуская дымъ тонкой струйкой.— Жена чуть ли не вдвое моложе его—понятно, что онъ ревниво оберегаетъ... Это еще ничего... А вотъ, какъ онъ дѣла свои ведетъ... Посудите сами: хлѣбъ, который печется гуртомъ и развозится, какъ газета, конечно, это не тотъ хлѣбъ, что пекли наши пекари въ доброе старое время, для каждаго покупателя по его вкусу... Теперь на эти большія предпріятія всѣ набросились. Это все изъ Чикаго идетъ... Синдикаты все теперь забрали въ свои руки: торговлю табакомъ, чаемъ, окороками, аптекарскими товарами, книжное дѣло... Люди гибнутъ, какъ мухи. Конечно, Харманъ не одинъ... Такихъ много. Приказчицы въ его булочныхъ, разумѣется, должны подрабатывать проституціей и законъ на ихъ сторону не станетъ... И потомъ, что онъ продѣлываетъ со своими вывѣсками!.. Вѣдь онъ дѣлалъ попытки водрузить эту вывѣску свою и на Шекспировской скалѣ въ Дуврѣ... Но ему не дали. А въ Тунбриджѣ на Тоадъ-Рокѣ она долго красовалась... Однако —изъ груди Тумера вырвался легкій вздохъ сожалѣнія—въ личной своей жизни онъ безупреченъ... Вѣроятно, благодаря слабому здоровью. Я наводилъ тщательныя справки, когда зашла рѣчь о возведеніи его въ дворянское достоинство... А до женитьбы онъ жилъ со своей матерью, въ Хайбюри,—жилъ очень скромно и просто.

— Значитъ, онъ не то чтобы пошловатый какой-нибудь дѣлецъ?

— Нѣтъ, скорѣе типа Рокфеллеровъ... Плохое здоровье, но большая работоспособность, организаторскій талантъ... Конечно, въ узкомъ, дѣловомъ смыслѣ... Я радъ, что я не какой-нибудь маленькій кондитеръ въ городѣ, на который онъ вздумалъ бы закинуть свой неводъ...

— Что же—выжига?

— Мелочный человѣкъ... А ужъ благородства отъ такихъ господъ ждать, конечно, нечего... Вы гдѣ пьете чай, въ клубѣ или дома?

Лишь долгую недѣлю спустя Бромлей дождался вѣсти о лэди Харманъ. Онъ начиналъ уже бояться, что она никогда больше не озаритъ его дома своимъ присутствіемъ. Наконецъ, онъ получилъ телеграмму, исполнившую его нетерпѣливаго

ожиданія. Телеграмма гласила: «Пріѣду въ субботу послѣ обѣда. Харманъ».

Мистеръ Брумлей тщательно пріодѣлся въ субботу утромъ, пробовалъ приняться за работу, но безуспѣшно. Мысль его напряженно подбирала концы прошедшаго разговора и завязывала ихъ съ началомъ предстоявшаго разговора въ изящные узлы. Онъ наводилъ ее мысленно на признанія и на полупризнанія своими искусными вопросами и отвѣтами. И не переставалъ думать объ этой удивительной, очаровательной женщинѣ, которую случай привелъ въ его домъ, а еще раньше приковалъ супружескими узами къ человѣку, къ счастью, однако, больному и больше, стало быть, другихъ смертныхъ подверженному закону смертности... Не надо забывать, что Брумлей былъ писатель, и мысль его всегда забѣгала впередъ, помимо его воли, сплетая всѣ событія его въ жизни въ литературныя фабулы...

О приближеніи автомобиля его возвѣстилъ громкій лай собаки, вслѣдъ за которымъ онъ услыхалъ и гулъ мотора.

Брумлей подбѣжалъ къ окну и, прячась за занавѣску, смотрѣлъ на быстро подъѣзжавшій къ подъѣзду блестящій экипажъ. Прежде, чѣмъ Клярансъ успѣлъ остановить машину, господинъ, съ просѣдью въ волосахъ, въ широкомъ мѣховомъ пальто, открылъ дверцы и соскочилъ на землю. Брумлей замѣтилъ его острый носъ и нѣсколько кривой, плотно сжатый ротъ. Онъ нетерпѣливо ждалъ появленія другого лица. Но ея не видно было... Неужели? Неужели это возможно?..

Блѣдный господинъ сбросилъ шубу на руки подоспѣвшаго Кляранса, который почтительно положилъ ее въ автомобиль и закрылъ дверцы. Мистеръ Брумлей не вѣрилъ своимъ глазамъ...

Вслѣдъ затѣмъ онъ услыхалъ низкій мужской голосъ, спрашивавшій о немъ у вышедшей на подъѣздъ м-ссъ Раббитъ. Нѣсколько мгновеній тишины, въ которой ухо тщетно ловило шорохъ женскаго платья, и, наконецъ, шаги м-ссъ Раббитъ за дверью.

— Чортъ побери!—пробормоталъ онъ съ досадой.

Ему и въ голову не приходило, что сэръ Айзексъ можетъ пріѣхать одинъ.

Но надо было сдать домъ, и сдать его сэру Айзэксу Харману, и черезъ минуту вполнѣ овладѣвшій собою писатель любезно разговаривалъ съ знаменитымъ дѣльцомъ. Онъ былъ на цѣлую голову ниже ростомъ Брумлея, тщательно выбритъ, въ темномъ изящномъ костюмѣ и аккуратно завязанномъ темномъ галстукѣ.

— Сэръ Айзексъ Харманъ?—привѣтливо спросилъ м-ръ Брумлей.

— Онъ самый,—отвѣтилъ сэръ Айзексъ, задыхаясь немного.—Вотъ пріѣхалъ посмотрѣть... Пожалуй, маловать домъ, но это бѣда поправимая...

— Очень радъ васъ видѣть, — выразительно промолвилъ Брумлей.

— Да... Милая пріемная... Очень.., И этотъ уголъ—недуренъ. Много тутъ комнатъ?..

Мистеръ Брумлей назвалъ первую цифру, какая пришла въ голову, и съ отчаяніемъ призывалъ мысленно м-ссъ Раббитъ, которая могла бы избавить его отъ всѣхъ возможныхъ затрудненій.

Наконецъ, сдѣлалъ надъ собою усиліе и сталъ давать посѣтителю объясненія. Сэръ Айзексъ слушалъ, роняя время отъ времени сквозь зубы какіе-то нечленораздѣльные звуки.

— Ванную придется передѣлать,—заговорилъ онъ внезапно.—Лэди Харманъ эта комната съ нишей очень понравилась, но какъ она мала!.. Милая комната, и хорошо вы ее обставили, но такая крохотная... Надо будетъ значительную пристройку сдѣлать... А это можетъ испортить стиль. А тамъ что? Бесѣдка? Гмъ! Гмъ! А это? Сарай? Пустой? Да, все это необходимо значительно расширить, увеличить...

Мистеръ Брумлей, повидимому, былъ для него только источникомъ отвѣтовъ на всѣ его вопросы, продавцомъ, который долженъ былъ назвать ему цѣну.

— Я лично сдѣлалъ бы, пожалуй, другой выборъ, но лэди Харманъ плѣнилась этимъ домомъ... Во всякомъ случаѣ, надо будетъ приспособить его къ нашимъ нуждамъ...

За все это время м-ръ Брумлей ни слова не промолвилъ объ Эфеміи, ни объ ихъ молодой любви, ни о другихъ воспоминаніяхъ, которыя хранилъ въ себѣ этотъ домъ. Онъ чувствовалъ, что на сэра Айзэкса это никакого впечатлѣнія не произведетъ... Онъ старался только дѣлать видъ, что ему совершенно безразлично — купитъ сэръ Айзэксъ этотъ домъ или нѣтъ... Онъ даже держалъ себя съ такимъ видомъ, будто такіе дома вовсе не рѣдкость и продажа его для него вопросъ второстепеннаго значенія. Цѣна имъ опредѣленная, и ниже этой цѣны воспитанный человѣкъ предлагать не станетъ... Когда они вышли въ очаровательный садъ, сэръ Айзексъ замѣтилъ:

— Да, еслибы его увеличить немного, то это былъ бы очень недурной садикъ...

Увидѣвъ гротъ, онъ добавилъ:

— А ночью это можетъ быть опасно...

Онъ мотнулъ головой на холмъ съ темнозелеными соснами:

— Можно бы прикупить или снять часть этой рощи и вытянуть немного садъ... Да, откровенно говоря, тутъ многаго не хватаетъ... Тѣсновато ужь очень...

Сэръ Айзексъ нѣсколько мгновеній внимательно разглядывалъ домъ и спросилъ:

— А какъ далеко отсюда до ближайшей желѣзнодорожной станціи?

М-ръ Брумлей обстоятельно отвѣтилъ.

— Четыре мили? И поѣзда не часты?.. Стало быть, лучше доѣзжать автомобилемъ до Гюйльдфорда, а тамъ экспрессомъ до Лондона... Гмъ... А какіе у васъ тутъ сосѣди?

М-ръ Брумлей назвалъ ему сосѣдей.

— Та-акъ. А офицеровъ поблизости нѣтъ? Гмъ... Лагерь въ Альдершотѣ... Въ одиннадцати миляхъ... Ну, а всякихъ литераторовъ, музыкантовъ, художниковъ—здѣсь, надѣюсь, нѣтъ?

— Кромѣ меня, кажется, никого больше нѣтъ,—съ комической серьезностью отвѣтилъ м-ръ Брумлей.

Сэръ Айзэксъ удивленно, будто вспоминая что-то, взглянулъ на него.

— Это, впрочемъ, неважно,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

М-ру Брумлею очень хотѣлось сейчасъ же повести его на холмъ и показать ему проѣзжую дорогу и вывѣску «Интернаціональныхъ булочныхъ». Но онъ только завелъ разговоръ о видѣ, открывавшемся съ холма, рѣшивъ предоставить сэру Айзэксу обратить вниманіе на достопримѣчательность этого вида.

— Ну, что же,—сказалъ вдругъ гость, поблѣднѣвъ отъ волненія, и часто дыша,—четыре тысячи фунтовъ?.. Это—цѣна крайняя.

— Это минимальная цѣна,—отвѣтилъ м-ръ Брумлей. Сердце его стучало.—Я человѣкъ непрактичный, ничего въ дѣлахъ не понимаю, но повѣренный мой говорилъ мнѣ... Вотъ, увидите сейчасъ, какой видъ съ этого холма...

— Дѣло въ томъ, что придется почти весь домъ перестроить.

— Вотъ!—сказалъ м-ръ Брумлей, указывая рукой въ пространство.

Сэръ Айзексъ брезгливо смотрѣлъ на бѣлый фасадъ дома. Мертвенная блѣдность его вдругъ смѣнилась легкимъ румянцемъ, окрасившимъ щеки, носъ, и даже уши.

— Да, въ концѣ концовъ, перестраивать можно и позднѣй...

М-ру Брумлею стоило труда не выдать своей радости.

Сэръ Айзэксъ взглянулъ по другую сторону холма, и выраженіе его лица мгновенно измѣнилось.

— Гмъ... Эта вывѣска—ни на что не похоже...

— Вотъ!—невольно воскликнулъ Брумлей, удивившись разумному слову, которое услыхалъ, наконецъ, отъ своего посѣтителя.

— Вы понимаете, въ чемъ дѣло?—сказалъ сэръ Айзексъ.

М-ръ Брумлей не безъ труда удержался отъ краснорѣчиваго отвѣта.

— Вывѣска должна быть здѣсь бѣлая,—продолжалъ сэръ 'Айзексъ—съ зеленымъ... Какъ объявленія совѣта Лондонскаго Графства на Хомпстэдъ-Хизъ... Чтобы бросалась въ глаза, ослѣпляла... Сюда такъ и просится яркая, ослѣпительная вывѣска... А это что? Все равно, какъ еслибы по коричневому цвѣтъ хакки...

Онъ обернулся за сочувствіемъ къ Брумлею.

— Еслибы вывѣски вовсе не видно было,—проговорилъ Брумлей.

— Только однѣ буквы?—подхватилъ сэръ Айзэксъ.—Нѣтъ, Нѣтъ, это тоже не годится...

Онъ чмокнулъ губами и опять сталъ внимательно вглядываться въ пейзажъ и взвѣшивать мысленно его достоинства и недостатки.

— Да, жена уже говорила мнѣ объ этой вывѣскѣ...—сказалъ онъ и, опять поглядѣвъ на домъ, добавилъ:

— Я бы и говорить не сталъ объ этой усадьбѣ, еслибы не леди Харманъ. Она очень понравилась ей... Ей хочется жить здѣсь въ лѣтніе мѣсяцы... Но я не вижу причины, почему бы не жить здѣсь всегда, если перестроить и увеличить домъ.

Онъ глубоко вздохнулъ нѣсколько разъ.

— Леди Харманъ вредно жить въ Лондонѣ...—проговорилъ онъ.

— Слабое здоровье?—быстро спросилъ Брумлей.

— Нѣтъ, здоровье у нея превосходное... Но она—молодая женщина... Поддается всякимъ вліяніямъ... Да, такъ вотъ—еще... насчетъ этого сарая... Еслибы его увеличить, соединить корридоромъ со службами, а кусты эти вырубить...

М-ръ Брумлей, едва слушая его, взволнованно думалъ о томъ, что леди Харманъ «поддается вліяніямъ»,—а сэръ Айзэксъ опять заговорилъ о цѣнѣ, когда они вдругъ увидали между выкрашенными въ бѣлый цвѣтъ стволами деревьевъ и домомъ какую-то, неопредѣленныхъ очертаній, пеструю массу. Брумлей съ недоумѣніемъ вглядывался въ нее и лишь, когда они подошли ближе къ дому, разглядѣлъ пышныя формы леди Бичъ-Мандаринъ, облеченныя въ свѣтло-голубое платье и увѣнчанныя большой черной соломенной шляпой, на которой красовалась цѣлая клумба маргаритокъ...

— Я могу пройти отсюда къ автомобилю? — сказалъ сэръ Айзэксъ.—У васъ гости...

— Но вы выпьете раньше чашку чаю,—сказалъ м-ръ Брумлей, которому очень хотѣлось привести въ большую или меньшую ясность вопросъ о цѣнѣ. И онъ коварно намекнулъ на обстоятельство, казавшееся ему неодолимо-соблазнительнымъ:

— Это очаровательная женщина!.. Моя пріятельница, леди Бичъ-Мандаринъ... Она будетъ въ восторгѣ...

— Не знаю, право...—отвѣтилъ сэръ Айзэксъ,—я и не одѣтъ подобающимъ образомъ...

Лицо его выражало неподдѣльный ужасъ передъ надвигавшейся на нихъ ярко-одѣтой дамой.

— Видите,—сказалъ м-ръ Брумлей, удерживая его руку въ своей.—Чему быть, того не миновать...

Лэди Бичъ-Мандаринъ въ своей широкополой шляпѣ, со своими бантами, развѣвающимися оборками, лентами, широкими рукавами, смѣлыми жестами, высокимъ голосомъ—представляла собою курьезную фигуру. Голубые глаза на выкатѣ, выдающійся впередъ подбородокъ, приподнятыя брови, вздернутый носъ, все въ ней, казалось, неудержимо стремилось куда-то вверхъ, возбуждаемое визгливымъ быстрымъ говоромъ, и цвѣтъ ея лица не уступалъ въ своей рѣзкой яркости ея быстрымъ порывистымъ движеніямъ... Вся она была—одно стремленіе куда-то, вся—одинъ порывъ. Лѣтъ въ пятнадцать она была вѣроятно, здоровой, веселой, цвѣтущей дѣвушкой, забавной и балованной... Роль шумнаго сорванца, видимо, пришлась ей по вкусу и она продолжала ее играть уже и въ годы почтенные, уже будучи дамой внушительной дородности...

— А! такъ-таки поймала васъ, мистеръ Брумлей!—кричала она имъ навстрѣчу.—Ну, бѣдный мой, теперь вы въ моихъ рукахъ...

И она пожала ему обѣ руки обѣими руками. М-ръ Брумлей поспѣшилъ высвободить одну руку и соотвѣтствующимъ обряду представленія движеніемъ указалъ на сэра Айзэкса.

— Мы съ мистеромъ Брумлеемъ старые друзья,—объяснила она сэру Айзэксу. — Знаемъ другъ друга уже много лѣтъ. И потому каждый разъ, когда онъ мнѣ нуженъ—онъ прячется отъ меня... Всегда... Инстинктомъ дружбы угадываетъ, что нуженъ мнѣ, и исчезаетъ съ моего горизонта...

Сэръ Айзэксъ чувствовалъ, что надо бы изъ вѣжливости вставить нѣсколько словъ, но не находилъ ни одного и молчалъ.

— Что вы... Развѣ я не всегда къ вашимъ услугамъ?—въ томъ же шутливо-оборонительномъ тонѣ отвѣтилъ м-ръ Брумлей.—И я даже не знаю пока, чѣмъ могу вамъ быть полезенъ...

Лэди Бичъ-Мандаринъ, обращаясь исключительно къ сэру Айзэксу, уже заговорила о шекспировскомъ базарѣ, который она устраивала въ сосѣдней деревушкѣ, и что мистеръ Брумлей (злющій господинъ), повидимому, не желаетъ дать ей нѣсколько своихъ книжекъ съ автографами для книжнаго кіоска... М-ръ Брумлей весело и умѣло отражалъ ея нападки. На

конецъ, они дошли до той самой веранды, на которой лэди Харманъ нѣсколько дней тому назадъ разливала чай.

Сэръ Айзексъ съ выразительной досадой на лицѣ слушалъ потокъ словъ лэди Бичъ-Мандаринъ, качалъ головой, бормоталъ: «Конечно, конечно»,—и не давалъ себѣ никакого труда скрывать свое желаніе удалиться какъ можно скорѣе. Онъ пилъ чай безъ всякаго удовольствія и раза два совершенно некстати вставилъ въ разговоръ замѣчаніе, что ему бы давно уже пора было уйти...—Но у лэди Бичъ-Мандирнъ были свои виды на него и она останавливала каждую его попытку встать и уйти.

Лэди Бичъ-Мандаринъ, какъ и многія англійскія дамы, очень увлекалась въ то время идеей созданія національнаго англійскаго театра, посвященнаго памяти Шекспира, и въ головѣ ея быстро созрѣлъ планъ использовать эту встрѣчу съ несмѣтно богатымъ сэромъ Айзэксомъ и заручиться его обѣщаніемъ содѣйствія достойному начинанію... Онъ и робѣлъ, и злился, и выражалъ явную готовность въ ближайшій же благопріятный мигъ сорваться съ мѣста и убѣжать. И лэди Бичъ-Мандаринъ рѣшила пустить въ ходъ все искусство, и очаровать его, и получить отъ него то, что ей нужно было... Она ему льстила, умасливала его, подкупала словами, взглядами, улыбочками... Она знала, что для этихъ новоиспеченныхъ милліонеровъ честь не малая видѣть у себя лэди Бичъ-Мандаринъ и не скрывала своего намѣренія почтить своимъ посѣщеніемъ его большой неуклюжій домъ въ Путней-Хиллѣ. Она вставила нѣсколько словъ о венеціанской и флорентійской республикахъ и напомнила, что «люди, подобные вамъ, стоявшіе во главѣ отечественной промышленности и торговли»—всегда были покровителями искусства... Кто больше Шекспира достоинъ просвѣщеннаго покровительства? Человѣкъ, располагающій такими огромными средствами, какъ сэръ Айзэксъ даже обязанъ поддержать національныя традиціи.

— Вы должны содѣйствовать нашему великому общему дѣлу!—многозначительно заключила она.

— Банковыми билетами?—буркнулъ сэръ Айзэксъ съ откровенной злобой пойманнаго звѣря.—Вы такъ вѣдь, очевидно, представляете себѣ мое участіе въ вашемъ комитетѣ.

— Намъ нужно ваше имя,—отвѣтила лэди Бичъ-Мандаринъ.—Въ вашемъ великодушіи я не сомнѣваюсь... Споспѣшествовать процвѣтанію искусства—достойная задача...

— Сто!—бросилъ онъ, вспыхнувъ до ушей.

— Гиней!—быстро и съ достойной ласковостью подхватила она.

Онъ тотчасъ вскочилъ, словно желая увильнуть отъ дальнѣйшихъ требованій, и она тоже встала.

— Я непремѣнно заѣду къ лэди Харманъ,—сказала она, честно, какъ ей казалось, отплачивая ему за его щедрость...

— Автомобиль меня ждетъ, извиняюсь,—пробормоталъ въ отвѣтъ сэръ Айзэксъ.

— У васъ навѣрно великолѣпный автомобиль,—продолжала лэди Бичъ-Мандаринъ.—Новѣйшей, вѣроятно, системы... Пойдемте, посмотримъ...—добавила она. И всѣ пошли процессіей смотрѣть автомобиль сэра Айзекса.

Лэди Бичъ-Мандаринъ восхищалась автомобилемъ, цвѣтомъ автомобиля, фонарями автомобиля, дверцами автомобиля и подушками автомобиля. Она восхищалась рожкомъ и формой рожка, и Кларансомъ, и одеждой Кларанса, и широкой шубой, которую онъ почтительно накинулъ на плечи своему хозяину... Еслибы у нея была такая шуба, сказала она, она носила бы ее мѣхомъ кверху. И когда автомобиль запыхтѣлъ, она пришла въ восторгъ отъ его пыхтѣнья, и когда онъ покатилъ къ воротамъ, она смотрѣла ему вслѣдъ и восхищалась номеромъ—900, такъ легко запомнить... И вдругъ оборвала потокъ своего краснорѣчія, какъ останавливаютъ воду, быстро завернувъ кранъ. Она была такъ же откровенна въ проявленіи своего цинизма, какъ и въ проявленіи всѣхъ другихъ своихъ чувствъ.

— Ну, вотъ,—сказала она, вздохнувъ съ облегченіемъ,—убила-таки бобра... Но пришлетъ ли онъ эти сто гиней, или придется еще, пожалуй, напомнить ему...

Она подумала немного и заговорила опять съ новымъ запасомъ нахлынувшихъ на нее мыслей...

— Отвратительная публика—эта плутократія... Не правда ли, м-ръ Брумлей?.. И потомъ, какъ этотъ господинъ, прославившійся своимъ хорошо выпеченнымъ хлѣбомъ, самъ-то остался такой недопеченый...

— Это занятный типъ,—замѣтилъ м-ръ Брумлей и поспѣшно добавилъ:—надѣюсь, дорогая леди Бичъ-Мандаринъ, вы не отложите въ долгій ящикъ своего визита лэди Харманъ... Это одна изъ интереснѣйшихъ женщинъ, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать... Поѣзжайте и познакомьтесь съ нею... Она совсѣмъ на него не похожа...

— Господи, да чего же можно ждать отъ жены такого человѣка?.. Ну, въ лучшемъ случаѣ, развѣ покорная жертва...

— Она очень хороша собою... Знаете, высокая стройная брюнетка...

Лэди Бичъ-Мандаринъ остановила на немъ свои большіе, голубые глаза.

— Вотъ оно что!—насмѣшливо протянула она.

— Меня интересуетъ просто несоотвѣтствіе этихъ двухъ супруговъ.

Лэди Бичъ-Мандаринъ отвѣтила выразительнымъ молчаніемъ. Сжала губы и, глядя на м-ра Брумлея въ упоръ, подняла пальчикъ и погрозила ему. Затѣмъ тихо вздохнула и, внезапно измѣнившись, измѣнившимся голосомъ замѣтила, что никогда еще піоны не цвѣли такъ пышно, какъ въ этомъ году.

— Я обожаю піоны,—сказала она, указывая на цвѣты.— Это—мой стиль!..

II.

Ровно три недѣли послѣ первой встрѣчи сэра Айзэкса Хармана и лэди Бичъ-Мандаринъ, м-ръ Брумлей завтракалъ у нея въ Темперлей-Скверѣ и много и оживленно говорилъ о Харманахъ.

Завтракали у лэди Бичъ-Мандаринъ по-семейному за круглымъ столомъ, такъ что она всѣхъ гостей своихъ видѣла передъ собою, какъ на ладони. Лэди Бичъ-Мандаринъ всегда внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы въ разговорѣ принимали участіе всѣ ея гости; исключеніе дѣлалось только для матери, которая была глуха, какъ дерево, и швейцарской гувернантки ея единственной дочери, Филисъ, одинаково непонятно изъяснявшейся на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Мать —древняя старушка—была когда-то пріятельницей Виктора Гюго и Альфреда Мюссэ и съ убійственной обстоятельностью разсказывала о частной жизни этихъ двухъ великихъ людей. Но никто ея не слушалъ и ничьей души ея литературныя воспоминанія не обогащали. Служили за столомъ большой смуглолицый внушительный дворецкій и молодой, нервный лакей. Гостями лэди Бичъ-Мандаринъ были въ этотъ день двѣ ея незамужнихъ кузины, именитый критикъ Тумеръ, писательница миссъ Шэрсперъ, которую Тумеръ терпѣть не могъ, и мистеръ Брумлей.

— Ну, что же, продали, наконецъ, домъ?—спросила хозяйка дома м-ра Брумлея...

— Помаленьку продаю...—отвѣтилъ м-ръ Брумлей.

— Что же, торгуется?..

— Какъ старьевщикъ... Еслибы вы видѣли, какъ онъ торгуется... Его въ жаръ и холодъ бросаетъ... Въ послѣдній разъ онъ предложилъ мнѣ включить въ инвентарь дома и всѣ садовыя принадлежности...

— Такой богатый человѣкъ могъ бы быть и покладистѣе и щедрѣе...

— Тогда онъ не былъ бы такъ богатъ,—замѣтилъ Тумеръ.

— А вамъ не тяжело, м-ръ Брумлей,—спросила одна изъ кузинъ лэди Бичъ-Мандаринъ, миссъ Персъ,—продавать домъ

эфеміи чужимъ людямъ?.. Вѣдь этотъ сэръ Айзэксъ, пожалуй, еще вздумаетъ перестраивать его.

— Да, конечно, это... это очень тяжело,—сказалъ м-ръ Брумлей, вспомнивъ прежнія свои признанія,—но я вѣрю въ чуткость и вкусъ лэди Харманъ.

— Вы ее опять видѣли?—спросила лэди Бичъ-Мандаринъ.

— Да... Они пріѣзжали нѣсколько дней тому назадъ. Эта чета меня все больше и больше занимаетъ... Они такіе разные...

— Онъ старше ея на восемнадцать лѣтъ, — вставилъ Тумеръ.

— Убѣжденнаго, искренняго феминиста эта пара не можетъ не интересовать,—сказалъ м-ръ Брумлей тономъ безстрастнаго наблюдателя.—Это ясно, какъ день, что онъ широко пользуется всѣми преимуществами своего положенія... Онъ — ея собственникъ, ея сторожъ, упорный, хитрый и искусный тиранъ... Держитъ онъ себя съ нею, какъ съ дѣвочкой только, только что переставшей носить короткія платья...

— Они уже лѣтъ шесть, семь женаты... Ей было восемнадцать лѣтъ, когда она вышла за него замужъ...—опять вставилъ Тумеръ.

— Они осматривали вдвоемъ домъ, и на каждое ея замѣчаніе онъ отвѣчалъ насмѣшкой... Вышучивалъ каждое ея слово... И все время называлъ ее «лэди Харманъ»... Но, видно что все, что она говорила, онъ наматывалъ себѣ на усъ... Очень забавная, занятная пара.

— Да, въ сущности, надо бы запретить выходить замужъ раньше двадцати - пяти лѣтъ...—замѣтила лэди Бичъ-Мандаринъ...

— О, это только повело бы къ безчисленнымъ романическимъ осложненіямъ, — сказала писательница миссъ Шэрсперъ.—Восемнадцатилѣтнія не станутъ мириться съ какими-либо ограниченіями и будутъ всячески обходить законъ...

Глухая мать лэди Бичъ-Мандаринъ, уловивъ слова замужество, бракъ, сочла нужнымъ добавить, что «конечно, нельзя было стѣснять сердечные порывы Виктора Гюго...».

Мистеръ Брумлей слушалъ этотъ перекрестный разговоръ. Онъ перенесся мысленно въ свой домъ и вспоминалъ подробности второго визита лэди Харманъ. Въ первый разъ она вошла къ нему сіяющимъ, раскрывшимся цвѣткомъ, но во второй разъ уже сверкающіе лепестки были тусклы и недвижны. Она не казалась угнетенной, она не робѣла, но какъ-то вся замкнулась и свою трогательную довѣрчивость и общительность прятала за непроницаемой сдержанностью... Но вмѣстѣ съ тѣмъ м-ръ Брумлей чувствовалъ, что этой броней достойной молчаливости она ограждала себя не отъ него, а отъ не-

ловкихъ и грубыхъ замѣчаній мужа. Когда зашла опять рѣчь о цѣнѣ, глаза ея скрестились съ глазами м-ра Брумлея.

— Да, конечно,—произнесъ онъ,—выплывая вновь на поверхность общаго разговора.—Такая женщина должна проложить себѣ с в о ю дорогу въ жизни...

— Королева Мери?.. Должна проложить себѣ свою дорогу въ жизни!..—воскликнула миссъ Шэрсперъ.

— Королева Мери?—удивился м-ръ Брумлей.—Нѣтъ—лэди Харманъ.

— Я говорила о королевѣ Мери,—отвѣтила писательница.

— А м-ръ Брумлей думалъ о леди Харманъ,—объяснила лэди Бичъ-Мандаринъ.

— Да, сознаюсь—не могу не думать о ней... Она не совсѣмъ обычная женщина... И въ личной ея женской жизни не все, повидимому, гладко...

— Я никогда ея не видѣла... Она хороша собой?—освѣдомилась Шэрсперъ.

— Я не видѣла ея,—отвѣтила лэди Бичъ-Мандаринъ.—Это м-ръ Брумлей открылъ ее.

—Вы еще не были у нея?—спросилъ онъ съ легкой укоризной.

— Знаете, я—у меня не хватило отваги... Но вы оживили мое любопытство... Почему бы, скажемъ, сегодня же, кое-кому изъ насъ...

Она ухватилась за осѣнившую ее внезапно мысль.

— Поѣдемъ!—воскликнула она.—Поѣдемъ всѣ къ женѣ этого чудовища... Поѣдемъ всѣ вмѣстѣ въ большомъ автомобилѣ...

Тумеръ замѣтилъ, что его эти люди мало интересуютъ.

— А вы, Сусанна?

Миссъ Шэрсперъ заявила, что поѣдетъ съ величайшимъ удовольствіемъ... Какъ писательница, она рада каждой возможности понаблюдать интересныхъ людей... Обѣ кузины отказались отъ поѣздки: имъ надо было дѣлать покупки.

— Ну, значитъ, насъ трое будетъ,—сказала хозяйка дома. —Если мы вернемся цѣлыми и невредимыми, мы разскажемъ вамъ о нашихъ приключеніяхъ. Я думала эти дни объ вашей красавицѣ въ терему... Но я хотѣла поѣхать къ ней съ Агатой Алимони... Она имѣетъ удивительное вліяніе на этихъ угнетенныхъ женщинъ...

— Ну, нѣтъ,—она, во всякомъ случаѣ, не производитъ впечатлѣнія угнетенной женщины,—возразилъ м-ръ Брумлей.—Это вотъ и интересно...

— Ну, и что же мы тамъ будемъ дѣлать?—воскликнула лэди Бичъ-Мандаринъ.—Этого мало—просто пріѣхать съ визитомъ... Нельзя ли намъ увести ее съ собою, м-ръ Брумлей?..

Я бы хотѣла войти къ ней и прямо сказать ей: Слушайте. Я стою за васъ... Мужъ вашъ—тиранъ. Я вамъ окажу и помощь, и поддержку. Я—женщина чуткая, женщина съ широкими взглядами... Бѣгите изъ-подъ ярма этого недостойнаго человѣка...

— Я себѣ представляю ваше бѣгство,—сказалъ Тумеръ.—Газеты отводятъ этому событію цѣлые столбцы... Заглавія статей печатаются аршинными буквами. «Умыканіе жены извѣстнаго булочника лэди Бичъ-Мандаринъ. Похищенная булочница стоитъ на палубѣ Дуврскаго пароходнаго общества»... Газеты воспроизводятъ ея портреты. Послѣ ожесточеннаго боя бѣглянка возвращена ея законному мужу. Брумлей, извѣстный писатель, потрясенный неожиданнымъ исходомъ...

— Какія мы всѣ глупости говоримъ,—прервала его лэди Бичъ-Мандаринъ.—Но какъ бы тамъ ни было—мы ѣдемъ... И вотъ, что я сдѣлаю... Я приглашу ее къ себѣ завтракать...

— Только безъ него, пожалуйста!—добавилъ м-ръ Брумлей.

Когда м-ръ Брумлей подумалъ о томъ, какой смыслъ имѣетъ въ сущности эта поѣздка, онъ почувствовалъ угрызенія совѣсти. Харманы невольно сдѣлали его свидѣтелемъ своихъ семейныхъ несогласій, и въ томъ, что онъ предалъ огласкѣ свои наблюденія, была, конечно, своего рода измѣна... Кромѣ того, какъ ему ни хотѣлось увидѣть лэди Харманъ, онъ сознавалъ теперь, что не слѣдовало для этого ѣхать къ ней въ обществѣ шумной, говорливой лэди Бичъ-Мандаринъ и миссъ Шэрсперъ, которая будетъ наблюдать ее съ профессіональнымъ интересомъ. Но когда эти мысли пришли ему въ голову, шофферъ лэди Бичъ-Мандаринъ уже мчалъ ихъ всѣхъ трехъ съ бѣшеной быстротой по дорогѣ въ Путней...

— Пріѣхали—шаловливо вскрикнула лэди Бичъ-Мандаринъ, когда автомобиль въѣхалъ въ ворота.

М-ръ Брумлей быстрымъ взглядомъ окинулъ большой грузный домъ, увитый плющемъ, и помогъ дамамъ выйти изъ экипажа.

Они вышли втроемъ на широкія ступени подъѣзда и м-ръ Брумлей позвонилъ. Имъ долго не открывали. Наконецъ тяжелая дверь распахнулась и на порогѣ показался высокій желтолицый, съ песочнаго цвѣта бакенбардами лакей и смѣрилъ ихъ внимательнымъ взглядомъ. На вопросъ—дома ли лэди Харманъ, онъ отвѣтилъ лишь, подумавъ немного... Ему надо было, очевидно, рѣшить—должна и можетъ ли она принять этихъ посѣтителей.

Гостей ввели въ обширный вестибюль съ красивой дубовой лѣстницей и длиннымъ коридоромъ, увѣшаннымъ дорогими смирнскими коврами, затѣмъ въ большую комнату, выходившую четырьмя зеркальными окнами на веранду и въ густой

цвѣтущій садъ. Комната заставлена была тяжелой дорогой мебелью. Въ обстановкѣ этой комнаты и тѣни не было вульгарности, какой ждалъ м-ръ Брумлей,—но это была только тщательно подобранная коллекція отмѣнно дорогихъ вещей. Было здѣсь и нѣсколько превосходныхъ вещей: три большихъ стола, окованныхъ мѣдью, письменный столикъ эпохи королевы Анны, нѣсколько прелестчыхъ цвѣтныхъ гравюръ, зеркало въ чеканной золотой оправѣ и двѣ большихъ вазы изъ французскаго фарфора, которыя тотчасъ бросились въ глаза миссъ Шэрсперъ, знавшей толкъ въ этихъ вещахъ... Посреди этой коллекціи цѣнныхъ предметовъ стояла лэди Харманъ въ бѣломъ платьѣ, скромная, сдержанная, достойная и съ такимъ видомъ, словно и она тоже была гостьей въ этой великолѣпной комнатѣ...

Длинный лакей назвалъ лэди Бичъ-Мандаринъ и медленно удалился.

— Я такъ много слышала о васъ,—начала лэди Бичъ-Мандаринъ, протягивая руку лэди Харманъ.—И я—пріѣхала къ вамъ... М-ръ Брумлей...

— Лэди Бичъ-Мандаринъ познакомилась у меня съ сэромъ Айзэксомъ,—пояснилъ м-ръ Брумлей.

Миссъ Шэрсперъ поклонилась съ такимъ видомъ, словно по забавной случайности попала сюда.

— Какой у васъ прелестный садъ,—начала лэди Бичъ-Мандаринъ.—И какое великолѣпное мѣстоположеніе! И воздухъ какой! На самой окраинѣ Лондона, куда въ любое время можете перенестись въ вашемъ великолѣпномъ автомобилѣ. Вы часто, вѣроятно, ѣздите въ Лондонъ?

— Нѣтъ, не очень часто,—отвѣтила лэди Харманъ. Она подумала немного, провѣрила свой отвѣтъ и повторила уже твердо, убѣжденно:—Нѣтъ, не очень часто...

— Но вы должны, должны бывать въ обществѣ... Вы не имѣете права прятаться отъ насъ... Я говорила уже сэру Айзэксу... Я обратилась къ нему, обращаюсь теперь къ вамъ... Вы не имѣете права скрывать свои таланты... Вы, богатая, молодая, блестящая, красивая женщина... Но если я буду продолжать въ такомъ тонѣ, то это похоже будетъ на лесть,—добавила она съ очаровательной улыбкой. — Съ сэромъ Айзэксомъ я уже столковалась... Я взяла съ него обѣщаніе внести сто гиней въ пользу шекспировскаго общества и свое имя въ списокъ членовъ... Я хочу, чтобы и ваше имя красовалось на нашемъ спискѣ... Вы не откажете, я знаю... Разрѣшите, внести ваше имя и я скромно удалюсь...

— Но развѣ одного его имени недостаточно?—спросила лэди Харманъ...

— Конечно, нѣтъ... Въ дѣлахъ, понятно довольно и одной

его подписи... Но тутъ это половина имени—безъ вашего... Я, какъ и наша незабвенная дорогая королева Викторія, хочу, чтобы и женщины выступали на общественной аренѣ...

— Но въ такомъ случаѣ...—нерѣшительно проговорила лэди Харманъ,—я думаю, однако, что сэръ Айзэксъ...

Она остановилась. И вдругъ какое-то странное волненіе овладѣло м-ромъ Брумлеемъ. Онъ чувствовалъ, что съ совершенно неумѣстнымъ и невольнымъ вниманіемъ глядитъ на лэди Харманъ и что взглядъ ея, оторвавшись отъ лэди Бичъ-Мандаринъ, потянулся почему-то къ крайнему окну... И, слѣдя за ея взглядомъ, онъ увидалъ,—ему показалось, что онъ увидалъ,—стоявшаго на верандѣ сэра Айзэкса, съ бѣлымъ, какъ смерть, гнѣвнымъ, негодующимъ лицомъ... Если это былъ сэръ Айзэксъ, то онъ отпрянулъ назадъ съ изумительной быстротой; если это былъ призракъ, то онъ исчезъ съ недостаточнымъ для призрака проворствомъ... Снаружи донесся стукъ упавшей цвѣточной кадки. М-ръ Брумлей быстро взглянулъ на лэди Бичъ-Мандаринъ, но она была слишкомъ поглощена разматываніемъ клубка своего краснорѣчія, а миссъ Шэрсперъ внимательно разглядывала въ лорнетъ черный лакированный столикъ... И м-ръ Брумлей съ облегченіемъ перевелъ взглядъ на лэди Харманъ. Ему пріятно было чувствовать себя единственнымъ, знавшимъ ея тайну, и онъ любовался ея самообладаніемъ...

— Но, дорогая лэди Харманъ,—заговорила въ это мгновеніе лэди Бичъ-Мандаринъ,—вамъ совершенно незачѣмъ спрашивать разрѣшенія у сэра Айзекса...

— Я увѣренъ, что сэръ Айзэксъ ничего противъ этого имѣть не будетъ—вставилъ м-ръ Брумлей, чувствуя, что надо такъ или иначе вмѣшаться въ разговоръ:—я увѣренъ, что...

Въ гостиную вошелъ лакей съ желтыми бакенбардами.

— Чай прикажете подать въ саду?—спросилъ онъ тономъ человѣка, знающаго уже, какой долженъ послѣдовать отвѣтъ.

— Да, да, въ саду, пожалуйста!—воскликнула лэди Бичъ-Мандаринъ.—Какъ это очаровательно имѣть садъ, такъ близко отъ Лондона, садъ, въ которомъ можно пить чай... И гдѣ на васъ не летитъ со всѣхъ сторонъ копоть...

Она направилась къ террассѣ.

— Какой великолѣпный садъ! Какой просторъ! У васъ тутъ, вѣроятно, нѣсколько десятинъ земли?..

Она съ видомъ знатока разглядывала садъ. Взглядъ ея задержался на мгновеніе на темной тѣни, скользившей за стѣною сиреневыхъ кустовъ.

— Это не нашъ дорогой сэръ Айзэксъ?

— Врядъ ли...—спокойно и любезно отвѣтила лэди Хар-

манъ.—Да, подъ большими кипарисами накройте столъ... И попросите сюда маму и сестру...—сказала она лакею.

Лэди Бичъ-Мандаринъ, выразивъ свое восхищеніе общей картиной сада, разсыпалась теперь въ восторгахъ передъ каждой его составной частью. Она подобрала свои широкія юбки и двинулась впередъ, напоминая своей круглой фигурой медленно снимающійся воздушный шаръ. М-ръ Брумлей шагалъ, какъ пажъ, позади нихъ, а миссъ Шэроперъ, окинувъ еще однимъ быстрымъ взглядомъ комнату,—какъ школьникъ, не твердо выучившій урокъ, заглядываетъ передъ вызовомъ въ учебникъ, тоже вышла въ садъ, во всеоружіи своего наблюдательнаго таланта...

Лэди Харманъ предложила пойти направо, къ группѣ чудесныхъ кипарисовъ, дававшихъ иллюзію какого-то итальянскаго уголка, но лэди Бичъ-Мандаринъ во что бы то ни стало хотѣла пойти налѣво, къ приковавшимъ почему-то ея вниманіе кустамъ сирени, и спорить съ нею было безполезно... М-ру Брумлею показалось—онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ,—что темная тѣнь за кустами вдругъ приникла къ землѣ и куда-то сгинула... Онъ быстро взглянулъ на лэди Харманъ, но она едва успѣвала отвѣчать на вопросы, любезности и комплименты лэди Бичъ-Мандаринъ.

— Не взыщите за мое любопытство,—говорила она—но сады—моя слабость... Когда я попадаю въ какой-нибудь садъ, мнѣ хочется каждый уголокъ осмотрѣть... Мнѣ кажется, я тогда лишь узнаю васъ хорошо, когда буду знать досконально, какіе предметы васъ окружаютъ...

М-ръ Брумлей уловилъ улыбку, быстро пробѣжавшую по лицу лэди Харманъ.

Лэди Бичъ-Мандаринъ обошла сиреневую аллею и быстро пошла дальше къ лавровымъ кустамъ. Лэди Харманъ увѣряла ее, что тамъ уже кромѣ сикоморъ и ограды ничего нѣтъ, но лэди Бичъ-Мандаринъ нашла необходимымъ пробраться по узкой тропинкѣ между лавровыми кустами къ оградѣ и взглянуть на садъ съ той стороны... И такимъ образомъ они набрели на покрытый мохомъ сарайчикъ.

— О, какая прелесть!—не преминула воскликнуть лэди Бичъ-Мандаринъ.—Заглянемъ туда—тамъ, вѣроятно полно привидѣній и грибовъ... Я хочу, хочу посмотрѣть!..

— Онъ, кажется, запертъ,—сказала лэди Харманъ.

Мистеръ Брумлей двинулся впередъ, тронулъ дверь и тотчасъ отошелъ отъ нея.

— Заперто!—сказалъ онъ, заграждая лэди Бичъ-Мандаринъ дорогу.

— И потомъ здѣсь грибовъ нѣтъ,—замѣтила лэди Харманъ.—Они здѣсь не ростутъ... Къ большой досадѣ мужа...

Наконецъ, они пришли къ кипарисамъ, гдѣ ихъ ждалъ накрытый столъ, плетеныя соломенныя кресла, лакей и двѣ дамы...

Но м-ръ Брумлей поглощенъ былъ мыслями о только-что сдѣланномъ наблюденіи: въ сарайчикѣ, покрытомъ мхомъ, кто-то былъ, и вовсе дверь не была заперта... Онъ солгалъ, сказавъ это... Замокъ и ключъ валялись на землѣ, и когда онъ прикоснулся къ двери, она было подалась и тотчасъ же быстро и беззвучно прихлопнулась. Вдобавокъ, онъ отчетливо слышалъ частое, хриплое дыханіе за дверью... Такъ не дышутъ никакія насѣкомыя, водящіяся во мху...

Каждая подробность этого внезапнаго визита только усиливала интересъ м-ра Брумлея къ лэди Харманъ. Таинственный домикъ подъ мхами, и эти сестра и мать, такъ выгодно оттѣнявшія собою образъ лэди Харманъ. Мать, м-ссъ Соубриджъ, отъ которой лэди Харманъ унаслѣдовала лишь стройную фигуру и красивую посадку головы, была бѣлокурая женщина, непріятно-жеманная, приторно-любезная, въ тщательно-обдуманномъ полутраурномъ туалетѣ—сѣромъ съ лиловымъ. Сестра, тоже смуглолицая брюнетка, была повидимому, много старше лэди Харманъ. Лицо у нея, при довольно правильномъ профилѣ, было не тонкое, не одухотворенное, и фигурой она была значительно полнѣе, солиднѣе сестры Держали онѣ себя обѣ, м-ссъ и миссъ Соубриджъ, съ такимъ видомъ, какъ будто добровольно ради блага лэди Харманъ обрекли себя на жертву, на низшее общественное положеніе... Обѣ онѣ, какъ показалось м-ру Брумлею, попытались было оказать сопротивленіе атакѣ лэди Бичъ-Мандаринъ, словно стоящія на якорѣ суда напору пѣнной волны, но, убѣдившись скоро въ безполезности своей попытки, покорились чарамъ ея краснорѣчія... Отъ болѣе подробныхъ наблюденій отвлекло м-ра Брумлея то соображеніе, что онъ единственный представитель сильнаго пола среди пяти женщинъ, и онъ счелъ своимъ долгомъ помочь лэди Харманъ разливать чай и передавать чашки и тарелки... Чайный сервизъ былъ не только изъ чистаго серебра, но, на быструю и вѣрную оцѣнку миссъ Шэрсперъ, и очень старинный и дорогой.

Лэди Бичъ-Мандаринъ, нахваливъ опять, уже м-ссъ Соубриджъ, домъ и садъ, и кипарисы, и чайный сервизъ, направила всѣ свои старанія на утвержденіе дальнѣйшаго знакомства съ леди Харманъ. Она вернулась къ вопросу о Шекспировскомъ обществѣ и, желая заручиться поддержкой м-ссъ Соубриджъ, предложила и ей вступить въ «нашъ комитетъ».

М-ссъ Соубриджъ, польщенная предложеніемъ, пріятно улыбнулась и отвѣтила, что она въ Лондонѣ временно, въ го-

стяхъ и тотчасъ же согласилась съ лэди Бичъ-Мандаринъ, что лэди Харманъ нѣтъ вовсе надобности испрашивать согласія мужа на вступленіе въ члены этого общества...

— Ну, вотъ,—я внесу эти сто гиней отъ вашего имени, и отъ вашего мужа,—сказала лэди Бичъ-Мандаринъ.—Но, дорогая лэди Харманъ, намъ бы очень желательно было, чтобы вы принимали непосредственное участіе въ работѣ нашего комитета...

Лэди Харманъ выразила сомнѣніе въ своей достаточной подготовленности для такого дѣла...

— Ты должна вступить въ этотъ комитетъ, Элла, — заговорила, наконецъ ,и миссъ Соубриджъ, тономъ, какимъ говорятъ о нѣкоемъ обязательномъ общественномъ служеніи.

«Элла?—подумалъ м-ръ Брумлей.—Что это—уменьшительное отъ Элеоноры или Елены?... Или это такое имя—Элла?..

— Но что же я могу тамъ дѣлать?—возразила лэди Харманъ, очевидно, впрочемъ, уже заинтересованная этимъ предложеніемъ.

— Я буду вашей руководительницей на первыхъ порахъ, —великодушно обѣщала ей лэди Бичъ-Мандаринъ.

— Элла очень мало выѣзжаетъ,—замѣтила миссъ Соубриджъ, обращаясь къ миссъ Шэрсперъ, такъ пристально смотрѣвшей на нее, словно сосчитывала мысленно всѣ черточки ея лица.

— Это нехорошо... Необходимо бывать въ обществѣ,—отвѣтила писательница, быстро собравшись съ мыслями.

— И самостоятельно!—выразительно подчеркнула миссъ Соубриджъ.

— И самостоятельно,—поддержала ее миссъ Шэрсперъ.

Лэди Вичъ-Мандаринъ между тѣмъ уже шагнула дальше и подошла вплотную къ приглашенію на завтракъ.

— Да,—говорила она,—разъ въ недѣлю я разлучаю мужей съ женами... Пріѣзжайте одна...

М-ру Брумлею ясно было, какъ день, что лэди Харманъ очень хотѣлось поѣхать одной и что она охотно приняла бы предложеніе, и ясно было также, что и она, и мать, и сестра видятъ въ этомъ большое дерзновеніе... Когда этотъ вопросъ былъ исчерпанъ, лэди Бичъ-Мандаринъ восторженно заговорила объ обществѣ «Добрыхъ друзей», о своихъ очаровательныхъ пріятельницахъ, изъ которыхъ каждая посвящала добрую часть своего времени лондонскимъ бѣднымъ дѣвушкамъ, приказчицамъ и мастерицамъ... Для этихъ дѣвушекъ устраивались особыя угощенія, дамы, члены общества, заводили съ ними знакомство, дружбу, бесѣдовали съ ними на разныя темы и давали имъ понять, что «Общество Друзей» радѣетъ объ ихъ интересахъ и можетъ быть имъ гораздо полезнѣе соціализма

и радикализма и всякихъ революціонныхъ идей... Лэди Харманъ должна была вступить и въ это общество...

— Среди нихъ встрѣчаются совсѣмъ приличныя дѣвушки, —замѣтила м-ссъ Соубриджъ...

— Очень,—подхватила лэди Бичъ-Мандаринъ. — И онѣ такъ много работаютъ... Ихъ вездѣ эксплоатируютъ, особенно въ кондитерскихъ...—она спохватилась.—Конечно, въ разныхъ маленькихъ кондитерскихъ!—И поспѣшно добавила:—Когда вы пріѣдете ко мнѣ завтракать, вы увидите Агату Лимони... Какъ я жажду васъ познакомить съ Агатой Лимони.

— Это та *самая* Агата Лимони?—быстро спросила миссъ Соубриджъ.

— Одна и единственная,—съ очаровательной улыбкой отвѣтила ей лэди Бичъ-Мандаринъ.—Что это за женщина, если-бы вы знали! Она будетъ для васъ откровеніемъ, лэди Харманъ...

Разговоръ катился, какъ по рельсамъ.

— Ну, а теперь,—сдѣлавъ умиленное лицо, промолвила лэди Бичъ-Мандаринъ насыщеннымъ нѣжностью голосомъ,—а теперь покажите мнѣ вашихъ цыплятъ...

Дамы, молча, вопросительно посмотрѣли на нее.

— Вашихъ цыплятъ,—зажурчалъ опять голосокъ лэди Бичъ-Мандаринъ.—Маленькихъ вашихъ цыплятъ...

—О!—воскикнула лэди Харманъ, догадавшись наконецъ. —Дѣтей?

— Счастливица,—вздохнула лэди Бичъ-Мандаринъ.—Ну, да, конечно, дѣтей... Я даже не представляю себѣ, какъ бы я могла завязать дружбу съ какой-нибудь женщиной, не видѣвъ ея дѣтей,—добавила она.

— Какъ это тонко сказано!—шепнула м-съ Соубриджъ м-ру Брумлею.

— Да, очень,—разсѣянно пробормоталъ онъ въ отвѣтъ.

Въ это самое мгновеніе онъ опять замѣтилъ сэра Айзэкса скользившаго змѣей за сиреневыми кустами и внезапно вновь нырнувшаго куда-то.

М-ръ Брумлей чувствовалъ, что, если лэди Бичъ-Мандаринъ увидитъ его, неминуемо произойдетъ что-то нелѣпое.

Но лэди Харманъ увела своихъ гостей въ домъ смотрѣть дѣтей.

— Милыя!—восторженно вскрикнула лэди Бичъ-Мандаринъ, едва передъ ними открылась дверь въ дѣтскую.—Милыя крошки!

Это была большая свѣтлая комната, съ пестрыми рисунками на стѣнахъ и широкимъ фризомъ, изображавшимъ разныя смѣшныя сценки изъ жизни домашнихъ животныхъ. Мебель напоминала эстетично-обставленную комнату образцовой

санаторіи. Низенькіе дѣтскіе стулья и столики выкрашены были въ блѣдно-зеленый цвѣтъ, полъ устланъ линолеумомъ и бѣлыми мѣховыми коврами. Сходство съ санаторіей усугублялось еще присутствіемъ двухъ вышколенныхъ, одинаково одѣтыхъ, проворныхъ боннъ, изъ которыхъ одна, повидимому, была старшей, а вторая—ея помощницей...

Три маленькихъ цвѣтущихъ дѣвочки-погодки встали навстрѣчу гостямъ. Неопредѣленнаго возраста малышъ, не обращая на нихъ никакого вниманія, продолжалъ кататься по мѣховому ковру...

— Ах-! Ахъ!—пищала лэди Бичъ-Мандаринъ, подходя къ дѣтямъ.—Дайте васъ обнять, мои крошки!

Прежде чѣмъ она успѣла опуститься на колѣни и привлечь къ себѣ оробѣвшихъ дѣтей, м-ръ Брумлей успѣлъ замѣтить, что это очень миленькія дѣвочки, но далеко не такія красивыя, какихъ можно было ждать отъ такой матери, какъ лэди Харманъ. Не трудно было уловить на ихъ дѣтскихъ личикахъ общую черту сходства съ сэромъ Айзексомъ—острый, выдававшійся впередъ носъ... И м-ръ Брумлей съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтилъ эту черту сходства. Онъ быстро взглянулъ на лэди Харманъ, любезно, вѣжливо слушавшую восторженныя изліянія, но никакихъ растроганныхъ, материнскихъ чувствъ въ глазахъ ея вычитать не могъ... Миссъ Соубриджъ, увлеченная пылкостью лэди Бичъ-Мандаринъ, подняла съ полу самаго маленькаго изъ дѣтей и стала его ласкать и лепетать на какомъ-то смѣшномъ языкѣ, а бонна и ея помощница стояли и почтительно, но зорко смотрѣли на своихъ четырехъ питомцевъ. Миссъ Шэрсперъ дѣлала краткую характеристику каждаго ребенка, а м-ссъ Соубриджъ, прислонившись къ стѣнѣ, съ снисходительной улыбкой смотрѣла на умилительную картину...

М-ра Брумлея разбиралъ смѣхъ, но онъ подавилъ его и замѣтилъ, обращаясь къ м-ссъ Соубриджъ:

— Очень милая картина, но меня больше всего...

Онъ не договорилъ, что больше всего его занимаетъ. Не восторги лэди Бичъ-Мандаринъ и миссъ Соубриджъ и не поза м-ссъ Соубриджъ, какъ будто готовой простереть руки для благословенія, и даже не лэди Харманъ съ спокойно-безстрастнымъ лицомъ увѣнчанной лаврами богини... М-ръ Брумлей не удивлялся ея сдержанности, не искалъ ея объясненій въ сердечной сухости или въ равнодушіи къ дѣтямъ... Онъ перебиралъ мысленно наблюденія, сдѣланныя имъ во время посѣщенія его дома лэди Харманъ вмѣстѣ съ мужемъ. Ему тогда уже пришло въ голову, что въ душѣ ея совершается сложная работа, что мысль ея созрѣла позже тѣла и теперь жадно ра-

ся къ чему-то, лежащему внѣ той плоскости, въ которой пребывали ея мужъ, дѣти и все, чѣмъ она жила дотолѣ...

Опять пошли приглашенія, напоминанія, надежды на скорыя встрѣчи, на знакомство съ Агатой Лимони...

— Вы не забудете?—настаивала лэди Бичъ-Мандаринъ.— Не вычеркнете насъ изъ своей памяти, какъ только мы выѣдемъ за ворота?

— Нѣтъ...—мягко, искренно отвѣчала лэди Харманъ. — Я не забуду...

— Отъ всей души жалѣю, что не видѣла сэра Айзэкса,— добавила лэди Бичъ-Мандаринъ.

Всѣ вмѣстѣ направились къ выходу. Лэди Бичъ-Мандаринъ пошла впередъ съ м-ссъ Соубриджъ, миссъ Соубриджъ съ писательницей, м-ръ Брумлей очутился рядомъ съ лэди Харманъ.

— Я полагаю,—началъ онъ, и повторилъ:—я надѣюсь, что мой домишко въ концѣ-концовъ все-таки останется за вами... Я брожу по моему саду и все думаю о васъ...

— Мнѣ хорошо будетъ въ вашемъ саду,—отвѣтила она.— Мнѣ только будетъ казаться, что я его недостойна...

— Мнѣ такъ много хотѣлось сказать вамъ...—тихо проговорилъ онъ.

Внизу у лѣстницы всѣ три пары опять сошлись вмѣстѣ и м-ръ Брумлей замолкъ... Лэди Харманъ тоже. Онъ былъ вполнѣ удовлетворенъ тѣмъ, что ему удалось сказать... Этими немногими словами онъ и объяснилъ, и оправдалъ свое присутствіе въ ея домѣ, въ обществѣ лэди Бичъ-Мандаринъ и миссъ Шэрсперъ... Въ вестибюлѣ онъ замѣтилъ на столѣ цилиндръ и зонтъ, которыхъ раньше не было здѣсь... Онъ взглянулъ на миссъ Шэрсперъ, но та внимательно разглядывала ножки стола... Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ лишь, когда они усѣлись въ автомобиль. Рожокъ затрубилъ, машина запыхтѣла. М-ръ Брумлей серьезно и молча поклонился опять стройной бѣлой женщинѣ на ступеняхъ подъѣзда. Двумя ступенями ниже стоялъ важный лакей съ видомъ человѣка, выполнившаго тяжелую задачу.

Какъ только автомобиль выѣхалъ за ворота, лэди Бичъ-Мандаринъ воскликнула:

— Видѣли вы сэра Айзэкса?

— Сэра Айзэкса?!—изумился м-ръ Брумлей.

— Онъ все время бродилъ по саду...

— Сэръ Айзэксъ... бродилъ по саду!.. Мнѣ показалось, что раза два промелькнула тѣнь садовника...

— Я увѣрена, что видѣла именно его...—повторила лэди Бичъ-Мандаринъ.—Навѣрно... Онъ прятался въ сарайчикѣ, который вамъ показался запертымъ...

— Что вы такое разсказываете, дорогая лэди Бичъ-Мандаринъ!—возразилъ м-ръ Брумлей съ видомъ человѣка, слушающаго нелѣпѣйшій вздоръ.—Какъ вамъ могло придти въ голову?..

— Оставьте,—я видѣла его!.. Я знаю, что видѣла его... Онъ все время метался, какъ бойскоутъ на развѣдкахъ... А вы, Сусанна, не видѣли его?

Вопросъ вывелъ миссъ Шэрсперъ изъ глубокой задумчивости. Она вздрогнула и спросила:

— Что, дорогая?

— Вы видѣли сэра Айзэкса?

— Сэра Айзэкса?

— Онъ бродилъ по саду, когда мы тамъ были...

Писательница подумала:

— Нѣтъ, не замѣтила... Я все время наблюдала...

Автомобиль лэди Бичъ-Мандаринъ удалялся, окутанный густыми облаками пыли, внушительный лакей ушелъ въ домъ, м-ссъ и миссъ Соубриджъ, нерѣшительно постояли нѣсколько мгновеній на ступеняхъ подъѣзда и тоже ушли... Только лэди Харманъ оставалась на порогѣ дома... Лицо ея выражало ожиданіе. Она ждала какъ будто, что ее окликнутъ сзади... И вдругъ она увидала мужа прямо передъ собою... Онъ появился изъ-за стѣны лавровыхъ кустовъ. Лицо его было мертвенно блѣдно отъ ярости, волосы стояли дыбомъ, на колѣняхъ и протянутыхъ впередъ рукахъ глина и зеленыя пятна... Лэди Хармнъ мгновенно забыла, что собиралась дать отпоръ мужу, и взволнованно воскликнула:

— Айзэксъ! Гдѣ ты былъ?

Этотъ явно лишній вопросъ только больше разсердилъ его. Онъ забылъ о всякихъ правилахъ вѣжливости...

— Что это ты вздумала гнать меня по всему саду?—набросился онъ на нее.

— Я гнала тебя? Я тебя гнала по саду?

— Ты слышала, что я споткнулся о цвѣточную кадку, и, какъ ни въ чемъ ни бывало, вылетѣла въ садъ со всѣмъ этимъ бабьемъ, а я долженъ былъ прятаться по угламъ сада... Это еще что за новости!..

— Откуда мнѣ было знать, что ты въ саду?..

— Не трудно было догадаться, что я въ саду... Не трудно было догадаться... Если не въ саду, то гдѣ же, чортъ побери, могъ я быть!.. Э? Гдѣ же я могъ быть?.. Конечно, я былъ въ саду... А тебѣ, видимо, очень захотѣлось шута гороховаго изъ

меня сдѣлать... Взгляни, на что я похожъ. Смотри! Вотъ, на мои руки полюбуйся!..

Лэди Харманъ смотрѣла на своего господина и не рѣшалась отвѣтить ему... Она знала: что бы она ни сказала, лишь больше разозлитъ его, но она дошла уже до той точки въ своихъ отношеніяхъ къ мужу, когда его настроенія мало занимали и волновали ее.

— Ты могъ уже давно вымыть руки,—сказала она.

— Да, и не вымылъ ихъ, для того только, чтобы показать ихъ тебѣ... Я ждалъ, чтобы эта компанія, наконецъ, убралась. Я боялся, что это бабье никогда не исчезнетъ отсюда...

Къ счастью, у него не хватало больше словъ, чтобы выразить все свое негодованіе. И онъ заключилъ свою рѣчь жестомъ отчаянія...

— Если ко мнѣ пріѣзжаютъ гости, и я дома,—я должна принять ихъ,—сказала лэди Харманъ, послѣ краткой паузы.

— Одно дѣло принять, и другое дѣло—валять дуру...

— Айзэксъ!—быстро проговорила лэди Харманъ, и глухимъ взволнованнымъ шопотомъ добавила: — Снагсби.

Такъ звали великолѣпнаго лакея.

— Да чтортъ съ нимъ, съ Снагсби!—прохрипѣлъ сэръ Айзэксъ, подходя къ ней вплотную.—Говорю тебѣ опять—не надо было водить въ садъ эту особу...

— Но она во что бы то ни стало хотѣла посмотрѣть садъ.

— Мало ли чего она хотѣла?.. Ты должна была осадить ее... Куда мнѣ, чортъ побери, было дѣваться, когда вся эта ватага высыпала на веранду... Я вѣдь на верандѣ былъ...

— Надо было подойти къ намъ...

— Что! И разговаривать съ этой...

— Я разговаривала съ нею...

Сэръ Айзексъ чувствовалъ, что ярость его начинаетъ дробиться на мелочи...

— Еслибы не эта фантазія ѣздить осматривать дома,—началъ онъ, упорно глядя на нее и отчеканивая каждое слово,—этой компаніи и въ голову не пришло бы ѣздить сюда... Удовольствіе!..

Онъ прошелъ впереди нея въ вестибюль, и выросшій передъ нимъ внезапно маленькій лакей принялся усердно чистить его щеткой. Харманъ разсѣянно смотрѣлъ на него и затѣмъ медленно направился въ оранжерею. Лэди Харманъ знала, что разговоръ о лэди Бичъ-Мандаринъ только еще начинается.

Она сама начала его, когда сэръ Айзэксъ, вымывъ руки, вошелъ въ гостиную. Она стояла у окна и, словно набравшись рѣшимости въ созерцаніи сада, повернулась къ мужу и сказала:

— Я не раздѣляю твоего мнѣнія о лэди Бичъ-Мандаринъ..

Сэръ Айзексъ сдѣлалъ удивленное лицо. Онъ считалъ разговоръ исчерпаннымъ.

— Что? — отрывисто спросилъ онъ.

— Я не согласна съ тобою,—повторила лэди Харманъ.— Она—очень сердечная и привѣтливая женщина...

— Она—ужасна!—сказалъ сэръ Айзэксъ.—Я уже два раза видѣлъ ее, лэди Харманъ.

— Такой визитъ,—это вѣдь не то, что завезти карточку,— такой визитъ надо отдать,—продолжала она.

— Нѣтъ, ты не отдашь ей визита,—сказалъ сэръ Айзэксъ.

Лэди Харманъ взялась за кисть кресла—ей нужно стало перебирать что-нибудь пальцами—и отвѣтила:

— Я непремѣнно должна отдать ей визитъ...

— Непремѣнно?

Она кивнула головой.

— Было бы смѣшно, еслибы я этого не сдѣлала... Мы... Потому у насъ никто и не бываетъ, что мы не отдаемъ визитовъ...

Сэръ Айзэксъ помолчалъ немного и отвѣтилъ.

— Вовсе нѣтъ надобности, чтобы у насъ бывало много народу... И потомъ... Еслибы мы стали отвѣчать на визиты, у насъ отбою не было бы отъ посѣтителей... Очень нужно! А эта особа—пріѣхала и уѣхала, и дѣло съ концомъ...

— Нѣтъ,—сказала лэди Харманъ, сжимая кисть въ рукахъ,—я должна отдать ей визитъ...

— Нѣтъ, говорю—нѣтъ!

— И не только отдать визитъ,—продолжала лэди Харманъ—я обѣщала пріѣхать къ ней завтракать...

— Завтракать?

— И пойти съ ней на одно собраніе...

— На собраніе!

— ... общества «Добрыхъ Друзей». И еще на другое собраніе... Да... На засѣданіе комитета Шекспировскаго Общества...

— Я уже слышалъ объ этомъ...

— Она говорила, что ты тоже подписался...

Сэръ Айзексъ съ трудомъ сдерживалъ себя.

— Вотъ что, ты напишешь ей, что ни къ ней, ни на одно, ни на другое собраніе поѣхать не можешь... Вотъ и все.

Онъ сунулъ руки въ карманы брюкъ и подошелъ къ окну, у котораго она сидѣла, съ такимъ видомъ, будто считалъ дѣло это рѣшеннымъ и теперь могъ спокойно любоваться изъ окна цвѣтами... Но лэди Харманъ не считала еще разговора оконченнымъ.

— Я поѣду... Я обѣщала и поѣду,—сказала она.

Онъ какъ будто не понялъ ея въ первое мгновеніе. Потомъ, процѣдивъ что-то невнятное сквозь зубы, подошелъ къ ней и прошипѣлъ:

— Это вліяніе твоей сестрицы..

Лэди Харманъ подумала немного.

— Нѣтъ, она не при чемъ... Это я сама рѣшила..

— Я предвидѣлъ, что такъ и будетъ...—сказалъ сэръ Айзэксъ, пропуская мимо ушей ея слова, все больше и больше раздражавшія его.—Эти господа—тебѣ не компанія... Намъ незачѣмъ знаться съ такими людьми...

— Но я желаю узнать ихъ поближе...

— А я нѣтъ...

— Я нахожу ихъ интересными,—сказала лэди Харманъ.—И потомъ я обѣщала...

Сэръ Айзэксъ много думалъ позднѣе надъ ея отвѣтомъ. И что-то поразило его въ ней, въ эту минуту, что-то новое...

— Да, Айзэксъ, ты такъ сторонишься людей, что...—продолжала она, но не докончила.

Въ комнату вошла м-ссъ Соубриджъ съ большимъ букетомъ прелестныхъ розъ, тѣхъ именно розъ, которыхъ сэръ Айзэксъ просилъ не рвать...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Смутно дрожащую легкую ткань паутины
Синія тѣни плетутъ на снѣгу розоватомъ,
Крадутся сумерки въ мертвыя дали равнины,
Слабо окрашенной блѣдною кровью заката.
Гдѣ-то испуганно крикнула сонная птица,
Мертвая вѣтка сломалась со скрипомъ и звономъ,
Медленно падаетъ бѣлая мгла на рѣсницы,
Мысли баюкая шорохомъ смутнымъ и соннымъ.
Тихо иду я опушкою темнаго лѣса,
Вѣтки березъ осыпаютъ мнѣ голову снѣгомъ,
Тамъ, далеко, за мигающей снѣжной завѣсой,
Некому ждать меня ночью съ тепломъ и ночлегомъ.

Е. Федорова.

Очерки соціальной исторіи Малороссіи.

4. Образованіе крестьянскаго сословія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв. [1]).

(Продолженіе).

II.

При всей простотѣ общественнаго строя, установившагося въ Малороссіи вслѣдъ за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, этотъ строй, какъ мы видѣли, не исключалъ существованія внутри малорусскаго общества различныхъ разрядовъ и группъ, оставляя лишь такіе разряды и группы необособленными другъ отъ друга. Въ частности, и наиболѣе видная изъ этихъ группъ—козачество—съ первыхъ же моментовъ самостоятельнаго существованія гетманщины включала въ себя различные разряды, подчасъ довольно рѣзко отличавшіеся отъ основного его ядра. Частью эти разряды были до извѣстной степени унаслѣдованы отъ предыдущаго, польско-литовскаго періода, частью они были всецѣло созданы новыми условіями жизни козачества, частью, наконецъ, они существовали и раньше, но въ новыхъ условіяхъ нѣсколько измѣнили свой характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно увеличили свой количественный составъ. Въ результатѣ образованія такихъ разрядовъ козачество недолго оставалось вполнѣ однородной массой. Даже оставаясь еще однороднымъ по своимъ правамъ, оно успѣло уже выдѣлить отдѣльные слои, отличавшіеся и отъ основной его массы, и другъ отъ друга либо своими занятіями, либо своимъ положеніемъ въ рядахъ „войска".

Однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ разрядовъ такого рода, унаслѣдованныхъ гетманской Малороссіей отъ предыдущаго періода, явились такъ называемые „бобровники" и „стрѣльцы". На сѣверѣ лѣвобережной Малороссіи, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Ста-

1) См. „Русскія Записки", № 6

родубья и Черниговщины, въ XVII вѣкѣ водилось еще немало бобровъ и разныхъ лѣсныхъ звѣрей и, благодаря этому, среди населенія мѣстами существовали группы лицъ, главнымъ промысломъ которыхъ служила ловля бобровъ или охота на звѣря и птицу. До половины XVII вѣка эти „бобровники" и „стрѣльцы" были либо королевскими, либо частновладѣльческими крестьянами, послѣ же возстанія Богдана Хмельницкаго они, подобно многимъ другимъ крестьянамъ, перешли въ козачество. Точно также записалась въ козаки и группа лицъ, промышлявшихъ охотой на степную дичь въ южныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи. Такъ на территоріи трехъ ея полковъ—Стародубовскаго, Черниговскаго и Нѣжинскаго—создалась община козаковъ-бобровниковъ, а въ тѣхъ же полкахъ и, сверхъ того, въ полку Лубенскомъ—еще и такія же общины стрѣльцовъ.

Эти общины сохранили свой прежній промыселъ и по прежнему отбывали за право занятія имъ натуральную повинность, отдавая опредѣленную часть своей добычи, но теперь они несли такую повинность уже не въ пользу частныхъ лицъ, а въ пользу „войска" и главныхъ его властей, и самый ихъ промыселъ былъ взятъ „подъ протекцію" этихъ властей. Онъ являлся въ этихъ условіяхъ чѣмъ-то вродѣ регаліи, предоставленной за опредѣленную плату или, точнѣе, за опредѣленную службу въ пользованіе отдѣльныхъ общинъ, обладавшихъ самоуправленіемъ и подчинявшихся непосредственно высшей власти страны. Самыя орудія этого промысла были подчасъ казенной, „войсковой" собственностью. Такъ, гетманъ Бруховецкій, посылая въ 1669 г. въ Нѣжинскій, Стародубовскій и Черниговскій полки для ловли бобровъ своего бобровника, отправилъ его съ войсковыми орудіями для такой ловли, „з желѣзами нашими войсковыми" [1]).

Распоряжаясь трудомъ бобровниковъ и требуя отъ нихъ для себя опредѣленной службы, гетманъ за то освобождалъ ихъ отъ подчиненія низшимъ властямъ. Въ 1680 г. бобровницкій атаманъ пожаловался гетману Самойловичу на седневскаго сотника, препятствовавшаго нѣкоторымъ бобровникамъ, жившимъ въ его сотнѣ, заниматься своимъ промысломъ. „Вѣдомо то каждому, — заявилъ Самойловичъ въ отвѣтъ на эту жалобу—же (что) бобровники до оддаваня повинности никому иншому, тилки самимъ рейментаромъ (только однимъ гетманамъ) здавна належатъ". Въ виду этого гетманъ рѣшительно потребовалъ отъ седневскаго сотника, чтобы онъ непремѣнно освободилъ бобровниковъ, о которыхъ шла рѣчь, изъ-подъ своей власти и впредь не имѣлъ до нихъ никакого дѣла,— „щобъ они вкупѣ з товариствомъ своимъ бобровницкимъ намъ

---

1) М. Плохинскій. Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины. I. Бобровники. II. Стрѣльцы. Харьковъ. 1891, приложеніе I, № 3.

услуги свои в ловленю звѣру отдавали" [1]). Поставленная такимъ образомъ подъ непосредственную власть гетмана, бобровничья община одна только и имѣла право ловить бобровъ. Но доступъ въ число членовъ этой общины на первыхъ порахъ не былъ ничѣмъ ограниченъ и она, подобно всѣмъ другимъ группамъ населенія, оставалась незамкнутой. Еще въ 1684 г. гетманъ Самойловичъ предписывалъ, чтобы бобровницкому атаману „того промислу знайдуючихся людей въ товариство пріймать не збороняли" [2]).

Въ качествѣ козаковъ бобровники не подлежали повинностямъ, требовавшимся отъ посполитыхъ. Въ 1711 г. гетманъ Скоропадскій подъ страхомъ строгаго наказанія приказывалъ, чтобы никто не осмѣливался назначать квартиры для проѣзжающихъ во дворахъ бобровниковъ, требовать отъ послѣднихъ „провіанта" и „до посполитыхъ повинностей потягати" ихъ [3]). Три года спустя гетманъ вновь предписывалъ старшинѣ, чтобы она не отягощала посполитскими и вообще чрезмѣрными повинностями бобровниковъ и чтобы они „такъ, якъ и иншие козаки, если самая укажетъ нужда, кормили по одному великороссійскому жолнѣру"; при этомъ гетманъ указывалъ, что съ бобровниковъ не должна взиматься и „показанщина", т. е. установленная взамѣнъ виннаго откупа („аренды") денежная плата въ войсковую казну съ винокуренныхъ котловъ (казановъ"), такъ какъ бобровники „здавна отъ тоей повинности суть волными" [4]). Еще черезъ пять лѣтъ гетманъ опять приказывалъ, чтобы никто не осмѣливался „на дворы ихъ, бобровниковъ, постоевъ насылати и коней въ подводы забирати"; „драгуновъ зась,—заявлялъ онъ—понеже то есть необходимая нужда, мѣютъ (должны) такъ кормить, якъ козаки, и провиянтъ, когда случится, заровно зъ козаками же оддавати"; а такъ какъ—прибавлялъ еще гетманъ—„у всѣхъ войскового чину людей тютюнная (табачная) десятина не одбирается", то „и ихъ, бобровниковъ, одъ тоей повинности увольняемъ" [5]). Какъ люди „войскового чина", бобровники пользовались, наконецъ, и правомъ свободнаго устройства шинковъ въ тѣхъ селахъ, гдѣ они жили, хотя бы эти села были владѣльческими, и только обязывались въ этомъ послѣднемъ случаѣ уплачивать опредѣленную „квоту" владѣльцу села [6]).

Пользуясь козацкими правами, бобровники несли такимъ образомъ и общую козацкую службу, а вмѣстѣ съ тѣмъ отбывали и свою спеціальную службу въ пользу гетмана. И по мѣрѣ того, какъ

[1]) Тамже, приложеніе I, № 3.
[2]) Тамже, приложеніе I, № 5.
[3]) Тамже, приложеніе I, № 7.
[4]) Тамже, приложеніе I, № 8; это же распоряженіе было повторено гетманомъ въ 1717 г., тамже, № 9.
[5]) Тамже, № 12; это же распоряженіе было повторено въ 1720 г., тамже, № 13.
[6]) Тамже, приложеніе I, № 1?

козацкая служба становилась тяжелѣе и требовала бо̀льшаго напряженія силъ со стороны населенія, бремя этой двойной службы тяжело ложилось на бобровницкую общину, порождая у отдѣльныхъ ея членовъ стремленіе къ уходу изъ нея. Въ самомъ началѣ гетманства Скоропадскаго бобровницкій атаманъ уже жаловался ему, что многіе бобровники, не желая дальше отбывать своей службы, распродали свои земли козакамъ и посполитымъ людямъ, а сами поуходили на слободы. Благодаря этому, по словамъ атамана, и требовавшаяся отъ бобровниковъ повинность не могла выполняться въ полномъ размѣрѣ. Получивъ эту жалобу и стремясь охранить интересы войсковой казны („скарба войскового"), Скоропадскій въ 1703 г. распорядился, чтобы „всякъ з козаковъ и посполитихъ людей, хто толко получилъ бобровницкіе грунта, належитую з онихъ повинность, подлугъ (согласно) давнего обикновения, во мѣсто бобровниковъ отдавали до скарбу войскового" [1]). Это распоряженіе, прикрѣплявшее бобровницкую повинность къ земельнымъ участкамъ бобровниковъ, не имѣло однако большого успѣха. Далеко не всѣхъ покупщиковъ такихъ участковъ удавалось привлечь къ отбыванію бобровницкой повинности, а между тѣмъ уходъ людей изъ бобровницкой общины все продолжался, тѣмъ болѣе, что и приказы гетмана о непривлеченіи бобровниковъ къ посполитскимъ повинностямъ въ свою очередь далеко не всегда исполнялись мѣстной старшиной. Въ 1718 г. Скоропадскій вновь получилъ отъ бобровницкаго атамана жалобу, что „многое товариство хотятъ од его ухилитися и удалитися", и въ виду этой жалобы предписалъ, чтобы никто не смѣлъ этого дѣлать и „по прежнему бы все товариство для ловленія воднаго звѣру при немъ, атаману, знайдовалося" [2]).

Тотъ новый принципъ, который нашелъ себѣ выраженіе въ послѣднемъ распоряженіи, получилъ дальнѣйшее развитіе въ мѣрахъ, принятыхъ по отношенію къ бобровникамъ вслѣдъ за окончаніемъ гетманства Скоропадскаго. Въ періодъ управленія Малороссійской Коллегіи произведена была перепись бобровниковъ, а гетманъ Апостолъ, вскорѣ послѣ своего избранія, подтвердивъ бобровникамъ ихъ старыя права и нѣсколько уменьшивъ наложенный на нихъ Коллегіей платежъ, вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ, чтобы „атаманъ бобровницкій до своей службы, промыслу бобровницкого, ниякихъ другихъ людей войсковыхъ и посполитыхъ безъ вѣдома и безъ приказу нашего, кромѣ старыхъ бобровниковъ, не привлекалъ подъ опасеніемъ штрафа и наказанія" [3]). При этомъ предполагалось, что и старые бобровники, въ свою очередь, не будутъ уходить изъ сво-

---

[1]) Также, приложеніе I, № 6; то же распоряженіе было повторено въ 1720 г.,—также, № 14.

[2]) Также, № 10.

[3]) Также, № 18

его „товариства". На практикѣ они однако продолжали уходить изъ него, и притомъ уходили, главнымъ образомъ, въ посполитые, частью добровольно, частью подъ вліяніемъ нерѣдкихъ насилій со стороны владѣльцевъ тѣхъ селъ, въ которыхъ они проживали. „Въ Черниговскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ нѣкоторые владѣльцы и сотники—жаловался въ 1749 г. имп. Елизаветѣ бобровницкій атаманъ съ товариствомъ — чинятъ намъ несносныя обиды: ибо владѣльцы, не объявляя намъ жадного (никакого) указа, но своею волею зъ нашихъ товарищей притягаютъ къ себѣ въ подданство нестерпимымъ боемъ, понеже, чтобъ слушали и работали панщину имъ, растягши, плетьми бьютъ немилостиво, и между тѣмъ въ прожитіи намъ немалое препятствіе отъ нихъ имѣется съ крайнею обидою", въ результатѣ чего нѣкоторые бобровники, „не давая окладу въ казну, уже купно зъ посполитыми, отбувая повинность, панщину работаютъ" [1]). Въ виду этого гетманъ Разумовскій, подтверждая въ 1751 г. бобровникамъ ихъ права, предписалъ „имъ, бобровникамъ, быть въ толикомъ числѣ людей, сколько ихъ нынѣ есть, а сверхъ оного числа никого, какъ изъ козаковъ, такъ изъ посполитыхъ, не принимать и полковымъ и сотеннымъ канцеляріямъ до того не допущать" [2]). Такимъ образомъ, къ половинѣ XVIII вѣка „товариство" бобровниковъ окончательно обратилось— по крайней мѣрѣ въ теоріи — въ замкнутую и обособленную отъ остального населенія группу. Ни вступленіе новыхъ членовъ со стороны въ эту группу, ни уходъ изъ нея старыхъ не должны были болѣе имѣть мѣста. Въ дѣйствительности, впрочемъ, владѣльцы селъ, въ которыхъ проживали отдѣльные бобровники, и послѣ того продолжали привлекать ихъ въ свое „подданство", способствуя такимъ путемъ дальнѣйшему уменьшенію этой и безъ того малочисленной группы [3]).

Подобную же эволюцію пережила и группа „стрѣльцовъ", подраздѣлявшихся еще, въ зависимости отъ той дичи, за которой они охотились, на „вовкогоновъ", „пташниковъ", „мысливцевъ" и т. д. Стрѣлецкій промыселъ, какъ и бобровничій, былъ взятъ подъ протекцію высшихъ войсковыхъ властей, а сами стрѣльцы, подобно бобровникамъ, были обязаны служить своимъ промысломъ этимъ властямъ, причемъ такая служба ихъ выражалась въ доставленіи дичины къ дворамъ полковниковъ и гетмана, а позднѣе—и къ царскому двору. Въ соотвѣтствіи съ этимъ стрѣльцамъ предоставлялся

[1]) Тамже, № 25.

[2]) Тамже, № 26.

[3]) Такъ, въ 1763 г. бобровницкій атаманъ представилъ вѣдомость, въ которой было перечислено 50 бобровницкихъ дворовъ, захваченныхъ владѣльцами имѣній,—тамже, № 34.

въ цѣляхъ ихъ промысла свободный входъ во всѣ лѣса и пущи, кому бы эти лѣса и пущи ни принадлежали [1]). Сами же стрѣльцы, считаясь козаками и объединяясь въ общины, состоявшія подъ начальствомъ выборныхъ атамановъ, освобождались отъ подчиненія сотеннымъ властямъ и подчинялись непосредственно полковникамъ и гетману. Такъ, напр., черниговскій полковникъ Борковскій, выбравъ въ 1677 г. нѣсколько человѣкъ „къ потребной службѣ стрѣлецкой" и предоставивъ имъ пользоваться „вольностью козацкой", вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ ихъ „отъ послушенства сотницкого вольными" и требовалъ, чтобы „панове сотникове тихъ воихъ стрѣльцовъ до своей службы козацкой не потягали и послушенства стрѣлецкого, гды роскажетъ (когда прикажетъ) атаманъ стрѣлецкій, не отрывали" [2]). Десять лѣтъ спустя черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ утвердилъ стрѣлецкаго атамана своего полка съ его „товариствомъ" въ числѣ 30 человѣкъ въ ихъ „вольности" и предписалъ не чинить имъ никакихъ препятствій при ловлѣ ими звѣря въ пущахъ. „Оніе стрѣльцы—мотивировалъ Яковъ Лизогубъ свое распоряженіе — такъ намъ, а що билшое самому ясневелможному его милости пану гетману до двору его панского не чимъ иншимъ, тилко звѣромъ съ тихъ пущъ выгоду повинны отдавати". Подобныя же распоряженія по отношенію къ стрѣльцамъ, жившимъ на территоріи Черниговскаго полка, сдѣланы были въ 1699 и 1705 гг. полковниками Ефимомъ Лизогубомъ и Павломъ Полуботкомъ, причемъ въ обоихъ этихъ случаяхъ число стрѣльцовъ опредѣлялось уже въ 40 человѣкъ [3]). „Здавна за антецессоровъ моихъ — свидѣтельствовалъ, въ свою очередь, въ 1708 г. стародубовскій полковникъ Скоропадскій—въ сотнѣ мглинской установлено на стрѣлецкой повинности человѣка 24, которые, при лѣсахъ живучи, повинны старатися на кухню рейментарскую (гетманскую) всякой звѣрины". Скоропадскій съ своей стороны утвердилъ этихъ 24 человѣкъ при ихъ прежней стрѣлецкой службѣ и требовалъ, чтобы мглинскій

---

[1]) Г. Плохинскій въ своемъ предисловіи къ изданнымъ имъ матеріаламъ о стрѣльцахъ утверждаетъ даже, что войсковыя власти въ интересахъ стрѣлечьяго промысла заботились о сохраненіи лѣсовъ (назв. соч., с. 15). Но въ универсалѣ черниговскаго полковника Григорія Гетманича, на который ссылается г. Плохинскій въ доказательство своего утвержденія, говорится совсѣмъ иное. Здѣсь воспрещается лишь ставить препятствія стрѣльцамъ въ ихъ промыслѣ; „дерево зась рубати,—прибавляетъ универсалъ — яко и передъ тимъ, кому было вольно, не збороняемъ на свою потребу въ пущи тоей". Тамже, приложеніе II, № 1.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8. Въ извлеченіяхъ этотъ документъ приведенъ въ Обозрѣніи Рум. Описи, вып. 1, сс. 61—2, и у Плохинскаго, назв. соч., с. 15,— въ первомъ случаѣ съ нѣсколькими мелкими неточностями.

[3]) Плохинскій, назв. соч., приложеніе II, №№ 2, 3 и 4.

урядъ не смѣлъ привлекать ихъ ни къ какимъ городскимъ повинностямъ [1]).

Не всегда однако стрѣльцы были козаками. Наряду со стрѣльцами-козаками „стрѣлецкую повинность“ въ пользу гетмана въ XVII вѣкѣ порою отбывали и посполитые гетманскихъ имѣній, не выходя при этомъ изъ группы посполитства. „Какъ село Перелюбъ — разсказывалъ въ половинѣ XVIII столѣтія одинъ изъ старожиловъ этого села, лежавшаго въ Черниговскомъ полку,—было во владѣніи гетмана Многогрѣшного, и въ то время въ тѣхъ селахъ между посполитыми были такіе, кои употребляемы были для стрѣлянія звѣру и птаства до двору гетманского“. Тотъ же порядокъ сохранился въ Перелюбѣ и въ гетманство Мазепы. Въ это время—разсказывалъ другой старожилъ, бывшій при Мазепѣ войтомъ Перелюбовской волости, — „оной волости жители всѣ находились въ посполитомъ званіи и повинность посполитую отбували... А когда (онъ) приказъ давалъ о добычѣ звѣрины и птаства, то кто не умѣлъ стрѣлять, съ тѣхъ, собравши деньгами, доплатку давали, а кто умѣлъ стрѣлять, посыланы были въ пущу“ [2]).

Съ окончаніемъ гетманства Мазепы судьба этихъ стрѣльцовъ измѣнилась. Скоропадскій, ставъ гетманомъ, въ 1709 г. отдалъ с. Перелюбъ во владѣніе черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря и такимъ образомъ перелюбскіе стрѣльцы вмѣстѣ со всѣми остальными посполитыми попали въ монастырское „подданство“. Послѣ того, въ гетманство Апостола, они попытались, правда, освободиться отъ этого подданства и ихъ попытка имѣла даже временный успѣхъ, такъ какъ Апостолъ, внявъ ихъ просьбѣ, возвратилъ ихъ въ положеніе гетманскихъ стрѣльцовъ и при этомъ причислилъ къ козакамъ. Но послѣ смерти Апостола монастырь обжаловалъ его распоряженіе и, когда при разборѣ этой жалобы выяснилось, что перелюбскіе стрѣльцы и за время принадлежности Перелюбской волости „на гетманскую булаву“ были не козаками, а посполитыми, они декретомъ генеральной войсковой канцеляріи въ 1750 г. опять были повернуты въ монастырское подданство, въ которомъ уже и остались [3]).

Порою гетманы назначали стрѣльцами и отдѣльныхъ лицъ. „Стрелцовъ двохъ, именно Семена Маркова да Федоса Трофимова, жителей гутинскихъ,—писалъ въ 1709 г. Скоропадскій старостѣ с. Гуты Кочубеевой и всѣмъ тамошнимъ жителямъ—волными чинячи отъ тяглости мужицкой, постановилисмо на стрелецкой повинности, ижбы (чтобы) они на кухню нашу гетманскую в добычи

---

1) Тамже, № 5.

2) Обозрѣніе Рум. Описи, I, 126—7.

3) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 25. Въ Обозрѣніи Рум. Оп., вып. I, с. 126, этотъ эпизодъ переданъ не совсѣмъ точно — въ такомъ видѣ, какъ будто перелюбскіе стрѣльцы были первоначально поверстаны изъ козаковъ.

стрелецкой всякого звѣру старались достатчати". Поэтому гетманъ предписывалъ, чтобы никто не препятствовалъ названнымъ лицамъ въ ихъ промыслѣ и не возбранялъ имъ входа въ Трубецкую и Шептаковскую пущи и чтобы староста с. Гути не имѣлъ до нихъ никакого дѣла [1]. Но своимъ промысломъ стрѣльцы служили не только гетману, а также и полковникамъ, и послѣдніе въ свою очередь порою приписывали отдѣльныхъ лицъ къ этому промыслу. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ козаковъ с. Мотовиловки въ Кіевскомъ полку, Андрей Жечикъ, въ 1740 г. разсказывалъ о себѣ: „онъ, Андрей, по смерти отца его изъ Кіева перешелъ въ с. Мотовиловку и, пришедъ въ оное село, явился тогда бывшему атаману Давиду Матвѣенку, который и позволилъ ему, Андрею, жить въ томъ селѣ Мотовиловкѣ и далъ ему дворъ, на которомъ строеніе одна изба, а въ козаки его, Андрея, не включали, ибо онъ служилъ кіевского полку полковнику Танскому, то-есть стрѣлялъ всякую дикую живность и звѣрей. Поля и сѣнокосъ онъ, Андрей, имѣетъ и какъ хлѣбъ сѣялъ, такъ и сѣно косилъ свободно, ибо за ту землю и за сѣнокосъ никто ему не воспрещалъ. А въ 734 г. кіевского полку есаулъ полковый Остапъ Гречка приказалъ ему, Андрею быть въ подданствѣ Кіево-Братскаго монастыря, почему онъ и былъ въ подданствѣ по 740 годъ, а въ нынѣшнемъ году приказалъ ему, Андрею, кіевской сотни сотникъ Жила, чтобъ онъ въ подданствѣ монастырскомъ не былъ, а былъ бы въ козацкой командѣ, при которой онъ нынѣ и числится" [2].

Наряду съ стрѣльцами, постоянно отбывавшими „стрѣлецкую повинность", та же повинность порою временно налагалась и на другихъ козаковъ, причемъ обыкновенно это дѣлалось въ цѣляхъ поставки дичи къ царскому двору. „Понеже—писалъ, напримѣръ, въ октябрѣ 1727 г. гетманъ Апостолъ полтавскому, миргородскому, лубенскому и переяславскому полковникамъ—за прежнихъ антецессоровъ нашихъ было обыкновеніе такое, что зъ пограничныхъ рейменту (правленія) нашего полковъ посилаються бывало стрелцѣ и другіе козаки за Днѣпръ и въ степи за границю для добытя всякой звѣрины на отсилку ко двору его императорского величества, которая звѣрина по первомъ зимномъ пути туды одсилалася, того ради и мы, того давнего обыкновенія не запомынаючи, жадаемъ (приказываемъ) вашмосты, абы вашмость во время обыкновенное зъ полку своего зъ побережныхъ сотень стрѣлцовъ такимъ порядкомъ, якъ и прежде было, за Днѣпръ для добытя звѣрини выправилъ, которіе що промисломъ своимъ реченной звѣрини достануть, тую мѣетъ (долженъ) вашмость прислаты до насъ въ

[1]) Моск. Румянц. Музей, Архивъ Маркевича, № 717.

[2]) Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла, переданныя изъ архива намѣстническаго правленія. Дѣла объ имуществахъ церквей и монастырей, дѣло Кіево-Братскаго монастыря съ козаками с. Мотовиловки, производившееся въ 1740—42 гг.

Глуховъ для отсилки ко двору монаршому по давному обыкновенію" [1]). Такія періодическія посылки козацкихъ отрядовъ на охоту за Днѣпръ и въ степи практиковались и позже, вплоть до окончанія гетманства Разумовскаго. Но эти посылки разсматривались не какъ особая повинность, а какъ своего рода служебныя командировки козаковъ, и участники отправлявшихся въ подобныя командировки отрядовъ не выдѣлялись въ особую группу.

Что же касается группы стрѣльцовъ, постоянно занимавшихся своимъ промысломъ, то она уже въ гетманство Апостола, подобно группѣ бобровниковъ, пріобрѣла замкнутый характеръ. Такъ, подтверждая въ 1727 г. стрѣльцамъ мглинской сотни ихъ льготы и требуя, чтобы ни стародубовскій полковникъ, ни мглинскій сотникъ „не интересовались" этими стрѣльцами и не чинили имъ обидъ, Апостолъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы „атаманъ стрѣлецкій до своей службы званія стрѣлецкого ніякихъ другихъ людей войсковыхъ и посполитыхъ безъ вѣдома и безъ приказу нашего, кромѣ старыхъ стрѣльцовъ, не привлекалъ". „А когда— прибавлялъ при этомъ гетманъ—до походу военного случай позоветъ, то бы онъ, атаманъ стрѣлецкій, зъ товариствомъ зналъ и отбувалъ при дворѣ нашомъ войсковую службу безъ жадныхъ ухилокъ (безъ всякихъ уклоненій), приказуемъ" [2]). Точно также и стрѣльцамъ Черниговскаго полка Апостолъ предписалъ—„до двору нашого, въ козацкомъ званіи будучи, повинности добычею своею отдавати, а отбувать, когда случится походъ, службу войсковую при боку нашемъ" [3]). Подобнымъ же образомъ, по просьбѣ стрѣльцовъ смѣлянской сотни Лубенскаго полка, Апостолъ приказалъ и имъ „для всякихъ войсковыхъ услугъ" быть при гетманскомъ дворѣ и одновременно предписалъ смѣлянскому сотнику, чтобы онъ „помянутыхъ стрѣльцовъ до полковыхъ и сотенныхъ службъ не потягалъ и никому ниякого дѣла имѣть до нихъ не велѣлъ" [4]). Такимъ образомъ стрѣльцы, оставаясь козаками, несли свою службу лишь при гетманскомъ дворѣ путемъ отбыванія особой повинности въ пользу гетмана, освобождались отъ службы въ сотнѣ и въ полку и должны были выступать въ походъ только вмѣстѣ съ гетманомъ. Но свободнаго доступа въ эту группу уже не существовало—новыя лица могли быть приняты въ нее только съ вѣдома и по приказу гетмана.

Тотъ же характеръ сохранила стрѣлецкая группа и въ гетманство Разумовскаго. „Состоять имъ, стрѣльцамъ,—писалъ этотъ послѣдній въ универсалѣ, данномъ имъ въ 1751 г. стрѣльцамъ мглинской сотни,—въ толикомъ числѣ людей, сколько за прежнихъ

---

[1]) Указы генеральной войсковой канцеляріи, рукопись библіотеки Н. П. Василенка.

[2]) М. Плохинскій, назв. соч., приложеніе II, № 17.

[3]) Тамже, № 19.

[4]) Тамже № 22.

гетмановъ ихъ было, а сверхъ того имъ собою въ то стрѣлецкое званіе безъ дозволенія нашего никого съ козаковъ и посполитыхъ отнюдь не принимать; общенародныя повинности несть имъ зъ прочими козаками, точію излише ихъ противъ другихъ козаковъ ничѣмъ не отягощать; въ случаѣ жъ каковыхъ воинскихъ командированій имѣютъ они, стрѣльцы, службу отправлять при насъ" [1]). Однако нахожденіе при гетманскомъ дворѣ и подъ гетманской протекціей далеко не всегда защищало стрѣльцовъ отъ насилій мѣстныхъ властей и владѣльцевъ имѣній. Съ другой стороны, хотя стрѣльцы и были освобождены отъ сотенной и полковой службы, но лежавшія на нихъ, какъ и на всѣхъ козакахъ, „общенародныя повинности" въ соединеніи съ спеціальною стрѣлецкою повинностью оказывались подчасъ настолько тяжелыми, что отдѣльные стрѣльцы нерѣдко не выносили этой тяжести и сами уходили изъ своей группы въ посполитые того или другого владѣльца. Въ результатѣ такихъ уходовъ группа стрѣльцовъ, какъ и группа бобровниковъ, постепенно таяла и уменьшалась въ своемъ числѣ. Но, независимо отъ этого, и тѣ лица, которыя оставались въ обѣихъ этихъ группахъ, въ сущности занимали положеніе, среднее между положеніемъ козаковъ и посполитыхъ. Пользуясь многими правами козаковъ, они въ то же время несли на себѣ обязанности, весьма близкія по своему характеру къ тѣмъ, какія лежали на посполитыхъ гетманскихъ имѣній. Различіе, какое существовало между этими посполитыми съ одной стороны, и бобровниками и стрѣльцами, съ другой, сводилось главнымъ образомъ къ размѣру лежавшихъ на нихъ общенародныхъ повинностей. Но на практикѣ это различіе нерѣдко стиралось усиліями мѣстныхъ властей и тогда бобровнику или стрѣльцу не было уже никакого смысла удерживать свое обособленное положеніе.

Наряду съ группами бобровниковъ и стрѣльцовъ, сохранившимися отъ прошлаго и съ переходомъ въ козачество поступившими въ непосредственную зависимость отъ гетмана, въ гетманщинѣ съ теченіемъ времени образовались и новыя группы козаковъ, несшихъ ту или иную службу гетману. Таковы были гетманскіе конюшевцы или, иначе, стаенные козаки и гетманскіе палубничіе. Первые служили при гетманскихъ лошадяхъ и конюшняхъ („стайняхъ"), вторые—при гетманскихъ обозныхъ повозкахъ („палубахъ"). Тѣ и другіе отправлялись въ походъ вмѣстѣ съ гетманомъ, а въ мирное время были подчинены ему же и смотрѣли за его лошадьми и обозомъ, будучи избавлены отъ сотенныхъ и полковыхъ службъ и отъ подчиненія сотеннымъ и полковымъ властямъ. Какъ рано появились эти группы, въ точности неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ уже въ гетманство Самойловича и Мазепы въ

---

[1]) Также, № 47.

се. Поповкѣ и Обмочевѣ, лежавшихъ на территоріи Нѣжинскаго полка, существовало по нѣскольку десятковъ дворовъ гетманскихъ конюшевцевъ и палубничихъ. Съ теченіемъ времени, благодаря льготному положенію этихъ группъ, число ихъ членовъ еще болѣе увеличилось, такъ какъ подобное положеніе соблазняло и многихъ „сотенныхъ“ козаковъ. „Поповскіе многіе козаки, до сотни служачіе,—жаловался въ 1723 г. конотопскій сотникъ наказному гетману Полуботку,—подъ сей часъ, не хотячи тяжкихъ и далекопутнихъ походовъ съ сотенцями отбувать, ухилившись отъ сотни, до стаеннихъ и палубничихъ присовокупились; и всѣхъ ихъ, стаеннихъ и палубничихъ и отъ сотни отставшихъ, у волности 80 человѣка живутъ, а на выслугу войсковую за множествомъ ихъ хиба въ килко лѣтъ (развѣ въ нѣсколько лѣтъ) якому случится на время отбуть“. То же самое происходило и въ с. Обмочевѣ. Въ 1723 г. часть здѣшнихъ палубничихъ была возвращена „подъ сотню“, но вслѣдъ затѣмъ, съ отдачей Батурина и его сотни Меньшикову, они попали въ подданство послѣдняго. Послѣ возстановленія гетманства Апостолъ, по ихъ просьбѣ, вернулъ ихъ въ козачество и опять опредѣлилъ подъ сотню, сохранивъ при этомъ за ними обязанности палубничихъ. Но, когда послѣ того онъ освободилъ ихъ отъ участія въ походѣ на „линейную Орельскую работу“, указавъ, что въ случаѣ общаго похода они должны „по старымъ обыкновеніямъ“ выступать въ походъ съ гетманомъ, палубничіе „взяли предъ себе возгорджене“ и объявили мѣстному атаману, „дабы до ихъ уже жадного не имѣлъ дѣла и до общенародныхъ сотенныхъ тяжестей, яко то до годованія (кормленія) консистентовъ, на сторожи, на стойки и на протчія службы не занималъ бы ихъ“, а равно не привлекалъ бы ихъ и къ сотенному суду, такъ какъ съ нихъ надо искать „сатисфакціи въ Глуховѣ, въ двору гетмана“. По смерти Апостола, впрочемъ, обмочевскіе палубничіе, по ихъ просьбѣ, были вновь приняты подъ сотни, а затѣмъ съ окончательнымъ уничтоженіемъ гетманства, и поповскіе конюшевцы и палубничіе въ свою очередь вновь сошлись съ сотенными козаками [1])

Всѣ эти группы козаковъ, выдѣлявшихся изъ сотенной организаціи и несшихъ ту или иную службу непосредственно гетману, не отличались большимъ многолюдствомъ. Бобровниковъ насчитывалось въ ихъ лучшее время всего около 100—150 дворовъ, стрѣльцовъ разныхъ категорій и наименованій въ началѣ XVIII вѣка едва-ли было нѣсколько сотъ дворовъ, гетманскихъ конюшевцевъ и палубничихъ въ это же время числилось около 130—140 дворовъ. Но перечисленными группами далеко еще не исчерпывалось число козаковъ, такъ или иначе выдѣлившихся изъ сотенной орга-

---

[1]) См. А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II. Полкъ Нѣжинскій, сс. 230—2 и 274—6, и мою рецензію на эту книгу въ Отчетѣ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова и отдѣльно „Къ исторіи Нѣжинскаго полка“, Спб., 1896, сс. 100—1.

низаціи. Рядомъ съ этими группами постепенно образовались и другія, подобно имъ занимавшія своего рода переходное положеніе между козачествомъ и посполитствомъ и въ то же время болѣе многочисленныя по составу своихъ членовъ.

Одною изъ такихъ группъ, по своему характеру ближе всего стоявшей къ гетманскимъ конюшевцамъ и палубничимъ, явились старшинскіе „куренчики" или „курінчики" [1]). Отправляясь въ походъ, члены войсковой старшины испытывали нужду въ военной свитѣ, которая могла бы играть для нихъ и роль прислуги. Подобная свита нужна была имъ подчасъ и въ мирное время при отправленіи ими своихъ служебныхъ обязанностей, главнымъ образомъ, для разсылки разнаго рода писемъ. Стремясь удовлетворить эту потребность, члены старшины и вербовали себѣ „куренчиковъ" среди менѣе состоятельныхъ козаковъ, обыкновенно среди своихъ односельцевъ и иногда даже среди своихъ родственниковъ, беря такихъ „куренчиковъ" на время похода на свое прокормленіе, въ мирное время освобождая ихъ отъ сотенныхъ повинностей Первоначально вербовка такихъ куренчиковъ, вѣроятно, носила вполнѣ добровольный характеръ, но съ теченіемъ времени она стала закрѣпляться и распоряженіями высшихъ войсковыхъ властей Началась эта вербовка, надо думать, довольно рано, еще въ первое время гетманщины. Во всякомъ случаѣ уже въ началѣ XVIII вѣка, въ эпоху гетманства Скоропадскаго, группа куренчиковъ является вполнѣ сложившейся и вмѣстѣ съ тѣмъ широко распространенной. Куренчики въ это время были у самыхъ различныхъ членовъ старшины, начиная съ гетмана и генеральной старшины, продолжая полковниками и сотниками и кончая знатными войсковыми товарищами и державцами имѣній, въ томъ числѣ даже такими, которые въ данное время не несли и не могли нести никакой войсковой службы. И у всѣхъ этихъ лицъ куренчики несли однѣ и тѣ же обязанности и занимали одно и то же положеніе, ставившее ихъ какъ бы на границѣ между козаками и посполитыми.

Въ 1766 г. два жителя с. Некрасовки, Мартынъ Демьяненко и Василій Коваленко, жаловались въ генеральный судъ на неправильное привлеченіе ихъ въ посполитые. По словамъ жалобщиковъ, „предки ихъ, дѣды и отцы, и они, просители, жіючи на имѣючихся нынѣ подъ владѣніемъ ихъ грунтахъ козачихъ, и всякія повинности ко-

---

[1]) Слово „курень" или „курінь" первоначально означало домъ, жилище Въ дальнѣйшемъ то же слово употреблялось для обозначенія тѣхъ административно-территоріальныхъ единицъ, на которыя распадалась сотня. Въ крупномъ мѣстечкѣ обыкновенно бывало нѣсколько „куреней", съ куреннымъ атаманомъ во главѣ каждаго изъ нихъ. Наоборотъ, нѣсколько мелкихъ поселеній часто составляли одинъ курень съ общимъ куреннымъ атаманомъ. Вѣроятно, это дѣленіе на курени было заимствовано изъ Сѣчи, гдѣ козаки одного куреня и жили въ одномъ домѣ.

зачіи отбували". Потомъ „они, просители, были при дворѣ гетмана Скоропадскаго, а служили придворно на лошадяхъ въ посылкахъ по смерть его, гетмана". Вдова Скоропадскаго „при смерти своей возвратила ихъ, просителей, по прежнему подъ сотню", но тогда „бывшій при гетману Скоропадскому въ дворѣ маршалкомъ Андрей Гондзеровскій, испрося ихъ ради надобности его маршалковской всего на одинъ тиждень (недѣлю), привлекъ къ подданству неналежно; егда же они, просители, начали во владѣніи его, Гондзеровского, жить, то онъ з начала толко что въ поѣздки и въ посылки ихъ употреблялъ и по препорціи на работу высылалъ, а послѣ началъ ими работать, якъ бы и подданными своими". Генеральный судъ нашелъ эту жалобу справедливой и перечислилъ жалобщиковъ въ козаки [1]).

Держа самъ при своемъ дворѣ куренчиковъ, Скоропадскій давалъ и подтверждалъ такихъ же куренчиковъ и другимъ членамъ старшины. Такъ, въ 1711 г. онъ приказывалъ седневскому сотнику не притѣснять куренчиковъ генеральнаго асаула Бутовича, находившагося въ это время въ плѣну. Гетманъ „грозно и сурово" предписывалъ, чтобы „козаки, якіе, въ городѣ и въ селахъ его, пана асаула нашего войскового генералного, зостаючіе, в куренѣ его найдовалися, и теперь до двору, не узнаючи найменшого препятствія, належалы" [2]) Шестью годами позже, послѣ смерти Бутовича, Скоропадскій, по просьбѣ его вдовы, выдалъ ей универсалъ, которымъ „сохранялъ при ея домѣ" четырехъ „свойственныхъ умершого", „козаковъ боромиковскихъ, которіе и умершому мужу ея прислушали для случаючихся потребнихъ посилокъ" [3]). Подобнымъ же образомъ Скоропадскій въ 1708 г. подтвердилъ знатному войсковому товарищу Ивану Черняку с. Гавронцы и половину с. Рыбцовъ „с куреннемъ козаковъ, в тѣхъ же селахъ житие свое мѣючихъ, для услуги до походу военного приданныхъ", а когда въ 1718 г. Чернякъ представилъ ему универсалъ Мазепы, „въ которомъ братевъ ево и иныхъ ево сродниковъ маетности его же в Гавронцахъ и в Тахтауловѣ живущихъ, а именно Алексѣя Савина Черняка Налимовскихъ, Матвѣя Павленка, предку Сохацкихъ, Койнашовъ, Бабанскихъ, Чикаловъ, Искрила, Явденка, в курень ему, какъ сродниковъ, для отбивания военнихъ походовъ опредѣлено", то Скоропадскій съ своей стороны подтвердилъ ему „всѣхъ вишепомянутихъ его сродниковъ, дабы при ономъ войсковую в походахъ отправляли службу" [4]). Такія же разрѣшенія держать

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла 6. Черниг. Пал. Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 29, кн. 91, д. 18, лл. 155, 155—9.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, с. 518.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукописное отдѣленіе Моск. Рум. Музея, № 1159, Документы, № 61.

[4]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіев. ун-та) п. н. „Полтавскіе земельные универсалы", № 39.

куренчиковъ получали отъ Скоропадскаго и многіе другіе члены старшины, нерѣдко даже не занимавшіе особенно виднаго положенія въ „войскѣ“. Такъ, подтверждая въ 1719 г. имѣнія Семену Шаулѣ, бывшему передъ тѣмъ сотникомъ въ м. Носовкѣ Кіевскаго полка, Скоропадскій утвердилъ Шаулѣ и его куренчиковъ. „Опредѣляемъ тутже — писалъ гетманъ въ своемъ универсалѣ — ему, пану Семену Шаулѣ, в курень человѣка шесть козаковъ тамошнихъ носовскихъ для отбуванія з нимъ служебъ войсковихъ, какъ прежде и за небожщика (покойника) отца его в куренѣ знайдовалися, прето абы (поэтому чтобы) панъ полковникъ и сотникъ тамошній носовскій преречонихъ шести человѣка козаковъ держати в куренѣ не боронилъ, имѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ“ [1]).

Но не всѣ члены старшины довольствовались этими разрѣшеніями гетмана. Болѣе видные изъ нихъ нерѣдко выходили далеко за предѣлы такихъ разрѣшеній и, пользуясь своимъ вліяніемъ на мѣстахъ, собирали при своемъ дворѣ несравненно болѣе куренчиковъ, чѣмъ это было дозволено имъ гетманомъ. Василію Кочубею Скоропадскій въ 1715 г. опредѣлилъ въ качествѣ куренчиковъ— „въ домѣ пребывающому для посылокъ, а въ военномъ походѣ бытность въ куренѣ его“—козаковъ с. Жуковъ, „понеже при бывшому гетманѣ и дѣду его Федору Жученку то жъ было опредѣлено“, и предписалъ „полковнику и старшинѣ полковой до найменшихъ повинностей тѣхъ козаковъ не употреблять“. Но уже два года спустя гетману пришлось, по просьбѣ козацкихъ атамановъ, приказывать Кочубею „тѣми только довольствоваться козаками, которые при умершемъ Жученкѣ, дѣдѣ его, въ куренѣ были, числомъ 20, больше же ни до кого не имѣть интересу и всѣмъ козакамъ, живущимъ въ маетностяхъ его, быть къ сотнѣ, а ему, Кочубею, ихъ уступить“. Однако гетманскій приказъ, повидимому, мало подѣйствовалъ на Кочубея и въ слѣдующемъ году полтавская полковая и городовая старшина, жалуясь на него царю, между прочимъ просила, чтобы онъ, Кочубей, „козаковъ, которые въ маетностяхъ его живутъ, подъ власть свою не принималъ, кромѣ двадцати, которые ему по универсалу гетмана опредѣлены“. Кочубей возражалъ, что козаки, о которыхъ идетъ рѣчь, „еще при дѣдѣ его по универсалу обрѣталися и ему, Кочубею, подъ команду отданы и тѣхъ хотятъ отъ него отнять“, но послѣдовавшей по жалобѣ полтавцевъ царской грамотой предписано было „козакомъ всѣмъ, которые суть въ маетностяхъ ихъ, Кочубеевыхъ, быть въ козацкой службѣ подъ вѣдѣніемъ полковника и сотниковъ, а имъ, Кочубеямъ, и инымъ никому нигдѣ козаковъ въ подданство и въ работу себѣ не привлекать и дѣла до нихъ не имѣть“ [2]). Кочубеи при-

1) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 29, л. 567 об.

2) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіев. ун-та), л. н. „Полтавскіе земельные универсалы“, № 5.

влекали козаковъ въ куренчики, не располагая въ сущности никакою властью въ полку и пользуясь лишь своимъ вліяніемъ и богатствомъ. Когда же за такое привлеченіе брался членъ старшины, по своему положенію пользовавшійся болѣе или менѣе значительною властью, оно, естественно, совершалось еще легче и давало еще болѣе серьезные результаты. Такъ, прилуцкіе полчане жаловались въ 1719 г. на своего полковника Игнатія Галагана, что онъ набралъ себѣ въ куренчики до 60 козаковъ и во время похода въ Царицынъ освободилъ ихъ отъ тяжелой работы, которой были обременены остальные козаки его полка [1]. И подобныя жалобы раздавались по адресу не одного только Галагана.

За время гетманства Скоропадскаго такія жалобы, въ лучшемъ случаѣ, вызывали со стороны гетмана лишь частныя мѣры въ видѣ ограниченія числа куренчиковъ у того члена старшины, на котораго жаловалось населеніе. Иначе, какъ мы видѣли въ только что разсказанномъ эпизодѣ съ Кочубеями, относилась къ такимъ жалобамъ центральная власть. И когда по смерти Скоропадскаго управленіе Малороссіей перешло въ руки назначенной царемъ и составленной изъ великорусскихъ офицеровъ Малороссійской Коллегіи, послѣдняя въ 1722 г. распорядилась отобрать всѣхъ куренчиковъ подъ сотни [2]. Но съ возстановленіемъ гетманства получившій гетманскую булаву Апостолъ вновь возродилъ и куренчиковъ, начавъ опять назначать ихъ отдѣльнымъ членамъ старшины.

Въ 1727 г. знатный войсковой товарищъ Іосифъ Тарасевичъ обратился къ Апостолу съ просьбой подтвердить ему имѣвшихся у него по универсалу Скоропадскаго куренчиковъ въ его маетности—с. Британахъ. „Стосуючися (примѣняясь) до унѣверсалу антецессора нашего,—писалъ въ отвѣтъ на эту просьбу гетманъ—а барзѣй захову̀ючы (а болѣе сохраняя) давный войсковый порядокъ—что въ войску малороссійскомъ заслуженымъ людямъ и старшинѣ курѣнчиковъ потребное число бывало опредѣляется,—позволяемъ чрезъ сей нашъ унѣверсалъ, абы десять человѣка козаковъ, въ маетности его мешкаючіе, были въ курени его по прежнему и до служебъ къ походамъ войсковымъ, такожъ для посылокъ зъ писмами при немъ присутствовали, толко бъ не были въ подданской повинности и порабощеніи, упоминаемъ“ [3]. Въ слѣдующемъ году по жалобѣ генеральнаго есаула Жураковскаго, что глуховская сотенная старшина „курѣнчиковъ его до сотенныхъ повинностей, которіе прежде до того не належали, притягаютъ“, Апостолъ отправилъ глуховскому сотнику и атаману приказъ, чтобы они не смѣли дѣлать этого [4].

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Пал. Уг. и Гр., оп. 2, св. 1, № 1.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., №№ 6.691, 6.692, 25.147.

[3]) Матеріалы для отечественной исторіи, изд. М. Судіенко, I, отд. II, 18.

[4]) Тамже, I, 70.

Обращались къ Апостолу съ просьбами такого рода и другіе члены старшины и тоже не встрѣчали отказа въ этихъ просьбахъ. Такъ, Василій Завадовскій просилъ гетмана въ 1728 г. „для случающихся посылокъ и управленія опредѣляемыхъ дѣлъ" назначить „въ курень" ему „козаковъ человѣка восемь въ войсковомъ селѣ Хмелевцѣ въ сотнѣ полковой стародубовской" [1]). Въ томъ же году Андрей Лизогубъ жаловался, что у него въ 1722 г. были отобраны Малороссійской Коллегіей куренчики въ с. Сосновкѣ, которыхъ держалъ еще дѣдъ его лѣтъ тридцать назадъ, а между тѣмъ „инний и конинѣ курѣнних козаковъ при собѣ держать". „Того ради—писалъ Лизогубъ—прошу велможности вашой унѣверсалъ дати до пана сотника конотопского на десять человѣкъ конних, а десять пѣших, дабы опредѣливъ мнѣ по прежнему на послушенство" [2]). Тогда же жаловался гетману и бунчуковый товарищъ Семенъ Лизогубъ, что у него отняли его куренчиковъ въ сс. Шибириновкѣ и Андреевкѣ, которые издавна находились въ его куренѣ, „а безъ курѣнчиковъ служебъ войсковыхъ ему отправовать не безъ трудности и обиды будетъ"—и гетманъ предписалъ разслѣдовать, какіе куренчики издавна служили Семену Лизогубу, а пока отдать ему въ курень шибириновскихъ и андреевскихъ козаковъ. Вслѣдъ затѣмъ посланный для объявленія этого указа и для производства разслѣдованія наказаной сотникъ доносилъ гетману: „тихъ селъ козаки всѣ согласно сказали, что наслуговувать они пану Семену Лизогубу стали с того времени, когда покойный Иванъ Скоропадскій сталъ гетманомъ; наслуговували они пану Лизогубу по прошлій 724 годъ" [3]).

Возстановляя такимъ образомъ въ прежней неприкосновенности порядки, дѣйствовавшіе при Скоропадскомъ, Апостолъ до нѣкоторой степени еще и систематизировалъ эти порядки, назначая куренчиковъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ группамъ старшины. Такъ, предписывая универсаломъ 30 марта 1733 г. бунчуковымъ товарищамъ Нѣжинскаго полка, „въ засеймскихъ сотняхъ жительство свое имѣющимъ", быть готовыми къ походу, гетманъ прибавлялъ: „а понеже издавна обыкновеніе в полкахъ рейменту нашего бывало, когда бунчуковое товариство в походъ виправляются, то имъ для вспомоществованія от антецессоровъ нашихъ курѣнчики бывало опредѣляются, того ради и мы симъ нашимъ унѣверсаломъ панамъ бунчуковимъ товариству всякому, если которій востребуеть, козаковъ самихъ найубожшихъ к нынѣшному военному походу для вспомоществованія определить велѣли"; „толко бъ—оговаривался Апостолъ—тихъ себѣ опредѣленнихъ куринчиковъ чрез ввесь походъ панове бунчуковіе товарищи

---

1) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд. № 25.140.

2) Тамже, № 25.147.

3) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 5.

на своемъ содержали виктѣ (кормѣ) и коштѣ, когда же з означенного походу по указу возвратятся, тогда онымъ курѣнчикамъ быть при своихъ прежнихъ командахъ предлагаемъ" [1]).

Смерть Апостола и послѣдовавшая за ней замѣна гетманской власти въ Малороссіи „министерскимъ правленіемъ", на первыхъ порахъ не измѣнили положенія куренчиковъ. Еще въ 1734 г. бунчуковый товарищъ Петръ Корецкій обратился къ управлявшему Малороссіей кн. Шаховскому съ просьбой о назначеніи ему куренчиковъ, ссылаясь въ подкрѣпленіе своей просьбы на указъ имп. Анны 8 августа 1731 г., которымъ „ея императорское величество указать изволила о опредѣленіи генеральной старшинѣ, полковникамъ и другимъ курѣнчиковъ". Въ 1735 г. Корецкій возобновилъ свою просьбу, указывая, что при Скоропадскомъ у него „имѣлись курѣнчики 15 человѣкъ", но затѣмъ Малороссійской Коллегіей они были отобраны подъ сотню [2]). Но въ томъ же 1735 г. состоялось распоряженіе отобрать отъ всѣхъ старшинъ и бунчуковыхъ товарищей куренчиковъ и причислить ихъ къ остальнымъ козакамъ, „подъ сотню" [3]).

Существованію куренчиковъ былъ, такимъ образомъ, положенъ конецъ. Но съ уничтоженіемъ этой группы далеко не всѣ лица, входившія передъ тѣмъ въ ея составъ, вернулись, какъ это предписывалось распоряженіемъ 1735 г., въ ряды козачества. Какъ мы видѣли, куренчики въ самый моментъ своего возникновенія занимали, до извѣстной степени, среднее положеніе между козаками и посполитыми. Считаясь козаками, они не несли тѣхъ повинностей въ пользу казны, которыми было обложено посполитство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не несли и „сотенныхъ повинностей", не отправляли козацкой службы въ сотнѣ. Взамѣнъ того они и въ военное, и въ мирное время отправляли лишь службу отдѣльнымъ членамъ старшины, къ которымъ они были назначены,—и эта служба, по крайней мѣрѣ, въ мирное время, сильно сближала ихъ съ посполитыми владѣльческихъ имѣній. Во многихъ имѣніяхъ Малороссіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка существовалъ особый разрядъ посполитыхъ, носившихъ названіе „бояръ", которые были освобождены отъ тягла, но за то несли на себѣ повинность развозки владѣльческихъ писемъ и посылокъ [4]). Различіе между этими „боярами",

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отъ. № 10.000.

[2]) Тамже, №№ 6.691 и 6.692.

[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 5.

[4]) Вотъ для примѣра нѣсколько упоминаній о такихъ „боярахъ". Въ 1695 г. въ с. Омбышѣ упоминается „бояринъ давный монастырскій"; бояринъ упоминается въ Омбышѣ и въ 1745 г. Въ 1695 г. „бояринъ" упоминается въ с. Вощилинѣ, въ 1721 г. — въ с. Онисовѣ. Въ 1721 г. „бояринъ" с. Лищичъ, маетности Кіево-Печерскаго монастыря, купилъ хуторъ у козачки за 2.000 золотыхъ. Въ 1755 г. упоминается въ Быковской волости „бояринъ" — посполитый, несущій конную службу для посылокъ и свобод-

набиравшимися изъ посполитыхъ, и „куренчиками“, вербовавшимися изъ козаковъ, оказывалось очень небольшимъ, а на практикѣ оно нерѣдко и совсѣмъ исчезало. Если у козака подъ вліяніемъ тяжести сотенной службы—тяжести, быстро возроставшей съ теченіемъ времени, — подчасъ являлся соблазнъ укрыться отъ этой тяжести путемъ перехода въ „куренчики“ того или иного члена старшины, то послѣднему, въ свою очередь, легко приходитъ соблазнъ обратить такого „куренчика“ въ своего „боярина“, а затѣмъ и въ обыкновеннаго „подданнаго“. Съ уничтоженіемъ же куренчиковъ, какъ особой группы населенія, значительная часть ихъ такъ и осталась въ составѣ владѣльческихъ „подданныхъ“. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка въ малорусскіе суды поступало не мало жалобъ со стороны бывшихъ куренчиковъ на обращеніе ихъ во владѣльческихъ посполитыхъ, но суды этой эпохи не склонны были обращать большое вниманіе на подобныя жалобы и бóльшая часть ихъ признавалась неподлежащей удовлетворенію. Судьба куренчиковъ въ этомъ отношеніи оказалась, до извѣстной степени, аналогичной съ судьбою бобровниковъ, стрѣльцовъ и гетманскихъ конюшевцевъ и палубничихъ, съ той только разницей, что группа куренчиковъ была несравненно многочисленнѣе всѣхъ этихъ группъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Организація военныхъ силъ страны, происходившая въ условіяхъ примитивнаго государственнаго и соціальнаго строя, повела такимъ образомъ къ выдѣленію изъ рядовъ козачества нѣсколькихъ группъ, занимавшихъ какъ бы промежуточное положеніе между козаками и посполитыми и становившихся въ такія отношенія къ отдѣльнымъ членамъ старшины, которыя близко напоминали частную зависимость, а порой и прямо переходили въ подобную зависимость. Но наряду съ такимъ прямымъ воздѣйствіемъ государственной власти на населеніе, создававшимъ среди послѣдняго извѣстное разслоеніе, въ томъ же направленіи дѣйствовали и другія причины, въ ряду которыхъ особенно видное мѣсто занимали опять-таки послѣдствія тѣхъ войнъ, какія пришлось вести Малороссіи вслѣдъ за отдѣленіемъ ея отъ польскаго государства, и тѣхъ матеріальныхъ тяготъ, какія налагали эти войны на ея населеніе.

Въ одной сохранившейся до нашего времени отъ XVII вѣка книгѣ протоколовъ полтавскаго полкового суда имѣется любопытный документъ, выданный въ 1688 г. полтавскимъ полковникомъ Павломъ Семеновичемъ. „Ознаймуемъ симъ нашимъ писмомъ

ный отъ тягла. (Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, №№ 1616/1163, 1616/1164, 1616/929, 1616/793, 1616/1243; Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла изъ архива намѣстническаго правленія, дѣла о закрѣпощеніи и отысканіи вольности, дѣло 1755 г. о козакѣ Карпенкѣ по доношенію экономической канцеляріи).

всѣмъ, кому о томъ вѣдати належитъ,—говорится въ этомъ документѣ—ижъ (что) Ивана Мазура, жителя ивончинского, од всѣхъ тяглостей посполитихъ, а над те (сверхъ того) и од датку поборового, уволняемъ цѣле, поневажъ (такъ какъ) онъ на томъ сталъ, абы по смерти его всѣ власности рухомие и нерухомие (имущества движимыя и недвижимыя) досталися церквѣ Божой, также на Ивончинцяхъ селѣ стоячой, а по смерти его, Ивановой, его жъ жона до конца живота своего на всѣхъ тихъ осѣдлостяхъ мешкати маетъ (жить должна) неотмѣнне". Въ 1689 г., какъ узнаемъ мы изъ той же книги, этотъ документъ былъ представленъ новому полтавскому полковнику Федору Жученку и послѣдній съ своей стороны подтвердилъ его. „Мѣетъ реченний Мазуръ — писалъ Жученко—под обороною церкви божественной ивончинской и нашой полковничой и врядовой ажъ до смерти его (быть), абы на немъ, Ивану Мазуру, жаднихъ (никакихъ) вимисловъ в подводехъ, в даткахъ городовихъ и стацийнихъ не било вимагано (не вымогалось) до смерти его, а по смерти вся худоба (имущество) Иванова в кгрунтехъ, рухомихъ и нерухомихъ речахъ (предметахъ) вся спадаетъ на церковь божественную ивончинскую, а не кому иншому" [1]).

Приведенные документы воспроизводятъ передъ нами лишь единичный эпизодъ малорусской жизни XVII столѣтія, но эпизодъ этотъ представляетъ большой интересъ и самъ по себѣ, и—еще болѣе—въ сопоставленіи съ нѣкоторыми другими фактами той же эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ нѣсколько ближе приглядѣться къ содержанію этого эпизода. Посполитый с. Ивончинецъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, — въ подтвердительномъ письмѣ полковника Жученка Иванъ Мазуръ именуется „подейшлымъ въ лѣтѣхъ старушкой",—завѣщалъ послѣ своей смерти все свое движимое и недвижимое имущество своей сельской церкви и въ виду этого мѣстный полковникъ взялъ его „подъ оборону" этой церкви, равно какъ подъ свою, полковничью, и урядовую оборону, освободивъ его на весь остатокъ его жизни отъ всѣхъ „посполитыхъ тяглостей", т. е. отъ всѣхъ повинностей и платежей, какими облагались посполитые въ пользу „войска" и его казны. Въ Малороссіи XVII вѣка церковь являлась собственностью и средоточіемъ той общины, въ которой она стояла: община строила церковь, община выбирала для нея священника, община же распоряжалась и церковнымъ имуществомъ, причемъ нерѣдко взимала въ пользу церкви плату и за свои, общинныя земли, уступавшіяся тому или другому лицу [2]). Такимъ образомъ Иванъ Мазуръ, завѣщая все свое имущество церкви своего села, тѣмъ самымъ оказывалъ услугу своей сель-

---

[1]) Протоколы Полтавскаго полкового суда, кн. I, лл. 190 об.—191, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ библіотекѣ кіевскаго университета).

[2]) См. мою статью „Формы землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.", „Р. Богатство", 1913, № 10, сс. 237—241.

ской общинѣ и, очевидно, именно поэтому полковникъ, воплощавшій въ своемъ лицѣ власть полковой общины, и счелъ возможнымъ освободить его отъ повинностей и платежей, лежавшихъ на всѣхъ остальныхъ членахъ его общины, взявъ его „подъ оборону" той церкви, которой онъ принесъ пожертвованіе, и свою. Подобное освобожденіе отъ повинностей въ годы, къ которымъ относится исторія Ивана Мазура, не было очень ужь рѣдкимъ исключеніемъ. Людей, стоявшихъ „подъ обороной" тѣхъ или иныхъ носителей власти и избавлявшихся этой „обороной" отъ несенія общихъ повинностей, въ Малороссіи подъ конецъ XVII вѣка насчитывалось не мало и соотвѣтственно этому въ источникахъ даннаго времени можно найти довольно большое количество эпизодовъ взятія отдѣльныхъ лицъ „подъ оборону" того или другого представителя власти. Но именно приведенный выше эпизодъ бросаетъ, думается мнѣ, лучъ свѣта на происхожденіе такой „обороны" и разъясняетъ тѣ мотивы, какими она первоначально диктовалась.

Можно думать, дѣйствительно, что вначалѣ, когда еще сильна была власть всего „Войска Запорожскаго" и отдѣльныхъ его общинъ, освобожденіе отъ общихъ повинностей являлось лишь очень рѣдкимъ исключеніемъ и достигалось только въ результатѣ болѣе или менѣе серьезныхъ заслугъ, оказанныхъ всему-ли „Войску" въ цѣломъ или какой-либо изъ его общинъ. Можно думать также, что, освобождая лицъ, оказывавшихъ такія услуги, отъ несенія общихъ повинностей и принимая ихъ подъ свою „оборону", носители власти въ „Войскѣ" первоначально дѣлали это лишь съ явнаго или, по крайней мѣрѣ, молчаливаго согласія избиравшаго ихъ на ихъ уряды населенія, воплощая такимъ образомъ въ своихъ дѣйствіяхъ волю послѣдняго. Но такое положеніе во всякомъ случаѣ продолжалось не долго. По мѣрѣ того, какъ носители власти высвобождались изъ-подъ контроля тѣхъ общинъ, представителями которыхъ они являлись, и получали бо́льшую самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, они стали проявлять эту самостоятельность и въ пріемѣ различныхъ людей подъ свою „оборону". Расширяя всѣ другія права, первоначально принадлежавшія имъ, лишь какъ представителямъ избиравшаго ихъ населенія, лица, сидѣвшія на урядахъ, постепенно расширили и право принятія тѣхъ или иныхъ людей, какъ изъ козачества, такъ и изъ посполитства, въ свою „оборону", не останавливаясь притомъ и передъ примѣненіемъ этого права исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ. И уже къ концу XVII вѣка самые различные члены старшины, начиная съ гетмана и кончая сотниками, держали подъ своей „обороной" или „протекціей" немалое количество освобожденныхъ отъ отбыванія общихъ повинностей людей, успѣвшихъ получить къ этому времени и особое имя—„протекціантовъ".

Гетманы, какъ мы знаемъ, довольно рано начали принимать „подъ свою протекцію и оборону" семьи членовъ старшины, осво-

бождая ихъ дворы отъ общихъ повинностей и перенося ихъ судебныя дѣла въ исключительное вѣдѣніе генеральнаго войскового суда. Но наряду съ этимъ въ гетманскую „протекцію" принимались и лица совершенно иного общественнаго положенія. „Для певныхъ причинъ (по нѣкоторымъ причинамъ) мѣючи въ певномъ респектѣ нашомъ жителя чернѣговского Александра Шабелника, уволняемъ от всякихъ мѣскихъ (городскихъ) повинностей и работизнъ з ласки нашое"—писалъ гетманъ Мазепа въ одномъ изъ своихъ универсаловъ 1699 г. и требовалъ, чтобы черниговская старшина, а въ особенности войтъ съ магистратскими чинами, не осмѣливались „его, Александра, до посполитихъ повинностей потягати и жадними работизнами обтяжати" [1]). „Мы — писалъ тотъ же Мазепа въ одномъ изъ универсаловъ 1704 г.—Алексѣя Лопату, слюсара, жителя хезіовского, уваживши, же здается (принявъ во вниманіе, что онъ годенъ) и потребенъ есть до двору нашого на дѣла, слюсарскимъ ремесломъ споражаючіеся, беремъ его подъ нашу гетманскую оборону, защищаючи, абы, кромѣ двору нашего, нѣ до кого зъ старшини полковой, сотенной и городовой не належалъ и нѣкому, кромѣ насъ, не отдавалъ повинности и тяглости. Также въ приключаючихся справахъ (дѣлахъ) у суду войсковомъ енералномъ росправлялся, а не передъ иншимъ якимъ урядомъ" [2]). „Беручи—писалъ, въ свою очередь, гетманъ Скоропадскій въ одномъ изъ своихъ универсаловъ 1709 г.—респектомъ свойства (въ уваженіе родства) пановъ Өедора и Ивана Левченковъ з дѣтми въ особливую нашу гетманскую протекцію и оборону, пилно (усердно) сего ж нашего унѣверсалу повагою (авторитетомъ) варуемъ и приказуемъ, абы панъ полковникъ прилуцкий, старшина тамошная и нѣхто не тилко до войсковыхъ повинностей и до посполитыхъ людей подачокъ не смѣли и не важилися (отваживались) потягати выжейпомененнихъ, въ протекціи нашой будучихъ, лечъ абы (но чтобы) под тоею обороною и протекціею нашою волное и спокойное могли всегда мѣты мешкане" [3]).

Рядовые козаки и посполитые, поступавшіе такимъ образомъ подъ гетманскую протекцію и оборону, сильно отличались по своему положенію отъ принимавшихся подъ ту же гетманскую протекцію членовъ старшинскихъ семей. Но самая идея „протекціи" въ тѣхъ и другихъ случаяхъ оставалась, въ сущности, одинаковой

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/784.

[2]) „Кіевская Старина", 1898 г., № 6, сс. 92—3.

[3]) По смерти Скоропадскаго вдова его жаловалась Полуботку, что наказной прилуцкій полковникъ началъ „до тяглостей чепать" Левченковъ, и Полуботокъ подтвердилъ универсалъ покойнаго гетмана. Позже, въ 1726 г., Скоропадская опять жаловалась генеральной войсковой канцеляріи, что полковая и сотенная старшина возобновила свои притязанія къ Левченкамъ. На этотъ разъ правители генеральной канцеляріи сочли нужнымъ запросить

Беря подъ свою протекцію членовъ старшины и старшинскія семьи гетманъ пользовался властью, принадлежавшей ему, какъ представителю всего „войска", и принималъ старшину подъ свою протекцію за ту службу, которую несла эта старшина для „войска". Но точно также, какъ представитель „войска", дѣйствовалъ гетманъ и тогда, когда бралъ подъ свою протекцію того или иного козака или посполитаго въ силу болѣе или менѣе отдаленнаго свойства его съ семьей гетмана или по другимъ, извѣстнымъ ему причинамъ. Равнымъ образомъ и тогда, когда гетманъ, найдя какого-нибудь хорошаго ремесленника, обязывалъ его служить при гетманскомъ дворѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ покрывалъ своей протекціей, эта протекція служила какъ бы вознагражденіемъ за службу „войску" въ лицѣ высшаго представителя послѣдняго—гетмана. И самая форма протекціи оставалась въ этихъ случаяхъ тою же самою, сводясь къ освобожденію принимаемыхъ подъ протекцію лицъ отъ общихъ повинностей и къ исключенію—по крайней мѣрѣ, иногда—судебныхъ дѣлъ этихъ лицъ изъ компетенціи сотенныхъ и полковыхъ судовъ съ передачей всѣхъ такихъ дѣлъ въ исключительное вѣдѣніе генеральнаго войскового суда. Однако послѣдствія этой протекціи для рядовыхъ козаковъ и посполитыхъ были далеко не тѣ, что для старшинскихъ семей. Если за послѣдними она лишь закрѣпляла ихъ привилегированное по сравненію съ остальнымъ „войсковымъ товариствомъ" положеніе, то для первыхъ такая протекція, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда она давалась имъ за службу при гетманскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ льготами устанавливала и частную зависимость. Посполитый, котораго гетманъ ставилъ слесаремъ при своемъ дворѣ, въ качествѣ гетманскаго „протекціанта" избавлялся отъ всякихъ повинностей по отношенію къ другимъ членамъ старшины и получалъ право судиться въ генеральномъ судѣ, въ которомъ судились и бунчуковые товарищи Но за то такой посполитый обязывался работать на гетмана и именно эта работа обезпечивала за нимъ льготы, связанныя съ положеніемъ гетманскаго протекціанта.

Такого рода протекціанты были не только у гетмана. Были они и у членовъ генеральной старшины, были и у полковниковъ и у полковой старшины, были и у сотниковъ. По мѣрѣ того, какъ разросталась власть старшины и ослабѣвала ея зависимость отъ массы населенія, различные члены старшины начинали все шире пользоваться возможностью набирать себѣ „протекціантовъ", а среди населенія въ свою очередь съ теченіемъ времени появлялось все больше и больше людей, готовыхъ укрыться отъ тяжести воен-

---

мнѣніе Малороссійской Коллегіи. Но отвѣта послѣдней въ архивномъ дѣлѣ нѣтъ. Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ. Дѣла 6. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 5, св. 1, № 6.

ной службы и „общенародныхъ повинностей“ подъ „протекцію“ того или иного члена старшины. Въ 1708 г. войтъ и мѣщане г. Полтавы жаловались гетману Мазепѣ, что „за нерадениемъ и нестроениемъ бывшой полковницкой власти не тилко порядки мѣские попсовалися (испортились городскіе порядки), посполитие люде значнѣйшіе и можнѣйшіе протекциею войсковой старшины, себѣ свойственой, от общой тяглости уволненніи зостали, лечь (но) и многие до ратуша и добра городового посполитого (общаго) належачие угодия въ руки неналежние одойшлы, навѣть (даже) и людмы такъ в самомъ городѣ Полтавѣ, яко и в селахъ, до города належачихъ, многие зъ духовнихъ и свѣтскихъ особъ завладѣли и от посполитой тяглости отторгнулы, яко то панъ Искра, бившій полковникъ, тридцять человѣка мѣскихъ, у Крутого Берега зостаючихъ, попъ Спасскій полтавскій въ самомъ городѣ двадцать человѣка, Алексѣй Черникъ в Олшаной болшъ от семидесятъ людей въ свою неналежную область одобрали“. Гетманъ, получивъ эту жалобу, предписалъ, чтобы „нѣхто з власти войсковой не смѣлъ и не важился свойственихъ своихъ людей посполитихъ от мѣской тяглости заступати, а вишше помянутие особи, панъ Искра в Крутомъ Березѣ, попъ Спасскій в самомъ городѣ Полтавѣ, Черникъ в Олшаной, людей, собою самовластне безправне завладѣнихъ, конечно уступили и до первобытной власти мѣской (городской) привернули“ [1]). Но то же самое явленіе, на которое жаловались полтавскіе мѣщане, повторялось въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи.

Наибольшею возможностью набирать себѣ „протекціантовъ“ обладали послѣ гетмана полковники, являвшіеся „господарями“ своихъ полковъ, и многіе изъ нихъ широко использовали эту возможность, принимая подъ свою протекцію и козаковъ, и свободныхъ посполитыхъ въ обмѣнъ за тѣ или иныя услуги либо за ту или иную плату. Между прочимъ, этимъ путемъ въ нѣсколькихъ полкахъ образовались цѣлыя группы т. н. „полковничьихъ чиншевиковъ“ — людей, уплачивавшихъ полковнику опредѣленный „чиншъ“ и за это освобождавшихся отъ общихъ повинностей.

Мѣстами такіе чиншевики появились уже въ концѣ XVII вѣка. Такъ, одинъ посполитый с. Оробьевки, лежавшаго въ варвинской сотнѣ Прилуцкаго полка, въ 1744 г. показывалъ, что, когда это село было еще свободнымъ войсковымъ и его посполитые „на ратушъ варвинскую принадлежали, то иние на ратушъ кошували мало сѣна, а иние не кошували за тимъ, что на чинши сидѣли,

---

[1]) Рукопись библіотеки А. Н. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіев. ун-та), п. н.: „Полтавскіе земельные универсалы“, № 1

платячи полковникамъ прилуцкимъ Горленку да Стороженку" [1]. „Степанъ Островерщенко, житель березовский,—разсказывалъ въ 1722 г. прилуцкій протопопъ Трифановскій — живучи з отца в селѣ Березовици на своихъ грунтахъ, давалъ чиншъ такъ пану Димитрию Горленку, яко и пану Носу, бывшимъ полковникомъ прилуцкимъ, а когда по разсмотрению покойний панъ Носъ, ради тяжести людской, не похотѣвши его держать на чиншу, приказалъ притягати до посполитихъ повинностей, онъ с прочими, не похотѣвши мужеско отбувати, перешелъ до села Талалаевки, маетности пана асаула Мовчана, и жилъ в его на чиншу" [2]. Подъ конецъ полковничества Носа, по ревизіи 1713 г., въ Прилуцкомъ полку было насчитано до 30 дворовъ „посполитыхъ людей, якіе, такъ жадныхъ тяглостей, яко и мѣсячного датку не выстачаючи, чиншъ полковникови даютъ" [3]. Смѣнившій въ 1714 г. Носа на посту прилуцкаго полковника Игнатій Галаганъ еще болѣе увеличилъ число этихъ полковничьихъ чиншевиковъ и прилуцкіе полчане, жалуясь въ 1719 г. на различныя обиды, причиняемыя имъ Галаганомъ, въ числѣ ихъ упоминали и непомѣрное увеличеніе количества такихъ чиншевиковъ. „Передъ симъ — писали полчане— бывали в полку Прилуцкомъ чиншовіе люде и зимовчики таковіе, которіе, переехавши из того боку Днѣпра на сюю сторону з соллю, наймали себѣ тутъ хати, а полковникамъ прежнимъ бывало даютъ по таляру от хати, а по таляру от мажи (телѣги), якъ же тихъ зимовщовъ мало стало, такъ вмѣсто оныхъ его милость панъ полковникъ найдостатнѣйшихъ грунтовихъ людей повписовалъ в чиншъ и беретъ з нихъ грошовий датокъ, которіи люде могли бы под сей трудній часъ не малое чинити ратушамъ и посполитимъ людямъ вспоможеня, а то оны нѣ компанѣйцямъ не даютъ, нѣ посполитимъ людямъ жадного не чинять даткою, подводами и сѣнокосомъ подпоможеня, и того ради в полку нашомъ отнюдь осидѣтися люде не могутъ, але (но) идутъ туда, где такихъ не отбуваютъ тяже

---

1) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 175, л. 157. Упомянутый здѣсь Горленко — очевидно, Лазарь — былъ послѣдній разъ прилуцкимъ полковникомъ съ 1680 г. по 1687 г.; Иванъ Стороженко былъ прилуцкимъ полковникомъ въ 1687—92 гг.

2) Моск. Румянц. Музей, Архивъ Маркевича, № 2.632; Дмитрій Горленко былъ прилуцкимъ полковникомъ въ 1692—1708 г.г., Иванъ Носъ — въ 1708—14 гг.

3) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. III, сс. 21—2. Лазаревскій, ссылаясь на Игн. Галагана, рѣшительно утверждалъ, что только предшественникъ Носа, Дмитрій Горленко, „придумалъ" полковничьихъ чиншевиковъ, какъ „совсѣмъ новую статью доходовъ" (назв. соч., с. 21). Мы видѣли однако, что въ Прилуцкомъ полку такіе чиншевики существовали и до полковничества Дмитрія Горленка. А, съ другой стороны, они не составляли и исключительной принадлежности Прилуцкаго полка. Въ виду этого утвержденіе покойнаго историка едва-ли можно считать правильнымъ.

стей“. Галаганъ возражалъ, правда, на эту жалобу, что чиншовыхъ людей при немъ въ полку столько же, сколько было и при полковникахъ Горленкѣ и Носѣ, а если и посаженъ на чиншъ кто новый, „то развѣ на мѣстце тыхъ, яковіи на чинши не хотѣли сидѣти и належитости роковой (оклада годового) не стали давати“. Однако изъ представленныхъ реестровъ выяснилось иное. Оказалось именно, что старыхъ чиншевиковъ съ зимовцами въ полку числится 20, а новыхъ, посаженныхъ на чиншъ Галаганомъ изъ козаковъ и посполитыхъ, — 78, причемъ съ этихъ 98 чиншевиковъ полковникъ собираетъ въ годъ деньгами болѣе 1.100 золотыхъ [1]).

Такіе полковничьи чиншевики существовали и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ 1716 г. гетманъ Скоропадскій, по просьбѣ войта и мѣщанъ г. Переяслава, возвратилъ въ вѣдѣніе переяславской ратуши людей, жившихъ на городскихъ земляхъ, но посаженныхъ мѣстными полковниками на чиншъ [2]). Въ слѣдующемъ году Скоропадскій, по аналогичной просьбѣ мѣщанъ м. Барышовки, возвратилъ имъ „въ первобытное городови владѣніе“, иначе говоря, въ число свободныхъ войсковыхъ посполитыхъ, тѣхъ людей въ сс. Морозовкѣ и Селичовкѣ, которыхъ передъ тѣмъ переяславскій полковника Томара, „уволнивши отъ всѣхъ посполитихъ повинностей, на чиншѣ посадити казалъ“ [3]). То же самое было и въ другихъ полкахъ. Въ 1726 г. два жителя с. Бѣлоцерковки въ Лубенскомъ полку жаловались въ генеральную канцелярію на неправильное привлеченіе ихъ въ подданство. Мы были — разсказывали жалобщики — козаками, „а якъ Леонтій Свѣчка сталъ полковникомъ лубенскимъ, а тогда походовъ мало до войска било, и онъ по его волѣ велѣлъ намъ чиншъ денежную давать, и бралъ отъ насъ роковъ (лѣтъ) чотири. Когда же уже Тарнавскій село Бѣлоцерковку себѣ въ под-

1) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла 6. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 2, св. 1, № 1. Въ числѣ этихъ чиншевиковъ Галагана были и козаки, „якіе чиншъ платятъ, а до войска не ходятъ“ и „зимовцы“, которые „зимовное отбуваютъ“ или, платя чиншъ, „тылко драгуновъ сустентуютъ (кормятъ), да на одного даютъ компанѣйця, а од всѣхъ тяглостей мѣскихъ волни зостаютъ, дрова до винницѣ возятъ пану полковникови“. Чиншъ уплачивался этими чиншевиками въ самыхъ различныхъ размѣрахъ, отъ 10 талеровъ до одного золотого (талеръ равнялся 60 копейкамъ, золотой—20 копейкамъ). См. также А. М. Лазаревскій, назв. соч., сс. 46—7. Здѣсь приведенъ и „листъ“, которымъ Галаганъ освободилъ на 1714 годъ одного изъ своихъ чиншевиковъ отъ всѣхъ общихъ повинностей, „такъ поборовыхъ, яко воженя подводъ, отъ стацій компанѣйцевъ и великороссійскихъ людей, всякихъ тяглостей мірскихъ и сторожовщины“. По словамъ Лазаревскаго, онъ видѣлъ такихъ „листовъ“ Игн. Галагана въ семейномъ архивѣ Г. П. Галагана около 30-ти.

2) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, № 1.159, документы, № 58.

3) Тамже, № 39.

данство понялъ, то уже не бралъ денежной чинши, но усиловалъ насъ ему панщину дѣлать и поданными насъ себѣ здѣлалъ“ [1]).

Помимо такихъ чиншевиковъ, полковники нерѣдко, подобно гетманамъ, принимали въ свою протекцію отдѣльныхъ ремесленниковъ изъ числа козаковъ и свободныхъ посполитыхъ, облагая такихъ ремесленниковъ работой на свой дворъ и освобождая ихъ за это отъ общихъ повинностей. Иногда такіе протекціанты-ремесленники оставались при дворѣ полковника и послѣ его ухода съ уряда. Бывало и такъ, что послѣ смерти самого полковника они закрѣплялись за его семьей распоряженіемъ гетмана. Такъ, гетманъ Скоропадскій въ 1713 г., послѣ смерти лубенскаго полковника Савича, оставилъ „въ прежнемъ послушенствѣ до двора Савичевой для домовой потребы универсалами опредѣленныхъ въ Лубняхъ кравцовъ двохъ, шевцовъ трехъ, бондаровъ и коваловъ по два, рыбалокъ трое, гончаровъ двохъ, а въ с. Новакахъ и Калайденцахъ стелмаховъ четырехъ человѣкъ“ [2]).

Иногда, наконецъ, полковники, пользуясь своею властью, принимали подъ свою протекцію не только козаковъ и свободныхъ посполитыхъ, но и посполитыхъ владѣльческихъ. Такъ, напримѣръ, бывшій бѣлоцерковскій обозный Павелъ Циганчукъ жаловался въ 1727 г. генеральной войсковой канцеляріи, что хотя Скоропадскимъ было дано ему 34 человѣка посполитыхъ въ с. Свидовкѣ Кіевскаго полка, но „полковникъ кіевскій Антоній Танскій по смерти гетмана Скоропадского ис тихъ 34 человѣкъ взялъ въ свою протекцію 15 человѣкъ, и з онихъ вписалъ в козаки двохъ человѣкъ, девять засъ (же) человѣка розійшлося, а в его осталось всего 10 человѣкъ, да и тихъ онъ, полковникъ, велить въ дворъ свой вигонить на косовицу и на жатву“. Генеральная канцелярія подтвердила Циганчуку свидовскихъ посполитыхъ, но и послѣ этого онъ вновь жаловался, что Танскій „приказалъ онимъ людямъ его, Циганчука, не слухать и, когда онъ, Циганчукъ, пошлетъ, чтобъ ишли на якую работу, то тіе люде, надѣясь на полковника, противятся и не толко его его не слухаютъ, но и разними укоризнами досаждаютъ и ругаютъ его“. Тогда генеральная канцелярія рѣшила употребить понудительныя мѣры, однако не по отношенію къ полковнику, а по отношенію къ привлекавшимся имъ въ протекцію посполитымъ. Въ с. Свидовку отправленъ былъ войсковой канцеляристъ съ компанейцами, съ тѣмъ, чтобы они утвердили

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 10.542 Правители генеральной канцеляріи, найдя жалобщиковъ по справкѣ не въ козацкомъ компутѣ, а между посполитыми, рѣшили оставить ихъ въ подданствѣ, а „за тое, что неслушне турбуютъ и самовольне въ козацтво впираются, учинено имъ наказаніе“.

[2]) А. М. Лазаревскій. Историческіе очерки полтавской лубенщины XVII—XVIII вв. „Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца“, XI, II, с. 85, примѣч. 1.

это село въ полное владѣніе Циганчуку, „а на комъ доведется з подданнихъ тамошнихъ вышеозначенная противность и непослушенство, тихъ по розыску кіевимъ наказали б боемъ по мѣрности и по силѣ вины“ [1]).

Въ свою очередь и сотники нерѣдко принимали въ своихъ сотняхъ козаковъ и посполитыхъ подъ свою протекцію, освобождая ихъ отъ общихъ повинностей и получая съ нихъ за это либо опредѣленную работу, либо плату деньгами или продуктами. Бывало такъ, что тѣ или иные ремесленники назначались для обслуживанія сотничьяго двора высшею властью въ лицѣ полковника, избавлявшаго ихъ за это отъ другихъ повинностей. Пирятинскому сотнику Семену Вакуленку лубенскій полковникъ Марковичъ опредѣлилъ, напримѣръ, въ 1719 г. изъ числа козаковъ с. Грабаровки „для послуги“ одного портного, одного сапожника, одного кузнеца и двухъ рыбаковъ, причемъ всѣ они были освобождены отъ всякихъ повинностей, кромѣ „ралцевой и дорочной“ [2]). Но бывало и такъ, что сотникъ самъ бралъ подъ свою протекцію тѣхъ или иныхъ людей. Въ 1722 г. населеніе старо-санжаровской сотни Полтавскаго полка судилось со своимъ сотникомъ Иваномъ Тарнавскимъ. Сотникъ—жаловались, между прочимъ, старо-санжаровскіе сотняне—„цехъ рѣзницкий отъ драгунъ уволнилъ, и того ради вже пять лѣтъ в нихъ береть чорнихъ смушовъ на вѣлчуръ (шубу) по тридцять, а бѣлихъ по двадцять, и то намъ, бѣднимъ, есть убигокъ, а ему користь“ [3]). Въ концѣ концовъ Тарнавскій былъ смѣщенъ и на его мѣсто былъ назначенъ Самойло Спафарій, но уже въ 1726 г. старо-санжаровскіе сотняне жаловались, что и этотъ сотникъ оказался не лучше. Между прочимъ, по ихъ словамъ, Спафарій вскорѣ послѣ своего назначенія сталъ, подобно Тарнавскому, держать рѣзницкій и бондарскій цехи на чиншѣ, освободивъ ихъ отъ содержанія великорусскихъ солдатъ и взимая за это съ перваго цеха смушки и сало, а со второго бочки. Сверхъ того,—жаловались сотняне—Спафарій, опять-таки подобно Тарнавскому, держитъ на чиншѣ двухъ козаковъ, беретъ съ нихъ „въ годъ по два солоды и зъ оныхъ пива варитъ и продаетъ“, а двухъ посполитыхъ уволилъ отъ постоя солдать и „беретъ себѣ рыбы съ нихъ по вся дни постные на потребу свою“ [4]). Старо-санжаровскіе сотники не представляли собою какого-либо рѣзкаго исключенія и такого рода порядки къ началу XVIII вѣка установились и во многихъ другихъ сотняхъ.

Значеніе этихъ порядковъ для массы населенія было тѣмъ ощу-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ въ Кіевскомъ полку, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіев. ун-та), лл. 26—8.

[2]) Н. В. Стороженко. Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій. „Кіев. Старина“, 1891 г., № 1, с. 138.

[3]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., I, св. 1, № 28.

[4]) Тамже, св. 2. № 197.

тительнѣе, что наряду съ гетманами, полковниками и сотниками протекціантовъ скоро стали держать и другіе члены старшины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще владѣльцы имѣній, какъ свѣтскіе, такъ и духовные. При этомъ протекціанты такихъ свѣтскихъ и духовныхъ „державцевъ" нерѣдко продавали или уступали послѣднимъ свои земли и дворы. Иногда такая продажа носила фиктивный характеръ, преслѣдуя лишь цѣли освобожденія вступавшаго въ протекцію человѣка отъ „общенародныхъ повинностей", иногда же она совершалась и на самомъ дѣлѣ. Въ 1698 г., напримѣръ, нѣкій Михайло Климовичъ уступилъ свои земли и „поддался" самъ черниговскому женскому Пятницкому монастырю, выговоривъ себѣ только сумму въ 200 золотыхъ, изъ которой монахини снабжали бы его „въ нужныхъ потребахъ" [1]). Въ 1722 г. протекціантъ охочекомоннаго ротмистра Невѣровскаго, Федоръ Гора, котораго золотоношскій сотникъ сталъ было „до гражданской потягати повинности", показывалъ на слѣдствіи, что онъ „для крайнего своего убожества" дѣйствительно продалъ свой дворъ Невѣровскому за 80 золотыхъ [2]). Въ 1737 г. новгородсѣверскій житель Федоръ Дорогая Рыбка, не имѣя при старости „спокойнаго мѣста къ прожитію", упросилъ Спасскій монастырь принять его до конца жизни и за это отписалъ на монастырь свой огородъ, лѣсокъ и три нивы, обѣщая, поскольку сможетъ, „и послушаніе, къ чему опредѣлятъ, слушать" [3]). Но и тогда, когда „державца" не покупалъ земель вступавшихъ въ его протекцію людей, онъ все же пріобрѣталъ нѣкоторое право на эти земли. О размѣрахъ этого права можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующій эпизодъ: въ 1722 г. конотопскій козакъ Никифоръ Савостьяновичъ, „зостаючій подъ протекціею велможнаго добродѣя его милости пана писаря енеральнаго" Семена Савича, продалъ за 600 р. свой хуторъ подъ с. Талалаевкой Рыхловскому монастырю, но продалъ только послѣ того, какъ Савичъ отказался самъ купить этотъ хуторъ и разрѣшилъ продать его кому угодно другому [4]).

Количество такихъ протекціантовъ, продавшихъ свои земли или — что бывало все-таки гораздо чаще — оставившихъ ихъ за собою и только жившихъ „подъ протекціей", уже въ началѣ XVIII вѣка доходило въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Малороссіи до очень внушительныхъ цифръ. Въ г. Конотопѣ, напримѣръ, въ 1711 г. насчитывалось 297 домохозяевъ-козаковъ, 300—посполи-

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/1702.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ кіев. ун-та, Переяславскій полкъ Документы Золотоношской сотни, т. I, № 71.

[3]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палать въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2550.

[4]) Тамже, № 1616/1542.

тыхъ и 104—протекціантовъ [1]). Въ м. Седневѣ въ 1717 г., послѣ произведеннаго по приказу гетмана розыска, возвратившаго часть здѣшнихъ протекціантовъ „до тяглости мѣской", протекціантовъ у разныхъ лицъ все-таки было насчитано 83 человѣка [2]). Столь значительное количество людей, укрывавшихся подъ протекціей владѣльцевъ отъ „общенародныхъ повинностей", естественно, сильно увеличивало тяжесть этихъ повинностей для остального населенія. Подъ вліяніемъ жалобъ послѣдняго гетманское правительство съ начала XVIII вѣка стало принимать нѣкоторыя мѣры къ сокращенію числа протекціантовъ, но мѣры эти не отличались большой рѣшительностью и не имѣли серьезнаго успѣха.

Въ 1706 г. гетманъ Мазепа, по жалобѣ борзенскихъ мѣщанъ, что многіе посполитые г. Борзны и с. Красиловки укрываются отъ общихъ повинностей подъ протекціей разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ державцевъ, поручилъ спеціально отправленному имъ въ Борзну козаку наблюдать, чтобы „всѣ такіе люди отъ належащой посполитой повинности не были вольными", а въ случаѣ упорства владѣльцевъ грозилъ имъ „непоблажнымъ караньемъ". Однако уже въ 1713 г. борзенскіе мѣщане вновь жаловались гетману Скоропадскому на рядъ державцевъ, которые приняли подъ свою протекцію многихъ людей въ Борзнѣ и Красиловкѣ и защищаютъ ихъ отъ общихъ повинностей, и Скоропадскій предписалъ этимъ владѣльцамъ возвратить такихъ людей въ свободные войсковые посполитые или, по крайней мѣрѣ, не защищать ихъ отъ общихъ повинностей. Но и это распоряженіе не дало никакихъ результатовъ. Послѣ того въ 1715 г. въ Борзнѣ и Красиловкѣ по приказу гетмана произведено было слѣдствіе, по которому отъ державцевъ должны были отойти къ ратушѣ 82 хаты. Однако уже въ 1719 г. Скоропадскій констатировалъ, что это постановленіе осталось неисполненнымъ державцами, и требовалъ отъ нихъ его исполненія подъ страхомъ лишенія имѣній [3]). Такимъ образомъ три распоряженія гетманской власти на протяженіи тринадцати лѣтъ оказались безсильными сломить сопротивленіе державцевъ и вернуть протекціантовъ къ отбыванію общихъ повинностей. При такихъ условіяхъ врядъ-ли имѣло много шансовъ на успѣхъ и четвертое распоряженіе въ этомъ смыслѣ. Однако, побуждаемые жалобами населенія, и Мазепа, и Скоропадскій,—и позднѣе—Апостолъ, не принимая какихъ-либо общихъ мѣръ противъ „протекціи", въ рядѣ частныхъ случаевъ продолжали все же требовать возвращенія протекціантовъ въ ихъ прежнія группы или, по меньшей мѣрѣ,

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 213—4.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ. Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 14.130.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, Ч. 1901, сс. 243—8

отбыванія ими общихъ повинностей. Такъ, Скоропадскій въ 1713 г., по жалобѣ остерскихъ мѣщанъ на монаховъ, имѣвшихъ мельницы около Остра и привлекавшихъ свободныхъ посполитыхъ въ свою протекцію, предписалъ этимъ монахамъ уступить своихъ протекціантовъ городу [1]). Точнó также гетманъ Апостолъ, когда въ 1729 г. войтъ съ мѣщанами г. Мены жаловались ему, что „города ихъ Мени многие мѣщане, ухиляючись од повинностей градскихъ, самоволно нѣкоторимъ духовнимъ и свѣцкимъ владѣльцамъ повдавалися под протекцѣю и, живучи в ихъ владѣлческихъ хатахъ, свободно грунтами оставшимися владѣютъ, в которихъ грунтовъ, щитячися (защищаясь) протекцѣею, жадного помоществованія ни в какихъ шарваркахъ (работахъ) и в дачи на консистентовъ надлежащого не чинятъ“, благодаря чему остальные мѣщане „в немалую пришли скудость и убожество“, потребовалъ, чтобы эти протекціанты съ своихъ земель „отбували градскую належитость или живучи в протекцияхъ владѣлцовъ, до тихъ своихъ грунтовъ не интересовалися“ [2]).

Въ большинствѣ случаевъ однако такія частныя мѣры давали очень скромные результаты, а то и вовсе не давали никакихъ, и владѣльческіе протекціанты благополучно просуществовали до половины XVIII вѣка. Еще въ 1750 г. сребрянскій сотникъ Тропина сообщалъ прилуцкой полковой канцеляріи, что въ его сотнѣ многіе козаки и посполитые вписались подъ протекцію родственниковъ гетмана, бунчуковыхъ товарищей Ефима Дарагана, Ѳедора Демьяновича и Осипа Закревскаго, ни въ чемъ его, сотника, не слушаются и ни въ службѣ, ни въ общенародныхъ повинностяхъ не хотятъ участвовать. Полковая канцелярія требовала, чтобы сотникъ привелъ непокорныхъ къ послушанію хотя бы силой, но Тропина отвѣчалъ, что употребить силу онъ не имѣетъ возможности, благодаря большому количеству вписывающихся въ протекціанты и сильному броженію среди остальныхъ козаковъ, а увѣщаній протекціанты не слушаются, заявляя: „сіе сотенная старшина сами, что хотѣли, написали, а указу такого не маютъ, а мы уже службу служили Богу и государю, а теперь не будемъ, знаемъ уже одного пана“. Къ тому же—прибавлялъ Тропина—въ сотнѣ разъѣзжаютъ слуги Ѳедора Демьяновича, записывая за деньги всѣхъ желающихъ въ его протекціанты и выдавая имъ „освободительныя письма“ за его печатью. Генеральная канцелярія, къ которой обратилась полковая, съ своей стороны подтвердила необходимость привлечь вписавшихся въ протекціанты къ отбыванію службы и

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ Кіевск. ун-та), Документы, лл. 50—1.
[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 4.552, л. 49.

повинностей хотя бы силою и вмѣстѣ съ тѣмъ вытребовала тѣхъ изъ протекціантовъ, которые были замѣчены въ произнесеніи „важныхъ" словъ. Одинъ изъ этихъ протекціантовъ, принесшій сознаніе, былъ наказанъ кіями, другіе отправлены на розыскъ въ полковую канцелярію. Но бунчуковыхъ товарищей и ихъ слугъ власти не потревожили [1]).

Впрочемъ, уже въ слѣдующемъ году состоялось уничтоженіе протекціантовъ. „Вѣдомо намъ учинилось,—писалъ гетманъ Разумовскій въ универсалѣ 27 іюня 1751 г., обращенномъ къ полковникамъ, — что въ нѣкоторихъ малороссійскихъ полкахъ между гетманствомъ разние чины поприсвоили к себѣ и взяли под владѣніе свое з купечества и мѣщанства по городамъ, городкамъ и мѣстечкамъ и из козаковъ по разнымъ мѣстамъ и подавали имъ свои охранителние писма, а в свободнихъ селахъ и деревняхъ посполитие обивателѣ [которие в нашей волѣ и повелѣніи быть должны], ухиляясь отъ общенароднихъ повинностей, к такимъ же присовокупились персонамъ и въ протекціи ихъ защищаются безъ всякой к нимъ правиляной принадлежности и безъ всякаго дозволенія и опредѣленія вишшей правящей власти; того ради вамъ симъ унѣверсаломъ приказуемъ, дабы вы въ городахъ, городкахъ и мѣстечкахъ, такожъ въ свободныхъ селахъ и деревняхъ велѣли справиться по предписанному и гдѣ такие, какъ упомянуто више, присвоенние и завладѣнніе самоволно изъ мѣщанъ, купечества, козаковъ и посполитихъ сищутся безъ дачи и указного опредѣленія, такихъ всѣхъ заразъ возвратить въ прежние ихъ мѣста и впредь такихъ самоволнихъ поступковъ чинить не допускать, опасаясь отвѣта и штрафа за несмотрение, имѣющиеся же у такихъ завладѣннихъ партикулярние отъ владѣлцовъ защитителніе писма, тотъ часъ отобравъ самие подлинние, к нашему усмотрению прислать немедленно въ генералную войсковую канцелярію" [2]).

Оффиціально группа протекціантовъ была такимъ образомъ уничтожена. Но на дѣлѣ это уничтоженіе получило, конечно, не совсѣмъ тотъ, или, вѣрнѣе, совсѣмъ не тотъ характеръ, какой былъ намѣченъ для него въ универсалѣ Разумовскаго. Передѣлывать сдѣланное уже исторіей дѣло было слишкомъ трудно, да у малорусскихъ полковниковъ и старшины не было и желанія заниматься такой передѣлкой и вновь выпускать изъ своей власти однажды захваченныхъ въ нее людей. И на дѣлѣ универсалъ Разумовскаго явился только послѣднимъ этапомъ въ долгой исторіи протекціантовъ, этапомъ, нимало не противорѣчившимъ тѣмъ,

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 4, св. 3, № 37.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 18.538.

которые ему предшествовали. Уничтоженнымъ въ результатѣ этого универсала оказалось только имя протекціантовъ, а сами они, за исключеніемъ лишь очень немногихъ, успѣвшихъ путемъ большихъ усилій выбиться обратно въ козачество, были попросту причислены къ владѣльческимъ посполитымъ, къ которымъ они все время приближались.

Въ значительной мѣрѣ эту судьбу съ протекціантами раздѣлила и другая, близкая къ нимъ, группа населенія—подсусѣдки. Но на этой группѣ и ея судьбѣ намъ надо остановиться особо.

В. Мякотинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Глухія ночи отданы безсонницѣ и скукѣ,
И шорохамъ пугающимъ, и вкрадчивому смѣху,
Какъ будто шарятъ въ сумеркахъ искривленныя руки,
И сдавятъ, и замучаютъ кому-то на потѣху.
Мнѣ чудится давно уже при лампѣ желтоокой
Одинъ сижу я съ книгою раскрытой и забытой.
И никогда не кончится томленье одинокой,
Печальной ночи августа за окнами разлитой.
Все стонутъ въ дальнихъ комнатахъ сухія половицы,
Все гдѣ-то мыши возятся. Однѣ и тѣ же ночи,
Однѣ и тѣ же старыя, истертыя страницы,
А время все торопится, а годы все короче
Летятъ, мелькая сѣрыми, безрадостными днями,
Текутъ часами сонными, лѣниво, какъ въ разлукѣ,
И шепчется безсонница съ печальными ночами,
И тянетъ къ сердцу жадныя, искривленныя руки.

Е. Федорова.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Ирландская драма.

(Окончаніе).

VI.

Мы видѣли уже, что возстаніе шинъ-фейнистовъ означало также бунтъ крайнихъ націоналистовъ противъ ирландской парламентской партіи. Когда начался мятежъ, онъ былъ осужденъ вождемъ ея—Редмондомъ. Надо знать, что въ Соединенныхъ Штатахъ живутъ милліоны ирландцевъ, поддерживавшихъ и поддерживающихъ свою старую родину въ борьбѣ за самоуправленіе. Передъ нами любопытный парадоксъ. Ни въ одной странѣ, кромѣ развѣ Россіи, нѣтъ такой отчаянной борьбы между секціями, фракціями и группами одной и той же партіи, какую мы наблюдаемъ въ Ирландіи. Здѣсь одна фракція предаетъ проклятію другую и провозглашаетъ ее измѣнниками общему дѣлу изъ-за расхожденія во взглядахъ относительно формулировки какого-нибудь пункта общей программы Въ то же время нигдѣ нѣтъ такой партійной дисциплины, какъ въ Ирландіи. Когда возникаетъ какое-нибудь новое явленіе въ политической жизни старой родины, ирландцы въ Америкѣ, вмѣсто того, чтобы самимъ разобраться въ немъ, обращаются съ запросомъ къ вождю— Редмонду, чтобы онъ далъ имъ указанія. То же было, когда начался мятежъ въ Дублинѣ. Приведу выдержки изъ „разъясненія" для ирланцевъ въ Америкѣ, даннаго Редмондомъ на третій день послѣ начала возстанія. „Когда я впервые услыхалъ про это безумное движеніе, мною овладѣли ужасъ, уныніе, почти отчаяніе,— сказалъ старый вождь.—Я задавалъ себѣ вопросъ: неужели и теперь, какъ случалось часто въ полной трагизма исторіи Ирландіи, кубокъ свободы будетъ вырванъ у Эрина въ послѣдній моментъ? Неужели безуміе небольшой группы населенія снова превратитъ блестящую побѣду въ пораженіе? Неужели какъ разъ въ тотъ мо-

ментъ, когда Ирландія самоопредѣляется, она будетъ отброшена далеко назадъ, къ годамъ рабства?" Редмондъ указываетъ дальше, какъ за послѣднія сорокъ лѣтъ, вслѣдствіе рѣшенія бороться конституціонными средствами, Ирландія, почти безъ всякихъ задержекъ, побѣдно подвигалась впередъ отъ нищенства и рабства къ благоденствію и свободѣ. Ирландскій народъ получилъ обратно землю; переселенческое движеніе изъ Ирландіи въ Америку остановилось; началась эра національнаго благоденствія. И, наконецъ, удалось провести законъ о гомрулѣ. Такимъ образомъ—по выраженію Редмонда—Ирландія получила величайшую, послѣ граттановскаго парламента, хартію свободы. Вождь указываетъ дальше, что надежды, возложенныя шинъ-фейнистами на Германію, какъ на освободительницу, совершенно призрачны. До сихъ поръ Германія проявила свою дѣятельность только, какъ угнетательница маленькихъ національностей, ихъ свободы и языка. Однимъ словомъ, Германія желѣзной рукой давила все то, для достиженія чего Ирландія боролась много вѣковъ. Редмондъ напоминаетъ американскимъ соотечественникамъ про судьбу Бельгіи. „Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о принципѣ. Будемъ разсматривать дѣло только съ точки зрѣнія выгоды самой Ирландіи. Что же намъ подсказываетъ подобное отношеніе къ драмѣ, развертывающейся теперь въ Европѣ? Нейтралитетъ? Нѣтъ, мы не можемъ быть нейтральны. Еще менѣе допустимо враждебное отношеніе со стороны Ирландіи къ тому дѣлу, за которое борятся теперь союзныя государства,—продолжаетъ Редмондъ.—Выступленіе Ирландіи, какъ союзницы Германіи, означало бы, что всѣ вольности Эрина, добытыя съ такимъ трудомъ, были бы потоплены въ крови". Вождь указываетъ, что Ирландія добилась гомруля не при помощи шинъфейнистовъ, а не смотря на оппозицію ихъ. „Вредное возстаніе теперь является ихъ послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ гомрулю. Мятежъ является не столько измѣной дѣлу, за которое сражаются Франція и Англія, сколько предательствомъ по отношенію къ гомрулю. Ударъ, направленный противъ гомруля, тѣмъ болѣе преступенъ, что Германія его задумала, Германія его подготовила и Германія дала деньги для его осуществленія". Редмондъ жалѣетъ о „безумныхъ и ослѣпленныхъ молодыхъ людяхъ, принявшихъ участіе въ возстаніи". Искренность ихъ доказывается тѣмъ, что они рисковали своею жизнью и потеряли ее... Редмондъ не находитъ словъ для осужденія тѣхъ людей, которые, „пославъ молодежь на безумное—анти-патріотическое дѣло, сами остались въ Соединенныхъ Штатахъ". Редмондъ, конечно, имѣетъ въ виду, прежде всего, Джима Ларкина. „Я глубоко убѣжденъ, что безумное возстаніе, вредное для свободы Ирландіи, кончится неудачей,—заканчиваетъ Редмондъ.—Подавляющее большинство населенія Ирландіи сохраняетъ свое спокойствіе и единство. Они съ ужасомъ

относятся къ нападенію на ихъ интересы, права, надежды и принципы. Повстанцамъ не удастся уничтожить гомруль“ [1]).

Затѣмъ, когда возстаніе было уже подавлено, вся парламентская ирландская партія выпустила манифестъ, въ которомъ она выразила свое отношеніе къ революціонному движенію. Партія настоятельно совѣтуетъ Ирландіи бороться только конституціонными средствами, покуда это возможно. Документъ этотъ очень любопытенъ, такъ какъ онъ въ значительной степени помогаетъ намъ разобраться въ ирландской драмѣ. Парламентская ирландская партія указываетъ на то, что „новая трагическая страница прибавилась къ кровавой исторіи Эрина“. „Дублинъ сдѣлался ареной безумной и неудачной попытки произвести революцію... Ирландія была провоцирована подобнымъ же незаконнымъ, революціоннымъ движеніемъ на сѣверѣ [2]), поддержаннымъ до войны одно время частью арміи. Отвѣтственность за Дублинскую драму падаетъ въ значительной степени на вождей революціоннаго движенія... Теперь Ирландія приведена въ ужасъ рядомъ казней, послѣдовавшихъ по приговору военно-полевого суда. Но правда также и то, что, не смотря на все провоцированіе и на негодованіе, произведенное казнями, ирландскій народъ, не колеблясь, осуждаетъ возстаніе въ Дублинѣ, какъ опасный ударъ, нанесенный надеждамъ Эрина“. Составители „манифеста“ указываютъ на другіе, болѣе вѣрные, чѣмъ возстаніе, способы борьбы за національную свободу. „Мы должны ясно выяснить нашу точку зрѣнія. Если мы отречемся отъ конституціоннаго движенія, поддерживаемаго теперь подавляющимъ большинствомъ ирландскаго народа, то передъ нами будетъ только рядъ неудачныхъ революціонныхъ возстаній, могущихъ повести лишь къ анархіи“. „Не впервые предлагаемъ мы ирландскому народу эту альтернативу,—читаемъ мы дальше въ манифестѣ.—За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ, Ирландія всегда боролась конституціонными средствами“. Парламентская партія напоминаетъ, какъ Исаакъ Бѣтъ, послѣ неудачнаго революціоннаго движенія въ шестидесятыхъ годахъ, объяснилъ ирландскому народу, что конституціонное движеніе—единственно вѣрный методъ для достиженія правъ и вольностей. Парнелль держался той же тактики. До сихъ поръ ирландскій народъ никогда не выражалъ сомнѣнія въ правильности избраннаго метода борьбы.

„Каково было положеніе Ирландіи тогда, когда она, по совѣту Бѣта и Парнелля, усвоила конституціонный методъ борьбы?—читаемъ мы дальше въ манифестѣ.—Земельная система тогда лежала въ основѣ всего ирландскаго вопроса. Арендаторы являлись жертвами, изъ которыхъ выжимали чрезмѣрно высокую плату. И, когда

[1]) Times, April 30, 1916.
[2]) Т. е. въ Ольстерѣ.

фермеры не были въ состояніи платить эту ренту, ихъ изгоняли. Отливъ молодежи въ Америку шелъ безпрерывно. Такимъ образомъ Ирландія подвергалась кровопусканію изъ всѣхъ артерій Сельская Ирландія представляла міру картину націи въ руинахъ Въ деревняхъ наблюдатели видѣли жалкія мурьи, слѣпленныя изъ грязи, да вѣчно голодное населеніе, покрытое лохмотьями. Надъ этимъ населеніемъ, какъ мечъ Дамокла, тяготѣла власть лендлорда. Сельскіе рабочіе находились въ еще болѣе отчаянномъ положеніи, чѣмъ ирландскіе крестьяне. Они помѣщались въ мурьяхъ, непригодныхъ даже для домашнихъ животныхъ, получали жалкую плату и не имѣли никакого будущаго передъ собою. Что же касается высшаго идеала Ирландіи, т. е. признанія ея отдѣльной національностью черезъ посредство отдѣльнаго парламента въ Дублинѣ, то онъ казался совершенно недостижимымъ". Бётъ и Парнелль убѣдили ирландцевъ, что конституціонное движеніе и организаціи, созданныя ими, представляютъ собою достаточно сильное оружіе для завоеванія всего необходимаго. Организаціи, созданныя этими вождями, формулировали въ своихъ программахъ необходимыя реформы.

Когда была разгромлена Земельная Лига, возникла Національная Лига, выставившая на конгрессѣ, состоявшемся 17 октября 1882 г. въ Дублинѣ, такую программу:

1. Національное самоуправленіе.

2. Земельная реформа.

3. Мѣстное самоуправленіе.

4. Расширеніе парламентскаго и муниципальнаго избирательнаго права.

5. Развитіе ирландской промышленности.

Вся программа эта полностью осуществлена. Побѣды были выиграны въ парламентѣ. Чрезмѣрныя ренты, изгнанія и даже въ значительной степени самъ лендлордъ отошли теперь въ Ирландіи въ область преданій. Двѣ трети всей земли сдѣлались достояніемъ фермеровъ. Остальная треть земли тоже скоро перейдетъ къ крестьянамъ. Теперь владѣніе землей въ Ирландіи болѣе прочно, чѣмъ когда-либо въ исторіи острова. Всюду въ Ирландіи графскіе совѣты выстроили безчисленные коттеджи, которые сдаются, вмѣстѣ съ клочкомъ земли, за умѣренную плату сельскимъ рабочимъ. Сравнительно недавно никто въ Европѣ не питался, не одѣвался и не жилъ такъ скверно, какъ ирландскій сельскій рабочій. Теперь же, по утвержденію составителей манифеста (и это утвержденіе можетъ быть подтверждено всѣми, знающими Ирландію), въ Европѣ нѣтъ другихъ сельскихъ рабочихъ, которые питались бы такъ сытно, одѣвались бы такъ тепло и жили бы въ такихъ удобныхъ коттеджахъ, какъ ихъ ирландскіе собратья. Луга выкуплены у помѣщиковъ, раздѣлены на участки и переданы крестьянамъ. Вмѣсто избушекъ, слѣпленныхъ изъ грязи, теперь всюду простор-

ные коттеджи, крытые аспидомъ. Такова картина, представляемая теперь сѣверо-западными, западными и южными графствами, т. е. тѣми, гдѣ недавно еще царила лютая нищета. Прежде передъ изгнанными фермерами была такая альтернатива: рабочій домъ или эмиграція. Теперь почти всѣ они получили обратно свои земельные участки. Ирландія имѣетъ теперь совершенную систему мѣстнаго самоуправленія. Вліяніе лендлорда всюду исчезло. Въ графскихъ совѣтахъ всюду само населеніе выбираетъ предсѣдателей. Избирательные законы демократизированы и, такимъ образомъ, графскіе и муниципальные совѣты, и также, конечно, парламентская партія отражаютъ дѣйствительное настроеніе страны. Парламентская ирландская партія поддерживала англійскія партіи, боровшіяся противъ „системы выжиманія пота" и отстаивавшія права трэдъ-юніоновъ. Такимъ образомъ рабочіе въ Ирландіи получили всѣ тѣ новыя права, что и ихъ товарищи въ Англіи.

Путемъ парламентской борьбы осуществлены въ Ирландіи важныя реформы въ сферѣ народнаго образованія. Ирландія получила національный университетъ. „Впервые въ исторіи Ирландіи сыновья католиковъ могутъ достигать высшихъ завоеваній въ сферѣ знанія",—говоритъ манифестъ. Важныя реформы были произведены въ низшемъ и среднемъ образованіи.

Квартиронаниматели въ ирландскихъ городахъ находятся теперь въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ въ Англіи, т. е. ихъ права лучше ограждены закономъ. Дѣйствіе законовъ о пенсіи для стариковъ и о государственномъ страхованіи распространено и на Ирландію.

Въ манифестѣ дальше отмѣчается, что ирландская парламентская партія осуществила „высшія заданія каждаго національнаго движенія со времени уничтоженія граттановскаго парламента": гомруль сталъ закономъ. „Если борьба конституціонными средствами такъ побѣдоносно оправдала себя; если, съ другой стороны, каждое революціонное движеніе кончалось катастрофой и съ самаго начала обречено было на гибель,—то не абсолютно ли правы мы, настоятельно совѣтуя ирландскому народу стоять за первый способъ борьбы? Всѣ факты даютъ намъ право требовать отъ вождей ирландскаго народа, чтобы они указывали своимъ послѣдователямъ только на конституціонные способы борьбы,—докуда они возможны",—читаемъ мы въ манифестѣ, заканчивающемся суровыми осужденіями возстанія. Парламентская партія говоритъ дальше, что, если ирландскій народъ согласенъ съ ней, онъ долженъ поддержать ее теперь.

Вначалѣ не было никакого сомнѣнія въ томъ, что подавляющее большинство ирландскаго народа вполнѣ соглашалось съ парламентской партіей и относилось совершенно отрицательно къ возстанію. Офицеръ, дневникомъ котораго я пользовался въ прошломъ письмѣ, отмѣчаетъ что горожане сердечно встрѣчали въ Дублинѣ

солдатъ, приносили имъ пищу, фрукты и по возможности помогали войскамъ. Вотъ еще фактъ, свидѣтельствующій о лойяльности ирландцевъ. Джонъ Редмондъ прочиталъ въ парламентѣ письмо, полученное съ фронта отъ брата вождя—Вильяма Редмонда, тоже—коммонера, служащаго теперь офицеромъ въ одномъ изъ ирландскихъ полковъ. Тамъ, гдѣ находится теперь Вильямъ Редмондъ, германскія и англійскія траншеи раздѣлены только узкой полосой. И вотъ, когда начался въ Дублинѣ мятежъ, надъ германскими траншеями появились доски съ прокламаціями такого рода: „Ирландцы! Усмиряя ирландскихъ революціонеровъ, англичане стрѣляли изъ пушекъ въ вашихъ женъ и дѣтей. Законопроектъ о воинской повинности отклоненъ. Сэръ Роджеръ Кэйзементъ преданъ суду. Бросайте же оружіе. Мы встрѣтимъ васъ братски. Мы саксонцы. Если вы не будете стрѣлять, мы сдѣлаемъ то же самое. Ирландцы! Не забудьте же, что въ настоящій моментъ англійскія пушки убиваютъ вашихъ женъ и дѣтей“.

Ирландцы отвѣтили на это пѣніемъ „Rule Britannia“. Итакъ, когда начался мятежъ, онъ былъ осужденъ подавляющимъ большинствомъ населенія, проявившимъ свою лойяльность. Но отношеніе къ участникамъ мятежа измѣнилось, когда выяснилось, что старинное изреченіе inter arma leges silent, къ несчастью — справедливо всюду.

VII.

Къ концу пасхальной недѣли, какъ я сказалъ въ прошломъ письмѣ, дублинскій мятежъ былъ подавленъ. Гражданскій законъ со всѣми его гарантіями для личности уступилъ мѣсто законамъ военнаго времени и началась расправа съ повстанцами. Суровость по отношенію къ участникамъ мятежа, которая должна была произвести устрашающее дѣйствіе, превратила враждебное настроеніе у населенія въ жалость къ наказаннымъ. — „Около трехъ тысячъ повстанцевъ находится теперь въ тюрьмѣ. Многіе изъ нихъ перевезены уже въ Англію, — писалъ спеціальный корреспондентъ Daily Chronicle.—Мнѣ говорили, что мятежниковъ въ началѣ возстанія было до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Многіе повстанцы скрылись, переодѣвшись въ штатское платье. Теперь они спокойно ходятъ по городу, увѣренные, что никто изъ ирландцевъ не выдастъ ихъ. Къ концу третьяго дня мятежа сражалось уже не больше 5.000 шинъ-фейнистовъ“. „Когда я пишу это письмо, — говоритъ спеціальный корреспондентъ Manchester Guardian — у меня подъ окномъ, по направленію къ Дублинскому замку, тянутся фургоны, нагруженные оружіемъ, отнятымъ у повстанцевъ. Тянутся въ тюрьму отряды грязныхъ, нечесанныхъ инсургентовъ, которыхъ ведутъ англійскіе солдаты съ примкнутыми штыками. Пол часа тому назадъ я встрѣтилъ такой отрядъ, угрюмо проходившій

по улицѣ, ведущей къ тюрьмѣ. Тутъ были люди всѣхъ возрастовъ и всѣхъ классовъ. Изъ ста арестованныхъ не больше двадцати носили темнозеленый мундиръ и широкополыя шляпы шинъ-фейнистовъ. Я замѣтилъ среди арестованныхъ сѣдоволосаго, тщательно одѣтаго старика, презрительно глядѣвшаго сквозь золотые очки на зрителей и на стражу. Около десяти плѣнныхъ были ранены и наскоро перевязаны. Перевязки были почти черны отъ грязи. На кандалахъ видны были слѣды просочившейся крови. Всѣ арестованные, повидимому, находились въ послѣдней степени истощенія. Щеки у нихъ впали; подъ глазами образовались черныя подпалины. Видъ у всѣхъ былъ такой, будто они не спали уже нѣсколько ночей. Но въ то же время ни у кого изъ плѣнныхъ не было удрученнаго вида. Они шли въ ногу. Арестованные смѣло смотрѣли впередъ. Я замѣтилъ среди нихъ знакомаго поэта, извѣстнаго шинъ-фейниста. Онъ потерялъ шляпу, и вѣтеръ развѣвалъ его длинные каштановые волосы. Черезъ плечо у него висѣло свернутое на военный манеръ одѣяло". Корреспондентъ Manchester Guardian отмѣчаетъ безразличное настроеніе людей на улицѣ; онъ сообщаетъ даже, что одна старуха плюнула на плѣнныхъ и крикнула: „dirty dogs» (грязныя собаки!). Но настроеніе быстро измѣнилось въ пользу шинъ-фейнистовъ, когда начались казни. Всѣ, подписавшіе „манифестъ" объ учрежденіи Ирландской республики, были осуждены военно-полевымъ судомъ и разстрѣляны. Въ прошломъ письмѣ я пытался дать портреты этихъ вождей. Затѣмъ были разстрѣляны еще 7 или 8 человѣкъ, принимавшихъ видное участіе въ возстаніи. Нѣкоторыя казни и обстановка суда какъ будто были спеціально разсчитаны на то, чтобы поразить романтическое воображеніе ирландцевъ. Въ особенности такое впечатлѣніе произвела казнь молодаго Джозефа Пленкета, сына графа Пленкета. Юноша послѣ суда, въ ночь передъ казнью, обвѣнчался со своей невѣстой. Молодыхъ затѣмъ оставили на нѣкоторое время, а передъ разсвѣтомъ Джозефа Пленкета разстрѣляли. Приведу нѣкоторыя цифры, опредѣляющія число приговоровъ и потери во время мятежа. Къ пожизненной каторгѣ осуждены 4, къ десятилѣтней каторгѣ—21, къ восьмилѣтней—2, къ пятилѣтней—3, къ трехлѣтней—33, къ двухгодичному заключенію 2 и къ годичному 2. Остальные арестованные отвезены въ Англію, гдѣ содержатся въ концентраціонномъ лагерѣ. Во время мятежа правительственныя войска потеряли 521 чел. (124 убитыхъ, 388 раненыхъ, девять пропавшихъ безъ вѣсти). Потери другой стороны—794 человѣка; сюда входятъ не только шинъ-фейнисты, но и горожане, убитые пулями солдатъ или повстанцевъ. Потери шинъ-фейнистовъ около 500 человѣкъ, т. е. повстанцы потеряли столько же, сколько и правительственныя войска.

Нѣкоторыя подробности усмиренія глубоко потрясли не только ирландцевъ, но и англичанъ. Это относится въ особенности къ

разстрѣлу извѣстнаго ирландскаго литератора Шии Скефингтона. и двухъ журналистовъ. Скефингтонъ былъ пацифистъ, рѣшительно выступавшій противъ всякаго насилія. Онъ былъ противъ возстанія. Скефингтонъ предвидѣлъ, что оно произойдетъ, и за нѣсколько недѣль написалъ объ этомъ во всѣ англійскія газеты; но ни одно изданіе не помѣстило этого письма. „Положеніе въ Ирландіи въ высшей степени серьезно,—писалъ Шии Скефингтонъ.—Вслѣдствіе молчанія ежедневной печати, военныя власти имѣютъ возможность примѣнять въ Ирландіи чисто-прусскіе методы безъ вѣдома населенія въ Англіи. И, когда провоцируемый взрывъ произойдетъ, виновники постараются свалить отвѣтственность на другихъ. Я пишу для того, чтобы предупредить взрывъ". Когда началось возстаніе въ Дублинѣ, Шии Скефингтонъ отправился расклеивать имъ же составленныя воззванія, убѣждавшія населеніе воздержаться отъ грабежа. Литераторъ былъ схваченъ не какъ революціонеръ, а какъ заложникъ. Когда Скефингтонъ находился въ казармахъ, капитанъ Баунъ-Колтхерстъ велѣлъ схватить его и еще двухъ журналистовъ—Томаса Диксона и Фреда Макъ-Интайра и разстрѣлять. Приказъ былъ исполненъ. Капитанъ былъ преданъ военному суду, во время котораго выяснился весь ужасъ положенія мирнаго обывателя, когда гражданскіе законы, охраняющіе его свободу, перестаютъ дѣйствовать. Двадцать пятаго апрѣля, т. е. на второй день мятежа, капитанъ Баунъ-Колтхерстъ находился со своимъ полкомъ въ казармахъ, куда привели Скефингтона, Диксона и Макъ-Интайра. На другой день капитанъ объявилъ свидѣтелю, тоже офицеру: „Я прикажу сейчасъ разстрѣлять трехъ плѣнныхъ. Я имѣю право поступить такимъ образомъ". Офицеръ сдѣлалъ докладъ генералу, который, по судебному отчету, и послалъ увѣдомленіе подсудимому. На судѣ не выяснилось, получилъ ли капитанъ „увѣдомленіе" генерала, что безъ суда нельзя разстрѣливать даже повстанцевъ, не только заложниковъ. Во всякомъ случаѣ капитанъ Ваунъ-Колтхерстъ приказалъ вывести плѣнныхъ во дворъ, гдѣ ихъ поставили у стѣны. Затѣмъ по приказу капитана семь солдатъ зарядили ружья и дали залпъ въ плѣнныхъ на разстояніи 6 шаговъ. Когда капитанъ возвратился въ казармы, онъ указалъ майону Кимбену два мотива, почему онъ застрѣлилъ журналистовъ: 1) чтобы предупредить ихъ побѣгъ; 2) чтобы предупредить попытку къ ихъ спасенію.

— Не замѣтили ли вы чего въ тѣлахъ? — спросилъ предсѣдатель суда. Свидѣтель объяснилъ, что Скефингтонъ шевелился еще, когда упалъ. Узнавъ про это, обвиняемый отдалъ приказъ „прикончить" писателя. Товарищи офицеры, давая показанія, указывали, что обвиняемый всегда поражалъ ихъ „эксцентричностью". По показанію генералъ-майора Берда, подсудимый извѣстенъ ему, какъ прекрасный офицеръ, но „порою поведеніе его бываетъ очень

странно". Капитанъ Баунъ-Колтхерстъ отличился во время отступленія отъ Монса; но когда онъ возбужденъ,—прибавилъ генералъ—„то теряетъ способность различать между тѣмъ, что можно и чего нельзя". Лейтенантъ Вильсонъ показалъ, что передъ тѣмъ, какъ разстрѣлять журналистовъ, капитанъ въ его, свидѣтеля, присутствіи произнесъ такую молитву: „Господи Боже! Если Твоя воля взять жизнь этихъ людей, то прости меня Христа ради". „Капитанъ глубоко религіозный человѣкъ",—прибавилъ свидѣтель. Докторъ Робертъ Моссъ показалъ, что свидѣтельствовалъ подсудимаго 21 ноября 1914 года, когда тотъ возвратился съ фронта, гдѣ былъ серьезно раненъ. Подсудимый тогда находился въ крайнемъ нервномъ истощеніи. По всей вѣроятности, нервная прострація оставила глубокій слѣдъ,—заключилъ докторъ. Онъ свидѣтельствовалъ также капитана, когда тотъ былъ арестованъ, и нашелъ его „въ крайне возбужденномъ состояніи". Докторъ тоже говорилъ о глубокомъ религіозномъ чувствѣ капитана. Въ казармѣ тотъ все твердилъ слова изъ Библіи: „И вотъ мои враги, не желающіе признавать моей власти. Берите ихъ и истребите". Подсудимый говорилъ свидѣтелю, что имѣетъ право убивать людей, не желающихъ признать надъ собою власть короля. „Требуется ничтожная причина, чтобы вывести подсудимаго изъ состоянія душевнаго равновѣсія". Показанія доктора Мосса были подтверждены другимъ военнымъ врачомъ—Липеромъ. „Подсудимый не въ состояніи контролировать себя и, повидимому, не сознавалъ всей важности поступка, совершеннаго имъ",—показалъ докторъ Липеръ. „Бесѣдуя съ докторомъ, подсудимый привелъ стихъ изъ Евангелія отъ Луки, который, по его мнѣнію, оправдываетъ убійство, совершенное въ извѣстныхъ случаяхъ". По утвержденію эксперта, подсудимый наканунѣ полнаго душевнаго разстройства. Судъ призналъ капитана виновнымъ въ убійствѣ трехъ журналистовъ, но нашелъ, что онъ психически ненормаленъ. „Капитанъ Баунъ-Колтхерстъ, приказавшій разстрѣлять безъ суда Шии Скефингтона и двухъ другихъ дублинскихъ журналистовъ, признанъ душевнобольнымъ,—говоритъ англійская либеральная газета, обсуждая процессъ.—Каждый, слѣдившій за показаніями согласится, что другой приговоръ былъ бы невозможенъ. И тѣмъ не менѣе у всѣхъ невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ дали такому офицеру отвѣтственный постъ въ Ирландіи". „Какъ могло случиться, что подчиненные подобнаго офицера безпрекословно исполняли приказъ, зная, что онъ исходитъ отъ душевнобольного? Еще болѣе важенъ вопросъ: почему Баунъ-Колтхерстъ не былъ арестованъ немедленно послѣ убійства и почему начальники капитана на первыхъ порахъ не полюбопытствовали даже узнать, какъ званіе разстрѣлянныхъ людей". „Впечатлѣніе, произведенное убійствомъ Шии Скефингтона на ирландцевъ,—колоссально. Правильно или нѣтъ, но ирландцы полагаютъ, что случи-

лось дѣло, которое никогда не могло бы произойти въ Англіи" [1]).

Таковы тѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ въ послѣднее время измѣнилось отношеніе массы въ Ирландіи къ участникамъ мятежа, хотя послѣдній, по прежнему, признается безумнымъ дѣломъ.

VIII.

Мнѣ не разъ приходилось писать объ Ирландіи на страницахъ нашего журнала. Я указывалъ уже не разъ, что въ безконечно длинномъ спискѣ суровыхъ мѣръ, придуманныхъ философами и практиками идеи государственной народности, нѣтъ ни одной, даже самой жестокой, которая не была бы испробована въ Ирландіи. Въ спискѣ испробованныхъ мѣръ мы видимъ ограниченіе въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, закрытіе доступа въ школы, воспрещеніе цѣлаго ряда занятій, запрещеніе языка, преслѣдованіе за вѣру, поощреніе ренегатства, конфискацію земель и массовыя избіенія [2]). Всѣ эти мѣры, вмѣсто того, чтобы привести къ усмиренію Ирландіи, порождали въ ней бурныя движенія. Правительство тогда, убѣдившись, что политика „наступательнаго націонализма" порождаетъ катастрофу, отказалось отъ этой политики. И тѣмъ не менѣе каждый разъ являлись совѣтчики, рекомендовавшіе способы, абсолютный вредъ которыхъ былъ испытанъ въ Ирландіи много разъ. Такіе совѣтчики явились и теперь. „Надобна крѣпкая власть въ Ирландіи", — говорятъ они. Какъ будто дѣятельность латниковъ Кромвеля въ XVII вѣкѣ, гановерскихъ полковъ въ XVIII вѣкѣ и констэблей, приводившихъ въ дѣйствіе исключительные законы XIX вѣка, была проявленіемъ слабой власти! „Если Ирландія нуждается въ чемъ-нибудь теперь, то не въ гомрулѣ, а въ желѣзной рукѣ",—говорятъ совѣтчики. „Шинъ-фейнисты, большею частью, юноши, мечтатели, гоняющіеся за призракомъ, — говоритъ одинъ такой совѣтчикъ, подписавшійся псевдонимомъ „Civis" [3]).—Они видѣли полный индиферентизмъ дублинскаго замка (т. е. администраціи) — и вывели оттуда неизбѣжное заключеніе. Они знали, что статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи не предприметъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Они видѣли, что центральное правительство находится всецѣло подъ пятою у Ирландской партіи и безконечно труситъ, не рѣшаясь ввести въ Ирландіи законъ о воинской повинности. Молодые шинъ-фейнисты видѣли, какъ боится правительство остановить открытую проповѣдь мятежа... Мы прямо говоримъ вотъ что: возстанія шинъ-фейнистовъ не было бы, прояви правительство рѣшительность. И, наоборотъ, мятежъ является прямымъ послѣдствіемъ

1) Daily News, june 12, 1916.

2) См. „Предметный урокъ". Діонео, „Мѣняющаяся Англія", часть II.

3) The English Review, june, 1916, стр. 535—536.

слабости правительства"... „Теперь пора сказать всю правду... Идея о гомрулѣ—химера. Отнынѣ Ирландія должна быть разсматриваема, какъ нераздѣльная часть Соединеннаго Королевства, какъ островъ, имѣющій громадное стратегическое значеніе". Авторъ готовъ расширить немного дѣятельность графскихъ совѣтовъ въ Ирландіи, но не больше. „Споръ о гомрулѣ не можетъ быть болѣе поднятъ въ старой формѣ". Можно подумать, что вопросъ о самоуправленіи въ Ирландіи выдвигается только по капризу какого-нибудь политическаго дѣятеля, а не самой жизнью. Каждый, сколько-нибудь знакомый съ исторіей Ирландіи, знаетъ, что вопросъ этотъ всѣми силами устранялся, и тѣмъ не менѣе жизнь оказывается сильнѣе политическихъ партій и отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей. „Ирландія въ административномъ отношеніи не можетъ стать отдѣльной отъ Англіи единицей... Война разрушила много иллюзій и много идоловъ. Однимъ изъ разрушенныхъ идоловъ является самоуправляющаяся Ирландія". „Отнынѣ никогда не можетъ быть больше самостоятельной Ирландіи, какъ понимаютъ это кельты,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ „Civis".— Шинъ-фейнисты доказали окончательно, что національное правительство должно быть разъ навсегда освобождено отъ диктаторства ирландской партіи. Не будь такой абсурдно-большой ирландской партіи въ парламентѣ, Асквиту никогда не пришло бы въ голову послать въ Ирландію Биррели, создавшаго возстаніе шинъ-фейнистовъ". Каждый, сколько-нибудь знакомый съ исторіей Ирландіи, знаетъ, что численный составъ ирландскихъ депутатовъ въ палатѣ общинъ точно опредѣленъ въ „уніи" послѣ отмѣны граттановскаго парламента. „Отвѣтъ на вопросъ: что же дѣлать теперь? — является самъ собою, — заканчиваетъ „Civis". — Въ Ирландіи должно быть сильное правительство. Своею слабостью Асквитъ воскресилъ ирландскій вопросъ. Теперь премьеръ долженъ или проявить силу, или уйти въ отставку и дать мѣсто сильнымъ". „Въ Ирландію надо послать такую власть, которая помѣшала бы ей причинять какой-нибудь вредъ Англіи", — совѣтовало Morning Post. Дублинскій англиканскій епископъ знаетъ еще болѣе простой способъ для усмиренія Ирландіи. „Военный законъ является единственной охраной жизни и собственности... Опасность новаго возстанія можетъ быть предупреждена только принятіемъ самыхъ суровыхъ мѣръ (by the adoption of the sternest measures). Теперь не время для амнистій и для прощенія. Теперь надо наказывать, быстро и рѣшительно" [1].

Подобные совѣты представляли собою однако единичное явленіе, такъ какъ преобладали все же голоса благоразумныхъ людей. „Возстаніе, къ счастью, кончено,—сказалъ Редмондъ въ палатѣ общинъ.—

---

[1]) Irish Times, May 4, 1916.

Оно было подавлено рѣшительной рукой. Дѣйствовать такимъ образомъ было не только правомъ, но и обязанностью государства. Но такъ какъ мятежъ кончился, то я прошу правительство, чтобы оно не проявляло излишней суровости по отношенію къ рядовымъ повстанцамъ. Пусть къ ужасамъ, которыхъ и безъ того много въ памяти ирландцевъ, не прибавятся теперь еще новые ужасы. Пусть правительство проявитъ по отношенію къ шинъ-фейнистамъ такую же мягкость, какую проявилъ генералъ Бота по отношенію къ Дэвету и къ товарищамъ его. Такимъ образомъ будетъ проложенъ путь къ примиренію и забвенію. Гуманное отношеніе къ участникамъ подавленнаго мятежа поведетъ въ концѣ концовъ къ укрѣпленію имперіи"[1]).

За гуманное отношеніе къ участникамъ разгромленнаго движенія высказался и сэръ Эдуардъ Карсонъ. Гораздо болѣе опредѣленно высказался лордъ Брайсъ, хорошо извѣстный у насъ своимъ трудомъ объ американской демократіи. „Жившіе въ Ирландіи и изучавшіе ея исторію знаютъ, что излишняя суровость при подавленіи революціоннаго движенія провоцировала всегда тамъ еще болѣе интенсивное движеніе. Напомню читателямъ схему каждаго земельнаго движенія въ Ирландіи, покуда вопросъ этотъ не былъ разрѣшенъ окончательно. Въ основѣ всѣхъ прежнихъ движеній въ Ирландіи былъ земельный вопросъ. Попытки покончить съ земельной проблемой переживали правильный циклъ опредѣленныхъ фазисовъ: 1) какія-нибудь необычайныя причины, какъ, напримѣръ, голодъ, создавали аграрное движеніе среди крестьянъ; 2) они требовали отмѣны старой системы земельныхъ отношеній; 3) правительство, подстрекаемое лэндлордами, отвѣчало рѣшительнымъ „никогда" и для усмиренія движенія издавало спеціальные законы объ охранѣ, Coercion Acts; 4) движеніе тогда не только не уменьшалось, но принимало бурный, стихійный характеръ; Coercion Acts вызывали убійства, пожары, калѣченье скота, бойкотъ и пр.; 5) правительство уступало и издавало какой-нибудь земельный билль для Ирландіи. Но такъ такъ уступка дѣлалась крайне неохотно и такъ какъ недовольные землевладѣльцы оказывали постоянное давленіе на правительство, то реформы являлись всегда только полумѣрой и немного улучшали положеніе дѣлъ. Полумѣра не успокаивала движеніе въ Ирландіи, которое послѣ нѣкотораго перерыва снова начиналось, такъ какъ продолжали существовать создавшія его причины. Тогда намѣченный циклъ повторялся съ удивительной правильностью"[2]). Изъ этой схемы видно, что суровыя наказанія *никогда* не останавливали движенія, покуда остава-

[1]) Отчетъ о засѣданіи парламента 3 мая 1916 года.

[2]) „Ирландскій Ледоходъ". Діонео, „Англійскіе силуэты", стр. 327.

лись причины, порождавшія движеніе. Схема эта полностью примѣнима не только къ аграрнымъ движеніямъ въ Ирландіи.

Англійскія газеты въ особенности предупреждали правительство противъ широкаго пользованія казнями. „Противъ разстрѣла трехъ вождей ирландскаго мятежа, подписавшихъ манифестъ объ учрежденіи республики, ничего нельзя сказать, — писало Daily Chronicle. — Мы ничего не можемъ сказать также противъ той твердости, которую проявилъ генералъ Максуэль при подавленіи мятежа въ Дублинѣ. Но новые разстрѣлы заставляютъ людей, знающихъ исторію Ирландіи, тревожно глядѣть на будущее... Защитники смертной казни по отношенію къ мятежникамъ утверждаютъ, что она будто бы дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ и тѣмъ предупреждаетъ возможныя возстанія. Противники же этой мѣры указываютъ на то, что казнь окружаетъ заурядныхъ людей ореоломъ мученичества и такимъ образомъ ставитъ ихъ на пьедесталъ. Недовольство ирландцевъ поддерживалось, между прочимъ, воспоминаніемъ о суровыхъ наказаніяхъ, наложенныхъ на мятежниковъ". Газета доказываетъ, что съ государственной точки зрѣнія политическія казни въ Ирландіи *невыгодны*, и полагаетъ, что милостивое отношеніе къ побѣжденнымъ повстанцамъ принесетъ неизмѣримо лучшіе плоды. „Успѣхъ замиренія Ирландіи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, какъ правительство поступитъ съ побѣжденными мятежниками, — говоритъ другая либеральная газета...—Политика мщенія не можетъ быть ничѣмъ оправдана... Неблагоразумные совѣтчики рекомендуютъ теперь казни, которыя канонизируютъ повстанцевъ въ глазахъ населенія" [1]). Daily News, какъ и Daily Chronicle, какъ и Редмондъ, указываетъ на то, какъ поступилъ генералъ Бота послѣ усмиренія мятежа въ Южной Африкѣ. Крайне интересны наблюденія, сдѣланныя въ Дублинѣ спеціальнымъ корреспондентомъ Daily News. „Лучшая часть Дублина представляетъ такую же картину разрушенія, какъ Ипръ или Реймсъ, — говоритъ онъ. — Это — результатъ бомбардировки и пожаровъ, явившихся послѣдствіемъ обстрѣла города изъ пушекъ. Въ этомъ городѣ, неизвѣстно гдѣ, тайно засѣдаетъ военно-полевой судъ. Весь Дублинъ находится во власти военнаго губернатора. Остальная Ирландія находится во власти другого губернатора. Никто не можетъ выйти на улицу безъ спеціальнаго разрѣшенія отъ военнаго прокурора. Населеніе Дублина знаетъ, что гдѣ-то военно-полевой судъ постановляетъ приговоры, и оно каждое утро раскрываетъ газеты, чтобы узнать о числѣ жертвъ". Корреспондентъ принимаетъ за отправной пунктъ такой же тезисъ, какъ и тѣ лица, мнѣніе которыхъ я приводилъ выше: при подавленіи мятежа необходима „твердость". Это дѣло военныхъ властей. Но какъ только возстаніе подавлено, законъ

[1]) Daily News, May 9, 1916.

военнаго времени долженъ уступить мѣсто обычному закону. И если съ этой смѣной медлятъ, то страдаетъ государство. Именно это, по мнѣнію корреспондента, случилось въ Дублинѣ, гдѣ населеніе сперва было настроено противъ шинъ-фейнистовъ.

Приведу еще любопытное мнѣніе Бернарда Шоу относительно дублинской драмы. Талантливый авторъ указываетъ, что онъ не шинъ-фейнистъ, что онъ всегда считалъ это узкое націоналистическое движеніе вреднымъ для Ирландіи и поэтому боролся съ нимъ. И стремленіе Бернарда Шоу дискредитировать идеалъ шинъ-фейнистовъ привело ихъ въ такую ярость, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ ирландскіе націоналисты въ Америкѣ устроили погромъ въ театрѣ, гдѣ ставилась пьеса „Другой островъ Джона Буля". „Я употреблялъ все мое вліяніе и всѣ литературныя способности на то, чтобы осмѣять идеалъ шинъ-фейнистовъ,—говоритъ Бернардъ Шоу.—Я доказывалъ, что долгомъ Ирландіи является—поддержать Францію противъ Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ; но я остаюсь ирландцемъ". И вотъ что говоритъ Бернардъ Шоу, какъ ирландецъ и какъ принципіальный противникъ шинъ-фейнистовъ: „По моему глубокому убѣжденію, захваченные и разстрѣлянные потомъ повстанцы были военно-плѣнные. Такимъ образомъ разстрѣлъ ихъ явился незаконнымъ актомъ... До тѣхъ поръ, покуда „дублинскій замокъ" не замѣненъ національнымъ парламентомъ и покуда Ирландія не пошла по доброй волѣ помогать Британской имперіи какъ это сдѣлали Канада, Австралія, Новая Зеландія и Южная Африка,—ирландецъ, берущійся за оружіе, чтобы добиться независимости для своей страны, дѣлаетъ только то, что сдѣлалъ бы каждый англичанинъ, еслибы, къ несчастью, его родина была завоевана германцами". По мнѣнію Бернарда Шоу, борющійся за свободу своей страны имѣетъ моральное право искать союзниковъ, гдѣ только возможно. Авторъ указываетъ дальше, что казни не могутъ произвести того впечатлѣнія, на которое разсчитывали подавлявшіе мятежъ. Борецъ за идеалъ, хотя бы и вредный для страны, всегда вызываетъ въ зрителяхъ извѣстное уваженіе. Оно увеличивается, когда всѣмъ ясно, что борецъ сознаетъ, что побѣдитель не пощадитъ его. „Вслѣдствіе этого совершенно невозможно убить человѣка, не сдѣлавъ изъ него мученика. Неизвѣстный, третьестепенный поэтъ, вслѣдствіе трагической смерти, постигшей его, дойдетъ до потомства въ Ирландіи, какъ Эмметъ, или какъ въ Европѣ люди, погибшіе за свободу Бельгіи или Сербіи".

XI.

Бернардъ Шоу затрагиваетъ здѣсь въ высшей степени важный вопросъ, который былъ поставленъ въ Англіи еще въ 1819 году: вопросъ о томъ, цѣлесообразна ли смертная казнь и *выгодна ли* она для общества? Въ 1819 году парламентъ назначилъ особую

коммиссію для изслѣдованія вопроса, можно ли замѣнить во многихъ случаяхъ смертную казнь болѣе мягкимъ наказаніемъ. Предо мною показанія, данныя передъ этой коммиссіей ольдерменомъ Хармеромъ, адвокатомъ по профессіи, сдѣлавшимъ безчисленныя наблюденія надъ преступниками, осужденными потомъ на казнь. И ольдерменъ Хармеръ приходитъ къ категорическому заключенію, что „смертная казнь не устрашаетъ будущихъ преступниковъ и не предупреждаетъ преступленій". „Мой опытъ, какъ адвоката, убѣдилъ меня, что смертная казнь не имѣетъ устрашающаго вліянія на воровъ [1]). Скажу больше: возможная смерть на эшафотѣ наводитъ воровъ не на размышленія, а на остроты и шутки. Между собою воры, какъ о совершенно обыкновенномъ, говорятъ: „такой-то будетъ *качаться*", „такого-то *вздернутъ*". Приближеніе позорной смерти, повидимому, нисколько не угнетаетъ осужденныхъ. Я видѣлъ, какъ легко относятся они къ своей участи. Разъ я выразилъ огорченіе кліенту, котораго присудили къ смертной казни. Участь эта ждала его на другой день. Осужденный спокойно отвѣтилъ мнѣ: „Кто играетъ въ карты, долженъ быть готовъ къ тому, что обремизится когда-нибудь". Другой осужденный въ моемъ присутствіи юмористически объяснялъ мнѣ, что онъ „дрыгнетъ только нѣсколько разъ" и потомъ все будетъ кончено. „Если мое тѣло будетъ висѣть больше часа, то, въ силу завѣщанія, мои наслѣдники привлекутъ къ суду шерифа и другое начальство",—прибавилъ осужденный. Другой осужденный въ моемъ присутствіи, наканунѣ казни, юмористически развивалъ планъ, какъ онъ „на прощаніе" на эшафотѣ дастъ палачу пинокъ ногой. Я присутствовалъ наканунѣ казни при прощаніи осужденныхъ съ друзьями. Можно было подумать, что дѣло идетъ о поѣздкѣ въ деревню. Я наблюдалъ партію осужденныхъ, которыхъ казнили ежедневно группами. То обстоятельство, что товарищей увели на эшафотъ и что, такимъ образомъ, часъ смерти приблизился, не подѣйствовало угнетающимъ образомъ на оставшихся. Они продолжали играть въ карты и шутили другъ съ другомъ. Я обращаю вниманіе коммиссіи на эти подробности, чтобы показать, какъ мало страшатся казни профессіональные воры" [2]). И если смертная казнь не можетъ дѣйствовать устрашающимъ образомъ даже на воровъ, то, конечно, представленіе о ней не остановитъ фанатиковъ какой-нибудь идеи. Это обстоятельство много разъ бывало выясняемо на разныхъ языкахъ и въ разныя времена. Я напомню одно мѣсто изъ классическаго трактата, извѣстнаго всѣмъ хотя бы по названію. „Во всѣхъ странахъ мы находимъ людей, которые, хотя и желали бы уничтоженія смертной казни, тѣмъ не менѣе страшатся, что общество погибнетъ, если эта мѣра наказанія

---

[1]) Тогда воровъ въ Англіи отправляли на висѣлицу.

[2]) „Second Report on Cruminal Law", june, 1836, pp. 80—88.

отойдетъ въ область преданій", — говоритъ Карлъ Миттермайеръ. Авторъ дальше анализируетъ доводы, приводимые защитниками смертной казни, какъ необходимой мѣры въ исключительныхъ случаяхъ. Но для насъ особенно интересны разсужденія Карль Миттермайера о казняхъ за политическія преступленія. „Громадный шагъ впередъ былъ бы сдѣланъ съ отмѣной казни за политическія преступленія... Всѣ законодатели знаютъ, что населеніе строго отдѣляетъ политическія преступленія отъ уголовныхъ, что границы между допустимымъ и недопустимымъ въ области политики не поддаются точному опредѣленію и что самые лучшіе люди, любящіе сильнѣе, чѣмъ кто-либо, свою родину, могутъ, желая ей блага, совершить дѣянія, которыя въ глазахъ угнетателя кажутся тяжкимъ преступленіемъ. Правительства, не отступающія ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей, могутъ ссылаться на законъ необходимости; они могутъ назначать исключительные суды, чтобы добиться осужденія тѣхъ, которыхъ они страшатся. Правительства могутъ, наконецъ, не прибѣгая къ исключительнымъ судамъ, подобрать присяжныхъ и назначить раболѣпныхъ или запуганныхъ судей. Намъ не для чего напоминать про трибуналы въ Англіи и во Франціи во время революцій, выносившіе смертные приговоры и отправлявшіе на эшафотъ тысячи невинныхъ людей. Наше время—продолжаетъ Миттермайеръ — даетъ намъ многочисленные факты подобнаго же рода, которые строго будутъ осуждены потомствомъ. Въ предлогахъ для того, чтобы вынести приговоръ по политическому преступленію, никогда не будетъ недостатка. Въ моменты сильнаго возбужденія политическихъ страстей никогда не будетъ недостатка въ людяхъ, которые подъ вліяніемъ ли хитрыхъ вождей, одушевленные ли благороднымъ энтузіазмомъ при созерцаніи далекаго идеала или дѣйствующіе по убѣжденію, что предупреждаютъ неминуемую для народа опасность,—принимаютъ участіе въ общемъ движеніи. И, когда послѣднее раздавлено, правительство безпощадно караетъ этихъ людей И сдѣлать это правительству тѣмъ легче, что въ моменты усмиренія основы суда обыкновенно бываютъ расшатаны. Въ моменты острой политической борьбы мы наблюдаемъ двѣ партіи, стоящія другъ противъ друга. Одна партія, господствующая, не признающая запросовъ времени, — склонна осудить каждаго стремящагося къ реформамъ. Она употребляетъ всѣ усилія, чтобы обвинить и осудить противника, если надъ нимъ назначенъ судъ. Такая партія въ особенности становится достойной порицанія вслѣдствіе закоренѣлыхъ предразсудковъ ея и чрезмѣрной нетерпимости. Съ другой стороны, противники, ошибаясь, быть можетъ, въ пониманіи и опредѣленіи своихъ правъ, склонны считать свои собственныя дѣянія не только дозволенными, но даже продиктованными долгомъ. Справедливый судъ становится въ моменты острой политической борьбы невозможнымъ. Каждый, осужденный исключитель-

ными судами послѣ разгрома движенія, признается единомышленниками за мученика. Суровыя наказанія, и въ особенности казни, порождаютъ въ населеніи недовольство и сильное раздраженіе противъ правительства. Затѣмъ надо еще указать на то, что за моментами сильнаго политическаго возбужденія слѣдуютъ спокойныя времена. И тогда наказанія, а въ особенности смертные приговоры, вынесенные во время усмиренія движенія, кажутся особенно несправедливыми. Правительство, естественно, старается исправить сдѣланныя ошибки; но казни уже непоправимы" [1]). Всѣ эти правильныя соображенія были забыты въ Ирландіи на время, когда шли казни шинъ-фейнистовъ. Результатомъ, какъ я указалъ, явилась перемѣна въ настроеніи населенія по отношенію къ шинъ-фейнистамъ.

Правительство быстро замѣтило это и обратилось къ испытанному средству для замиренія страны, только что пережившей политическую бурю. Средство это было успѣшно испробовано британскимъ правительствомъ въ Канадѣ и потомъ черезъ семьдесятъ лѣтъ въ Южной Африкѣ. Крайне любопытно, что въ 1837 г. ольстерцы сыграли въ исторіи Канады такую же роль, какъ въ 1914 году — въ исторіи Ирландіи. Всѣ знаютъ, что въ Канадѣ рядомъ жили и живутъ англичане и французы. Нижняя Канада представляетъ и теперь еще обломокъ старой, до-революціонной Франціи, а въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка этотъ характеръ былъ еще болѣе замѣтенъ. „Нижняя Канада желала, чтобы ее оставили въ покоѣ,—говоритъ историкъ.—Она довольствовалась вполнѣ мирной, старой жизнью"... Верхняя Канада представляла собою новую страну съ энергичнымъ населеніемъ, только что занявшимъ недавно еще дикій край. „Сюда прибывали по преимуществу выходцы изъ сѣверной Ирландіи (т. е. изъ Ольстера). Переселенцы изъ южной Ирландіи направлялись тогда, главнымъ образомъ, въ Соединенные Штаты, такъ какъ эта страна настроена была враждебно по отношенію къ Англіи. Выходцы изъ Ольстера переселялись по преимуществу въ Канаду, такъ какъ она находилась подъ британскимъ флагомъ и такъ какъ англиканская церковь здѣсь господствовала... Они пытались сдѣлать новую страну возможно болѣе похожею на ту родину, которую оставили" [2]). Въ Ирландіи были католики, представлявшіе подчиненную народность, и протестанты, игравшіе роль господствующей народности. Въ Канадѣ переселившіеся ольстерцы тоже нашли католиковъ и тоже пожелали быть господствующей народностью. Но французы не пожелали играть указанную имъ роль. Надо знать, что по конституціи 1791 г. Канада была раздѣлена на двѣ провинціи, Верхнюю и Нижнюю, изъ которыхъ каждая

---

[1]) Цитирую по английскому переводу: „Karl M. Mittermaier, Capital Punishment", London. 1865, стр. 201—203.

[2]) Mc-Carthy, „A History of Our Own Times", v. I, стр. 48—50.

имѣла свое правительство, состоявшее изъ губернатора, законодательнаго совѣта по назначенію и совѣщательной выборной палаты. Кромѣ того, при губернаторахъ состояли еще совѣщательные совѣты съ членами по назначенію.

Политика центральнаго правительства состояла въ томъ, чтобы опираться въ Канадѣ на англичанъ. И получилось вотъ что. „Французское населеніе Нижней Канады съ болѣзненной завистью слѣдило за каждымъ правительственнымъ актомъ, клонившимся къ выгодѣ англійскихъ колонистовъ. Что же касается послѣднихъ, то они обличали центральное правительство въ преступной слабости, за то, что оно открыто не даетъ имъ занять первое мѣсто въ колоніи... Переселенцы изъ Ольстера отказывались понимать, почему правительство открыто не помогаетъ имъ проводить ту же политику, что и въ Ирландіи“ [1]). Положеніе осложнилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, которое въ ближайшемъ будущемъ, къ несчастью, навяжетъ много узловъ въ Европѣ. Въ 1791 году, когда Канаду дѣлили на двѣ провинціи, предполагалось, что ее дѣлятъ по національностямъ. Предполагалось, что въ Верхней Канадѣ живутъ только англичане, а въ Нижней Канадѣ — только французы. Въ дѣйствительности же оказалось, что національности перемѣшаны, такъ что въ Нижней Канадѣ, рядомъ съ французами, живутъ англичане. И такъ какъ центральное правительство проводило политику державной народности, хотя не такъ энергично, какъ хотѣлось бы выходцамъ изъ Ольстера, то положеніе дѣлъ въ Нижней Канадѣ крайне осложнилось. Законодательный совѣтъ былъ по назначенію и правительство назначало туда по преимуществу англичанъ. Совѣщательное собраніе было выборное, состоявшее по преимуществу изъ французовъ, такъ какъ они составляли большинство населенія Нижней Канады. И вотъ между законодательнымъ совѣтомъ и совѣщательнымъ собраніемъ возникъ конфликтъ, осложнившійся тѣмъ, что центральное правительство „поощряло и въ сущности содержало на жалованіи британскую партію“,—говоритъ историкъ. Въ результатѣ въ Нижней Канадѣ въ 1837 г. возникло сильное броженіе, перешедшее въ мятежъ. „Въ военномъ отношеніи возстаніе не представляло никакой опасности. Мятежъ захватилъ англичанъ врасплохъ, но военныя власти быстро справились съ возстаніемъ, хотя инсургенты дрались упорно и много крови было пролито“. Какъ и въ Ирландіи теперь, наиболѣе сложный вопросъ возникъ *послѣ* мятежа.

Въ Англіи вѣсть о возстаніи произвела сильное впечатлѣніе. Большинство коммонеровъ могло рекомендовать только одну мѣру: политику „желѣзной руки“, т. е., по-русски: ежевыя рукавицы и бараній рогъ. Лордъ Джонъ Рёссель внесъ въ парламентъ билль въ этомъ духѣ. Рѣшено было послать въ Канаду генералъ-губер-

---

[1]) Mc-Carthy, „A History of Our Own Times“, vol. I, стр. 51.

натора съ безграничными полномочіями, словомъ—диктатора. Въ Англіи всѣ были убѣждены, что диктаторъ ѣдетъ въ Канаду для того, чтобы объявить усмиренному населенію: „Горе побѣжденнымъ!“ Такъ именно понялъ назначеніе диктатора извѣстный радикалъ того времени Рёбекъ. Онъ явился поэтому въ парламентъ, чтобы „у барьера“ (Рёбекъ не былъ въ тотъ моментъ коммонеромъ) защищать интересы Канады. Онъ произнесъ блестящую рѣчь, но палата общинъ была такъ враждебно настроена противъ Канады, что своей защитой Рёбекъ только испортилъ дѣло. Диктаторомъ былъ посланъ лордъ Дёрхэмъ. Первые же шаги его въ Канадѣ привели въ ярость представителей наступательнаго національзма. Вмѣсто новыхъ массовыхъ арестовъ, диктаторъ объявилъ широкую амнистію, а вмѣсто „бараньяго рога“ онъ предложилъ Канадѣ широкое самоуправленіе. „Какъ можно говорить объ англійскихъ конституціонныхъ принципахъ въ колоніи, гдѣ конституція отмѣнена совершенно?—писалъ лордъ Дёрхэмъ.—О какихъ государственныхъ основахъ можетъ быть рѣчь въ Канадѣ, гдѣ у населенія берутъ налоги, не спрашивая его согласія; гдѣ представительный принципъ отмѣненъ; гдѣ законы военнаго времени замѣнили обычные законы; гдѣ судьи постановляютъ приговоры по указанію центральнаго правительства, компрометируя этимъ правосудіе и вызывая къ нему презрѣніе со стороны населенія?“ Диктаторъ послалъ въ Англію обширный докладъ, въ которомъ рекомендовалъ дать Канадѣ широкую автономію. „Причиной возстанія—доказывалъ лордъ Дёрхэмъ—является попытка центральнаго правительства вмѣшиваться во внутреннія дѣла колоніи. Дѣла Канады должны быть въ рукахъ самого населенія“. Затѣмъ лордъ Дёрхэмъ настоятельно совѣтовалъ центральному правительству отречься отъ политики державной народности. Съ этою цѣлью диктаторъ намѣтилъ для всей Канады одинъ парламентъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Представители державной народности въ Канадѣ поспѣшили немедленно донести въ Англію на диктатора. Times полагавшій, что обязанностью диктатора является вѣшать возможно больше людей послѣ наиболѣе упрощеннаго судопроизводства, помѣстилъ громоносную статью, въ которой лордъ Дёрхэмъ былъ названъ „Верховнымъ лордомъ-бунтовщикомъ“ (Lord High Seditioner).

„На лорда Дёрхэма напали со всѣхъ сторонъ,—пишетъ Милль въ своей Автобіографіи.—Обличенія со стороны враговъ производились такъ яростно, что робкіе друзья отреклись отъ него“. Лордъ Дёрхэмъ былъ отозванъ въ Англію, гдѣ вскорѣ умеръ. Травля со стороны „патріотическихъ“ изданій сильно подѣйствовала на слабаго здоровьемъ диктатора. Дёрхэмъ былъ отозванъ въ 1839 г., а въ 1840 г. его проектъ реформы былъ осуществленъ полностью. Кромѣ того, самоуправленіе по этой системѣ было примѣнено потомъ въ Австраліи и Южной Америкѣ, всюду давая блестящіе ре-

зультаты. Удивительно-ли послѣ этого, что немедленно за мятежомъ въ Англіи вспомнили про „замиреніе по системѣ лорда Дёрхэма“. „Мы повторяемъ еще и еще разъ, что, будь гомруль введенъ уже на практикѣ, — мятежа въ Ирландіи не было бы, — говоритъ New Statesman.—Не подлежитъ сомнѣнію, что вожди мятежа не были довольны закономъ о самоуправленіи для Ирландіи (Home Rule Act); но это не измѣняетъ нашего утвержденія. Гомруль, даже въ той формѣ, какъ этотъ законъ прошелъ въ парламентѣ, явился бы полнымъ разрѣшеніемъ ирландскаго вопроса. Шинъ-фейнисты не начали бы мятежа противъ *ирландскаго* парламента. Ирландскіе волонтеры (т. е. армія шинъ - фейнистовъ) появились только тогда, когда возникло сомнѣніе, что законъ о гомрулѣ останется мертвой буквой. Еслибы Пирсъ и Коннолли не могли убѣдить ирландцевъ, что „Карсонъ возьметъ верхъ“, то за вождями возстанія никто бы не послѣдовалъ“ [1]). Такого же мнѣнія Daily Chronicle, Daily News, Manchester Guardian и цѣлый рядъ другихъ изданій.

X.

Послѣ усмиренія мятежа въ Ирландіи, въ парламентѣ предстоялъ запросъ по поводу событій въ Дублинѣ; но Асквитъ заявилъ, что уѣзжаетъ въ Ирландію, чтобы на мѣстѣ изучить вопросъ. Въ Англіи эту поѣздку многіе поняли такъ, что правительство намѣрено немедленно дать Ирландіи отдѣльный парламентъ. Внѣ сомнѣнія, что *все* министерство, какъ либералы, такъ и юніонисты, желало бы немедленно ввести законъ, принятый парламентомъ и отложенный по случаю войны. Но тутъ снова возникаетъ вопросъ объ Ольстерѣ. Мы снова стоимъ лицомъ къ лицу съ историческими послѣдствіями наступательнаго націонализма. Читатели *Русскихъ Записокъ* знаютъ, съ какою настойчивостью проповѣдники наступательнаго націонализма твердили: Olster will fight and Olster will be right (Ольстеръ будетъ сражаться и будетъ правъ). Въ 1913 г. въ Бельфастѣ состоялась даже „клятва въ долинѣ Рютли“, о которой я тогда писалъ [2]). Ольстерцы собрались тогда и подписали документъ, украшенный въ лѣвомъ углу окровавленной рукой, поднятой вверхъ.

„Держась по чистой совѣсти убѣжденія, что гомруль будетъ гибеленъ для благосостоянія какъ Ольстера, такъ и всей Ирландіи; что онъ разрушитъ нашу религіозную свободу и гражданскія вольности; что онъ нанесетъ ударъ имперіи,—мы, нижеподписавшіеся ольстерцы, вѣрные подданные всемилостивѣйшаго короля нашего Георга V, уповая на милосерднаго Бога, поддерживавшаго нашихъ предковъ въ трудные дни, симъ клятвеннымъ уговоромъ обѣщаемся въ эту годину бѣдствія стоять другъ за друга, защищать

---

[1]) New Statesman, May 27, 1916.

[2]) Діонео, „Мѣняющаяся Англія“, ч. I, стр. 199

наши права и наше положеніе въ имперіи. Мы обѣщаемся употребить всѣ необходимыя средства, дабы сокрушить существующій заговоръ съ цѣлью насажденія въ Ирландіи отдѣльнаго парламента. И если такой парламентъ будетъ введенъ вопреки нашему желанію, мы клятвенно обѣщаемся, что откажемся признать авторитетъ новаго законодательнаго собранія. Уповая, что Господь защититъ наши права, мы скрѣпляемъ клятвенный уговоръ нашею подписью. Боже, храни короля!" Таковъ текстъ новой „клятвы въ долинѣ Рютли". Утвержденіе ольстерцевъ, что они „вѣрные подданные всемилостивѣйшаго короля Георга V", не помѣшало имъ составить армію, вооружить ее ружьями и пушками, купленными въ Германіи, избрать временное правительство и недвусмысленно намекнуть, что они призовутъ на помощь Вильгельма II. Конечно, это было *до* войны.

И вотъ теперь, когда правительство рѣшило примѣнить въ Ирландіи методъ лорда Дерхэма, возникъ тотъ же вопросъ объ ольстерцахъ. Представители наступательнаго національзма почти три вѣка привыкли считать себя державной народностью, а ирландцевъ—низшей націей. Какъ имъ примириться съ тѣмъ, что не они, ольстерцы, будутъ у власти въ будущемъ Дублинскомъ парламентѣ, а ирландцы? Ольстеръ составляетъ только одну изъ четырехъ провинцій Ирландіи. Поднимался вопросъ о томъ, чтобы выдѣлить эту провинцію и дать гомруль только для трехъ остальныхъ провинцій. Но тутъ запротестовали ирландцы. Совмѣстное существованіе двухъ правительствъ на одномъ островѣ внесетъ большую путаницу,—утверждаютъ они. Кромѣ того, не весь Ольстеръ населенъ оранжистами. Провинція дѣлится на девять графствъ. Въ трехъ изъ нихъ католики составляютъ абсолютное большинство, тогда какъ въ остальныхъ шести графствахъ провинціи Ольстеръ католики составляютъ отъ 16—48% всего населенія. И вотъ британское правительство назначило самаго краснорѣчиваго министра своего, Ллойда Джорджа, посредникомъ между націоналистами (т. е. ирландцами) и ольстерцами. Представителю правительства поручено было убѣдить обѣ стороны, чтобы онѣ согласились принять такія реформы:

1. Законъ о гомрулѣ примѣняется немедленно, т. е. тотчасъ же въ Дублинѣ открывается парламентъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ.

2. Къ закону о гомрулѣ, принятому уже парламентомъ, дѣлается временная поправка, дѣйствительная только до окончанія войны и на короткое опредѣленное время послѣ заключенія мира.

3. Покуда дѣйствительна эта поправка, шесть графствъ въ Ольстерѣ выдѣляются и находятся подъ контролемъ британскаго парламента.

4. До окончанія войны представители Ирландіи пребываютъ въ британскомъ парламентѣ, какъ теперь.

5. Немедленно послѣ заключенія мира созванъ будетъ конгрессъ изъ представителей всѣхъ колоній, которые, вмѣстѣ съ представителями Соединеннаго Королевства, рѣшатъ вопросъ о будущей формѣ правительства въ Британской имперіи, включая сюда и Ирландію.

6. На этомъ конгрессѣ рѣшенъ будетъ окончательно вопросъ о выдѣленныхъ шести графствахъ.

Ольстерцы приняли предложеніе, не забывъ сдѣлать при этомъ нѣсколько патріотическихъ курбетовъ. „Гомруль внушаетъ намъ ужасъ и отвращеніе,—сказали ихъ представители, собравшіеся въ Бельфастѣ,—но такъ какъ кабинетъ полагаетъ, что эта мѣра укрѣпитъ имперію, то мы согласны освободить оранжистовъ трехъ графствъ провинціи Ольстеръ отъ данной клятвы". Тѣ, которые явились одной изъ первопричинъ дублинской драмы, фигурируютъ, такимъ образомъ, какъ благородные спасители отечества. Тѣ, которые ввозили оружіе, купленное въ Германіи, выступаютъ, какъ новый Регулъ. Тѣ, которые грозили, что обратятся къ помощи Вильгельма II, заявляютъ теперь, что ради отечества, находящагося въ опасности, готовы признать (хотя не въ полномъ объемѣ) законъ, трижды принятый палатой общинъ и скрѣпленный подписью короля. Поворотъ въ отношеніи ирландцевъ къ участникамъ мятежа сдѣлалъ теперь очень труднымъ положеніе парламентской ирландской партіи, готовой принять правительственное предложеніе, формулированное выше. За исключеніемъ газеты Редмонда „Freeman's Journal", всѣ остальныя націоналистическія изданія въ Ирландіи относятся или очень холодно, или рѣзко враждебно къ проекту выдѣленія графствъ съ протестантскимъ населеніемъ. „Мы увѣрены, что Ирландія никогда не приметъ такую мѣру,—читаемъ мы въ Irish Independent (газета коммонера Хили).—Отъ этого проекта ирландцевъ тошнитъ. Насъ безконечно огорчаетъ то, что парламентская партія согласилась хоть на минуту обсуждать столь постыдное предложеніе". „До сихъ поръ врядъ-ли хоть одинъ націоналистъ выступилъ въ защиту правительственнаго проекта,—пишетъ ирландскій корреспондентъ New Statesman.—Провинціальная печать, безъ исключенія, относится враждебно къ предложенію" [1]).

Въ концѣ концовъ, въ классической странѣ политическаго компромисса все „образуется", вѣроятно.

Драма въ Дублинѣ закончилась такъ еще недавно, что безпристрастный наблюдатель, стоящій въ сторонѣ, покуда можетъ и долженъ дать только сгруппированные матеріалы; но хочется, тѣмъ не менѣе, сдѣлать хоть какія-нибудь обобщенія. За послѣднія сто лѣтъ Ирландія не видѣла болѣе благожелательнаго и либераль-

[1]) „The New Statesman", juni 17.

наго статсъ-секретаря, чѣмъ Биррель. Я помню, какое впечатлѣніе произвело въ парламентѣ его заявленіе, что законъ усиленной охраны, дѣйствовавшій въ Ирландіи со времени уніи, отмѣненъ и похороненъ. И тѣмъ не менѣе именно при Биррелѣ произошелъ мятежъ въ Ирландіи. Мы знаемъ, что Англія была наказана не за новые, а за *старые* грѣхи: за политику наступательнаго націонализма, которую она неукоснительно проводила въ Ирландіи до недавняго еще времени. Эта политика создала ольстерскій вопросъ. Дублинская драма показываетъ намъ, кромѣ того, что реформа должна быть *дана во время* и что ее нельзя откладывать. Мятежъ былъ бы предупрежденъ, еслибы гомруль, принятый парламентомъ, сталъ немедленно закономъ, но правительство „проявило излишнюю нѣжность къ ульстерскимъ мятежникамъ",— какъ выражается журналъ Nation.

Діонео.

Граждане второго разряда.

Въ минуту народной невзгоды обычно всегда появляются хищники, которые стараются изъ чужой бѣды извлечь для себя выгоду. Проявилось это и въ такомъ огромномъ народномъ бѣдствіи, какъ бѣженство. Не мало отзывчивости къ попавшимъ въ бѣду людямъ проявило населеніе тѣхъ губерній, куда вливались потоки бѣженцевъ, но не мало также хищниковъ кружилось надъ ними. Беззастѣнчивые и ловкіе люди разбирали на вокзалахъ бѣженцевъ и ставили ихъ на работу на худшихъ по сравненію съ установившимися въ данномъ районѣ условіями, откровенно эксплуатируя подъ видомъ благодѣянія трудъ бѣженцевъ.

Эта эксплуатація сначала носила частный и случайный характеръ, но постепенно она начала пріобрѣтать характеръ системы. Съ особенной силой это проявилось съ началомъ сельско-хозяйственнаго періода, когда на бѣженцевъ начали смотрѣть, какъ на возможный резервуаръ рабочей силы. Идея привлеченія бѣженцевъ на сельско-хозяйственныя работы получила особую популярность.

. . . .

Идею предоставленія трудоспособнымъ слоямъ бѣженцевъ работы въ сельскомъ хозяйствѣ, саму по себѣ, надо признать здоровой и правильной: съ одной стороны, это давало возможность заработка нуждающимся въ работѣ людямъ, съ другой—давало новую рабочую силу сельскому хозяйству, испытывающему въ настоящее время острый недостатокъ въ рабочихъ рукахъ.

. . . .

Нѣкоторые общественные слои и организаціи не удержались на своихъ общественныхъ позиціяхъ и, соблазнившись возможностью получить дешевый трудъ, достаточно ярко проявили свои классовые интересы и вожделѣнія. усиліями и опредѣленныхъ соціальныхъ слоевъ, заинтересованныхъ въ полученіи дешеваго труда бѣженцевъ, послѣдніе поставлены теперь въ положеніе, которое неизбѣжно должно вызывать тревогу во всѣхъ,

. . . .

Какъ извѣстно, сельское хозяйство въ связи съ мобилизаціями и общимъ разстройствомъ трудового рынка переживаетъ въ настоящемъ году очень остро недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Этотъ недостатокъ въ рабочихъ силахъ проявился въ сокращеніи посѣвныхъ площадей какъ въ частныхъ экономіяхъ, такъ отчасти и въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Явленіе это начало пріобрѣтать всероссійскій характеръ и вопросъ о восполненіи убыли рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ, естественно, сталъ предметомъ заботы и для правительственной власти. Обозрѣвая наличный рынокъ труда, власть обратила, между прочимъ, вниманіе и на возможность привлеченія къ сельско-хозяйственнымъ работамъ бѣженцевъ.

Въ январѣ и февралѣ текущаго года министры внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія разослали губернаторамъ, также губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ, циркулярныя распоряженія о привлеченіи бѣженцевъ къ сельско-хозяйственнымъ работамъ [1]). Согласно этимъ распоряженіямъ, всѣ трудоспособные бѣженцы снимались съ казеннаго (продовольственнаго и квартирнаго) пайка, кромѣ вставшихъ на сельско - хозяйственныя работы. Размѣры пайка по разнымъ губерніямъ сильно колеблются—отъ 2 р. 80 коп. до 7 р. 50 коп. на одну душу въ мѣсяцъ; причемъ въ этихъ колебаніяхъ замѣтно отсутствіе всякой системы—въ однихъ губерніяхъ, напр., дѣтскій паекъ отличается отъ пайка для взрослыхъ, въ другихъ—они одинаковы. Для очень многихъ бѣженскихъ семей и отдѣльныхъ бѣженцевъ пайки являлись единственнымъ средствомъ существованія, для огромнаго большинства—большой поддержкой, а потому такое поощрительно-принудительное средство, какъ лишеніе пайка, явилось для бѣженцевъ мѣрой очень сильной. Это министерское мѣропріятіе открыло собой цѣлую систему

мѣръ, принятыхъ противъ бѣженцевъ.

На основаніи указанныхъ выше министерскихъ распоряженій, цѣлый рядъ губернаторовъ и мѣстныхъ комитетовъ по устройству бѣженцевъ городского и земскаго союзовъ приняли систему мѣръ,

---

[1]) Циркулярныя телеграммы отъ 25, 30 января, 1, 9, 18, 25 февраля, 2 и 10 марта; 12-го же февраля былъ изданъ особый подробный циркуляръ, посвященный тому же вопросу. См. „Правит. Вѣстникъ", 27 апр., 1916 г.

которыя должны были понудить бѣженцевъ пойти на сельско-хозяйственныя работы [1]). Мѣры эти начались съ угрозы лишенія пайковъ,

. . . .

Нѣкоторые комитеты сразу же пошли дальше министерскихъ распоряженій. Такъ, согласно министерскому циркуляру, отказавшіеся отъ сельско-хозяйственныхъ работъ бѣженцы должны быть лишены пайка съ 1 апрѣля, а донской областной комитетъ о бѣженцахъ рѣшилъ лишить ихъ пайковъ съ 15 марта. На мартовскомъ совѣщаніи бахмутскаго уѣзднаго комитета всероссійскаго земскаго союза совмѣстно съ сельскими и поселковыми попечительствами постановлено „возбудить ходатайство о предоставленіи уѣздному комитету и мѣстнымъ попечительствамъ права лишать пособія семейства трудоспособныхъ бѣженцевъ съ тѣмъ, чтобы, если трудоспособные члены такого семейства станутъ на работы и окажутся хорошими работниками, выдавать пособіе только на нетрудоспособныхъ членовъ семьи, а никакъ не на самихъ работниковъ, какъ то рекомендуется министерствомъ земледѣлія".

Согласно рѣшенію отдѣла по устройству бѣженцевъ земскаго и городского союзовъ, трудоспособный возрастъ для мужчинъ опредѣленъ въ 16—55 лѣтъ. Но симферопольскій уѣздный комитетъ всероссійскаго земскаго союза нашелъ, что „возрастъ 16 лѣтъ преувеличенъ" и постановилъ „считать работоспособными дѣтей обоего пола съ 14 лѣтъ". При опредѣленіи трудоспособнаго возраста высказано было также предположеніе, что „бываютъ старики и въ 60 лѣтъ вполнѣ трудоспособные". Веневскій уѣздный комитетъ постановилъ считать трудоспособными мужчинъ до 65 лѣтъ, а тульскій губернаторъ предложилъ земскимъ управамъ привлекать къ огороднымъ работамъ „даже 10-лѣтнихъ дѣтей". (Это „даже" принадлежитъ самому г. тульскому губернатору).

Жиздринскій уѣздный комитетъ земскаго и городского союзовъ на засѣданіи 21 апрѣля додумался до мысли „выдать трудоспособнымъ бѣженцамъ особыя рабочія книжки-дневники, въ каковыхъ работодатель будетъ записывать ихъ работу, причемъ тѣхъ бѣженцевъ, которые откажутся отъ работы, лишать пайка. Книжки эти будутъ служить котролемъ ихъ работъ".

Въ уѣздахъ развѣшиваются афиши съ обращеніями къ бѣженцамъ. Напримѣръ:

---

[1]) Мы располагаемъ свѣдѣніями о подобныхъ распоряженіяхъ со стороны слѣдующихъ лицъ и учрежденій: тульскій, самарскій, могилевскій губернаторы; лебедянскій, инсарскій, борисоглѣбскій, малоархангельскій, верхнеднѣпровскій, ставропольскій, житомірскій, жиздринскій, пензенскій, орскій, бѣлевскій, веневскій комитеты по устройству бѣженцевъ, бахмутскій уѣздн. комит. всерос. земскаго союза, симферопольскій уѣздн. ком. всерос. зем. союза, покровскій уѣздн. зем. гор. ком. пом. бѣженцамъ. Списокъ этотъ несомнѣнно надо значительно увеличить.

„Лебедянскій комитетъ по устройству бѣженцевъ доводитъ до свѣдѣнія бѣженцевъ, поселившихся въ Лебедянскомъ уѣздѣ, что на засѣданіи комитета 13 февраля 1916 г. постановлено: лишить пайка всѣхъ трудоспособныхъ бѣженцевъ съ 1 апрѣля, въ случаѣ если они не запишутся на сельско-хозяйственныя работы. Записываться на сельско-хозяйственныя работы должны всѣ здоровые—женщины съ 15 до 50 лѣтъ, мужчины съ 15 до 55 лѣтъ. Бѣженецъ, записавшійся на работу, не имѣетъ права отказаться отъ предложеннаго ему труда независимо отъ того, предложена-ли ему работа въ районѣ его жительства или въ другой волости Лебедянскаго уѣзда".

Не всѣ афиши такъ строго дѣловиты.

Вотъ, напр., что гласитъ „Обращеніе ко всѣмъ бѣженцамъ, живущимъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ" (Самарской губерніи) отъ уѣзднаго комитета: „Наступаетъ весна, а съ нею и теплое время, когда холода и непогода перестанутъ губительно отражаться на здоровьѣ и жизни неимущихъ и малоимущихъ, и къ вамъ, бѣженцамъ и выселенцамъ, обращается съ призывомъ правительство, къ вамъ обращается съ тѣмъ же и уѣздный комитетъ по оказанію помощи бѣженцамъ. Тяжелая участь выпала на вашу долю, война лишила васъ крова, родныхъ мѣстъ... Примите участіе въ общей работѣ, и вамъ будетъ легче, потому что работа полевая укрѣпитъ здоровье, успокоитъ, поможетъ хотя на время забыть то тяжелое, что вамъ пришлось пережить... Вы найдете хорошо оплачиваемый трудъ [1]... Пусть всѣ горячо и дружно примутся за работу съ весны. Идите добровольно, не дожидайтесь лишенія пайка. Не бойтесь уходить отъ вашихъ семей. Съ Богомъ, за работу. Помните, что кто не встанетъ на сельско-хозяйственную работу, тотъ будетъ лишенъ казеннаго пайка". Подписано это краснорѣчивое воззваніе предсѣдателемъ уѣзднаго комитета Н. Тресвятскимъ и секретаремъ П. Масловымъ.

Еще болѣе поэтическую и рѣшительную (такое сочетаніе оказывается на практикѣ вполнѣ возможнымъ) афишу составилъ самарскій губернаторъ: „Настанетъ весна, скоро солнышко согрѣетъ землю и крестьянинъ-пахарь, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, выйдетъ въ поле — начнется сѣвъ. Бѣженцы, васъ постигло тяжелое несчастье, вы временно лишились родныхъ полей, но Богъ поможетъ нашей доблестной арміи сломить врага, и вы опять вернетесь къ роднымъ очагамъ. А чтобъ сломить вражескую силу, надо всѣмъ помочь арміи и, прежде всего,—обработкой полей... Не жмитесь къ городамъ; всякъ, кто можетъ, выѣзжайте въ деревню, со всей семьей, на крестьянскій трудъ. Поможете вы крестьянамъ [2]—

---

[1]) Ниже мы на фактахъ увидимъ, какъ „хорошо" этотъ трудъ бѣженцевъ оплачивается.

[2]) Самарская губернія, какъ извѣстно, является губерніей промышленнаго земледѣлія, и въ рабочихъ рукахъ въ ней нуждается не столько трудовое крестьянство, сколько крупные помѣщики, хозяйство которыхъ преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, промышленныя цѣли.

и сами будете сыты. Но кто можетъ и станетъ отказываться, тому, знайте напередъ, никакой помощи не будетъ и съ пайка будетъ снятъ. Увѣренъ, что никто на такой поступокъ не рѣшится. Приглашаю всѣхъ желающихъ работать въ деревняхъ записываться На запись дается двѣ недѣли—не больше. Самарскій губернаторъ Андрей Станкевичъ. Апрѣля 2 дня, Самара".

Лишеніе уклоняющихся отъ работы бѣженцевъ казеннаго пайка повлекло за собой рядъ другихъ распоряженій,

Эти послѣдствія были только логичны

. . . .

Разъ родилась идея принудить бѣженца идти на работы подъ угрозой лишенія его казеннаго пайка, слѣдующей должна явиться мысль о размѣрахъ оплаты бѣженскаго труда.

. . . .

Потому необходимо фиксировать заработныя платы, необходимо установить на трудъ твердыя цѣны, отъ которыхъ бѣженецъ не имѣетъ права отказываться подъ угрозой лишенія пайка. Руководствуясь этой мыслью, цѣлый рядъ административныхъ органовъ и „общественныхъ" организацій устанавливаютъ въ своихъ районахъ таксы на трудъ, обязательныя для бѣженцевъ. Тѣмъ самымъ отмѣнялось элементарное условіе свободнаго труда—добровольное соглашеніе между рабочимъ и нанимателемъ, и бѣженцы лишены были права свободно вынести свою рабочую силу на рынокъ. И въ дѣлѣ установленія твердыхъ цѣнъ на трудъ стремленіе воспользоваться дешевымъ принудительнымъ трудомъ и вожделѣнія опредѣленныхъ классовыхъ слоевъ сказались особенно сильно. Въ моментъ острой нужды въ рабочихъ рукахъ, когда положеніе трудового рынка, казалось бы, должно было быть особенно выгоднымъ для носителей рабочей силы, благодаря наличности административнаго механизма, поддержаннаго имущественно заинтересованными слоями, произведено было насильственное давленіе на трудовой рынокъ и въ лицѣ бѣженцевъ насильственно былъ выброшенъ на рынокъ дешевый трудъ. Подавляющее большинство таксировокъ цѣнъ на рабочія руки бѣженцевъ говоритъ о пониженной расцѣнкѣ: установленныя администраціей и комитетами твердыя цѣны на трудъ почти повсемѣстно оказались значительно ниже тѣхъ, которыя устанавливаются на мѣстномъ рынкѣ въ силу свободнаго взаимодѣйствія между спросомъ и предложеніемъ.

Изъ многочисленнаго матеріала, имѣющагося по этому вопросу въ моемъ распоряженіи, я приведу только нѣсколько примѣровъ. Данныя относятся преимущественно къ апрѣлю—маю.

Лебедянскимъ уѣзднымъ комитетомъ (Тамбовской губ.) на апрѣль и май установлена слѣдующая заработная плата, „отъ кото-

рой бѣженецъ не имѣетъ права отказаться въ случаѣ предложенія ему труда“:

мужчинамъ поденная . . .	— р.	60 коп.	на своихъ харчахъ.
„ мѣсячная . . .	8 „	— „	
женщинамъ поденная . . .	— „	30 „	
„ мѣсячная . . .	4 „	— „	

Позднѣе комитетъ самъ счелъ нужнымъ повысить плату:

мужчинамъ поденная . . .	— р.	80 коп.	на своихъ харчахъ.
„ мѣсячная . . .	12 „	— „	
женщинамъ поденная . . .	— „	40 „	
„ мѣсячная . . .	7 „	— „	

Но даже эта повышенная плата значительно ниже той заработной платы, которая, согласно земскимъ даннымъ, установилась въ Лебедянскомъ уѣздѣ для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ 1915 г., когда трудъ вообще расцѣнивался дешевле:

мужчинамъ поденная, на хоз. харчахъ	— р.	89 коп.
женщинамъ „ „ „ „	— „	39 „
мужчинамъ поденная на своихъ харчахъ	1 „	78 „
женщинамъ „ „ „ „	— „	96 „

Малоархангельскій комитетъ помощи бѣженцамъ (Орловской губ.) установилъ предѣльную таксу для бѣженцевъ:

мужчинамъ мѣсячная	12 р.	— коп.
„ поденная	— „	60 „
женщинамъ мѣсячная	8 „	— „
„ поденная	— „	35 „

Между тѣмъ въ прошломъ году въ Малоархангельскомъ уѣздѣ по даннымъ земской статистики цѣны стояли:

мужчинамъ поденная .	1 р.	15 коп.
женщинамъ „ .	— „	53 „

Бахмутская уѣздная земская управа, по предложенію мѣстнаго комитета всероссійскаго земскаго союза, установила для бѣженцевъ:

мужчинамъ мѣсячная	16 руб.
женщинамъ „	12 „

тогда какъ рыночныя цѣны установились здѣсь: мужчинамъ—20 р., женщинамъ—16—17 р. [1]).

На губернскомъ совѣщаніи въ Минскѣ, подъ предсѣдательствомъ губернатора Чернявскаго, твердая цѣна на сельско-хозяйственныя работы, подъ угрозой лишенія пайка, установлена въ серединѣ марта:

---

[1]) Изъ письма инструктора всероссійскаго бюро труда отъ 20 апрѣля.

мужчинамъ мѣсячная	13 р. — к.	на харчахъ рабочаго.
„ поденная	— „ 70 „ —1 р.	
женщинамъ мѣсячная	9 „ — „	
„ поденная	— „ 40—65 к.	

Между тѣмъ на черныхъ работахъ бѣженцы въ томъ же Минскомъ районѣ зарабатывали въ мартѣ 2 р.—2 р. 50 к. Что, спрашивается, можетъ ихъ понудить идти на сельско-хозяйственныя работы? Конечно, только угроза лишенія пайка.

Въ области Войска Донского въ ст. Каменской и въ Сулинѣ установлена была обязательная заработная плата мужчинамъ поденно 80 к., женщинамъ 50—60 к. (на своихъ харчахъ), тогда какъ „вольная" заработная плата для мужчинъ опредѣлилась въ 22 р. помѣсячно на хозяйскихъ харчахъ.

Нижеслѣдующая табличка также достаточно краснорѣчиво говоритъ о тенденціяхъ, которыя преслѣдуютъ твердыя цѣны на трудъ бѣженцевъ:

Губерніи.	Мѣсячная.		Поденная.		
	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.	
Тульская [1] . .	8—10 р.	4— 5 р.	50 к.—1 р. 20 к.	35—70 к.	
Минская [2] . .	12—15 „	8—12 „	70 „ —1 „ — „	40—65 „	на св. хар.
Оренбургская [3]	9—15 „	7 „			
Волынская [4] .	15 „	10 „	на св. хар.		

Чтобы правильнѣе учесть эти цѣны, необходимо сравнить съ ними тѣ „вольныя" заработныя платы, которыя установились на сельско-хозяйственномъ рабочемъ рынкѣ за означенный періодъ путемъ добровольнаго соглашенія сторонъ въ различныхъ районахъ. На всемъ готовомъ заработныя платы поднялись въ Херсонской губ. до 25 р., въ Таврической—до 30 р., въ Московской—до 35 р. (въ концѣ апрѣля), въ Екатеринославской [5]—мужчинамъ мѣсячно—40—45 р., поденно—1—3 р., женщинамъ мѣсячно—20—25 р., поденно—75 к.—2 р., въ Саратовской и Томской—до 50 р. въ Кубанской области—до 90 р. въ мѣсяцъ, 3 р. поденно [6]).

Достаточно сравнить эти данныя, чтобы убѣдиться, насколько принудительный трудъ бѣженцевъ дешевле свободнаго труда на открытомъ рынкѣ. Тенденція использовать этотъ болѣе дешевый трудъ заинтересованными слоями выступаетъ вполнѣ очевидно. Они сами, впрочемъ, и не стремятся скрыть того, что установле-

[1]) По даннымъ всероссійскаго бюро труда и богородицкой уѣздной земской управы.

[2]) По даннымъ пинской уѣздной земской продовольственной коммиссіи.

[3]) По даннымъ орскаго уѣзднаго комитета по устройству бѣженцевъ всероссійскаго земскаго союза и ташлинскаго участковаго комитета по оказанію помощи бѣженцамъ.

[4]) По даннымъ житомірскаго уѣзднаго комитета помощи бѣженцамъ.

[5]) Александровское бюро труда, свѣдѣнія отъ 20 мая.

[6]) Станица Вознесенская, лабинскаго отдѣла.

ніе твердыхъ цѣнъ на трудъ связано съ желаніемъ получить дешевыхъ рабочихъ. На засѣданіи стерлитамакскаго (Уфимской губ.) уѣзднаго комитета помощи бѣженцамъ 15 апрѣля члены совѣта „находили назначенную бѣженцамъ заработную плату слишкомъ высокою и высказались за необходимость нормировки" и, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что вслѣдъ затѣмъ на засѣданіи „поставленный на баллотировку вопросъ о желательности нормировки заработной платы рѣшается въ положительномъ смыслѣ".

У могилевскаго губернатора есть на этотъ счетъ и болѣе общая точка зрѣнія. 12 марта имъ было разослано наставленіе о „надлежащемъ использованіи труда бѣженцевъ" — уѣзднымъ земскимъ управамъ, городскимъ общественнымъ управленіямъ и всѣмъ дѣйствующимъ въ губерніи правительственнымъ и общественнымъ организаціямъ, обслуживающимъ нужды бѣженцевъ. Основной идеей этого наставленія была мысль о томъ, что „бѣженское населеніе ни въ какомъ случаѣ не должно быть оставляемо въ праздности". Согласившись съ этой мыслью, могилевскій губернскій комитетъ всероссійскаго земскаго союза 5 апрѣля пришелъ къ заключенію, что „распространеніе среди бѣженцевъ плакатовъ всероссійскаго бюро труда о мѣстахъ нужды въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и болѣе высокихъ цѣнахъ на рабочія руки [1]), по мнѣнію губернскаго комитета, является нецѣлесообразнымъ, какъ не достигающее прямой цѣли и могущее лишь создать тревогу на мѣстахъ, вызывая искусственное, не оправдываемое мѣстными условіями, повышеніе цѣнъ на рабочія руки".

Не надо забывать, что лишеніе пайка и принудительное назначеніе низкихъ заработныхъ платъ коснулось не какой-либо ничтожной группы населенія—согласно свѣдѣніямъ земскаго и городского союзовъ бѣженцы исчислялись въ количествѣ свыше трехъ милліоновъ. Правда, въ ихъ числѣ, наряду съ трудоспособными и здоровыми, имѣется не мало дѣтей, женщинъ, стариковъ и больныхъ. Но мѣры, направленныя противъ трудоспособныхъ, неизбѣжно затрагиваютъ интересы всѣхъ бѣженцевъ, независимо отъ возраста, пола и состоянія здоровья.

Согласно офиціальнымъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" (отъ 27 апрѣля), къ 1 апрѣля по 17 губерніямъ, подъ угрозой лишенія пайковъ, встало на сельско-хозяйственныя работы 52.706 бѣженцевъ, уклонилось отъ работъ и снято съ пайковъ по 9 губерніямъ—4.451 бѣженецъ. Такимъ образомъ 52 слишкомъ тысячи вынуждены были приняться за низко оплачиваемый трудъ и 4 съ половиной тысячи—лишены всякой поддержки со стороны государства въ постигшей ихъ бѣдѣ. Какую роль

[1]) Здѣсь имѣлась въ виду попытка всероссійскаго бюро труда принять участіе въ дѣлѣ трудового посредничества на сельско-хозяйственномъ рабочемъ рынкѣ.

играли въ снятіи бѣженцевъ съ пайковъ комитеты союзовъ, видно хотя бы изъ того факта, что одинъ волынскій комитетъ всероссійскаго земскаго союза лишилъ казеннаго пайка, „вслѣдствіе отказа отъ предложенныхъ работъ“, 1.152 бѣженца.

Но какъ быть съ тѣми бѣженцами, которые уже находятся на работахъ въ городѣ—слѣдуетъ-ли ихъ лишать пайковъ, какъ уклоняющихся отъ сельско-хозяйственныхъ работъ? Циркуляры на этотъ счетъ категоричны и тѣмъ вызываютъ на мѣстахъ не мало затрудненій. Судогодскій (Владимір. губ.) земско-городской комитетъ по устройству бѣженцевъ отмѣчаетъ, что „изъ 500 разселенныхъ по уѣзду бѣженцевъ двѣсти человѣкъ трудоспособныхъ работаютъ на фабрикахъ и заводахъ; отвлеченіе ихъ на сельско-хозяйственныя работы нежелательно и сопряжено съ неудобствами, такъ какъ за этими трудоспособными потянутся и нетрудоспособные, которыхъ болѣе, нежели трудоспособныхъ“. Секретарь бюро труда при обществѣ для оказанія помощи бѣженцамъ въ Оренбургѣ въ письмѣ отъ 7 апрѣля указываетъ, что мѣстный комитетъ помощи бѣженцамъ „особенно настаиваетъ“ на привлеченіи бѣженцевъ къ сельско-хозяйственнымъ работамъ. Между тѣмъ большинство бѣженцевъ находятся на казенномъ пайкѣ и зарабатываютъ въ городѣ отъ 2 до 3 руб. въ день, причемъ условія труда въ городѣ гораздо лучше, чѣмъ на сельско-хозяйственныхъ работахъ. Бюро труда при моршанскомъ уѣздномъ комитетѣ по устройству бѣженцевъ на засѣданіи 27 марта поступило гораздо проще: оно предписало „снять съ 1 апрѣля съ пайка лицъ, если не представятъ доказательствъ, что они находятся на сельско-хозяйственныхъ работахъ“. Россія—страна земледѣльческая!

Въ связи съ принудительнымъ привлеченіемъ бѣженцевъ къ сельско-хозяйственнымъ работамъ всталъ и вопросъ о принудительномъ выселеніи бѣженцевъ изъ городовъ въ сельскія мѣстности. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ была проявлена членомъ Государственной Думы В. А. Харламовымъ, подъ предсѣдательствомъ котораго 2 февраля была принята настоящая мѣра особымъ совѣщаніемъ донского областного комитета въ Ростовѣ. Согласно принятому постановленію, рѣшено было съ 15 марта „выселить изъ городовъ принудительнымъ порядкомъ на время предстоящихъ весеннихъ и лѣтнихъ полевыхъ работъ трудоспособныхъ бѣженцевъ сельскаго состоянія“, выселенію подлежатъ также дѣти, старики и маломощные, пособіе выселеннымъ бѣженцамъ допускается въ исключительныхъ случаяхъ, отказывающіеся отъ работъ лишаются всѣхъ видовъ вспомоществованія [1]). Повидимому, въ апрѣлѣ была

[1]) Журналъ засѣданія особаго совѣщанія по вопросу о выселеніи бѣженцевъ изъ Ростова и Нахичевани 2 февраля, отношеніе донского областного комитета въ правленіе новочеркасскаго общества помощи населенію мѣстностей Россіи, пострадавшихъ отъ войны, отъ 9 февраля.

разослана министромъ внутреннихъ дѣлъ телеграмма губернаторамъ „о настоятельной необходимости привлеченія всѣхъ свободныхъ отъ работъ бѣженцевъ къ сельско-хозяйственному труду“ съ предложеніемъ „принять въ семъ отношеніи исчерпывающія мѣры, въ томъ числѣ и выводъ проживающихъ въ городахъ бѣженцевъ въ сельскія мѣстности“. На эту телеграмму имѣются указанія въ распоряженіи тульскаго губернатора отъ 14 апрѣля и въ журналѣ засѣданія моршанскаго уѣзднаго комитета отъ 21 апрѣля Принудительно выселяли бѣженцевъ изъ Саратова, Тулы, Житоміра, Томска.

. . . .

когда возникло опасеніе, что бѣженецъ можетъ отказаться отъ голодной платы и уйти съ работы, придумали юридическую формулу: „нарушеніе договора“. Такъ, Орскій (Оренбург. губ.) уѣздный комитетъ по устройству бѣженцевъ всероссійскаго земскаго союза 28 марта постановилъ: „въ цѣляхъ предотвращенія безпричиннаго ухода бѣженцевъ съ работъ предупредить ихъ, что нарушеніе договора съ нанимателемъ и уходъ съ работъ безъ уважительной причины повлечетъ за собой лишеніе ихъ продовольственнаго пособія“. Но дальше всѣхъ пошелъ въ этомъ направленіи тульскій губернаторъ; распоряженія его настолько интересны, тексты бумагъ настолько красочны, что на нихъ стоитъ остановиться подробнѣе.

За подписью тульскаго губернатора А. Тройницкаго 14 апрѣля разослано было распоряженіе „гг. уѣзднымъ предводителямъ дворянства, тульскому городскому и уѣздному комитетамъ помощи бѣженцамъ, всѣмъ національнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ уполномоченнымъ, завѣдующимъ помощью бѣженцамъ, губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ начальникамъ Тульской губерніи“.

„За министра внутреннихъ дѣлъ,—гласитъ эта бумага,—товарищъ министра кн. Волконскій сообщилъ мнѣ, что, въ виду выяснившагося въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отрицательнаго отношенія къ использованію бѣженцевъ на сельско-хозяйственныя работы, а равно уклоненія бѣженцевъ отъ этихъ работъ, министерство вновь подтверждаетъ настоятельную необходимость безусловнаго привлеченія всѣхъ свободныхъ отъ работъ бѣженцевъ къ сельско-хозяйственному труду, принявъ въ семъ отношеніи исчерпывающія мѣры, въ томъ числѣ выводъ проживающихъ въ городахъ бѣженцевъ въ сельскія мѣстности. Пріюты въ городахъ, содержимые на средства казны, переполнены бѣженцами. При громадныхъ цѣнахъ на рабочія руки многіе бѣженцы, проживающіе на казенный счетъ въ пріютахъ, тайно отъ попечителей пріютовъ зарабатываютъ деньги на сторонѣ, тратя ихъ на предметы роскоши. Поэтому я предлагаю всѣмъ комитетамъ по оказанію помощи бѣженцамъ немедленно отправить изъ городовъ живущихъ въ пріютахъ вмѣстѣ съ ихъ семьями въ сельскія мѣстности. Бѣженцы, которые отка-

жутся отъ посильной работы въ пріютахъ, должны быть немедленно выдворены изъ пріютовъ и лишены всякой матеріальной помощи. Убѣдительно прошу комитеты приступить къ немедленному сокращенію пріютовъ въ городахъ. Съ 1 мая мною будутъ приняты мѣры къ сокращенію средствъ на содержаніе пріютовъ. Всѣ бѣженцы, отказывающіеся отъ работы, должны быть лишены пайка, и если изъ дошедшихъ до меня свѣдѣній окажется, что трудоспособные бѣженцы, не нанявшіеся по договорнымъ листамъ на сельско - хозяйственныя работы, продолжаютъ получать пайки, то будетъ возбужденъ вопросъ объ обращеніи всѣхъ излишне выданныхъ имъ суммъ въ начетъ на лицъ, виновныхъ въ этой выдачѣ, развращающей бѣженцевъ и истощающей средства казны въ военное время. Больше 8 мѣсяцевъ казна кормила бѣженцевъ, и тѣ почти совсѣмъ не работали—нынѣ необходимо имъ дать работу, заставить работать, — въ этомъ заключается главная задача всѣхъ организацій".

Настоящее предписаніе нашло откликъ у веневскаго уѣзднаго комитета помощи бѣженцамъ. Въ постановленіи, направленномъ ... апрѣля въ тульскую губернскую земскую управу, говорится слѣдующее: „изъ имѣющихся въ распоряженіи веневскаго уѣзднаго комитета помощи бѣженцамъ свѣдѣній усматривается: 1) что бѣженцы не желаютъ поступать на постоянныя работы, особенно сельско - хозяйственныя, а предпочитаютъ заниматься поденнымъ трудомъ, 2) что при страшно, сравнительно съ прошлымъ, высокихъ цѣнахъ на рабочія руки, бѣженецъ можетъ поденнымъ трудомъ заработать во много разъ больше его суточнаго пайка и что такимъ образомъ лишеніе пайка лишь одного трудоспособнаго бѣженца въ то время, какъ его семья будетъ получать паекъ, не достигнетъ цѣли—побудить его стать на работы и 3) что лишь только такая серьезная мѣра, какъ лишеніе пайка не только нежелающихъ работать, но и ихъ семей, можетъ побудить бѣженца поступить на постоянныя работы". На основаніи этихъ соображеній веневскій комитетъ постановилъ: 1) лишать пайка не только бѣженца, отказавшагося или не желающаго поступить на постоянныя работы, какого бы рода онѣ ни были, но и его семью, 2) считать мужчинъ до 65 лѣтъ, а женщинъ до 55—трудоспособными.

22 апрѣля въ Тулѣ было опубликовано слѣдующее постановленіе.

„Сплошь и рядомъ бѣженцы проявляютъ преступную въ нынѣшнее время склонность всячески уклоняться отъ труда. Предпочитая, даже въ случаѣ полной работоспособности, жить лучше на средства всевозможныхъ комитетовъ и организацій, чѣмъ собственнымъ трудомъ, такіе бѣженцы изощрились еще и слѣдующимъ образомъ получать легкую наживу—заключать контракты и договоры, получать задатки и затѣмъ уже или вовсе не являться на работу, или бросать ее въ самомъ началѣ. Въ виду изложеннаго

я призналъ своевременнымъ издать въ отношенiи бѣженцевъ, проживающихъ въ Тульской губернiи, нижеслѣдующее обязательное постановленiе:

1. Бѣженецъ, подрядившiйся на какую-либо сельско-хозяйственную работу по письменному договору или иному письменному обязательству, долженъ выполнить свою работу по этому договору или обязательству до условленнаго конца.

2. Виновный въ неисполненiи сего будетъ подвергнутъ заключенiю въ тюрьмѣ или крѣпости на 3 мѣсяца или аресту на тотъ же срокъ или денежному штрафу до 3 тысячъ рублей.

3. Настоящее обязательное постановленiе входитъ въ дѣйствiе немедленно по опубликованiи.

И. д. главноначальствующаго въ Тульской губернiи и. д. губернатора и. д. вице-губернатора Шеншинъ".

. . . .

Послѣднимъ распоряженiемъ въ этой области является запрещенiе вывоза и переѣзда рабочихъ изъ одной губернiи въ другую. Началось это съ отказа въ льготной перевозкѣ бѣженцевъ, о чемъ губернаторы были циркулярно увѣдомлены 2 марта (за № 102) телеграммой товарища министра внутреннихъ дѣлъ кн. Волконскаго. Уже этимъ распоряженiемъ передвиженiе бѣженцевъ было стѣснено.

По сообщенiю инструктора Всероссiйскаго бюро труда отъ 11 мая, „работа мѣстныхъ бюро труда по прiисканiю мѣстъ бѣженцамъ, желающимъ получить работу, въ настоящее время испытываетъ большое затрудненiе въ виду отказа губернаторовъ предоставлять бѣженцамъ, отправляющимся на работу за предѣлы губернiи, безплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ. Мѣстное бюро труда не имѣетъ кредитовъ на покупку своимъ клiентамъ желѣзнодорожныхъ билетовъ; предприниматель въ большинствѣ случаевъ отказывается принять проѣздъ рабочаго на свой счетъ, и бѣженецъ принужденъ, если у него нѣтъ средствъ на дорогу, отказываться отъ предлагаемаго заработка. Бѣженцамъ объявлено, что они, въ случаѣ самовольнаго переѣзда въ другую губернiю, лишаются права на правительственное воспособленiе—объявленiе такого рода виситъ, напр., въ коридорахъ и залахъ ст. Рязань Московско-Рязанской ж. д.—Съ апрѣля-мая почти повсемѣстно въ Россiи трудоспособные бѣженцы, не ставшiе на сельско-хозяйственныя работы, независимо отъ того, имѣютъ они заработокъ или нѣтъ, лишены казеннаго пайка. Отказъ мѣстныхъ учрежденiй въ выдачѣ безплатнаго билета поставилъ въ нѣкоторыхъ губернiяхъ бѣженцевъ въ безвыходное положенiе: за отсутствiемъ работы на мѣстѣ и невозможностью выѣхать, они должны голодать. Для примѣра можно взять Калужскую губернiю: Дорогомиловскiй распредѣлительный пунктъ „Общества помощи жертвамъ войны" отмѣтилъ, что за послѣднiе мѣсяцы—мартъ-апрѣль—большинство

проходящихъ черезъ него бѣженцевъ являются бѣженцами вторично: въ Калужской губерніи на мѣстахъ остается только тотъ, кто имѣетъ право на паекъ—дѣти до 14 лѣтъ и старики отъ 80 лѣтъ; остальнымъ дѣлать въ Калужской губерніи нечего, такъ какъ это—губернія постояннаго отхода на заработки и женское населеніе уже приспособилось къ сельско-хозяйственной работѣ.— Слѣдуетъ отмѣтить, что сама мѣстная администрація совѣтуетъ идти искать работу въ сосѣднихъ губерніяхъ".

Между тѣмъ лишеніемъ права на льготную перевозку дѣло не ограничилось. Повидимому, той же телеграммой г. Волконскаго было воспрещено выдавать паспорта рабочимъ-бѣженцамъ, желавшимъ выѣхать въ другую губернію. „Отправка рабочихъ-бѣженцевъ согласно объявленному спросу,—сообщаетъ 28 марта саратовская биржа труда,—чрезвычайно затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въѣздъ бѣженцевъ въ другія губерніи безъ особаго разрѣшенія мѣстныхъ губернаторовъ вообще не разрѣшенъ. Такое постановленіе, по сообщенію уполномоченнаго по распредѣленію бѣженцевъ въ Саратовской губерніи, г. Дверницкаго, послѣдовало отъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 2 марта с. г. Затрудненіе отправки бѣженцевъ-рабочихъ на работы вредно отражается какъ на интересахъ рабочихъ, такъ и нанимателей. Въ настоящее время саратовской биржей труда получено разрѣшеніе на отправку рабочихъ отъ Минскаго и Астраханскаго губернаторовъ. Подано соотвѣтствующее заявленіе самарскому губернатору. Отвѣтовъ приходится ждать подолгу, работа тормозится".

Тульскій губернаторъ запретилъ выѣздъ изъ своей губерніи всѣмъ рабочимъ-бѣженцамъ, кромѣ сельско-хозяйственныхъ.

Въ Кинешмѣ полученъ циркуляръ о запрещеніи вывоза бѣженцевъ на работы изъ Кинешемскаго уѣзда.

Лохвицкое общество сельскихъ хозяевъ (Полтавской губ.) жалуется, что „въ данное время отходъ рабочихъ изъ губерній не разрѣшается, не выдаютъ паспортовъ".

Таковы мѣры, которыя принимаются для привлеченія бѣженцевъ къ сельскохозяйственнымъ работамъ

. . . .

В. Михайловичъ.

ВНУТРЕННЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Къ роспуску Государственной Думы.

Дума четвертаго созыва подходитъ къ концу полномочій. По свѣдѣніямъ газетъ, правительство колеблется между двумя рѣшеніями: приступить къ подготовкѣ новыхъ выборовъ или продлить полномочія депутатовъ даннаго состава.

Представительство, организованное на началахъ 3 іюня, подняло вопросъ о чрезвычайномъ обиліи праздниковъ въ Россіи и чрезмѣрной поэтому потерѣ рабочихъ дней тамъ, гдѣ эти праздники соблюдаются. Но для законодательныхъ собраній именно послѣ 3 іюня вошло въ обычай устраивать ужъ слишкомъ долгія каникулы. Въ предлогахъ и мотивахъ недостатка нѣтъ. Рождественскія вакаціи должны быть длинными потому, что какъ разъ совпадаютъ съ сезономъ губернскихъ земскихъ собраній, и депутатамъ, состоящимъ губернскими земскими гласными, не до законодательства. Пасхальныя вакаціи, конечно, совпадаютъ съ весенними посѣвами. А лѣтомъ некогда потому, что уборка урожая, потомъ—реализація урожая, потомъ—уѣздныя земскія собранія... По этимъ и другимъ соображеніямъ члены законодательныхъ собраній не переутомляютъ себя законодательной работой: мѣсяцевъ пять въ году засѣдаютъ, мѣсяцевъ семь въ общей сложности отдыхаютъ.

Если такое распредѣленіе времени считать нормальнымъ, то IV Дума „нормально" работала лишь двѣ сессіи: 1912—13 и 1913—14 гг. Сессія 1914—15 гг. ограничилась однимъ манифестаціоннымъ засѣданіемъ въ іюлѣ и нѣсколькими засѣданіями въ январѣ, посвященными бѣглому и чисто формальному разсмотрѣнію бюджета въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ вѣдомствами (при этомъ молчаливо были признаны изъятыми изъ общаго бюджетнаго права многомилліонныя суммы военныхъ расходовъ). Такимъ образомъ третій годъ законодательной „работы" былъ почти сплошь каникулярнымъ. Сессія 1915—16 гг. началась подъ вліяніемъ тяжкихъ событій необычно рано,—съ 19 іюля. Затѣмъ съ 3 сентября до 9 февраля были каникулы. Съ 3 апрѣля по 16 мая снова каникулы. А съ 20 іюня до 1 ноября назначены новыя каникулы.

По выраженію одного провинціальнаго публициста, министры

очень любятъ Думу, когда она отдыхаетъ. Какъ извѣстно, и первой Думѣ, когда она только что собралась въ 1906 г., очень благожелательно предложили прежде всего отдохнуть до осени... Но первая Дума не расположена была отдыхать. Не расположена была къ отдыху и вторая Дума. Послѣ 3 іюня и въ этомъ отношеніи обнаружилась рѣзкая перемѣна. III Дума „упорядочила“ вопросъ о депутатскихъ діэтахъ,—чтобы отдыхъ не былъ убыточнымъ. И довольно быстро установился взглядъ на законодательство, какъ на такое дѣло, которое „не медвѣдь,—въ лѣсъ не уйдетъ“. Часть депутатовъ являлась въ столицу лишь за полученіемъ діэтъ. А послѣ Пасхи и болѣе прилежные депутаты расползались. Засѣданія частенько шли при очень сомнительномъ составѣ. Установилось, словомъ, взаимное пониманіе и сочувствіе: Думѣ нравится отдохнуть и министрамъ пріятно, когда Дума отдыхаетъ. Такъ прожили 5 лѣтъ депутаты III созыва. Такъ прожили 2 года и депутаты IV созыва.

Катастрофа 19 іюля 1914 г. внесла новые мотивы. Дума присоединилась къ общей и безспорной мысли: должно быть единеніе. Но думское большинство не сочло нужнымъ принять обязывающіе выводы изъ этой мысли и не поставило вопроса объ отказѣ отъ групповыхъ цѣлей и корыстей во имя общаго блага. На своихъ позиціяхъ и при своихъ цѣляхъ остались Горемыкинъ, Маклаковъ, Щегловитовъ, Сухомлиновъ, Дурново, Хвостовъ, Марковъ, Балашовъ, союзники, націоналисты и т. д. За отдѣльными исключеніями, они ничего не забыли, ни отъ чего не отказались. Очевидно, единеніе могло быть только фиктивнымъ. И создать видимость такого единенія можно было лишь однимъ способомъ: совершенно не касаться вопросовъ, способныхъ вскрыть рознь. Фактически это значило, что дѣятельность законодательнаго собранія, принявшаго такое рѣшеніе, не возможна. Она и прекратилась... Для министерства Горемыкина-Маклакова это было удобно. А для думскаго большинства, полагавшаго задачу момента въ томъ, чтобъ разладъ казался единствомъ, бездѣйствіе стало необходимымъ.

Такъ прошелъ третій годъ. Четвертый начался при настроеніяхъ, созданныхъ тяжелой расплатой за грѣхи и ошибки. Думское большинство разсталось съ попытками создать иллюзію безусловнаго единенія. Начали строить единеніе относительное. Былъ составленъ либеральный парламентскій блокъ. Вопреки примѣру прошлыхъ лѣтъ, депутаты (за исключеніемъ крайняго праваго фланга) обнаруживали видимое желаніе не отдыхать, а работать. Струкову и Горемыкину это представлялось нежелательнымъ, и отдыхъ съ 3 сентября по 10 февраля былъ невольнымъ. Настроеніе депутатовъ при возобновленіи сессіи представлялось неяснымъ: вернулись-ли они къ свойственной третьеіюнцамъ склонности отдыхать отъ законодательныхъ трудовъ или сохраняется у нихъ вспыхнувшая было въ августѣ жажда потрудиться?..

Зимняя треть сессіи обнаружила довольно пестрыя настроенія. Правое крыло оказалось склоннымъ отдыхать даже по политическому разсчету. Оно полагало, что Дума должна ограничиться лишь бюджетомъ и затѣмъ удалиться на покой. Вошедшіе въ либеральный блокъ не могли присоединиться къ этой точкѣ зрѣнія. Но многіе изъ нихъ, видимо, остались вѣрны обычному для нихъ отношенію къ депутатскимъ обязанностямъ. Къ открытію собрались, а затѣмъ потихоньку, одинъ по одному стали разъѣзжаться по болѣе пріятнымъ для себя мѣстамъ и возвращаться къ дѣламъ, не столь отвѣтственнымъ, какъ участіе въ законодательствѣ. Пресса отмѣтила исчезновеніе депутатовъ изъ Думы. Даже „Новое Время" выступило съ укоризнами: развѣ можно такъ относиться къ обязанностямъ „народныхъ представителей" въ моментъ величайшихъ затрудненій государства и величайшей для него опасности?.. Укорять легко, но не всегда укоризны достигаютъ цѣли. Если позволено взять рѣзкій примѣръ, то какой толкъ убѣждать Обломова въ пользѣ труда? Обломовъ и самъ знаетъ, что трудъ полезенъ и необходимъ...

Словомъ, не смотря на чрезвычайныя обстоятельства, очень значительная часть IV Думы обнаружила, видимо, обычную для третьеіюнцевъ трудоспособность. На пасхальныхъ каникулахъ въ видѣ неформальнаго отвѣта на неизмѣнные слухи о преждевременномъ и насильственномъ роспускѣ въ газетахъ появились такія разъясненія изъ освѣдомленныхъ круговъ: по примѣру прошлыхъ лѣтъ, надо ожидать, что ко времени сѣнокосовъ въ Думѣ не окажется кворума, и нѣтъ надобности прибѣгать къ какому-либо ускоренію событій. По словамъ газетныхъ информаторовъ, въ правыхъ кругахъ полагали воспользоваться примѣромъ прошлыхъ лѣтъ для коварныхъ цѣлей: Думу не распускать, а выждать времени, когда она сама себя распуститъ и тѣмъ обнаружитъ собственное ничтожество... Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ такой разсчетъ кое у кого былъ. Но онъ оказался преувеличеннымъ. Въ первое же засѣданіе послѣ пасхальныхъ вакацій (16 мая) правые прибѣгли къ маневру, — вышли изъ залы, а г. Марковъ II остался и заявилъ: „нѣтъ кворума". Но правые ошиблись. Если очень значительная часть IV Думы сохранила обычное тяготѣніе къ отдыху, то у другой части, видимо, явилось повышенное желаніе трудиться. Не смотря на уходъ правыхъ, въ первомъ послѣ пасхальныхъ вакацій засѣданіи оказался законный, хотя и слабый составъ. Впослѣдствіи правые не прибѣгали къ этому маневру. И Дума всю лѣтнюю треть сессіи 1915—1916 гг. оставалась при законномъ, хотя и слабомъ, составѣ.

31 мая предсѣдателя совѣта министровъ посѣтила депутація отъ Воронежа—просила о разрѣшеніи городу займа. Въ числѣ во-

ронежскихъ депутатовъ былъ членъ Государственной Думы Е. П Ковалевскій.

Попутно въ бесѣдѣ г. Ковалевскій затронулъ вопросъ о времени роспуска. Б. В. Штюрмеръ объяснилъ, что вопросъ о перерывѣ сессіи въ правительственныхъ кругахъ не обсуждался и что вообще правительство въ данномъ случаѣ предоставляетъ полную свободу дѣйствій Государственной Думѣ („Русск. Слово", 3. VI).

Въ то же самое время

въ соединенномъ засѣданіи финансовой и бюджетной коммисеій Думы обсуждался вопросъ о времени разсмотрѣнія законопроекта о расширеніи эмиссіоннаго права государственнаго банка. Гг. Годневъ, Сувчинскій и др. настаивали на необходимости скорѣйшаго разсмотрѣнія законопроекта, не дожидаясь возвращенія докладчика Шингарева, такъ какъ Дума съ 20 іюня можетъ быть распущена.

— Откуда это извѣстно и кто рѣшилъ вопросъ о роспускѣ Думы? — спросилъ Керенскій.

— Блокъ, видимо, рѣшилъ,—замѣтилъ кто-то изъ соціалъ-демократовъ.

Представители большинства энергично протестовали противъ этого предположенія. Н. А. Ростовцевъ разъяснилъ, что вопроса о роспускѣ Думы никто не рѣшалъ, но позже 25 іюня сохранить Думу физически не удастся, кворума не будетъ. Коммиссія рѣшила ускорить разсмотрѣніе проекта и замѣнила докладчика А. И. Шингарева А. С. Посниковымъ. („Русское Слово": 1. VI).

Такъ дѣло обстояло къ началу іюня. Общественное мнѣніе полагало, что Дума должна работать. Дума, по отзывамъ нѣкоторыхъ освѣдомленныхъ съ ея настроеніями депутатовъ, не могла устоять противъ соблазна удалиться на лѣтній отдыхъ. Правительство ждало... Въ началѣ іюня, по свѣдѣніямъ А. Я. Ефимовича, бывшаго редактора „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" и екатеринославской „Южной Зари", Б. В. Штюрмеръ и М. В. Родзянко имѣли разговоръ „о времени роспуска законодательныхъ палатъ".

. . . .

Черезъ нѣсколько дней, 12 іюня произошла,—какъ разсказываетъ тотъ же г. Ефимовичъ,—новая бесѣда на ту же тему

. . . .

Бесѣда получила огласку.

И товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Бобринскій счелъ нужнымъ выяснить правительственную точку зрѣнія,—побесѣдовалъ съ сотрудникомъ одной петроградской газеты.

„Правительство — заявилъ гр. Бобринскій этому сотруднику — имѣетъ основаніе считать, что, распуская Государственную Думу, оно идетъ на встрѣчу желаніямъ подавляющаго большинства членовъ Думы, ибо многіе изъ нихъ спѣшатъ на сельскохозяйственныя работы, особую важность которыхъ выдвинули переживаемыя событія. Иные же связаны на мѣстахъ другими интересами. Въ результатѣ мы видимъ, что кворумъ въ Тавриче-

скомъ дворцѣ все таетъ. Правительство, распуская законодательныя учрежденія, не думаетъ ставить какихъ-либо препятствій ихъ работѣ, да врядъ ли кто-либо и сталъ бы серьезно обвинять правительство въ такихъ несуществующихъ намѣреніяхъ.

Если бы подавляющее большинство желало работать въ области законодательной, — правительство благожелательно пошло бы на встрѣчу. Но подавляющее большинство желаетъ отдохнуть отъ законодательной работы и отчасти заняться сельскимъ хозяйствомъ,— правительство идетъ на встрѣчу и этому желанію, понимая, между прочимъ, что и сельское хозяйство — отрасль важная.

. . . .

Заявленіе гр. Бобринскаго было опубликовано 15 іюня. Депутаты имѣли, значитъ, и время, и возможность выяснить, насколько правильно мнѣніе, что „подавляющее большинство Думы" желаетъ роспуска. Но Дума предпочла остаться безъ выясненій.

Возможно, что въ словахъ гр. Бобринскаго о подавляющемъ большинствѣ есть преувеличеніе. Кто и какъ считалъ, сколько депутатовъ желаютъ отдыхать и сколько работать,—мы во всякомъ случаѣ не знаемъ. Несомнѣнно лишь, что третьеіюньскій духъ остается неизмѣннымъ. Теперь исключительное время. Но вѣдь и въ 1907 г. оно было исключительнымъ, хотя не въ столь явной степени. Весь періодъ, начиная, примѣрно, съ манчжурской кампаніи, по справедливости надо отнести къ числу исключительныхъ и критическихъ. Втеченіе всего этого періода странѣ жизненно необходимо законодательное творчество. А для депутатовъ III и IV созывовъ характерно, пожалуй, не столько безсиліе удовлетворить эту потребность, сколько равнодушіе къ ней и абсентеизмъ,— почти такой же абсентеизмъ, какой наблюдается во многихъ, особенно захолустныхъ, городскихъ и земскихъ общественныхъ управленіяхъ. Сходство, безъ сомнѣнія, не случайное: на выборахъ по указу 3 іюня огромная роль отведена тѣмъ же цензовымъ слоямъ, которые господствуютъ и въ мѣстныхъ представительныхъ учрежденіяхъ.

На другой день послѣ роспуска Госуд. Думы „Рѣчь" писала: „Мы наткнулись на своеобразный союзъ укоренившихся привычекъ той соціальной среды, къ которой принадлежитъ большинство депутатовъ Думы, избранной по Положенію 3 іюня"... . . . .

. . . . Съ кѣмъ, по мнѣнію „Рѣчи", состоятъ въ союзѣ привычки большинства депутатовъ, осталось неизвѣстнымъ. Но на привычки-то во всякомъ случаѣ „мы наткнулись". Не о программахъ въ данномъ случаѣ споръ, не о тактикѣ. Рѣчь идетъ объ очень элементарномъ качествѣ,—всего лишь о желаніи и способности работать. И тѣмъ не менѣе наткнулись и споткнулись.

II. Думскіе проекты о мѣстномъ самоуправленіи.

Оцѣнивая законопроекты, проведенные въ минувшую сессію, печать приходитъ къ довольно неутѣшительнымъ выводамъ. Органы разнообразныхъ направленій говорятъ о „грустныхъ итогахъ“, о „политическомъ фіаско“, о „результатахъ, сводимыхъ къ нулю“, или, по болѣе снисходительной оцѣнкѣ, о „неудачной сессіи“. Даже „Рѣчь“,—вынужденная защищать идею блока, его тактику, достигнутые имъ результаты, защищать, хотя бы и съ оговорками, съ попытками отмежевать свою линію отъ линіи блока,—признаетъ „активъ сессіи“ „сравнительно скромнымъ“. Но, по ея мнѣнію, блокъ тутъ не виноватъ. Онъ принялъ мѣры, онъ заготовилъ „важнѣйшіе законопроекты“, призналъ ихъ „необходимыми для скорѣйшей организаціи страны“.

„Если эти законодательные матеріалы не могли изъ коммиссій перейти въ общее собраніе Думы, то лишь потому, что обсужденіе не менѣе важныхъ законовъ, которые считались не вызывающими сомнѣній, затянулось въ Думѣ сверхъ мѣры. Можно жалѣть или не жалѣть объ этомъ, можно считать безконечныя полемическія рѣчи по поводу крестьянскаго равноправія очень полезными или, напротивъ, совершенно безплодными. Какъ бы то ни было, фактъ затяжки налицо, и только этимъ фактомъ объясняется сравнительно скромный активъ сессіи, которая началась при такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ...

„Только этимъ объясняется“, что остались неразсмотрѣнными „готовый волостной законопроектъ, готовый земскій, близкій къ окончанію городской и т. д.“... Искать виноватыхъ—занятіе, не всегда плодотворное. Но присмотрѣться къ тому, что происходило въ дѣйствительности, не лишне.

Возобновленіе сессіи послѣ сентябрьскаго роспуска ожидалось „не позже ноября“. По извѣстнымъ причинамъ оно состоялось лишь въ февралѣ. Времени на подготовку, на составленіе программы у большинства Думы, объединяемаго платформой блока, было достаточно. И тѣмъ не менѣе большинство начало сессію безъ программы... Можно полагать, что уже въ этотъ періодъ осенняго и зимняго бездумья „мы наткнулись“ на работоспособность и дѣловую цѣнность „той соціальной среды, къ которой принадлежитъ большинство депутатовъ Думы, избранной по Положенію 3 іюня“.

Очередную парламентскую программу пришлось вырабатывать во время работы, на ходу. По какимъ соображеніямъ—вопросъ иной, но большинство рѣшило выдвинуть на первую очередь именно тѣ проекты, о которыхъ упоминаетъ „Рѣчь“: волостное земство, реформа земскаго положенія, реформа городового положенія. Рѣшеніе состоялось къ началу марта. Черезъ три мѣсяца, къ концу мая проектъ, напримѣръ, городового положенія находился, по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ такомъ состояніи:

„Проектъ въ количествѣ 274 статей составленъ. Но какъ? Отдѣльные депутаты составили отдѣльныя части и внесли ихъ въ коммиссію, а въ коммиссіи по поводу ихъ идутъ споры. Пробовали-было обратиться въ бюро блока. чтобы оно какъ нибудь помирило спорящихъ, но изъ этого вышло только то, что заспорили въ самомъ бюро. Перенесли споръ на обсужденіе отдѣльныхъ фракцій, а отсюда получился такой результатъ: заспорили во фракціяхъ".

Основная причина безконечныхъ треній и споровъ въ томъ что думская коммиссія съ самаго начала рѣшила реформировать городовое устройство, оставляя открытымъ вопросъ о муниципальномъ избирательномъ правѣ.

„Коммиссія нашла возможнымъ высказаться только за необходимость расширенія городского избирательнаго права, не предрѣшая, въ какихъ рамкахъ должно быть произведено это расширеніе".

По вопросу объ избирательномъ правѣ внутри блока, оказалось, трудно достигнуть согласія. И вначалѣ полагали, что если этотъ спорный вопросъ изъять, то дѣло пойдетъ скорѣй. Увы,— безъ измѣненія избирательнаго права всѣ другія предположенія стали сомнительными и спорными. Спорнымъ и сомнительнымъ оказалось даже расширеніе компетенціи городскихъ думъ и уничтоженіе административнаго надзора за цѣлесообразностью.

Одни говорятъ: такъ плохъ личный составъ городскихъ самоуправленій, опредѣляемый безобразнымъ избирательнымъ закономъ, что опасно снабжать такіе муниципалитеты широкой компетенціей и хорошими средствами.

Другіе говорятъ другое. Аргументы за и противъ довольно сильны. И возъ ни съ мѣста. А попытки придти къ соглашенію относительно избирательнаго закона кончились тоже довольно плачевно. Беру одно изъ газетныхъ сообщеній отъ 16 іюня,—о происходившемъ всего за 5 дней до роспуска соединенномъ засѣданіи бюро блока съ членами думской коммиссіи по городскимъ дѣламъ, входящими съ составъ того же блока. Обсуждалась избирательная система для городовъ.

Представители пяти фракцій, входящихъ въ блокъ, за исключеніемъ к.-д., высказались за куріальную систему. Конституціоналисты-демократы Новиковъ и Велиховъ рѣшительнымъ образомъ возражали противъ куріальной системы. На вопросъ предсѣдателя бюро блока г. Шидловскаго, на какія же уступки могутъ пойти представители к.-д., гг. Новиковъ и Велиховъ заявили, что ихъ фракція высказалась за единую курію и не уполномочивала ихъ сходить съ этой точки зрѣнія и вести какую-либо торговлю въ смыслѣ улучшенія куріальной системы, противъ принципа которой она возражаетъ. Тогда собраніе предложило конституціоналистамъ-демократамъ еще разъ разсмотрѣть этотъ вопросъ въ своей фракціи. Резюмируя пренія г. Шидловскій заявилъ, что сторонники куріальной системы въ блокѣ пойдутъ на всѣ уступки и примутъ поправки къ ней, кромѣ тѣхъ, которыя уничтожаютъ самую систему.

Очевидно, и тутъ „мы наткнулись" на особенности „той соціальной среды, къ которой принадлежитъ большинство депутатовъ".

Дробленіе избирателей на куріи есть одинъ изъ важныхъ способовъ, при помощи которыхъ эта малоспособная къ государственному творчеству среда удерживаетъ въ своихъ рукахъ господство. И отказаться отъ одной изъ своихъ самыхъ сильныхъ позицій она, естественно, не желаетъ. Она согласна на расширеніе избирательнаго права лишь при сохраненіи курій, которыя обезпечивали бы ей и впредь господство. Въ спорахъ о куріяхъ и застряла городская реформа.

Съ подготовкой „земской реформы" дѣло подвинулось дальше, но только потому, что она задумана безъ измѣненія нынѣ дѣйствующаго избирательнаго закона. Для сужденій, чего стоитъ такая „реформа", достаточно вспомнить о многочисленныхъ выморочныхъ уѣздахъ, гдѣ земскіе выборы по первой куріи фактически не производятся,—всѣ наличные избиратели записываютъ въ гласные самихъ себя... Надо, впрочемъ, отмѣтить, что 12 іюня, за недѣлю до роспуска, въ газетахъ появились свѣдѣнія, что бюро блока рѣшило предложить своей коммиссіи по мѣстному самоуправленію „приступить къ разработкѣ проекта объ измѣненіи земскаго избирательнаго закона". Непосвященные въ секреты блока могутъ лишь догадываться, почему это порученіе не было дано коммиссіи мѣсяца на три раньше, напр., въ мартѣ. И среди разныхъ догадокъ возможна и такая: большинство блока не согласилось измѣнить избирательный законъ и отказаться отъ власти какою оно располагаетъ въ земствѣ, но это твердое рѣшеніе замаскировано запоздалымъ и ни къ чему не обязывающимъ порученіемъ коммиссіи разработать проектъ измѣненій.

Кстати сказать,—проектъ земской реформы, совершенно не затрагивающій избирательныхъ правъ, предполагалось поставить въ послѣдній моментъ передъ роспускомъ. Помѣшало внѣшнее обстоятельство,—выдвинутый правыми вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ. Еслибы правые не помѣшали, то земская „реформа" могла бы пройти, по условіямъ времени, лишь въ вермишельномъ порядкѣ, безъ критики и преній. Въ этомъ случаѣ имѣло бы тактическій смыслъ и запоздалое порученіе: теперь примите, что даютъ, а на счетъ земскаго избирательнаго закона поговоримъ послѣ,—коммиссіи уже предложено этимъ заняться...

Съ волостнымъ земствомъ замѣшкался опять-таки самъ блокъ. Съ самаго начала онъ до крайности—подъ предлогомъ ускоренія—упростилъ задачу: было рѣшено новаго проекта не составлять, а воспользоваться старымъ, столыпинскимъ проектомъ,—благо онъ принятъ былъ третьей Думой, а въ Государственномъ Совѣтѣ хотя отвергнутъ, но очень ничтожнымъ большинствомъ. Кажущійся практицизмъ этого рѣшенія соединенъ однако съ очень существенными неудобствами. Въ проектѣ Столыпина, какъ извѣстно, ярко отразилась свойственная объединенному дворянству соціальная тенденція. Теперь не тѣ настроенія, что при

Столыпинѣ. Въ Думѣ — плохо-ли, хорошо-ли — поднятъ разговоръ о крестьянскомъ равноправіи. И если рядомъ хотя бы только съ этимъ разговоромъ выдвинуть столыпинскую тенденцію, ставящую основную массу населенія волости въ положеніе гражданъ второго сорта, отдающую волостное земство подъ административную опеку и административное усмотрѣніе, то получился бы ужь очень рѣзкій диссонансъ. Получался диссонансъ и въ другомъ отношеніи. Волостное земство—по столыпинскому проекту—подъ опекою. А сущность намѣченной блокомъ мѣстной „реформы" сводится къ нѣкоторому освобожденію земскихъ и городскихъ общественныхъ управленій отъ опеки. Уже однихъ этихъ неудобствъ было достаточно, чтобы отказаться отъ буквальнаго повторенія столыпинскаго проекта. Но отказывались медленно, какъ бы нехотя. Лишь 20 мая въ газетныхъ хроникахъ появились извѣстія, что блокъ занялся внесеніемъ поправокъ въ старый законопроектъ о волостномъ земствѣ. Но и тутъ большинство блока стало проводить свою тенденцію. Не пожелало расширить кругъ избирателей,—оставило тотъ же цензъ, какой былъ установленъ III Думой. Смягчая административный надзоръ, рѣшили поставить волостное земство въ подконтрольную зависимость отъ земства уѣзднаго. А такъ какъ избирательная система, опредѣляющая составъ уѣздныхъ земствъ, оставлена безъ измѣненій, то получился контроль какъ бы „панскаго" (уѣзднаго) земства надъ „мужицкимъ" (волостнымъ)... Послѣ такихъ поправокъ представители к.-д. фракціи заявили, что оставляютъ за собою право указать въ общемъ собраніи Думы, что они, принимая нѣкоторыя детали, какъ компромиссъ, продолжаютъ отстаивать свою принципіальную точку зрѣнія...

Мелкая земская единица, земская реформа, городская реформа... Орѣхъ называется золотымъ. Но это—елочный орѣхъ. Золото на немъ сусальное. Дѣтямъ рекомендуется смотрѣть, любоваться, но не раскусывать, — ибо внутри подъ скорлупой горькая гниль. Въ сущности блоку выгоднѣе, что приготовленные имъ орѣхи такъ и остались подъ флеромъ. Критики въ общемъ собраніи Думы разгрызли бы ихъ, — и едва-ли получилось бы пріятное для блока впечатлѣніе. А провести всѣ три проекта въ порядкѣ вермишельномъ, гильотинировавъ пренія, было бы не легко.

III. Какъ большинство Думы осуществляло свою платформу по религіозному, національному и сословному вопросамъ.

Въ платформѣ думскаго — блоковаго—большинства значатся между прочимъ: вѣротерпимость, урегулированіе на либеральныхъ началахъ польскаго вопроса, примирительныя начала въ финляндскомъ вопросѣ, „вступленіе на путь отмѣны ограниченій для евреевъ", уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями.

Эти пункты, помимо своего общаго значенія, имѣютъ и злободневную остроту.

Дальнѣйшее отступленіе отъ началъ вѣротерпимости въ последне время особенно остро чувствуется общинами баптистовъ и евангелическихъ христіанъ. По типу религіозной мысли они являются характернымъ сочетаніемъ англо-саксонскихъ вліяній съ исканіями русскаго простонародья. Но нѣкоторые наши миссіонеры и администраторы сообразили, что баптизмъ—„нѣмецкая вѣра". И на этомъ основаніи начали дѣйствовать свойственнымъ имъ способомъ (хотя баптизмъ признанъ нашими законами, какъ правоохраняемое вѣроученіе). Любопытная черта: „нѣмецкой вѣрой", если ужъ позволено окрашивать вѣры въ національные цвѣта, всего больше можно бы признать протестанство. Но протестанство у насъ исповѣдуется значительной частью высшихъ слоевъ и на его правовомъ положеніи война не отразилась сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. А баптизмъ, проповѣдуемый по преимуществу низшими слоями, преслѣдуется, хотя онъ и не нѣмецкій... Получается двойное несоотвѣтствіе государственнымъ принципамъ и интересамъ: во-первыхъ, преслѣдованіе за вѣру (пусть даже „нѣмецкую"), во-вторыхъ, преслѣдованіе за такую вѣру, къ которой близка и въ которой заинтересована видная часть населенія союзной съ нами Великобританіи.

Злободневная острота польскаго, финляндскаго и еврейскаго вопросовъ понятна сама собою. Крестьянскія же права издавна имѣютъ злободневную остроту. Нынѣшними же событіями застарѣлая острота доведена до крайнихъ предѣловъ абсурда. Общественному дѣятелю поручается,—напр., земствомъ или земскимъ союзомъ—работа, имѣющая важное государственное значеніе. Но этотъ общественный дѣятель—крестьянинъ. И его, какъ крестьянина, можно „отечески" посадить въ клоповникъ за то, что онъ, напр., стоялъ передъ земскимъ начальникомъ въ шапкѣ. Крестьянинъ за боевыя отличія получаетъ офицерское званіе, чины, ордена. По указу 5 октября 1906 г., онъ можетъ при этомъ оставаться крестьяниномъ. Но, какъ крестьянинъ, онъ подлежитъ упрощенной распорядительности земскихъ начальниковъ, волостныхъ старшинъ и всякой иной близкой власти. Съ самими офицерами изъ крестьянъ, кажется, не „поступаютъ по закону". Но о положеніи ихъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ приходится слышать несообразное. Съ ними поступаютъ. Ради педагогическихъ цѣлей поступаютъ,—не за что-либо въ каталажку, а просто такъ, чтобы чувствовали, чтобы не зазнавались. Конечно, бывало въ этомъ родѣ и раньше. Но количество замѣтно поднявшихся снизу на болѣе высокія ступеньки соціальной лѣстницы ростетъ. Подъ вліяніемъ событій быстро ростетъ. И старые грѣхи принимаютъ характеръ уже не отдѣльныхъ случаевъ, хотя и типичныхъ, а

общаго несоотвѣтствія между архаическими и противорѣчивыми законами, съ одной стороны, и условіями жизни, съ другой.

Въ предѣлахъ хотя бы только этихъ пунктовъ платформы Думѣ было надъ чѣмъ поработать. Но вопросами, связанными съ вѣротерпимостью, Дума не заинтересовалась. О полякахъ молчала. Отъ финляндскаго вопроса забаррикадировалась соображеніями о компетенціи и прерогативахъ. Евреи же имѣли несчастье стать пробнымъ камнемъ, на которомъ впервые испытана платформа думскаго большинства. Вышло случайно: возобновленіе сессіи въ февралѣ хронологически совпало съ оглаской одного изъ циркуляровъ департамента полиціи. Лѣвая часть Думы организовала запросъ. Запросъ былъ принятъ. Но при его обсужденіи часть блока заняла опредѣленно антисемитскую позицію. И обнаружилось, что вошедшіе въ блокъ октябристы и націоналисты склонны соединиться съ правыми и признать объясненія правительства въ защиту циркуляра удовлетворительными. Это было бы равносильно поддержкѣ тѣхъ обвиненій, которыя содержались въ циркулярѣ. Дѣло ограничилось простымъ переходомъ, — безъ какой бы то ни было квалификаціи правительственныхъ объясненій. Но смыслъ урока былъ ясенъ: въ платформѣ написано объ отмѣнѣ ограниченій для евреевъ, но подписавшіе эту платформу, въ силу внутреннихъ противорѣчій, за осуществленіе взяться не могутъ и не возьмутся. На этомъ и кончились надежды, что думское большинство отзовется на явленія жизни, требующія болѣе культурной постановки религіознаго и національнаго вопросовъ.

Съ вопросомъ сословнымъ блокъ поступилъ по иному. Въ архивахъ Думы есть любопытный „законодательный матеріалъ", который нельзя принять безъ оговорокъ, но нельзя и отвергнуть. Въ числѣ такихъ „матеріаловъ" лежитъ безъ движенія въ архивахъ Думы, напр., законопроектъ о западномъ земствѣ. Пять лѣтъ уже лежитъ. Земство, на основаніи этого законопроекта, проведеннаго по 87 ст., существуетъ. Но Думѣ трудно согласиться относительно спорныхъ деталей съ Государственнымъ Совѣтомъ. А въ случаѣ разногласія весь законопроектъ можетъ оказаться отвергнутымъ, — тѣмъ самымъ и земская организація западныхъ губерній подпадетъ подъ раскассированіе на законномъ основаніи. По аналогичнымъ причинамъ хранился почти 10 лѣтъ въ архивахъ Думы и проектъ „объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей", введенный въ дѣйствіе, на основаній 87 ст., указомъ 5 октября 1906 г. Теперь о немъ вспомнили. И выдвинули въ качествѣ... обѣщаннаго блоковой платформой уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями.

Впрочемъ, правая часть блока согласилась нѣсколько дополнить нормы, фактически дѣйствующія уже 10 лѣтъ. Указомъ 5 октября 1906 г. отмѣнено право земскихъ начальниковъ налагать административныя взысканія на лицъ, принадлежащихъ къ сельскимъ

обществамъ. Теперь блокъ рѣшилъ признать подлежащимъ отмѣнѣ такое же право волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Правая часть блока согласилась на отмѣну права сельскихъ обществъ подвергать сочленовъ административной высылкѣ. Едва-ли не самое крупное дополненіе, вносимое блокомъ, сводится къ попыткѣ,— правда, очень робкой—придать сельскому обществу не сословный характеръ: устанавливается свободная для всѣхъ сословій приписка къ сельскому обществу и устраняются преграды къ выходу изъ сельскаго общества. Значеніе этихъ и другихъ „поправокъ", внесенныхъ къ дѣйствующему указу, В. А. Маклаковъ, въ качествѣ докладчика и апологета, опредѣлилъ такъ: всѣ онѣ „ничто" по сравненію съ тѣмъ, что далъ самый указъ... Тутъ есть нѣкоторое преуменьшеніе. „Поправки" даютъ не ничто, а все-таки нѣчто. Но, разумѣется, очень скромное нѣчто. А по сравненію съ задачей—„уравнять сословныя права", т. е. упразднить сословность и водворить равноправіе,— очень скромны не только поправки. Самый проектъ, къ которому онѣ внесены, по сравненію съ этой задачей, очень скроменъ. Въ общемъ собраніи Думы одинъ изъ депутатовъ при обсужденіи законопроекта коснулся „упраздненія сословій". Представитель правительства, гр. Бобринскій, весьма рѣшительно возразилъ на это:

„Во-первыхъ, объ уничтоженіи сословій обсуждаемый законопроектъ ни слова не говоритъ. Во-вторыхъ, категорически заявляю, что правительство въ настоящее время не имѣетъ въ виду заниматься какимъ-либо упраздненіемъ сословій въ Россіи".

Въ самомъ указѣ содержится лишь отмѣна нѣкоторыхъ ограниченій. Отмѣна нѣкоторыхъ ограниченій, менѣе существенныхъ, содержится и въ поправкахъ, внесенныхъ блокомъ. Опытъ показалъ, что отмѣна этихъ ограниченій нисколько не препятствуетъ установленію другихъ ограниченій. 5 октября 1906 г. нѣкоторыя ограниченія крестьянскихъ правъ отмѣнены. Актомъ 3 іюня 1907 г. крестьяне-землевладѣльцы лишены права участвовать въ выборахъ въ Гос. Думу по землевладѣльческой куріи. Тогда же ограничены избирательныя права крестьянской куріи: выборщики не могутъ, какъ прежде было, выбирать самостоятельно въ Думу сословнаго депутата отъ крестьянъ; выборъ крестьянскаго депутата, по Положенію 3 іюня 1907 г., производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ, а въ этихъ собраніяхъ выборщики крестьянской куріи составляютъ меньшинство и мѣстами довольно слабое. Такъ было. Такъ оне и есть. Одновременно обсуждается и отмѣна нѣкоторыхъ ограниченій, и возложеніе на крестьянъ и мѣщанъ гужевой повинности... Одно отмѣняется, другое вводится. Сословность подтачивается вліяніями жизни. Но законъ очень слабо отражаетъ эти вліянія. И мало имъ соотвѣтствуетъ. Во многомъ же и противопоставляется имъ, какъ плотина, которая предназначена сдер-

живать напоръ воды. И въ конечномъ итогѣ трудно не замѣтить характерную черту нашей критической эпохи: жизнь подтачиваетъ сословную обособленность, нѣкоторыя ограниченія отмѣнены 5 октября 1906 г., но во многихъ нашихъ внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ духъ сословности не только не ослабѣваетъ, но, наоборотъ, усиливается, принимаетъ все болѣе и болѣе боевую окраску.

„Въ настоящее время правительство не имѣетъ въ виду заниматься какимъ-либо упраздненіемъ сословій въ Россіи". Не имѣетъ этого въ виду и большинство Думы. Блокъ согласился на отмѣну нѣкоторыхъ ограниченій. Но другія ограниченія желаетъ сохранить. Такъ, напр., онъ согласился отмѣнить лишеніе крестьянъ-землевладѣльцевъ права при выборахъ въ Государственную Думу входить въ курію землевладѣльцевъ, но воспротивился предложенію возстановить прежній порядокъ выборовъ по крестьянской куріи,—чтобы она сама, только своими голосами, выбирала представителя. Противъ этого предложенія можно, разумѣется, найти и принципіальные резоны. Но едва-ли они очень интересуютъ октябристовъ и націоналистовъ, входящихъ въ блокъ. Съ октябристской и націоналистской точки зрѣнія, пожалуй, интереснѣе чисто практическая сторона дѣла: пока крестьянская курія сама выбирала своихъ представителей, въ ней преобладали трудовики; а когда выборы крестьянскихъ депутатовъ стали зависѣть отъ владѣльческаго большинства избирательныхъ собраній, — въ гораздо большемъ числѣ проходятъ хозяйственные мужички, склонные держаться возлѣ охранительныхъ думскихъ фракцій и группъ.

Скромное оформленіе законопроекта, давно дѣйствующаго на основаніи 87 статьи, могло бы пройти мало замѣченнымъ. Но дѣятели думскаго большинства придали скромному дѣлу нѣсколько рекламный характеръ. Можетъ быть, это было психологически необходимо: много обѣщали сначала, много хвастали, надавали векселей, а платить нечѣмъ,—и возникла потребность называть гроши рублями. Въ шумѣ, поднятомъ вокругъ „крестьянскаго законопроекта", поскольку онъ все-таки привлекалъ умы къ фундаментальнѣйшему изъ нашихъ государственныхъ вопросовъ, можно, пожалуй, найти и положительную сторону. Но это положительное тонетъ въ отрицательномъ.

Общественныя силы оказались отвлеченными въ такое дѣло, которое трудно признать плодотворнымъ. Съ одной стороны, естественно, понадобилось вскрыть, что дѣятели блока преподносятъ, какъ новинку, старый матеріалъ, и что они подновляютъ его ужъ очень скудно. Эта тягостная и неблагодарная задача въ Думѣ выпала на долю трудовиковъ и соціалъ-демократовъ, а въ странѣ почти на всю прогрессивную печать. И надо отдать справедливость органамъ конституціонно-демократическаго направленія, — за исключеніемъ „Рѣчи" и немногихъ другихъ изданій,—они на сей разъ

выступили противъ позиціи, занятой въ Думѣ единомышленниками, вошедшими въ либеральный блокъ. Въ видѣ примѣра укажу хотя бы на отзывъ прогрессивно-либеральнаго „Южнаго Края": эта большая провинціальная газета высказывала что въ вопросѣ о крестьянскомъ равноправіи конституціонно-демократическая фракція Думы, „несомнѣнно", „капитулировала передъ правой частью блока" и совершенно напрасно „докладчикъ проекта, членъ конституціонно-демократической партіи В. А. Маклаковъ", прикрываетъ „принципіальные моменты формальными". Другая сторона—и, прежде всего, думскіе ка-деты—такъ же, естественно, стала отстаивать свою позицію. Получился шумный споръ. И притомъ споръ, главнымъ образомъ, внутри прогрессивнаго лагеря, — къ несомнѣнной выгодѣ для лагеря реакціоннаго.

Изъ отдѣльныхъ деталей, на которыхъ сталкивались мнѣнія, пожалуй, особенно характерна слѣдующая... Въ выдвинутомъ изъ думскихъ архивовъ правительственномъ законопроектѣ, которому толкователи произвольно придали слишкомъ шумный заголовокъ („крестьянское равноправіе"), первая статья была редактирована такъ:

„Предоставить всѣмъ россійскимъ подданнымъ безразлично отъ ихъ происхожденія, за исключеніемъ инородцевъ (св. зак. т. IX, изд. 1899 г., зак. о сост., ст. 762), одинаковыя въ отношеніи государственной службы права, примѣнительно къ таковымъ правамъ лицъ дворянскаго сословія"...

Третья Дума одно время взялась-было за этотъ законопроектъ. И коммиссія рѣшила, вмѣсто словъ: „за исключеніемъ инородцевъ", поставить: „за исключеніемъ евреевъ". Такимъ образомъ глухая ссылка на 762 ст. закона о состояніяхъ была расшифрована. Нынѣшній либеральный блокъ собрался снова ее зашифровать, —возстановить формулу правительственнаго проекта: „за исключеніемъ инородцевъ". Но В. А. Маклакову удалось найти формулу еще болѣе дипломатическую. И первая статья проекта получила такой видъ:

„Предоставить всѣмъ россійскимъ подданнымъ, какъ имѣющимъ право поступать на государственную службу, такъ и тѣмъ, коихъ на основаніи ст. 6 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (св. зак., т. III) воспрещается принимать на службу,—одинаковыя права въ отношеніи государственной службы и награжденія орденами и другими знаками отличія соотвѣтственно такому же праву лицъ дворянскаго сословія".

Исчезло „исключеніе", исчезли „инородцы". За то получилось, прежде всего, несоотвѣтствіе заголовку проекта. Заголовокъ говоритъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей. А статья 6 устава о службѣ запрещаетъ принимать на гражданскую службу: 1) купцовъ и дѣтей ихъ (за исключеніемъ первой гильдіи и коммерціи совѣтниковъ), 2) личныхъ почетныхъ гражданъ (за исключеніемъ сыновей чиновниковъ и офицеровъ), 3) сыновей не служившихъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, 4) лицъ быв-

шихъ податныхъ состояній. За исключеніемъ „бывшихъ податныхъ состояній“, — всѣ остальные совсѣмъ не сельскіе обыватели и совсѣмъ не крестьяне. Зачѣмъ эта юридическая перетасовка понадобилась? Отвѣтъ легко найти въ статьѣ 9 того же устава о службѣ: „запрещается принимать на гражданскую службу евреевъ“ (кромѣ имѣющихъ нѣкоторыя ученыя степени). Объ этой статьѣ проектъ, конечно, не упоминаетъ.

Зашифровка получилась болѣе ловкая. Но именно эта ловкость привела къ цѣлому ряду неловкостей. Быть можетъ, особенную неловкость почувствовали евреи, состоящіе въ рядахъ к.-д. партіи,— а тѣмъ болѣе входящіе въ к.-д. думскую фракцію. На прямой вопросъ: что же у васъ, господа, происходитъ?—нѣкоторые изъ нихъ отвѣтили чрезвычайно тонко: они, видите-ли, входятъ лишь въ к.-д. фракцію, но не состоятъ и не состояли въ либеральномъ блокѣ, хотя фракція полностью присоединилась къ блоку. Не совсѣмъ ловко должна была чуствовать себя и фракція. Если въ законопроектѣ о сельскихъ обывателяхъ отмѣняется статья 6 о службѣ, то какія же могутъ быть, хотя бы только формальныя, основанія противъ отмѣны статьи 9? И не только ея, — замѣчу отъ себя. Въ уставѣ о службѣ гражданской есть еще, напр., статья 12: „священнослужителямъ, добровольно сложившимъ съ себя духовный санъ, воспрещается вступать въ какой бы то ни было родъ государственной службы“ (втеченіе довольно долгаго срока—до 10 лѣтъ). Но идти далеко въ этомъ направленіи значило бы обнажить логическій и юридическій произволъ, при помощи котораго г. Маклакову удалось зашифровать неудобное мѣсто. К. - д. фракція остановилась лишь на статьѣ 9 устава о службѣ и рѣшила высказаться за ея отмѣну наравнѣ со статьею 6-й.

Оставаясь въ блокѣ и поддерживая блокъ, к.-д. фракція по данному, — крайне острому и боевому—вопросу какъ бы вышла изъ блока. Но странно вышла. В. А. Маклаковъ видимымъ образомъ не подчинился фракціонному рѣшенію. И даже возражалъ противъ него въ качествѣ докладчика по законопроекту. Никакая сколько-нибудь дисциплинированная фракція не допускаетъ, чтобы ея члены, помимо ея воли, выполняли обязанность докладчиковъ. И создавалось впечатлѣніе путаницы. И не только впечатлѣніе. Въ дѣйствительности вышло такъ, что одни члены фракціи не входятъ вмѣстѣ съ нею въ блокъ, другіе болѣе вѣрны блоку, чѣмъ ей, а она сама не то съ блокомъ, не то противъ блока. Положеніе фальшивое, конфузное, выражающее сильную степень организаціоннаго разброда. И еслибы хоть по большому поводу разбродъ... А то вѣдь онъ случился всего лишь при законодательномъ оформленіи скромныхъ юридическихъ нормъ, проведенныхъ Столыпинымъ и дѣйствующихъ уже 10 лѣтъ. Еслибы хоть въ основѣ разброда и спора явно лежали крупныя принципіальныя разногласія. Увы, — спорили и

разбрелись, главнымъ образомъ, изъ-за вопроса объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ евреевъ,—т. е. какъ разъ изъ-за того вопроса, относительно котораго, навѣрное, нѣтъ разномыслія внутри к.-д. партіи и фракціи. А вмѣстѣ съ тѣмъ это какъ разъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которомъ конституціоналистамъ-демократамъ всего легче сойтись съ трудовиками и соціалистами.

Право же, — точно глубокою ночью въ дремучемъ лѣсу. Потеряли люди дорогу, заблудились и бродятъ, натыкаясь другъ на друга... Проектъ о крестьянскомъ якобы равноправіи прошелъ лишь въ самомъ концѣ сессіи. Государственный Совѣтъ сможет за него приняться не раньше будущаго ноября. Къ уравненію крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями либеральный блокъ насъ не приблизилъ. Но розни въ прогрессивныхъ кругахъ онъ создалъ много.

IV. Къ итогамъ сессіи.

Въ послѣдній періодъ сессіи о Думѣ и въ особенности о думскомъ большинствѣ прогрессивная печать—за исключеніемъ, какъ я уже сказалъ, „Рѣчи" и нѣкоторыхъ другихъ изданій, — отзывалась нелестно. Попытки увѣрять, что такъ отзывается только лѣвая печать,—„безотвѣтственная оппозиція",—были. Но на сей разъ мнѣнія и лѣвой, и умѣренной печати сошлись близко. Во многомъ и совпали. Выше я привелъ мнѣніе „Южнаго Края". Воспользуюсь и еще нѣкоторым любопытными замѣчаніями этой газеты. Она, между прочимъ, спрашиваетъ (24. VI):

„Почему принятый раньше Думою (а теперь принятый такъ же Совѣтомъ) проектъ объ отмѣнѣ административной гарантіи по должностнымъ преступленіямъ предусматриваетъ разсмотрѣніе такихъ дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а вотъ при отмѣнѣ административной гарантіи для взяточниковъ Дума, по собственному почину, отступила отъ этого принципа и сама замѣнила присяжныхъ засѣдателей сословными представителями?"

Частность характерная, но требующая нѣкоторыхъ фактическихъ поясненій... Первый изъ указанныхъ „Южнымъ Краемъ" законопроектовъ принятъ еще третьей Думой,—когда былъ у насъ право-октябристскій блокъ. Проектъ года два лежалъ въ Государственномъ Совѣтѣ безъ движенія, потомъ былъ изувѣченъ поправками, переданъ въ согласительную стадію и снова вернулся въ Совѣтъ, гдѣ онъ и разсмотрѣнъ въ нынѣшнюю сессію, — въ первой половинѣ іюня. Тѣмъ временемъ уже при либеральномъ блокѣ возникъ аналогичный проектъ,—объ отмѣнѣ административной гарантіи въ случаѣ лихоимства. При прежнемъ блокѣ компетенцію суда присяжныхъ засѣдателей ревностно отстаивали и въ Думѣ, и въ печати,—между прочимъ, к.-д. фракція. И правая часть Думы въ этомъ пунктѣ пошла на уступки. Но это было, повторяю, при право-октябристскомъ блокѣ. Теперь, при блокѣ либеральномъ, случилось иначе. Правительство предложило сохранить для дѣлъ о взя-

точникахъ существующій порядокъ (разсматриваются особыми присутствіями судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей). Націоналисты, октябристы и прогрессисты не возражали Ка-деты въ печати молчали. Въ Думѣ — засѣданіе 16 мая — к.-д. Гронскій ограничился лишь очень деликатной оговоркой, что „сохраненіе въ силѣ дѣйствующаго порядка, по которому дѣла о должностныхъ преступленіяхъ разсматриваются судебной палатой съ сословными представителями", фракція народной свободы считаетъ „однимъ изъ недостатковъ законопроекта". Послѣ г. Гронскаго въ томъ же засѣданіи 16 мая говорилъ г. Чхенкели. Вѣроятно, не столь мягко говорилъ, но „стенограмма его рѣчи задержана предсѣдателемъ Государственной Думы". Предложеніе правительства было принято.

Послѣднее получило основаніе считать, что взгляды большинства Думы по спорному вопросу о судѣ присяжныхъ и судѣ сословныхъ представителей измѣнились. Между тѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи стараго, третьедумскаго, проекта о должностныхъ преступленіяхъ сложилось на сей разъ робкое и очень слабое, но все же большинство, въ пользу суда присяжныхъ засѣдателей. Большинство (57 противъ 55) отстаивало судъ присяжныхъ, не смотря на заявленіе товарища министра юстиціи Совѣту, что взгляды правительства относительно этого пункта измѣнились и оно высказывается за юрисдикцію сословныхъ представителей по дѣламъ, предусматриваемымъ въ законопроектѣ... При новомъ голосованіи (10 іюня) 6 членовъ совѣта министровъ присоединились къ меньшинству Государственнаго Совѣта, и получился 61 голосъ, а бывшее большинство (57 голосовъ) оказалось меньшинствомъ... И членамъ Думы въ согласительной коммиссіи теперь трудно будетъ отстаивать прежнюю точку зрѣнія Думы, когда она сама уже сошла съ нея.

Приведу и еще одно замѣчаніе „Южнаго Края" по поводу принятаго Думою законопроекта о военной цензурѣ:

„Тяжело сейчасъ россійской печати,—что и говорить. Но при проведеніи думскаго проекта едва-ли стало бы лучше, хотя бы уже потому, что законопроектъ распространяетъ военную цензуру на всю страну. Нужно знать сложившіяся фактическія условія, чтобъ понять, что изъ думскаго проекта остался бы лишь фактъ распространенія военной цензуры на всю имперію. А вѣдь докладчикомъ проекта былъ членъ партіи народной свободы—В. А. Маклаковъ".

О фактѣ распространенія цензуры на всю имперію трудно говорить въ сослагательномъ наклоненіи. Не было бы, а уже есть. И сторонники распространенія имѣютъ возможность сказать, что они поступаютъ согласно еще не прошедшему всѣхъ стадій, но ясно выраженному вотуму „народныхъ представителей"...

Оба случая — и съ сословными представителями, и съ военной цензурой—могутъ служить примѣромъ, какъ прогрессивное крыло

нынѣшняго думскаго большинства идетъ за націоналистами и октябристами. Не всегда, быть можетъ, это дѣлается сознательно; иногда это происходитъ, повидимому, вслѣдствіе внутренней слабости и растерянности.

Довольно наглядно это сказалось на попыткѣ думскаго большинства „утвердить трезвость"... Само собою понятно, что сопротивленіе заинтересованныхъ группъ и, прежде всего винокуровъ и винодѣловъ, далеко не сломлено. И кажется, всѣ понимаютъ, что трезвость нельзя утвердить только запретительными мѣрами. Нужно дать народу блага организованности, единственно способныя внести въ жизнь полноту разумнаго содержанія и создать твердый отпоръ соблазнамъ алкоголизма. Но тутъ корысть заинтересованныхъ въ сохраненіи пьянаго змія группъ подкрѣпляется соображеніями политическими, не допускающими приблизиться къ организаціи народныхъ силъ. Недостаточность однихъ запретовъ понятна и правительству. Еще при министрѣ Маклаковѣ въ подкрѣпленіе запретовъ было рѣшено учредить особую противоалкогольную коммиссію для разработки вопроса объ утвержденіи трезвости и устройствѣ разумныхъ развлеченій... Задача крайне сужена,— одними „развлеченіями", хотя бы и разумными, не заполнишь пустоты, которая придаетъ соблазнамъ алкоголизма неотвратимую силу. Притомъ же и разумныя развлеченія невозможно организовать, не измѣнивъ существенно нынѣшнихъ правовыхъ условій. Можно было опасаться, что новая противоалкогольная коммиссія не пойдетъ дальше пресловутыхъ „попечительствъ о трезвости", созданныхъ покойнымъ гр. Витте. Къ сожалѣнію, дѣйствительность оказалась еще безнадежнѣе. Въ началѣ іюня „Современнымъ Словомъ" была напечатана фактическая справка о дѣятельности противоалкогольной коммиссіи. Картина такая: у коммиссіи было уже четыре предсѣдателя: первый — Н. А. Маклаковъ, второй—кн. Н. Б. Щербатовъ, третій—гр. А. А. Бобринскій, четвертый (нынѣшній)—кн. Д. Н. Голицынъ-Муравлинъ; при первыхъ трехъ предсѣдателяхъ коммиссія ни разу не собиралась, а при четвертомъ о ней ничего не слышно. И эти результаты не могутъ считаться необъяснимыми. Достаточно вспомнить, какую роль въ дѣлахъ играетъ организація объединеннаго дворянства и какое мѣсто въ этой организаціи занимаютъ винокуры и винодѣлы.

Но вотъ за укрѣпленіе трезвости взялся либеральный блокъ. Трудно требовать, чтобы онъ однимъ ударомъ рѣшилъ задачу— водворилъ условія, благопріятныя для организованности, безъ которой пьянаго змія не одолѣешь. Но и поставить—только поставить—правильно задачу значитъ приблизиться къ ея разрѣшенію. Мало того, — жизненная постановка задачи обладаетъ свойствомъ стягивать и сплачивать силы, необходимыя для рѣшенія. Къ сожалѣнію, либеральный блокъ даже не пытался поставить задачу во всей ея значительности. Предпринятое укрѣпленіе трезвости онъ

свелъ къ подтвержденію запретительныхъ мѣръ, принятыхъ уже правительствомъ. Это вѣдь такъ легко и просто—подтвердить запреты. И въ Государственномъ Совѣтѣ не станутъ прекословить противъ того, что уже введено распоряженіями правительства. И прославлять самихъ себя можно: мы, дескать, укрѣпили трезвость.

Лично я въ данномъ случаѣ и такое „укрѣпленіе“ не считаю дѣломъ безплодным. Нормы, оформленныя въ законодательномъ порядкѣ, все-таки тверже и прочнѣе мѣръ, принятыхъ административною распорядительностью. Пусть сдѣлано было бы хоть это. Но у Думы вышло слѣдующее. Запрещеніе водки она „подкрѣпила“. Подкрѣпила и запрещеніе всѣхъ вообще напитковъ, если они содержатъ больше $1^{1}/_{2}$ градусовъ алкоголя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ подкрѣпила и достигнутое винодѣлами изъятіе изъ общаго правила: продажа виноградного вина разрѣшается, и притомъ оно можетъ быть крѣпостью до 12 градусовъ. Въ засѣданіи 17 іюня к.-д. Паπаджановъ поддерживалъ формулу, которая съ разными оговорками признаетъ „свободнымъ промысломъ“ выдѣлку, продажу и вывозъ виноградныхъ винъ, крѣпостью не свыше 12 градусовъ по спиртомѣру Траллеса. А едва эта формула была принята, тотъ же к.-д. Паπаджановъ (въ томъ же засѣданіи 17 іюня) внесъ другую формулу, выражающую пожеланіе, „чтобы правительство выработало и внесло на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій законопроектъ о виноградарствѣ и винодѣліи въ цѣляхъ.. прекращенія потребленія также и виноградного вина“... И эта новая формула была тоже принята... Не отказались, стало быть, отъ безусловной защиты трезвости. Но пошли и за винодѣлами. И туда, и сюда въ одно и то же время, однѣ и тѣ же фракціи, больше того—даже отдѣльные члены фракцій.

„Съ Шульгина, Бобринскаго, Крупенскаго и Савенка — пишетъ тотъ же „Южный Край“ — немногое взыщется, ибо ихъ недавніе еще идеалы и стремленія общеизвѣстны. Ничего непріятно-неожиданнаго не проявили и октябристы. И еслибы блокъ состоялъ только изъ этихъ группъ, — намъ некого было бы упрекать“. Но когда къ дѣламъ націоналистовъ и октябристовъ „активно прикосновенны тѣ, на чьемъ знамени стоитъ слово прогрессъ, когда докладчиками такихъ проектовъ и проводниками такой тактики являются представители партіи народной свободы, конституціонно-демократической, то на такія партіи падаетъ тяжелая моральная отвѣтственность“.

„Грустные итоги протекшей сессіи заключаются едва-ли не главнымъ образомъ въ томъ, что она выявила глубоко печальный фактъ равненія Маклаковыхъ по Шульгинымъ, а не наоборотъ“. „Идейный разбродъ въ средѣ лойяльной оппозиціи и ея капитуляція передъ правой частью блока,— вотъ поистинѣ грустные итоги сезона“ (курсивъ „Южнаго Края“).

Нельзя сказать, что всѣ к.-д. равнялись по Шульгинымъ. Маклаковы равнялись (не безъ попытокъ управлять событіями), Некрасовы не равнялись (не безъ уступокъ однако общему партій-

ному сдвигу). Но въ томъ-то и заключается разбродъ. И не только въ Думѣ разбродъ. Онъ отразился и въ странѣ. Въ предѣлахъ того же конституціонно-демократическаго направленія одни попытались отстаивать принципіальную позицію — пошли съ Некрасовыми. Другіе же стали равняться по Шульгинымъ, — пошли съ Маклаковыми. И далеко пошли. Иные сумѣли пойти и дальше В. А. Маклакова. Вотъ, напр., сообщеніе „Приазовскаго Края" (28.

. . . .

Стоитъ лишь понизить уровень принципіальности, потерять идейный компасъ, этого достаточно, чтобы люди разбрелись, а иные и зашли слишкомъ далеко. Быть можетъ, не вчера лишь компасъ потерянъ, не со дня вступленія въ связь съ націоналистами и октябристами. Но со дня связи движеніе безъ компаса легло въ основу тактики. Удачъ и пріобрѣтеній не вышло. А грустныхъ явленій хоть отбавляй. И нельзя считать ихъ дѣломъ только партійнымъ. Лѣвое крыло либеральнаго блока есть правый флангъ прогрессивной России. И этотъ флангъ разстроенъ, смятъ, приведенъ въ дезорганизованное состояніе.

. . . .

V. Внѣ жизни и внѣ народа.

Связанный договоромъ съ организаціями, сплоченными для защиты групповыхъ соціальныхъ интересовъ, правый флангъ прогрессивной Россіи безмолвствовалъ, когда непремѣнно требовалось говорить. А, можетъ быть, и кричать. Какъ отозвалась Дума на политику извѣстныхъ владѣльческихъ группъ въ вопросѣ о твердыхъ цѣнахъ на хлѣбъ?—Никакъ. Какъ отозвалась Дума на все то, что устроили владѣльческія группы, хозяйствующія въ земствахъ, при выработкѣ твердыхъ цѣнъ на мясной скотъ?—Никакъ. И многое другое, столь же вопіющее, въ жизни осталось безъ думскаго отклика. Дума не сумѣла и не успѣла оформить попытки отклика даже на тотъ вопль, который поднятъ въ странѣ организованнымъ натискомъ домовладѣльцевъ на квартирантовъ. Да и какъ она могла откликнуться? Лѣвыя фракціи слишкомъ малочисленны и слабы. Ихъ работа протекаетъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ. Ихъ рѣчи то и дѣло задерживаются цензурой предсѣдателя. Октябристы и націоналисты? Но эти группы представляютъ тотъ самый интересъ, противъ котораго надо бороться. Свой интересъ они проводятъ не столь откровенно, какъ правые. Но это—лишь тактическое разногласіе, суть котораго можно пояснить такимъ сравненіемъ.

Петроградская городская дума поддерживаетъ нашихъ домовладѣльцевъ грубо и откровенно, саратовская—деликатно, имѣя видъ третейскаго судьи, желающаго по возможности примирить противорѣчія сторонъ. И пока что саратовскіе домовладѣльцы до-

стигли, кажется, бо́льшихъ успѣховъ, чѣмъ петроградскіе. Мягкость часто хитрѣе и опаснѣе грубости.

Довольно сильна для откликовъ к.-д. фракція. Но если откликаться на тѣ уродливости, которыя выгодны группамъ, близкимъ націоналистамъ и октябристамъ, то надо отказаться отъ блока съ этими послѣдними. А чтобъ сохранить съ ними связь, надо молчать. И молчали. О спекулятивной игрѣ цѣлыхъ группъ, направленной къ безмѣрному взвинчиванію цѣнъ на предметы первой необходимости, молчали столь же упорно, какъ и о слишкомъ партійномъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поведеніи президіума, какъ и о полученіи товарищемъ предсѣдателя Думы г. Варунъ-Секретомъ 15.000 дес. казенной земли, какъ и о многомъ другомъ, изъ-за чего блоку грозила опасность распада... Молчали. Это можно бы назвать измѣной странѣ, еслибы исключалось предположеніе объ ошибочномъ разсчетѣ. Можетъ быть, имѣли благое намѣреніе. Можетъ быть, надѣялись при помощи блока достигнуть цѣнныхъ политическихъ результатовъ. Ничего цѣннаго не достигли (это, впрочемъ, и предсказывали съ самаго начала бывшіе „друзья слѣва“). А странѣ нанесли уронъ. И Думу поставили такъ, что она оказалась внѣ жизни, внѣ самыхъ злободневныхъ ея нуждъ и вопросовъ. И въ частности—внѣ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ продовольственными невзгодами.

Одинъ изъ плодовъ удаленія отъ жизни получился вскорѣ послѣ роспуска на лѣтнія каникулы. Цвѣтокъ, изъ котораго вышелъ этотъ плодъ, распустился во время сессіи. А почва, на которой онъ выросъ,—твердыя цѣны на сельскохозяйственные продукты. Самъ министръ земледѣлія, въ качествѣ предсѣдателя особаго продовольственнаго совѣщанія, заявилъ, что имъ сознательно допущены большія уступки владѣльческимъ группамъ при установленіи твердыхъ цѣнъ,—въ надеждѣ, по его словамъ, предотвратить этимъ дальнѣйшее спекулятивное повышеніе. Владѣльцы однако не удовлетворились. Они домогались новаго повышенія. Особое совѣщаніе не уступало. Возникла борьба и на мѣстахъ, и въ центрѣ. Своимъ вмѣшательствомъ Дума могла бы, если не поддержать здоровыя теченія, то вскрыть гнойникъ. Но Дума осталась внѣ борьбы. Владѣльческія же группы, представленныя въ Государственномъ Совѣтѣ, не молчали. Здѣсь образовалась „аграрная группа“. И по ея иниціативѣ въ самый день роспуска Совѣта былъ предъявленъ правительству „вопросъ о кризисѣ сельскаго хозяйства“.

„Главный одіумъ „вопроса“ аграрной группы—комментировали „Русскія Вѣдомости“ (23. VI)—направленъ противъ А. Н. Наумова, который не хотѣлъ отказаться отъ принципа пользованія твердыми цѣнами на сельско-хозяйственные продукты въ борьбѣ съ дороговизной“.

По свѣдѣніямъ „Русскихъ Вѣдомостей“, „сторонники увели-

ченія твердыхъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты" разсчитывали, что

> при предстоящемъ послѣ урожая въ сентябрѣ пересмотрѣ твердыхъ цѣнъ министерство земледѣлія, надъ которымъ дамокловымъ мечомъ будетъ висѣть „вопросъ" о кризисѣ сельскаго хозяйства, окажется болѣе уступчивымъ и значительно повысить цѣны на продовольственные продукты.

Дѣйствительность оказалась сложнѣе этихъ предположеній. „Вопросъ" аграрной группы—точнѣе, группы крупныхъ аграріевъ—оказался толчкомъ, вызвавшимъ рядъ пререканій и столкновеній. Въ результатѣ, предпринимаются попытки радикально перестроить сложившуюся продовольственную организацію, выдѣлить изъ общихъ продовольственныхъ заботъ „борьбу противъ дороговизны" и сосредоточить эту отрасль въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Пресса ничего хорошаго не ждетъ отъ перетасовокъ. И, во всякомъ случаѣ, при перестройкахъ неизбѣжна пыль и муть. Плохо карасямъ въ мутной водѣ и хорошо щукамъ. И можно быть увѣреннымъ, что „аграрная группа" своей цѣли достигнетъ. Достигнетъ цѣли экономической. А попутно разрѣшитъ, пожалуй, и нѣкоторую политическую задачу. Для борьбы противъ дороговизны сложилась мѣстами какая ни на есть общественная работа. Привычки и задачи министерства земледѣлія допускали ее, хотя и не въ очень значительныхъ размѣрахъ. Но какую общественную работу допустятъ привычки и задачи министерства внутреннихъ дѣлъ,—гадать не стоитъ. Да и не нужно.

Одни во время сессіи работали. И на каникулахъ не сидятъ, сложа руки. Другіе во время сессіи уклонялись отъ вмѣшательства. А на каникулахъ у нихъ руки коротки. Еслибы и захотѣли вмѣшаться,—не сумѣютъ и не смогутъ.

Конецъ сессіи и первые дни каникулъ совпали съ возвращеніемъ парламентской делегаціи, ѣздившей по приглашенію въ гости въ Англію, а за одно посѣтившей и другія союзныя и нѣкоторыя нейтральныя страны Европы. Успѣвшіе вернуться до роспуска представили офиціальные доклады о своихъ впечатлѣніяхъ. Многое изъ того, что видѣли делегаты, не подлежитъ огласкѣ по соображеніямъ военной цензуры. Другое изъято изъ огласки цензурой политической. Но кое-что все-таки „пропущено" къ свѣдѣнію россійской публики. Въ этомъ немногомъ есть поучительное.

Конечно, наши союзники и друзья далеки отъ намѣреній вмѣшиваться во внутреннія русскія дѣла. Они лишь желаютъ благополучія для насъ (на то и союзники), ждутъ обѣщаннаго поворота въ сторону либеральныхъ реформъ, не сомнѣваются, что онъ дастъ Россіи многое, Это вообще. Въ частности, ихъ интересуетъ вопросъ, въ какія формы будетъ облечено провозглашенное извѣстными актами возрожденіе Польши. Кромѣ того, „въ Англіи и во Франціи" делегатамъ „неоднократно

приходилось выслушивать пожеланія, исходящія изъ весьма авторитетныхъ круговъ, о необходимости реализаціи программы прогрессивнаго блока по еврейскому вопросу"; при этомъ авторитетные круги указывали, что рѣшеніе этого вопроса вызывается и практическими надобностями, — оно создало бы благопріятныя условія для заключенія внѣшняго займа.

Откровенно говоря,—и безъ путешествія за границу можно было знать, что въ союзныхъ странахъ и въ ихъ весьма авторитетныхъ кругахъ преобладаетъ мнѣніе, изложенное делегатами. Безъ дальняго вояжа можно знать, что преобладаетъ оно и въ нейтральныхъ странахъ и не чуждо даже враждебнымъ странамъ. Но наглядность нужна не только дѣтямъ. Нужна она и политическимъ дѣятелямъ. Собственными ушами слышали, собственными глазами видѣли, самолично убѣдились,—и когда сообщили о видѣнномъ и слышанномъ, то среди депутатовъ и въ нѣкоторыхъ органахъ прессы возникъ интересъ къ „наиболѣе жгучимъ вопросамъ современности", какъ выразилась „Рѣчь", заговорили о „необходимости новой или обновленной постановки" этихъ вопросовъ...

Такъ подѣйствовало просвѣщенное мнѣніе союзныхъ странъ и весьма авторитетныхъ круговъ Великобританіи и Франціи. Безъ сомнѣнія, оно подѣйствовало бы еще сильнѣе, еслибы депутаты сопоставили его съ мнѣніями и чаяніями самого русскаго народа. Къ сожалѣнію, наши парламентаріи ко взглядамъ, чаяніямъ и нуждамъ своего народа относятся не такъ внимательно, какъ къ мнѣнію авторитетныхъ круговъ союзныхъ странъ,—не съ такимъ интересомъ и не съ такимъ уваженіемъ... Будь иначе, Дума съ самаго начала сессіи обратилась бы къ „жгучимъ вопросамъ современности". Мнѣніе же союзныхъ странъ довелось лично услышать лишь въ концѣ сессіи. И его практическія послѣдствія пока свелись лишь къ тому, что парламентаріи критически взглянули на свою дѣятельность, что они дѣлаютъ не то, что нужно, и не то, чего, ради общаго интереса, ждутъ союзники...

. . . .

А. Петрищевъ.

Война и германскія финансы.

I.

Первые дни и даже недѣли войны казалось, что Германія стоитъ наканунѣ тяжелой финансовой катастрофы. Сразу же началась паника. Никто не вѣрилъ въ завтрашній день, и потому всякій старался по возможности немедленно реализовать свои денежныя права и притязанія. Спросъ на деньги росъ со стремительной быстротой. Такъ, вексельный портфель Reichsbank'а равнялся:

23 іюля . . 1914 г.	750,9 мил. мк.		14 августа 1914 г.	4426,0 мил. мк	
31 „ „	2081,0 „ „		21 „ „	4616,0 „ „	
7 августа „	3737,1 „ „		28 „ „	4750,1 „ „	

28 августа вексельный портфель достигъ своихъ максимальныхъ размѣровъ и затѣмъ вступилъ въ полосу постепеннаго сокращенія. Къ лихорадочному забрасыванію центральнаго кредитнаго института векселями присоединилась не менѣе лихорадочная выборка вкладовъ. За недѣлю 23—31 іюля 1914 г. Reichsbank выдалъ золота на 104 мил. мк. больше, чѣмъ за соотвѣтственный періодъ 1913 г. Положеніе, въ концѣ концовъ, стало настолько угрожающимъ, что уже 31 іюля послѣ обѣда Reichsbank увидалъ себя вынужденнымъ пріостановить уплату звонкой монетой, хотя формальное право на это онъ получилъ лишь на основаніи Kriegsgesetze („законовъ военнаго времени“) отъ 4 августа. Сберегательныя кассы также были осаждены своими кліентами: онѣ выдали въ критическія недѣли 1914 г. на 144 мил. мк. больше, чѣмъ за соотвѣтственныя недѣли предыдущаго года [1]). Биржа закрылась, какъ бы знаменуя тѣмъ самымъ наступленіе смутныхъ временъ, кое-гдѣ начались банкротства и крахи, изъ которыхъ наиболѣе значительнымъ было крушеніе Pforzheemer Bankverein. Картина въ общемъ получалась чрезвычайно мрачная и тревожная, и перепуганная широкая публика, да и не только одна она [2]), смотрѣла

---

[1]) См. Dr. Franz Eulenburg. Das Geld im Kriege. 1915, Leipzig, стр. 43.

[2]) Георгъ Бернгардъ въ „Archiv für Sozialwissenschaft“. (Декабрь 1914 г. стр. 74) писалъ: „Большинство руководителей нашихъ частныхъ хозяйственныхъ институтовъ въ первые дни просто потеряло голову. Кто наблюдалъ въ этотъ періодъ нашъ дѣловой міръ со стороны, тотъ знаетъ, какъ въ началѣ безпомощенъ онъ былъ предъ лицомъ разыгравшихся событій“.

въ будущее съ глубокимъ смущеніемъ, почти съ отчаяніемъ. Ей мерещилась впереди бездонная пропасть, къ самому краю которой она подошла...

И все-таки это было лишь заблужденіе. Есть много основаній думать, что тамъ, на руководящихъ верхахъ общественной пирамиды, не ощущалось ни особой паники, ни смятенія. И правительство, и Reichsbank, и главы важнѣйшихъ частныхъ банковъ были хорошо подготовлены къ разразившейся бурѣ и твердо, ясно и увѣренно принимали необходимыя, диктовавшіяся условіями момента, мѣры. Да и можно-ли этому удивляться? Втеченіе долгихъ десятилѣтій вопросы войны и военной подготовленности привлекали къ себѣ вниманіе незаурядныхъ умовъ Германіи. Богатый опытъ прошлаго изслѣдовался и суммировался въ различныхъ направленіяхъ. Усиленно обсуждались шансы и перспективы будущей войны,—ея политической и экономической обстановки, ея возможной продолжительности, ея вѣроятнаго исхода,—и вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно, до послѣдней точки надъ i, разрабатывалась программа дѣйствій на случай наступленія вооруженнаго конфликта. Конечно, проблемы финансово-экономической мобилизаціи при этомъ не были забыты. Наоборотъ, на данную тему создалась обширная литература — офиціальная и неофиціальная [1]). Для благополучнаго разрѣшенія тѣхъ же проблемъ на практикѣ загодя дѣлались опредѣленные, строго разсчитанные шаги, о которыхъ рѣчь будетъ еще ниже. Вполнѣ естественно поэтому, что, когда въ іюлѣ—августѣ 1914 г. пришла такъ долго жданная военная буря, кормчіе германской политики не были слишкомъ ошеломлены налетѣвшимъ шкваломъ, у нихъ были уже готовые планы, готовыя мѣры, быть можетъ, даже готовые законопроекты въ портфеляхъ. И они немедленно же стали проводить въ жизнь продукты своихъ прежнихъ теоретическихъ изысканій, внося такимъ путемъ элементы порядка и увѣренности въ взбаломученную атмосферу критическаго времени. Для того, чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить значеніе военно-финансовыхъ мѣропріятій имперскаго правительства, мы должны нѣсколько ближе познакомиться съ основами денежно-кредитной системы Германіи.

II.

Въ обычное время цѣлямъ торговаго обмѣна въ монархіи Го-

[1]) Изъ новѣйшихъ работъ даннаго рода укажу хотя бы слѣдующія I. Riesser — Finanzielle Kriegsbereitschaft und Kriegsführung, 1913 M. Biermer — Die finanzielle Mobilmachung, 1913; F. Neuburger — Die Kriegsbereitschaft des deutschen Geld-und Kapitalmarktes, 1913 K. Helfferich — Das Geld in Russisch-Japanischem Kriege, 1906 Ludwig — Kriegführung und Geld; Heuke—Dos deutsche Geldwesen im Kriege.

гогенцоллерновъ служатъ средства расплаты (Zahlungsmettel) двоякаго рода: металлическая монета и бумажки.

Металлическая монета обнимаетъ золото, серебро и никкель. Золота имѣется въ обращеніи около $3^1/_2$ милліардовъ марокъ (весь міровой запасъ золотой монеты исчисляется въ 35 милліардовъ мк.), и оно считается основой всей германской денежной системы. 1 килограммъ золота приравнивается къ 2790 мк. Серебра въ обращеніи считается $1^1/_4$ милліарда; никкеля—140 мил. мк. Сумма всей звонкой монеты (Hartgeld, какъ говорятъ нѣмцы) въ имперіи достигаетъ такимъ образомъ круглымъ счетомъ 5 милліардовъ мк.

Конечно, этой суммы для безпрепятственнаго производства обмѣна оказывается недостаточно. Цѣнность одного лишь урожая Германіи доходитъ до 10 мд. мк., цѣнность ея внѣшней торговли опредѣляется въ 21 мд. мк., а размѣръ ея ежегоднаго національнаго дохода колеблется между 40 и 45 мд. мк. Естественно при такихъ условіяхъ, что звонкую монету, какъ средство расплаты, приходится дополнять бумажками. Бумажки, въ свою очередь, распадаются на три главныхъ вида:

1) *„Имперскія кассовыя свидѣтельства“* (Reichskassenscheine), выпускаемыя имперскимъ казначействомъ. Они представляютъ собой билеты 5 и 10-марковаго достоинства на опредѣленную, не мѣняющуюся сумму 240 мил. мк. (въ концѣ 1913 г.). Обезпеченіемъ этихъ бумажекъ являются 240 мил. мк. золота, составляющихъ такъ называемое „военное сокровище“ башни въ Шпандау. Въ виду того, что металлическое обезпеченіе точно равняется количеству Reichskassenscheine, послѣднія, на одинаковыхъ основаніяхъ съ золотомъ, могутъ служить обезпеченіемъ при выпускѣ второго вида бумажекъ—

2) *банкнотовъ*, выпускаемыхъ Reichsbank'омъ и четырьмя другими банками, такъ наз. Privatnotenbanken (въ Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ и Саксоніи). Сумма этихъ банкнотовъ не представляетъ собой величины постоянной, какъ Reichskassenscheine, а колеблется въ зависимости отъ потребностей банка. Въ концѣ 1913 г. въ обращеніи было около $2^1/_2$ мд. мк. банкнотовъ имперскаго банка и около 160 мил. мк. банкнотовъ прочихъ четырехъ банковъ, а всего до 2,7 мд. марокъ. Банкноты должны быть обезпечены на $^1/_3$ золотомъ (или Reichskassenscheine), а на остальныя $^2/_3$ доброкачественными (т. е. обычно имѣющими три подписи) векселями. Съ 1909 г. банкноты признаны „законнымъ средствомъ уплаты“ и идутъ въ обращеніи наряду съ золотомъ. Они могутъ быть въ любой моментъ обмѣнены на звонкую монету въ имперскомъ банкѣ.

Такимъ образомъ, общая сумма металлическихъ и бумажныхъ денегъ въ Германіи на 31 декабря 1913 г. достигала приблизительно 8 мд мк. (5+2, 7+0,24). Къ [illegible]имъ нужно еще прибавить третій видъ бумажекъ—

3) *векселя*, цѣнность которыхъ опредѣляется примѣрно въ 9 мд. мк. въ годъ (и чеки, о цѣнности которыхъ не имѣется никакихъ точныхъ данныхъ). Звонкая монета, бумажки и векселя составляютъ вмѣстѣ около 17 мд. мк., откуда необходимо вычесть $2^3/_4$ мд. мк. металлическихъ денегъ и векселей, служащихъ обезпеченіемъ банкнотовъ. Остающееся *$14^1/_4$ мд. мк.* разнообразныхъ денежныхъ знаковъ и являются собственно тѣми наличными „средствами расплаты", при помощи которыхъ германское народное хозяйство осуществляетъ свой товарный обмѣнъ. Впрочемъ, для того, чтобы имѣть правильное представленіе о роли денегъ при этомъ обмѣнѣ, необходимо принять во вниманіе еще оборотъ 24 разсчетныхъ палатъ имперскаго банка, ликвидирующихъ чисто бухгалтерскимъ путемъ, не прибѣгая къ помощи денегъ, громадное количество операцій обмѣна,—въ 1913 г. этотъ оборотъ равнялся $78^1/_2$ мд. мк.

Я упомянулъ выше о томъ, что кормчіе германской политики заблаговременно озаботились принятіемъ необходимыхъ подготовительныхъ мѣръ на случай военной мобилизаціи финансовъ. Мѣры эти были весьма разнообразны, но по существу онѣ сводились къ двумъ основнымъ пунктамъ: 1) накопленію большого золотого запаса въ рукахъ правительства и Reichsbank'a и 2) обезпеченію легкой реализуемости (Liquidität) капиталовъ, скопляющихся въ рукахъ кредитныхъ учрежденій страны.

Первая цѣль стала съ особой энергіей преслѣдоваться съ 1907 г., когда во главѣ Reichsbank'a сталъ его нынѣшній директоръ Гавенштейнъ. Подъ вліяніемъ этого послѣдняго былъ сдѣланъ рядъ шаговъ, облегчавшихъ централизацію золота въ подвалахъ имперскаго банка. Такъ, въ 1909 г. былъ проведенъ законъ, дававшій банкнотамъ силу „законнаго средства расплаты"; въ томъ же 1909 г. установлена система такъ называемыхъ „почтовыхъ чековъ" для совершенія менѣе крупныхъ денежныхъ операцій; въ различныхъ центрахъ Германіи открыто много „разсчетныхъ палатъ"; частнымъ фирмамъ и предпринимателямъ настойчиво рекомендовано пользоваться услугами сдѣлокъ „жиро" для ликвидаціи своихъ счетовъ съ должниками и кредиторами, а банкамъ указано поощрять развитіе этихъ сдѣлокъ различными льготами и преимуществами. Всѣми подобными средствами государственная власть стремилась ослабить потребность публики въ золотой монетѣ и, поскольку возможно, извлечь послѣднюю изъ обращенія. Желательный результатъ, несомнѣнно, получался, и онъ сказывался прежде всего въ значительномъ сокращеніи расплаты наличными въ сферѣ торговли и промышленности. Такъ, въ 1891 г. расплата наличными по сдѣлкамъ „жиро" въ Reichsbank'ѣ составляла 24,7% всей суммы сдѣлокъ даннаго рода, а въ 1912 г. уже

только 9,8% [1]). Далѣе быстро увеличивались въ послѣдніе годы золотые запасы центральнаго кредитнаго учрежденія имперіи. Дѣйствительно, эти запасы равнялись:

Въ 1900 г.	570,7	мил. марокъ.
„ 1905 „	745,4	„ „
„ 1910 „	777,8	„ „
„ 1913 „	1170,0	„ „

Какъ видимъ, за періодъ 1900—13 гг. золотая наличность Reichsbank'а болѣе чѣмъ удвоилась, а за періодъ 1910—13 гг. увеличилась на 50%. И для того, чтобы еще лучше укрѣпить свои финансовыя позиціи, правительство добилось у рейхстага въ 1913 г. разрѣшенія утроить размѣръ вышеупоминавшагося „военнаго сокровища" и довести его до 360 мил. мк. (до 1913 г. оно равнялось лишь 120 мил. мк.).

Менѣе успѣшна была дѣятельность государственной власти въ другой области — въ области обезпеченія быстрой реализуемости капиталовъ кредитныхъ учрежденій. Здѣсь интересы „военной подготовленности" нерѣдко приходили въ конфликтъ съ интересами непосредственной выгоды, и этотъ конфликтъ бо̀льшей частью рѣшался не въ пользу „подготовленности". Риссеръ свидѣтельствуетъ, напр., что размѣры легко реализуемаго капитала 158 главныхъ кредитныхъ банковъ Германіи (съ основнымъ капиталомъ не меньше 1 мил. мк. каждый) въ 1893 г. составляли 85% общей его суммы, а въ 1911 г. уже только 67% [2]). Еще хуже дѣло обстояло съ сберегательными кассами. Въ 1910 г., напр., 60% вкладовъ прусскихъ сберегательныхъ кассъ были помѣщены въ ипотеки и только 25% въ различныя иныя цѣнныя бумаги [3]). Однако въ послѣдніе годы правительство усиленно старалось, между прочимъ и при помощи законодательныхъ мѣръ, противодѣйствовать данному процессу и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не безъ извѣстнаго эффекта.

III.

Переходъ отъ мирнаго времени къ войнѣ вызываетъ огромную потребность въ оборотныхъ денежныхъ средствахъ. Во-первыхъ, мобилизація арміи и флота и связанная съ ней массовая закупка разнообразныхъ припасовъ, транспортировка и содержаніе милліоновъ солдатъ, стремительное увеличеніе производства амуниціи и пр., не смотря даже на натуральный характеръ многихъ повинностей, уплата по которымъ въ лучшемъ случаѣ откладывается до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, создаетъ для государ-

---

1) Riesser. Finanzielle Kriegsbereitschaft, 1913, стр. 71.
2) I. Riesser, ibid., стр. 85.
3) Ibid., стр. 92.

ственной власти необходимость располагать исключительно большимъ количествомъ денежныхъ знаковъ. Во-вторыхъ, приспособленіе промышленности и торговли къ новымъ условіямъ, выполненіе ими экстренныхъ заказовъ военнаго и морского вѣдомствъ, ликвидація цѣлаго ряда старыхъ и начало цѣлаго ряда новыхъ коммерческихъ и индустріальныхъ операцій также порождаютъ громадный спросъ на „средства расплаты". Въ третьихъ, наконецъ, общественная паника, находящая свое наиболѣе яркое выраженіе въ торопливой выборкѣ вкладовъ изъ кредитныхъ учрежденій, еще болѣе увеличиваетъ „денежный голодъ". Экономическій организмъ переживаетъ періодъ болѣзненно-лихорадочнаго обмѣна веществъ и требуетъ для осуществленія этого процесса небывало-крупнаго напряженія „денежной" энергіи. Уже упоминавшійся выше проф. Риссеръ исчисляетъ въ своей книжкѣ, появившейся еще въ 1913 г., размѣры этой „мобилизаціонной потребности" въ оборотныхъ средствахъ втеченіе первыхъ 6 недѣль войны приблизительно въ 3900 мил. мк., а именно: 1800 мил. мк. для государственной власти, 1500 мил. мк.—для торговли и промышленности и 600 мил. мк.—для успокоенія страховъ публики [1]).

Какъ же была разрѣшена данная финансовая проблема въ Германіи?

Наученное горькимъ опытомъ 1870 г. [2]) правительство рѣшило не выпускать займа до первыхъ крупныхъ военныхъ успѣховъ и въ ожиданіи послѣднихъ обходиться иными средствами. „Kriegsgesetze" 4 августа 1914 г. предоставили ему рядъ очень крупныхъ финансово-экономическихъ полномочій. Размѣнъ бумажекъ на золото былъ прекращенъ. „Военное сокровище" передано Reichsbank'у на усиленіе его металлическихъ резервовъ. Императорскому казначейству разрѣшено выпускать краткосрочныя (формально 3 мѣс.) обязательства (Reichsschatzwechsel) для уплаты по предъявленнымъ къ нему счетамъ. Въ 99 мѣстахъ страны открыты особыя „ссудныя кассы" (Darlehnskassen) въ цѣляхъ оказанія ломбарднаго кредита населенію: подъ залогъ товаровъ и цѣнныхъ бумагъ онѣ выдавали денежныя ссуды въ размѣрѣ 40—75% стоимости залога. Кассы получили право на выпускъ бумажныхъ денегъ (Darlehnskassenscheine) въ 5,2 и 1 мк. вначалѣ на максимальную сумму 1½ мд. мк. Впослѣдствіи число кассъ значительно возросло, а раз-

[1]) I. Riesser, ibid., стр. 125—127.

[2]) Во время франко-прусской войны 1870—71 гг., Сѣверо-Германскій Союзъ обратился къ публикѣ съ займомъ въ размѣрѣ 100 мил. талеровъ уже 24 іюля 1870 г., т. е. всего лишь недѣлю спустя послѣ формальнаго объявленія войны (19 іюля); вопреки совѣту финансовыхъ экспертовъ, гарантировавшихъ успѣхъ лишь при курсѣ 85, заемъ былъ выпущенъ по 88; рекламированіе займа и организація подписки были поставлены неудовлетворительно,—въ результатѣ вмѣсто ожидавшихся 100 мил. мар. было получено только 68,3 мил. См. Riesser, ibid. стр. 202—205.

рѣшенная имъ къ выпуску сумма бумажекъ увеличена до 3 мд. мк., однако это право кассами за отсутствіемъ надобности не было цѣликомъ использовано. Крупную роль кассы играли лишь въ моменты подписки на займы, въ остальное время роль ихъ была довольно незначительна. Бумажки ссудныхъ кассъ, какъ обезпеченныя реальными цѣнностями, были приравнены къ „имперскимъ кассовымъ свидѣтельствамъ" (Reichskassenscheine), т. е. могли служить гарантіей для выпуска тройного количества банкнотовъ. Одновременно во многихъ городахъ возникли такъ наз. „военнокредитные банки" (Kriegskreditbanken) въ цѣляхъ оказанія личнаго кредита нуждающимся. Форма этихъ банковъ была весьма разнообразна (акціонерныя общества, кооперативы, полуфилантропическія учрежденія и пр.), но особаго развитія они не получили: въ нихъ просто не ощущалось серьезной необходимости. Результаты не замедлили сказаться: паника первыхъ дней быстро улеглась, биржа опять открылась, дисконтъ Reichsbank'а, поднявшійся было до $6^{1}/_{2}\%$, опустился до 5% и на этомъ уровнѣ держится до сихъ поръ. Къ великой гордости германскаго народнаго хозяйства оказалось возможнымъ даже обойтись безъ мораторіума, котораго не избѣжали ни другія воюющія, ни даже нѣкоторыя нейтральныя страны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако всѣ указанныя выше мѣры означали огромное увеличеніе находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ, при помощи которыхъ покрывалась внезапно возросшая потребность націи въ усиленіи ея оборотныхъ средствъ. Дѣйствительно, 23 іюля 1914 г. сумма циркулирующихъ въ странѣ бумажекъ равнялась 1.890,9 мил. мк. Въ дальнѣйшемъ эта сумма, равно какъ и обезпечивающая ее золотая наличность Reichsbank'а, измѣнялись слѣдующимъ образомъ:

	Золот. наличность.	Бумажки.
31 іюля 1914 г.	1.253,2 мил. мк.	2.909,4 мил. мк.
31 августа 1914 г.	1.556,5 „ „	4.234,9 „ „
30 сентября 1914 г.	1.716,1 „ „	4.490,9 „ „

Какъ видимъ, вплоть до конца сентября было пущено въ обращеніе около $2^{1}/_{2}$ мд. мк. бумажныхъ денегъ. Такова, очевидно, была „мобилизаціонная потребность" страны. Она, быть можетъ, нѣсколько искусственно преуменьшена поступившимъ какъ разъ въ это время очереднымъ взносомъ проведеннаго еще въ 1913 г. единовременнаго „военнаго налога" на имущихъ, а также сбереженіями казны отъ „мирнаго бюджета", но во всякомъ случаѣ „мобилизаціонная потребность" едва-ли превысила 3 мд. мк. На практикѣ она оказалась такимъ образомъ существенно ниже разсчетовъ проф. Риссера, что объясняется, повидимому, отчасти меньшей остротой паники, вызванной войной, чѣмъ та, которую теоретически предполагалъ ученый финансистъ берлинскаго уни-

верситета. За то его разсчетъ, касающійся стоимости мобилизаціи арміи и флота, очень удачно выдержалъ испытаніе дѣйствительности. Читатель помнитъ, вѣроятно, что Риссеръ опредѣляетъ эту стоимость на протяженіи первыхъ 6 недѣль приблизительно въ 1800 мил. мк., фактически же до конца сентября было истрачено $2^1/_2$ мд. мк. или за первыя 6 недѣль около 1.900 мил. марокъ. Совпаденіе, поистинѣ, замѣчательное.

Потокъ бумажныхъ денегъ, хлынувшій на страну съ начала войны, въ послѣдующій періодъ не пріостановился. Сумма кредитокъ, находящаяся въ обращеніи, обнаруживала значительныя колебанія по отдѣльнымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ, но въ общемъ все-таки повышательная тенденція была внѣ сомнѣнія. Позволю привести для иллюстраціи слѣдующія цифры:

	Золот. наличность.	Бумажки.	Золотое обезпеченіе (въ %).
31 XII. 14	2.092,8 мд. мк.	5.045,9 мд. мк.	41
31 III. 15	2.337,5 „ „	5.624,0 „ „	42
30 VI. 15	2.387,6 „ „	5.840,3 „ „	41
30 IX. 15	2.419,4 „ „	6.157,6 „ „	39
31 XII. 15	2.445,2 „ „	6.917,9 „ „	35
31 I. 16	2.453,5 „ „	6.502,4 „ „	38
29 II. 16	2.457,4 „ „	6.554,3 „ „	37
31 III. 16	2.460,1 „ „	6.988,1 „ „	35
30 IV. 16	2.462,6 „ „	6.696,9 „ „	37
31 V. 16	2.464,4 „ „	6.737,7 „ „	36

Центральному денежному учрежденію Германіи за 22 мѣсяца войны удалось стянуть въ свои подвалы свыше 1,2 мд. золота, доведя всю свою золотую наличность почти до $2^1/_2$ мд. мк. Въ частныхъ рукахъ такимъ образомъ остается еще около 1 мд. золотой монеты. Данный успѣхъ, конечно, былъ въ очень значительной степени облегченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что силою вещей Германія оказалась отрѣзанной отъ большей части міра, вынуждена превратиться почти въ „самодовлѣющую" экономическую единицу и освобождена такимъ образомъ отъ необходимости платить золотомъ за границей. Вмѣстѣ съ тѣмъ—и это необходимо особенно подчеркнуть—выпускъ бумажекъ все время производился умѣренно и осторожно, такъ что установленная закономъ норма обезпеченія банкнотовъ никогда не нарушалась, наоборотъ, законныя возможности обыкновенно оставались не вполнѣ использованными [1]).

[1]) Въ приведенной выше таблицѣ, составленной на основаніи публикующихся еженедѣльно отчетовъ Reichsbank'a, я бралъ за обезпеченіе только золотую наличность и даже при этомъ условіи пропорція 1:3 оказывается болѣе, чѣмъ соблюдаемой. По закону же, обезпеченіемъ служитъ не только золото, но также Reichskassenscheine и Darlehnskassenscheine Если принимать и ихъ во вниманіе, то картина получится еще благопріятнѣе. Конечно, золотое и всякое иное обезпеченіе имѣетъ главнымъ образомъ лишь психологическую цѣнность, но во время войны общественная психологія вѣдь факторъ первостепеннаго значенія.

Такъ-ли будетъ это и въ дальнѣйшемъ, конечно, неизвѣстно, но пока это было, несомнѣнно, такъ [1]).

Впрочемъ, вся сдержанность и осторожность денежной политики имперскаго правительства не могли все-таки предупредить паденія курса марки на иностранномъ рынкѣ. Въ февралѣ 1915 г. онъ стоялъ приблизительно на 20% ниже паритета, къ веснѣ 1916 г. онъ упалъ еще на 5—7%. Явленіе это, хорошо знакомое по опыту и прочимъ воюющимъ державамъ, въ особенности Россіи, объясняется, повидимому, главнымъ образомъ огромнымъ сокращеніемъ нѣмецкаго экспорта за границу. Но такъ какъ отрѣзанная кольцомъ англійской блокады отъ другихъ странъ Германія очень мало покупаетъ въ нейтральныхъ государствахъ, то обезцѣненіе ея валюты не имѣетъ для ея народнаго хозяйства слишкомъ вредныхъ послѣдствій.

IV.

Конечно, бумажки могутъ быть и дѣйствительно являются только „оборотными средствами". Деньги для веденія войны въ собственномъ смыслѣ добываются изъ другихъ источниковъ, именно изъ *займовъ*. Еще въ августѣ 1914 г. правительство рѣшило въ цѣляхъ избѣжанія внутренней партійной борьбы и во имя сохраненія „гражданскаго мира" вплоть до завершенія международнаго конфликта не подымать остраго вопроса о налогахъ. Оно поступило совсѣмъ не такъ, какъ англійское правительство, которое, слѣдуя вѣковымъ традиціямъ своей финансовой политики, прибѣгло и на этотъ разъ къ частичному покрытію военныхъ расходовъ при помощи расширенія прямого и косвеннаго обложенія. Но разъ налоги исключались, то, очевидно, не оставалось ничего больше, какъ усиленная эксплуатація государственнаго кредита. Имперское правительство такъ и поступало. Лишь въ началѣ 1916 г. волею обстоятельствъ оно вынуждено было отступить отъ своего основного тактическаго принципа и, скрѣпя сердце, поднять вопросъ о налогахъ,—подробнѣе объ этомъ рѣчь будетъ ниже,—однако данный шагъ приходится разсматривать,

[1]) Германское министерство финансовъ оказалось въ данномъ отношеніи гораздо осмотрительнѣе министерствъ русскаго и французскаго. Въ самомъ дѣлѣ, сумма золотой наличности и находящихся въ обращеніи бумажекъ равнялась:

	Золото.	Бумажки.	Золотое обезпеченіе (въ %).
Франція (8. VI. 16)	4.750,5 мил. фр.	15.746,7 мил. фр.	30
Россія (5. VI. 16)	1.540,0 „ руб.	6.340,3 „ руб.	24

Какъ видимъ, уровень золотого покрытія и во Франціи, и въ Россіи значительно ниже, чѣмъ въ Германіи.

какъ своего рода исключеніе, только подтверждающее общее правило.

За первые два года войны Германія заключила четыре внутреннихъ имперскихъ займа (сверхъ того, были еще займы отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, напр., Пруссіи, но ихъ я сейчас оставляю въ сторонѣ), а именно:

I	заемъ	(сентябрь 1914 г.)	4.460 милл. мк.
II	„	(мартъ 1915 г.)	9.060 „ „
III	„	(сентябрь 1915 г.)	12.101 „ „
IV	„	(мартъ 1916 г.)	10.667 „ „
			36.288 милл. мк.

Правительство разсчитываетъ, что до осени текущаго года ему не придется больше обращаться къ помощи кредитныхъ операцій, но это отнюдь не значитъ, что указанными 36,3 мд. мк. покрываются всѣ расходы по двухлѣтнему веденію войны. Исчисляютъ, что война въ среднемъ стоитъ Германіи около 2 мд. мк. въ мѣсяцъ, за два года, стало быть, 48 мд. мк. Разница между этой цифрой и суммой займовъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что извѣстная часть счетовъ государства подлежитъ оплатѣ не сейчасъ, а въ будущемъ (нѣкоторые по окончаніи войны) и еще тѣмъ, что наличность большого количества бумажныхъ денегъ позволяетъ затыкать пока что ими наиболѣе неотложныя дыры въ ожиданіи новыхъ доходовъ съ займовъ или иныхъ финансовыхъ операцій.

Германскіе офиціозы очень любятъ изображать всѣ нѣмецкіе займы, какъ „народные займы". Они много и охотно разсказываютъ различныя нравоучительныя исторіи о патріотическихъ школьникахъ, истратившихъ свои маленькіе пфенниги на покупку заемныхъ бумагъ, или о древнихъ, но героическихъ старухахъ, вынувшихъ изъ чулковъ для той же цѣли завѣтныя сбереженія всей своей жизни. Не довольствуясь этими „яркими индивидуальными примѣрами", офиціозы обращаются къ статистикѣ и указываютъ на громадное количество подписчиковъ на займы. Дѣйствительно, число подписчиковъ на первый заемъ равнялось 1.177,235, на второй—2.691,000, на третій—3.551,746. И все-таки „народность" займовъ приходится принимать лишь съ очень большими оговорками. И вотъ доказательство. Если суммировать три первые займа по размѣрамъ индивидуальныхъ подписокъ, то получится слѣд. картина:

		Число подписчиковъ (въ %).	Сумма подписки (въ %).
Мелкія подписки	(до 2.000 мк.).	80,00	17, 8
Среднія "	(2.000 — 10,000 мк.).	17.00	24, 0
	(10.000 — 50.000 мк.).	2,60	17, 4
Крупныя "	(50.000 — 500.000 мк.).	0,36	20, 4
Очень крупныя подписки . .	(св. 500.000 мк.).	0,04	20, 6
		100,00	100, 0

Приведенная таблица очень поучительна. Она съ неопровержимой убѣдительностью доказываетъ, что собственно „народъ" (едва-ли размѣръ индивидуальной подписки человѣка изъ „народа" могъ превышать 2000 мк.) принесъ на алтарь отечества меньше *одной пятой* потребной суммы. Если мы отнесемъ къ категоріи народныхъ подписокъ даже всѣ подписки до 10.000 мк., то и тогда окажется, что народъ далъ государству лишь около $^2/_5$ собранной имъ суммы. Все остальное дали средніе, богатые и очень богатые классы, численно ничтожные, но экономически чрезвычайно могущественные. Ясно такимъ образомъ, что деньги на веденіе войны получаются лишь въ сравнительно незначительной части изъ „народныхъ сбереженій" въ болѣе узкомъ смыслѣ даннаго слова. На то же указываетъ и довольно скромная роль сберегательныхъ кассъ въ дѣлѣ размѣщенія заемныхъ бумагъ [1]). Деньги на веденіе войны берутся, очевидно, у обитателей верхнихъ этажей общественной пирамиды, у банкировъ, крупныхъ промышленниковъ, торговцевъ, землевладѣльцевъ. И для того, чтобы понять, какимъ образомъ эти элементы могутъ ссужать государству столь громадныя суммы, необходимо принять во вниманіе два чрезвычайно важныхъ обстоятельства, характеризующихъ собой всю современную экономическую жизнь Германіи.

Первое изъ этихъ обстоятельствъ—сильное сокращеніе нѣмецкаго экспорта за границу, какъ результата англійской блокады. Сумма нѣмецкаго экспорта въ 1913 г. достигала 9 мд. мк:, теперь экспортъ уменьшился, по крайней мѣрѣ, на $^2/_3$. Естественно, громадныя массы капитала, работавшаго раньше въ цвѣтущихъ экспортныхъ индустріяхъ, а также размѣщавшагося въ разныхъ мѣстахъ за границей, освободились и искали себѣ выгоднаго при-

---

[1]) До конца 1915 г. изъ сберегательныхъ кассъ было взято для покупки бумагъ первыхъ трехъ займовъ около $4^1/_4$ мд. мк. что составляетъ 17% всей заемной суммы.

мѣненія [1]). Такъ какъ промышленность подъ вліяніемъ войны сильно сократила нормальные размѣры своей дѣятельности, то единственнымъ прибыльнымъ помѣщеніемъ свободнаго капитала были только государственные займы.

Второе и не менѣе важное обстоятельство—это стремительное накопленіе капитала въ странѣ въ формѣ такъ наз. „военной прибыли. Накопленіе это происходитъ тѣмъ обильнѣе, что въ исключительной обстановкѣ переживаемаго времени въ цѣломъ рядѣ отраслей производства обороты совершаются гораздо быстрѣе, чѣмъ въ обычныхъ условіяхъ, а вѣдь каждый оборотъ оставляетъ въ рукахъ капиталовладѣльца огромный, нерѣдко прямо баснословный, барышъ. Результаты понятны. Людвигъ Букъ—одинъ изъ высшихъ чиновниковъ по налоговому обложенію въ участкѣ Дюссельдорфа—въ недавно выпущенной имъ интересной работѣ „Besteuerung der Kriegsgewinne [2]) на основаніи своихъ изслѣдованій и наблюденій приходитъ къ слѣдующему суммарному выводу: война, съ одной стороны, уничтожила много старыхъ зажиточныхъ фамилій, а, съ другой, создала совершенно новый общественный слой—„военныхъ поставщиковъ“, нажившихъ несмѣтныя богатства на ловкомъ использованіи нынѣшней конъюнктуры. Но бóльшая часть этого вновь накопленнаго капитала опять-таки не находитъ себѣ пока должнаго примѣненія въ торговлѣ и промышленности и потому тоже устремляется въ государственные займы.

V.

А дальше? Долго ли имперія Гогенцоллерновъ можетъ еще находить нужныя ей средства для веденія борьбы?

Опытъ минувшихъ двухъ лѣтъ заставляетъ быть очень осторожнымъ въ отвѣтѣ на этотъ чрезвычайно важный вопросъ, но все-таки есть много основаній думать, что Германіи въ ближайшемъ будущемъ едва-ли грозятъ особыя финансовыя затрудненія. Общая сумма національнаго богатства Германіи оцѣнивается приблизительно въ 300 мд. мк., ея годовой національный

[1]) Такъ, напр., „Die Konjunktur“ въ № отъ 30 марта 1916 г. пишетъ „Обиліе денегъ въ 1915 г. доставляло банкамъ значительныя затрудненія въ пріисканіи быстраго и выгоднаго ихъ примѣненія. Увеличеніе капитала наблюдалось даже въ маленькихъ банкахъ“. Промысловая касса въ Гейльбронѣ въ своемъ отчетѣ за 1915 г. замѣчаетъ: „Не смотря на большія суммы, истраченныя на покупку займовъ, вклады все-таки увеличились на 1922 тыс. мк. Найти полезное примѣненіе для этихъ денегъ было не всегда легко“. „Dresdener Bank“ въ свою очередь констатируетъ: „Денежный рынокъ втеченіе всего 1915 года находился въ благопріятномъ состояніи и отличался обиліемъ свободнаго капитала“. Аналогичныя ноты звучатъ почти во всѣхъ отчетахъ кредитныхъ учрежденій.

[2]) См. Finanz-Archiv, 1916, т. I.

доходъ—въ 40—45 мд. мк., ея годовыя національныя сбереженія въ 7—8 мд. мк. [1]). Сумма заключенныхъ пока займовъ равняется 36,3 мд. мк., дѣйствительная задолженность государства въ связи съ войной, какъ мы видѣли выше, нѣсколько больше и достигаетъ, вѣроятно, 48 мд. мк. Война уже стоитъ нѣмецкому народу всего его дохода за одинъ годъ, его военный долгъ уже составляетъ около 15% всего его имущества. Еслибы потраченныя деньги шли на производительныя цѣли—на постройку коммерческихъ судовъ и желѣзныхъ дорогъ, на возведеніе новыхъ фабрикъ и заводовъ, на расширеніе с.-х. площади, на соціальный подъемъ массъ и т. д.,—сдѣланный долгъ не представлялъ бы ни малѣйшей опасности, съ теченіемъ времени онъ съ лихвой окупилъ бы себя. . .

. . . . . . въ дѣйствительности мы видимъ совершенно иное. Потраченныя деньги въ буквальномъ смыслѣ слова разстрѣляны, развѣяны по вѣтру, больше того—употреблены на прямое уничтоженіе важнѣйшаго элемента производственнаго процесса—рабочей силы. Въ народно-хозяйственномъ смыслѣ они представляютъ собой только минусъ, только бездѣльную и безсмысленную потерю. При такихъ условіяхъ долгъ въ размѣрѣ 15% имущества становится весьма серьезнымъ явленіемъ. Это, несомнѣнно, тяжелая рана, но... все-таки не смертельная рана. И вопросъ о томъ, въ какомъ размѣрѣ нація готова еще дальше нести тѣ же непроизводительные расходы, сводится по существу къ двумъ другимъ вопросамъ: насколько нація дорожитъ достиженіемъ цѣлей, изъ-за которыхъ ведется борьба? И насколько нація увѣрена, что она сумѣетъ въ будущемъ благополучно заткнуть прорѣхи, созданныя войной? Здѣсь мы вступаемъ въ область общественной психологіи, гдѣ всякіе прогнозы еще болѣе затруднительны, чѣмъ въ сферѣ финансово-экономической. Но все-таки, если захотѣть быть объективнымъ, придется признать, что нынѣшнее состояніе германской общественной психологіи не предвѣщаетъ въ непосредственной близости какого-либо рѣзкаго скачка внизъ. Конечно, энтузіазмъ первыхъ мѣсяцевъ безвозвратно исчезъ, конечно, мечты о всесокрушающей побѣдѣ давно отлетѣли, конечно, суровая проза войны съ ея безчисленными жертвами, дороговизной, недостаткомъ припасовъ все болѣзненнѣе даетъ себя чувствовать каждому гражданину, и однако было бы непростительнымъ легковѣріемъ придавать всѣмъ этимъ обстоятельствамъ черезчуръ преувеличенное значеніе.

. . . .
. . . .
. . . .

---

[1]) См. исчисленія K. Helfferich'a („Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913), Steenmann-Bucher'a (Das reiche Deutschland), Ballod'a (Wie gross ist das deutsche Volksvermögen?)

Правда, демократическіе низы даже при всемъ своемъ добромъ желаніи не могли бы ссудить особенно много денегъ государству просто потому, что избытки у нихъ не велики, но это не важно. Демократическіе низы нужны, какъ сочувственный фонъ, какъ яркая декорація, для произведенія должнаго впечатлѣнія дома и за границей, деньги же—мы видѣли—даютъ люди, сильные капиталомъ, т. е. финансово-индустріально-аграрная олигархія. Но будетъ ли она давать и дальше?

По всей вѣроятности. Война въ общемъ не нанесла сколько-нибудь существенныхъ ударовъ доходности германской промышленности, германскихъ кредитныхъ учрежденій, германскаго сельскаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ она способствовала огромному обогащенію „капиталовъ“ цѣлаго ряда крайне могущественныхъ политически и экономически производствъ—угольнаго, металлургическаго, земледѣльческаго и т. д. Естественно при такихъ условіяхъ, что сильные капиталомъ люди, съ точки зрѣнія интересовъ текущаго дня, очень сочувствуютъ продолженію войны, представляющей для нихъ поистинѣ золотой гешефтъ. Но они сочувствуютъ продолженію войны еще и по другимъ соображеніямъ. Для нихъ война имѣетъ смыслъ не какъ оборонительная война,— они не сомнѣваются, что, еслибы Германія преслѣдовала исключительно лишь цѣли защиты, почетный миръ могъ бы быть заключенъ очень скоро, — для нихъ война имѣетъ смыслъ *только*,

какъ агрессивно-имперіалистская. Они считаютъ, что въ качествѣ минимальнаго завоеванія война должна принести имъ „Среднюю Европу“ со всѣми вытекающими отсюда выгодами [1]. „Средняя Европа“, по ихъ понятіямъ, достаточная компенсація за всѣ тѣ минусы, которые можетъ нанести нѣмецкому народному хозяйству продолженіе войны. И, пока правящая Германія не потеряла надежды на осуществленіе схемы „Гамбургъ—Багдадъ“, она естественно готова тянуть, готова снабжать государство необходимыми ему средствами.

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе мою статью „Средняя Европа“ въ майской книжкѣ „Р. З.“.

Конечно, въ концѣ концовъ, можетъ наступить такой моментъ, когда сумма долговъ начнетъ слишкомъ явно превышать платежеспособность кредитора; когда и привлекательность цѣлей борьбы, и матеріальная выгода сегодняшняго дня, и сила довѣрія къ будущимъ успѣхамъ націи—потеряетъ свою цѣнность, поблѣднѣетъ и расплывется предъ ужасомъ окружающихъ событій. Быть можетъ, такой моментъ когда-нибудь и наступитъ. Но сейчасъ во всякомъ случаѣ Германія еще далека отъ него.

VI.

Долги имѣютъ то непріятное свойство, что ихъ рано или поздно приходится платить. Германія уже начинаетъ испытывать эту непріятность. Успѣхи первыхъ военныхъ займовъ вызывали въ странѣ волну шумнаго и, главное, цѣльнаго энтузіазма. Въ порядкѣ дня стояло ликованіе по поводу блестящихъ „милліардныхъ побѣдъ", и каждый добрый гражданинъ ликовалъ, не смущая своего настроенія мыслями о будущемъ. Но, чѣмъ дальше затягивалась война, тѣмъ рѣшительнѣе мѣнялась психологія. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ былъ послѣдній, четвертый, заемъ. Его хорошо рекламировали, о немъ много писали, въ связи съ нимъ снова безчисленное число разъ склоняли слово „побѣда", и все-таки... прежняго крѣпкаго и безудержнаго восторга уже не было. Чувства были смѣшанныя: радовались и одновременно задумывались. Радовались по поводу успѣха еще одной кредитной операціи, задумывались по поводу все яснѣе вырисовывающейся необходимости платить.

А платить приходится много, страшно много. Въ своей нынѣшней бюджетной рѣчи министръ финансовъ привелъ слѣдующія любопытныя цифры, касающіяся расходовъ имперіи на уплату процентовъ и на погашеніе долговъ:

1914/15	240	милл. мк.
1915/16	1.286	„ „
1916/17	2.303	„ „

За два года войны данная статья бюджета увеличилась почти въ десять разъ. И это еще далеко не все. Я указывалъ выше, что дѣйствительный „военный долгъ" государства уже сейчасъ значительно больше 36,3 мд. мк., полученныхъ имъ при помощи четырехъ займовъ, этотъ долгъ достигаетъ приблизительно 48 мд. мк., при чемъ война далеко еще не кончена. Но, если даже остановиться

на только-что приведенной цифрѣ, то и тогда сумма ежегодныхъ процентовъ (въ среднемъ всѣ нѣмецкіе займы пока выпускались изъ 5%) составитъ около 2,4 мд. мк., а вмѣстѣ съ 1% на погашеніе—2,9 мд. мк. При трехлѣтней продолжительности войны, что отнюдь не невѣроятно, размѣръ долга подымется до 72 мд. мк., а сумма ежегодныхъ расходовъ на проценты и погашеніе—до 4,4 мд. мк. Но останемся ради большей точности и несомнѣнности при двухлѣтнемъ разсчетѣ. Указанными 2,9 мд. мк. не исчерпываются новые постоянные расходы, порожденные войной. По заключеніи мира Германіи, очевидно, придется совершить еще одну „кредитную операцію" спеціально на возобновленіе изношенныхъ орудій обороны, въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Спеціалисты оцѣниваютъ необходимую сумму примѣрно въ 10 мд. мк., что даетъ еще 600 милл. мк. ежегодныхъ расходовъ. Далѣе, пенсіи и пособія жертвамъ войны потребуютъ не менѣе $1^1/_2$ мд., а различныя соціально-политическія реформы, проведенныя на протяженіи минувшихъ 2 лѣтъ (страхованіе отъ безработицы, лучшая организація биржъ труда и т. д.),—не менѣе 400—500 милл. мк. въ годъ. Такимъ образомъ въ итогѣ имперскій бюджетъ, который передъ войной равнялся $3^1/_2$ мд. мк., теперь долженъ будетъ возрости приблизительно до 9 мд. мк. Перспектива чрезвычайно грозная, и, когда начинаешь конкретно вдумываться въ нее, невольно приходитъ на память недавно видѣнная мной въ одномъ польскомъ юмористическомъ журналѣ каррикатура: маленькій, тощій, заморенный Михель, судорожно растопыривъ руки, изо всѣхъ силъ стремится удержать на своей спинѣ исполинскую 42-стм. мортиру съ хорошо знакомой фигурой кайзера на ней...

Какъ же быть?

Въ сущности, наилучшимъ выходомъ съ точки зрѣнія интересовъ трудящейся демократіи было бы объявленіе государственнаго банкротства. И, пожалуй, не исключена возможность, что Германія, въ концѣ-концовъ, вынуждена будетъ, хотя бы частично, прибѣгнуть къ этой мѣрѣ въ формѣ какой-либо замысловатой „конверсіи" своихъ военныхъ займовъ: слишкомъ ужъ непомѣрно громадны суммы, потребныя для точнаго выполненія взятыхъ на себя имперіей долговыхъ обязательствъ. Но, конечно, о полной ликвидаціи „военнаго долга" столь революціоннымъ путемъ мечтать не приходится. Нужно, стало быть, тѣмъ или инымъ путемъ добывать исполинскія суммы денегъ. Но откуда ихъ взять?

Въ какомъ духѣ хотѣли бы разрѣшить эту острую проблему господствующіе классы, не трудно догадаться. Но намъ незачѣмъ здѣсь даже прибѣгать къ содѣйствію воображенія, у насъ есть уже опредѣленный конкретный фактъ, дающій весьма поучительный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нѣмецкая публика и печать продѣлывала обычную кампанію ликованія по поводу четвертаго займа, имперскій ми-

нистръ финансовъ внесъ въ рейхстагъ свой бюджетъ 1916—17 г., содержащій первую легкую попытку приспособленія государственнаго хозяйства къ новымъ условіямъ, созданнымъ войной. Это былъ лишь маленькій „Vorspiel", какъ говорятъ нѣмцы, маленькое предисловіе къ великимъ перемѣнамъ, которыя несетъ съ собой ближайшее будущее; тѣмъ любопытнѣе приглядѣться къ нему.

Вопреки своему нежеланію нарушать партійной борьбой „гражданскій миръ", правительство въ концѣ второго года войны увидало себя все-таки вынужденнымъ заговорить о новыхъ налогахъ, не для того, чтобы на получаемыя съ нихъ суммы вести войну,— нѣтъ, война будетъ по прежнему вестись въ долгъ, — а для того, чтобы такимъ путемъ покрыть расходы по уплатѣ процентовъ на сдѣланные уже займы. Пока рѣчь шла о сравнительной безделицѣ,—министръ финансовъ исчислилъ, что за вычетомъ поступленій съ принятаго рейхстагомъ въ концѣ 1915 г. налога на военную прибыль, который обѣщаетъ дать въ нынѣшнемъ году 1—1½ мд. мк., необходимо еще 480 милл. мк. для того, чтобы сбалансировать бюджетъ, по крайней мѣрѣ, безъ формальнаго дефицита. Конечно, по нынѣшнимъ масштабамъ ½ милліарда марокъ сумма ничтожная (всего лишь недѣльная стоимость войны для Германіи), но она пріобрѣтала огромное принципіальное значеніе, какъ прецедентъ, указывающій, въ какомъ направленіи господствующіе классы будутъ искать выхода изъ нынѣшнихъ финансовыхъ затрудненій. Къ тому же не подлежало сомнѣнію, что эти 500 милл очень скоро превратятся въ неизмѣримо болѣе крупную величину: налогъ на военную прибыль, который сейчасъ долженъ оплатить львиную долю процентовъ,—поступленіе случайное: кончится война и налогъ этотъ исчезнетъ, а расходы по долгамъ останутся. И для покрытія данныхъ расходовъ понадобятся какіе-либо иные постоянные источники доходовъ, дающіе ежегодно милліарды и милліарды. Министръ же финансовъ какъ разъ и говорилъ о *постоянныхъ* источникахъ. Естественно поэтому, что его налоговыхъ проектовъ страна ждала съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Что же предложилъ странѣ д-ръ К. Гельферихъ?

А вотъ что:

1) Повышеніе пошлинъ на привозной табакъ, увеличеніе налога на мѣстный табакъ и акциза на папиросы и сигары, что, по разсчетамъ Гельфериха, должно дать государству около 160 милл. мк. въ годъ (до сихъ поръ имперская казна получала съ табаку 140 милл. мк.).

2) Повышеніе сборовъ съ почты, телеграфа и телефона—вѣроятная сумма поступленій 200 милл. мк.

3) Повышеніе сборовъ съ ж.-д. грузовъ—вѣроятная сумма поступленій 30 милл. мк.

4) Введеніе обязательныхъ квитанцій при всякихъ уплатахъ не ниже 10 мк. (стоимостью въ 10 пф. при суммахъ до 100 мк. и

въ 20 пф. при суммахъ свыше 100 мк.). Вѣроятныя поступленія 100 милл. мк.

Какъ видимъ, программа очень не сложна и притомъ стара, ибо взваливаетъ новыя финансовыя тяготы на плечи широкихъ массъ населенія. „Vorwärts“ совершенно правильно суммировалъ объективный смыслъ налоговой программы правительства и вызванныхъ ею въ рейхстагѣ дебатовъ, замѣтивъ:

„Результатъ обсужденія проектовъ министра финансовъ въ парламентѣ сводится къ тому, что государственная власть и буржуазныя партіи снова подтвердили свою приверженность къ существующей системѣ, системѣ, при которой доходы имперіи почерпаются, главнымъ образомъ, изъ косвенныхъ налоговъ“ [1]).

Около фискальныхъ проектовъ правительства возгорѣлась борьба, причемъ самое характерное въ ней было то, что создавшаяся политическая группировка, какъ двѣ капли воды, напоминала привычную группировку добраго стараго времени: на одной сторонѣ оказались всѣ буржуазныя партіи, на другой—вся соціалъ-демократія,—и „большинство“, и „меньшинство“. И точно такъ же, какъ въ доброе старое время, въ результатѣ борьбы создался „гнилой компромиссъ“ [2]), къ которому „съ тяжелымъ сердцемъ“ и исключительно лишь „изъ соображеній патріотизма“ примкнули всѣ буржуазныя партіи отъ консерваторовъ до прогрессистовъ, но противъ котораго, равно какъ и противъ всего бюджета въ цѣломъ, голосовали оба крыла соціалъ-демократіи: и Шейдеманъ, и Гаазе.

Такова фактическая сторона этой поучительной исторіи. Но, если она что-нибудь означаетъ, такъ только то, что, не смотря на широковѣщательныя объявленія о наступленіи „новаго курса“ во внутренней политикѣ, господствующіе классы Германіи ничего не забыли изъ своихъ старыхъ испытанныхъ методовъ государственнаго управленія. Эти классы остались глубоко вѣрны самимъ себѣ и теперь готовятся разрѣшать великія финансовыя проблемы, выдвинутыя войной, по хорошо извѣстному шаблону: съ минимальными потерями для имущихъ и владѣющихъ и съ максимальнымъ обремененіемъ для неимущихъ и трудящихся. Es ist eine alte Geschichte, и совершенно ясно, что демократіи придется напрячь всю силу своей воли и своего сопротивленія, если она не хочетъ

---

[1]) „Vorwärts“ отъ 28 марта 1916 г.

[2]) Суть этого компромисса сводится къ слѣдующему: всѣ косвенные налоги лишь съ маленькими измѣненіями формальнаго характера остаются въ силѣ и къ нимъ присоединяется еще нѣсколько видоизмѣненный налогъ на военную прибыль. Въ своемъ новомъ видѣ этотъ послѣдній налогъ представляетъ сочетаніе обложенія военной прибыли съ обложеніемъ вообще имущества. Онъ падаетъ на всякій капиталъ не ниже 20.000 мк., который втеченіе войны увеличился или уменьшеніе котораго не превышаетъ 10%. Ставки налога, постепенно подымаясь, доходятъ до 50% на приростъ свыше 300 тыс. мк. Налогъ принятъ, какъ единовременный сборъ, и только по случаю

быть окончательно раздавленной подъ невыносимымъ бременемъ косвеннаго обложенія. Надо думать, она найдетъ въ себѣ достаточный для этого запасъ духа и энергіи, ибо въ прошломъ германскій пролетаріатъ выигрывалъ свои наиболѣе блестящія политическія битвы какъ разъ на налоговой почвѣ. На этой же почвѣ ему предстоятъ грандіозныя битвы въ будущемъ и притомъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ проблемы реорганизаціи имперскихъ финансовъ станутъ во всей своей остротѣ тотчасъ же послѣ окончанія войны, а срокъ полномочій нынѣшняго рейхстага истекаетъ въ январѣ 1917 г. Стало быть, новые выборы, которые будутъ, конечно, всецѣло стоять подъ знакомъ наслѣдія, оставленнаго войной, въ самомъ крайнемъ случаѣ смогутъ быть отсрочены лишь до заключенія мира...

Какъ будетъ въ конечномъ счетѣ выглядѣть доходный бюджетъ имперіи въ наступающій періодъ, пока еще трудно представить себѣ съ опредѣленностью. Вообще это будетъ чрезвычайно сложная и совсѣмъ не легко разрѣшимая задача возстановить должное равновѣсіе между государственными расходами и доходами, равновѣсіе, такъ грубо нарушенное нынѣшней войной. Но, поскольку настоящее и прошлое даютъ нѣкоторое право дѣлать гипотетическіе прогнозы относительно будущаго, постольку можно думать, что новые 5—6 мд. мк. ежегодно Германія будетъ получать изъ трехъ главныхъ источниковъ. Во-первыхъ, отъ повышенія косвеннаго обложенія, начало чему уже положено „финансовой реформой" нынѣшняго года. Впрочемъ, особенно широкихъ фискальныхъ перспективъ на этомъ пути не имѣется: слишкомъ ужъ сильно здѣсь сопротивленіе массъ и слишкомъ узки естественно-экономическіе предѣлы налоговаго эффекта. Не надо забывать, что косвенное обложеніе и до войны было очень развито въ Германіи (въ 1913 г. оно составляло въ среднемъ 32 мк. на душу населенія), а вѣдь матеріальное положеніе массъ послѣ войны, несомнѣнно, ухудшится. Вторымъ источникомъ будетъ, повидимому, установленіе въ той или иной формѣ прямого имперскаго обложенія (напр., налогъ на наслѣдства, налогъ на имущество и т. п.). До сихъ поръ правыя партіи упорно противились всякимъ попыткамъ введенія прямыхъ *имперскихъ* налоговъ, боясь довѣрить имущественныя судьбы „верхнихъ десяти тысячъ" демократически выбираемому рейхстагу. Онѣ предпочитали не выпускать прямое обложеніе изъ рукъ въ общемъ гораздо болѣе консервативныхъ ландтаговъ. Можно надѣяться однако, что на этотъ разъ сила сопротивленія консерваторовъ подъ давленіемъ массъ и неумолимыхъ требованій финансовой необходимости будетъ сломлена и государству удастся переложить извѣстную часть фискальныхъ тяготъ, порожденныхъ войной, на плечи имущихъ классовъ, —тѣмъ болѣе, что прямое обложеніе въ Германіи пока еще

весьма незначительно (въ 1913 г. на голову населенія приходилось всего лишь 14 мк. прямыхъ государственныхъ налоговъ). Впрочемъ, оба указанныхъ источника окажутся, конечно, не въ состояніи заштопать исполинскія дыры имперскаго бюджета — въ лучшемъ случаѣ они вмѣстѣ смогутъ дать $1^1/_2$—2 мд. мк. въ годъ,— и главная задача доставленія казначейству необходимыхъ ему средствъ падетъ, очевидно, на третій источникъ, о которомъ во время войны такъ много писалось и говорилось въ Германіи, именно на широко проектируемую сейчасъ систему *государственныхъ монополій*. Сколько и какихъ монополій будетъ введено, какъ будетъ организованъ монопольный аппаратъ, какія суммы обѣщаетъ приносить казнѣ монопольное хозяйство и т. д.,—все это, несомнѣнно, очень важные и существенные вопросы, но, къ сожалѣнію, я не могу ихъ здѣсь касаться [1]). Упомяну лишь, что въ качествѣ наиболѣе близкихъ и вѣроятныхъ экспериментовъ даннаго рода считаютъ табачную, страховую, спичечную, спиртовую, пивоваренную, электрическую, угольную и нѣкоторыя другія монополіи. Конечно, объективно разсуждая, государственныя монополіи являются лишь нѣсколько видоизмѣненной формой косвеннаго обложенія, но тѣмъ не менѣе можно считать почти несомнѣннымъ, что предполагаемая „національзація" различныхъ отраслей промышленности не встрѣтитъ сколько-нибудь серьезной оппозиціи со стороны трудящейся демократіи (о капиталистическихъ кругахъ правительство, конечно, позаботится и постарается удовлетворить ихъ аппетиты). Не по тому, разумѣется, что демократія считаетъ данное рѣшеніе великихъ финансовыхъ проблемъ идеальнымъ—о, нѣтъ, она прекрасно сознаетъ всѣ его недостатки [2]), а просто потому, что при создавшемся положеніи дѣлъ нѣтъ иного выхода: система монополій является, какъ никакъ, наименьшимъ зломъ.

В. Майскій.

---

[1]) Желающихъ ближе познакомиться съ этимъ вопросомъ отсылаю къ моей книгѣ „Германія и война", изд. московскаго книгоиздательства писателей, 1916, глава „Проблемы государственныхъ монополій".

[2]) Главный изъ этихъ недостатковъ, по мнѣнію соціалъ-демократовъ, состоитъ въ томъ, что монополіи чрезвычайно усиливаютъ экономическую и политическую мощь центральной государственной власти. И такъ какъ Германія еще весьма далека отъ идеала подлиннаго народовластія, то усиленіе правительства въ ней представляетъ особенныя опасности для широкихъ слоевъ населенія.

Памяти А. И. Иванчинъ-Писарева.

27 іюня въ Петроградѣ умеръ отъ рожистаго воспаленія Александръ Ивановичъ Иванчинъ-Писаревъ. Еще недавно, въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала, были напечатаны его воспоминанія о П. Н. Дурново. Эти воспоминанія обратили на себя большое вниманіе прессы, но они оказались и послѣдней работой А. И.,—не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени появленія ихъ въ печати, какъ самого А. И. настигла смерть.

Въ его лицѣ съ жизненной арены сошелъ человѣкъ, въ свое время игравшій замѣтную роль въ народническихъ кружкахъ. Онъ не былъ, правда, ни теоретикомъ, ни практическимъ вождемъ народничества. Роль А. И. была скромнѣе—онъ являлся лишь рядовымъ участникомъ народническаго движенія, но участникомъ долго, упорно и умѣло работавшимъ надъ осуществленіемъ тѣхъ задачъ, которыя преслѣдовало это движеніе.

Послѣднее рано захватило А. И. Родившись въ 1846 г., онъ въ концѣ 70-хъ годовъ слушалъ лекціи сперва въ московскомъ, затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ. Эти годы были временемъ усиленнаго броженія среди учащейся молодежи и А. И. скоро увлекся этимъ броженіемъ, тѣмъ самымъ опредѣливъ свою жизненную дорогу. Будучи еще студентомъ московскаго университета, онъ примкнулъ къ кружку чайковцевъ и, по его порученію, организовалъ книжный складъ для распространенія издававшихся чайковцами народныхъ книгъ. Переѣхавъ затѣмъ въ Петербургъ, онъ вскорѣ рѣшилъ принять непосредственное участіе въ пропагандѣ среди народа и съ этою цѣлью, бросивъ университетъ, перебрался на жительство въ доставшееся ему отъ отца имѣніе Потапово въ Ярославской губерніи. Поселившись здѣсь, онъ устроилъ школу для крестьянскихъ дѣтей, завелъ артельную столярную мастерскую, сблизился съ крестьянами и повелъ среди нихъ пропаганды. Въ цѣляхъ той же пропаганды пріѣзжали въ Потапово и нѣкоторые другіе изъ тогдашнихъ видныхъ народниковъ. Скоро однако дѣятельность владѣльца Потапова обратила на себя вниманіе властей и въ маѣ 1874 г. А. И. пришлось, избѣгая ареста, скрыться изъ своего имѣнія и перейти на нелегальное положеніе.

Съ этого момента въ его жизни началась новая полоса. Семь лѣтъ онъ прожилъ въ качествѣ „нелегальнаго“ и перебывалъ за

это время въ различныхъ мѣстахъ и въ разныхъ положеніяхъ, но упорно стремился снова и снова „въ народъ". Онъ былъ три мѣсяца слесаремъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ Саратовѣ, затѣмъ служилъ въ Скопинскомъ уѣздѣ кучеромъ у одного инженера, стараясь познакомиться съ бытомъ мѣстныхъ шахтеровъ. Начавшіеся въ это время провалы въ революціонныхъ кругахъ побудили его уѣхать за границу. Здѣсь онъ писалъ народныя брошюры, участвовалъ въ журналѣ „Впередъ" и въ редакціи женевской газеты „Работникъ". Но уже черезъ годъ, въ 1876 г., онъ вернулся въ Петербургъ и примкнулъ къ партіи „Земля и Воля", а въ слѣдующемъ году вновь поселился въ деревнѣ, на этотъ разъ въ качествѣ волостного писаря. Около двухъ лѣтъ пробылъ онъ волостнымъ писаремъ сперва въ Самарской, затѣмъ въ Саратовской губерніи, но въ 1879 г. вынужденъ былъ покинуть это мѣсто и возвратиться въ Петербургъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ присоединился къ вновь образовавшейся въ это время партіи „Народной Воли" и былъ однимъ изъ членовъ редакціи первыхъ трехъ номеровъ ея органа. Но 17 марта 1881 г. его „нелегальное положеніе" окончилось—онъ былъ арестованъ и, послѣ довольно долгаго разбирательства, высланъ въ административномъ порядкѣ на 2 года въ Восточную Сибирь. Позднѣе, вслѣдствіе разоблаченій Дегаева, этотъ срокъ былъ увеличенъ и А. И. удалось вернуться изъ Сибири только въ 1889 г.

Еще до своей ссылки, съ конца 70-хъ годовъ, А. И. сталъ работать и въ легальной литературѣ. Онъ началъ въ ней свою дѣятельность очеркомъ „Кулакъ-общинникъ", помѣщеннымъ въ „Дѣлѣ" Благосвѣтлова. Послѣ того онъ писалъ въ „Дѣлѣ", въ „Словѣ", когда оно издавалось Е. Н. Мальневой, и въ „Русскомъ Богатствѣ" временъ редакціи И. И. Злотовратскаго. Живя въ Сибири, А. И. принималъ участіе въ выходившей въ Томскѣ „Сибирской Газетѣ". Получивъ въ 1889 г. разрѣшеніе выѣхать изъ Сибири въ Европейскую Россію, но безъ права жительства въ столицахъ и университетскихъ городахъ, А. И. поселился въ Нижнемъ-Новгородѣ и отсюда принималъ участіе въ выходившемъ въ Казани „Волжскомъ Вѣстникѣ". Въ концѣ 1892 г. А. И. получилъ разрѣшеніе жить въ Петербургѣ. Въ это время Н. К. Михайловскій вошелъ въ редакцію „Русскаго Богатства" и предпринялъ реорганизацію этого журнала, предоставивъ А. И. завѣдываніе хозяйственной его стороной. Завѣдывать хозяйственной стороной „Р. Богатства". А. И. продолжалъ и тогда, когда въ редакцію вошли В. Г. Короленко и—немного позже—Н. Ѳ. Анненскій, и тогда, когда, послѣ смерти Н. К. Михайловскаго, къ Н. Ѳ. Анненскому и В. Г. Короленку присоединились новые, молодые члены редакціи. Самъ А. И. втеченіе долгихъ лѣтъ своего участія въ „Р. Богатствѣ" не писалъ въ немъ, будучи всецѣло поглощенъ хозяйствомъ журнала и организованнаго при немъ—опять-таки усиліями А. И.—книгоиздательства,

выпускавшаго отдѣльными книгами произведенія ближайшихъ сотрудниковъ журнала. Въ 1907 г. А. И. сложилъ съ себя завѣдываніе хозяйствомъ „Русскаго Богатства", а черезъ нѣкоторое время и совсѣмъ отошелъ отъ него, принявъ участіе въ организаціи новаго журнала „Завѣты". Здѣсь А. И. напечаталъ, между прочимъ, воспоминанія о годахъ своего „хожденія въ народъ", вышедшія затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ. Когда „Завѣты" были закрыты, А. И. попытался организовать выпускъ въ свѣтъ періодическихъ сборниковъ, но замыселъ этотъ встрѣтилъ на своемъ пути серьезныя препятствія и осуществить его А. И. не удалось. Послѣдняя его работа, какъ я уже упоминалъ, появилась въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала за текущій годъ.

Въ послѣдніе годы здоровье А. И. замѣтно пошатнулось. Онъ въ эти годы часто хворалъ, хворалъ долго и тяжело. Долго и тяжело хворалъ онъ и въ настоящемъ году. Еще въ январѣ онъ заболѣлъ инфлуэнцой. Болѣзнь затянулась и весною А. И. былъ помѣщенъ въ Максимиліановскую лечебницу. Нѣсколько оправившись, онъ въ началѣ лѣта переѣхалъ на дачу. Но здѣсь у него началось рожистое воспаленіе и, перевезенный въ Петропавловскую больницу, онъ утромъ 27 іюня скончался въ ней.

29 іюня его похоронили на Волковомъ кладбищѣ. На кладбище его тѣло провожали представители петроградской интеллигенціи и рабочіе, собравшіеся въ довольно большомъ числѣ. И рѣчи надъ его могилой говорили и интеллигенты, и рабочіе, тепло вспоминавшіе его „хожденіе въ народъ"...

В. Мякотинъ.

БИБЛIОРАФIЯ.

Андрей Бѣлый. Петербургъ. Романъ. Петроградъ. 1916. Стр. 148 + 210 + 276. Ц. 2 р.

Романъ г. Андрея Бѣлаго откровенно тенденціозенъ. Россіи подлинной, Россіи истинно-русской противоположенъ здѣсь Петербургъ, созданіе искусственное, чуждое русскому естеству, наносное и раціоналистическое. Въ этой раціоналистической, геометрической, головной искусственности оказываются сходными и равно повинными двѣ петербургскія стихіи, съ виду враждебныя, но по существу одинаково не-русскія, настоящей Россіи чуждыя и для нея равно пагубныя. Эти двѣ стихіи—правительство и революція, бюрократія и интеллигенція. Борьба этихъ началъ и составляетъ фонъ, на которомъ развернуты событія романа и обрисованы его дѣйствующія лица. События эти относятся къ 1905 году, а образы дѣйствующихъ лицъ—по крайней мѣрѣ, двухъ главнѣйшихъ—явно подсказаны дѣйствительными историческими фигурами. Крупнѣйшій государственный дѣятель Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ созданъ на основаніи ходячаго представленія о Побѣдоносцевѣ; менѣе портретнымъ кажется образъ виднѣйшаго провокатора Липпанченка, но, конечно, образъ этотъ есть намекъ на Азефа, намекъ не психологическій, а болѣе политическій. Хотя оба борющіяся въ русской жизни начала представляются автору одинаково губительными для настоящей внѣ-петербургской Россіи, однако антипатіи его распредѣляются неравномѣрно: въ Аполлонѣ Аполлоновичѣ Аблеуховѣ есть нѣкоторыя человѣческія черты; авторъ не показалъ—не хотѣлъ или не сумѣлъ показать — его государственнаго ума, его дѣйственной воли, его многообъемлющаго могущества, но онъ постарался показать, что въ этомъ обездушенномъ манекенѣ, въ этой раціоналистической машинѣ есть человѣческія чувства, есть привлекательныя слабости; Аблеухова нельзя презирать, хотя иногда можно его пожалѣть. Наоборотъ, никакого, даже слабаго снисхожденія не вызываетъ въ г. А. Бѣломъ міръ борцовъ противъ Аблеухова. Русскіе революціонеры дѣлятся для автора

„Петербурга“ на двѣ категоріи: обманутыхъ дураковъ и подлыхъ обманщиковъ. Новаго освѣщенія, новыхъ художественно обобщенныхъ фактовъ онъ не даетъ; чувствуется, что онъ не знаетъ тѣхъ людей, о которыхъ пишетъ. Онъ исходитъ изъ абстракціи и, руководимый своими соціально-политическими пристрастіями, пытается дать этимъ абстракціямъ бытіе. Пристрастія эти идутъ далеко: такъ, напримѣръ, даже панегиристы романа г. А. Бѣлаго едва-ли откажутся признать, что его антисемитизмъ получилъ въ романѣ довольно пошлое выраженіе. Въ высшей степени показательно также для уясненія общественно-политической позиціи автора то освѣщеніе, которое получаетъ у него образъ провокатора Липпанченка. Провокаторъ, какъ извѣстно, предаетъ тотъ міръ, къ которому принадлежитъ лишь для видимости; провокаторъ не революціонеръ, а врагъ революціи — идейный или корыстный; часть его жизни—показное общеніе съ революціонерами, часть—общеніе съ купившей его властью. Между тѣмъ все изображеніе быта и души Липпанченка у г. А. Бѣлаго—явная карикатура на бытъ и душу революціонера. Отношеній Липпанченка съ полиціей мы не знаемъ, г. А. Бѣлый позабылъ изобразить ихъ по той простой причинѣ, что ему достаточно было изобразить пошлое, мелкое, сытое себялюбивое животное въ революціонной обстановкѣ и только приписать ему нѣкоторыя провокаціонныя дѣйствія; это его удовлетворило, потому что всякій иной революціонеръ—за предѣлами зрѣнія г-на А. Бѣлаго. Всмотрѣвшись пристальнѣе въ фигуру Липпанченка, не трудно увидѣть, что для г-на А. Бѣлаго не Липпанченко есть изображеніе типичнаго провокатора, а всякій революціонеръ,—поскольку онъ не жертва провокаціи,—есть провокаторъ. Особенно изобрѣтательнымъ въ этой обличительной работѣ назвать г-на А. Бѣлаго трудно. Наоборотъ, средства, которыми онъ старается внушить читателю безпредѣльное презрѣніе къ своему Липпанченку, не представляются ни очень новыми, ни очень тонкими: по существу Липпанченко есть мелкій буржуй, живущій въ пошлѣйшей мѣщанской обстановкѣ; по происхожденію онъ не русскій—настоящая его фамилія Липенскій—„едва-ли не жидъ“; въ связи онъ съ дамой, носящей тоже подозрительное имя Зоя Захаровна Флейшъ; онъ подло и грубо эксплуатируетъ это несчастное созданіе, и физическая грязь его обихода есть для г. Бѣлаго необходимый и естественный атрибутъ его нравственной грязи. Все это въ тѣхъ или иныхъ оттѣнкахъ давно продѣлано въ обличительныхъ изображеніяхъ русскаго освободительнаго движенія за послѣдніе полвѣка. Тѣ же средства у г. А. Бѣлаго, тѣ же враги. Кругъ замыкается Липпанченкомъ, но захватываетъ широко. Петербургъ враждебенъ г-ну А. Бѣлому и Россіи прежде всего своей раціональной мыслью, — какъ же не обличить средоточіе этой раціональной мысли въ петербургскомъ „сѣдалищѣ наукъ“, какъ не узрѣть ея символа въ Васильевскомъ Островѣ? И г. Бѣлый

вѣщаетъ и предостерегаетъ: „О, русскіе люди, русскіе люди! Толпы зыбкихъ тѣней не пускайте вы съ острова: вкрадчиво тѣни тѣ проникаютъ въ тѣлесное обиталище ваше; проникаютъ отсюда онѣ въ закоулки души: вы становитесь тѣнями клубообразно летящихъ тумановъ: тѣ туманы летятъ искони изъ-за края земного: изъ свинцовыхъ пространствъ волнами кипящаго Балта". И все свивается въ одинъ клубокъ: не только русское правительство и русская революція оказываются порожденіями единаго духа антирусской абстракціи, но сплетаются воедино русская наука и русская провокація, и читатель долженъ быть приведенъ къ выводу, что начинается съ Академіи Наукъ, а кончается неизбѣжно Липпанченкомъ...

Нѣтъ нужды отмѣчать, что намъ эта попытка воскрешенія забытыхъ славянофильскихъ параллелей кажется въ достаточной мѣрѣ не основательной. Если однако воспользоваться словаремъ г. А. Бѣлаго, то все его произведеніе надо назвать прежде всего въ высшей степени петербургскимъ. Оно пропитано тѣмъ основнымъ порокомъ, который г. А. Бѣлому кажется столь петербургскимъ, европейскимъ, не-русскимъ: оно въ высшей степени раціоналистично, абстрактно, оно все надумано; его символы по категорической ясности и опредѣленности надо назвать геометрическими. Если реакціонеръ Аблеуховъ исчерпанъ въ четырехъ взаимно перпендикулярныхъ стѣнахъ его кареты, то и душа революціонера Александра Ивановича необходимо порождена его „міровымъ пространствомъ": четырьмя перпендикулярными стѣнами его обиталища на Васильевскомъ островѣ. И такъ во всемъ: люди и вещи г. Андрея Бѣлаго, общая структура его романа и отдѣльные его образы прежде всего механизмы; всему предначертана роль, всему предопредѣлено его значеніе. Это не психологическая жизненность всѣхъ мельчайшихъ подробностей истинно-художественнаго созданія; это механическая ихъ связанность. Психологія вообще— слабая сторона романа г. А. Бѣлаго; на психологію затрачено здѣсь много усилій и самыхъ напряженныхъ ухищреній отъ футуристскихъ словечекъ, которымъ не суждено войти въ обиходъ, до типографскихъ трюковъ, лишенныхъ какой бы то ни было выразительности. Но главная цѣль осталась недостигнутой: образы героевъ „Петербурга" не видны; они искусственны, раціонально-сочинены и мертвенно-разсудочны, какъ родившій ихъ городъ въ представленіи ихъ создателя. Никто не живетъ, никто не допускаетъ различныхъ толкованій, никто не входитъ въ живое человѣческое общеніе съ читателемъ. Въ немъ много символовъ, но символы эти говорятъ не о многомъ; это низводитъ ихъ до уровня раціональныхъ аллегорій. Они не заставляютъ думать: въ нихъ все уже сказано. Въ романѣ А. Бѣлаго есть извѣстная литературная значительность; въ немъ сказано важное для автора, и это задѣваетъ читателя; въ немъ есть эпизоды сильные и трога-

тельные. Но въ немъ нѣтъ той тайны, которая дается только живыми образами: въ немъ все открыто, все явно; не надъ чѣмъ задуматься—развѣ надъ печальными уклонами мысли его даровитаго автора. Съ основными его идеями будутъ соглашаться или не соглашаться,—въ современномъ сумбурѣ онъ легко найдетъ единомышленниковъ; и одни примутъ, другіе отвергнутъ его политическую тенденцію, его отношеніе къ интеллигенціи, къ правительству, къ наукѣ. Его романъ можетъ имѣть агитаціонное значеніе. Но онъ ничему не можетъ научить, ничего ни цѣннаго, ни важнаго, ни новаго не можетъ сказать о жизни, о Россіи, о родинѣ, о правдѣ тому, кто думалъ объ этихъ великихъ стихіяхъ и жадно искалъ отвѣта на ихъ загадки у русскихъ художниковъ слова.

Н. Тимковскій. т. X. Передъ жизнью. Разсказы. Кн-во писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 218.

Г. Тимковскій не принадлежитъ къ числу писателей, каждая новая книжка которыхъ отражаетъ либо новый поворотъ творческой эволюціи, либо новую сторону сложной авторской индивидуальности. Его новый сборникъ разсказовъ ни въ чемъ не измѣняетъ и ничѣмъ не дополняетъ впечатлѣнія отъ любой изъ его предыдущихъ книжекъ. И какъ по всякому другому, такъ и по разсматриваемому сборнику можно съ полнымъ правомъ судить о писательской личности г. Тимковскаго въ цѣломъ.

Благо, она чрезвычайно ясна, даже слишкомъ ясна—почти элементарна. Его достоинства столь же несомнѣнны, какъ и недостатки, при чемъ тѣ и другіе постигаются безъ особаго усилія. Достоинства автора по большей части отрицательнаго свойства, но переживаемый литературный моментъ подчеркиваетъ ихъ цѣнность. Онъ простъ среди повальной нынѣшней вычурности, онъ литературно-честенъ среди моря фальши, притворства и лживаго паѳоса, онъ скорбитъ и радуется среди окружающаго равнодушія, столь часто искусственно подогрѣваемаго. Старательно, добросовѣстно, съ теплымъ участіемъ повѣствуетъ онъ намъ про горькое, обыкновенно, житьишко своихъ немудрыхъ героевъ, усердно пытаясь раскрыть предъ читателемъ ихъ душу, ихъ порывы и разочарованія.

Однако образы г. Тимковскаго тускловаты и чувствуется какъ-то, что они тускловато написаны потому именно, что не слишкомъ ярки они были въ авторскомъ воображеніи. Часто у читателя получается впечатлѣніе, что авторъ въ своихъ изображеніяхъ исходилъ отъ логической схемы, что онъ просто подбиралъ иллюстраціи къ положеніямъ, и подбиралъ не всегда удачно. Суховатой разсудочностью вѣетъ отъ книжки, не смотря на несомнѣнную субъективную теплоту автора. Не успѣетъ авторъ отмѣтить въ

ремаркѣ то или иное свойство изображаемаго лица, какъ кто-нибудь изъ героевъ тотчасъ подсовываетъ соотвѣтственную иллюстраціонную реплику съ своей стороны,—и это производитъ впечатлѣніе безжизненнаго разсудочнаго параллелизма,—пріемъ очень частый у г. Тимковскаго. Та же разсудочность и логическая схематичность проявляется и во многомъ другомъ. Врачъ, явно немолодой и опытный, лечитъ старушку, медленно, но вѣрно угасающую. „Иванъ Степановичъ сидѣлъ у стола и писалъ рецепты. Теперь онъ каждый день навѣщалъ Анну Анкудиновну, и лицо его съ каждымъ разомъ становилось все болѣе озабоченнымъ“. Озабоченность на лицѣ увеличивается строго соразмѣрно со степенью опасности, которая грозитъ старухѣ-паціенткѣ, и это не у какого-нибудь близкаго человѣка, а у врача, ни въ какихъ смыслахъ особенно не пугающагося близкой кончины больной старухи... Купецъ, торгующій желѣзомъ, подверженъ припадкамъ гнѣва,— „пароксизмы бѣшенства, кончавшіеся прежде побоями жены, сына, служащихъ, Кузьма Арсентьевичъ объяснялъ властью желѣза. Ему казалось, что оно переливается, расплавленное, въ жилахъ, отравляя тѣло, кровь, самую душу. Вѣдь вся жизнь прошла подъ лязгъ металла“,—объясненіе налицо, и читатель приглашается вѣрить, что Кузьмѣ Арсентьевичу дѣйствительно „казалось, будто въ его жилахъ переливается расплавленное желѣзо... Героинѣ разсказа „Смерть“, когда она взглядывала на свою черствую и сухую родственницу, „начинало казаться, что все на свѣтѣ, кромѣ приходо-расходной книжки, есть не болѣе, какъ глупое ребячество или непростительная распущенность“. Авторъ какъ-то слабо чувствуетъ, что такія слова, какъ „казалось“, „начинало казаться“, и т. п.—обязываютъ художника къ тому, чтобы читателю хоть немного казалось то самое, что, какъ онъ увѣряетъ, кажется его героямъ, иначе неизбѣженъ скептическій вопросъ читателя: кому собственно то или иное „кажется“—героямъ, или ихъ автору?

Ив. Касаткинъ. Лѣсная быль. Разсказы. Кн-во писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 216.

Среда и бытъ, изъ которыхъ г. Касаткинъ черпаетъ матеріалъ для своихъ повѣствованій, охарактеризованы имъ на первой же страницѣ книги въ такихъ словахъ: „Край нашъ—лѣса, болота да кочки,—убогій край, сѣрый. И люди, какъ и жилища ихъ, темны и нелѣпы. Все тутъ какъ-то сплющено, грубо вывихнуто, скрючено и придавлено звѣриной жизнью и безплодным трудомъ къ землѣ“ Въ самомъ же концѣ книжки мы находимъ опредѣленное указаніе уже на идеалъ автора: „Нѣтъ,—восклицаетъ онъ—на землѣ не должно быть такъ называемаго одинокаго человѣка! Не должно быть и слабаго человѣка, ибо человѣкъ — единственная и высшая сила, имѣющая побѣдить все, что есть темнаго и враждебнаго ему

на землѣ. Нѣтъ, жизнь должна быть величайшимъ и мощнымъ гимномъ неудержимой радости—гимномъ, слагаемымъ каждымъ и всѣми!"

Сопоставленіемъ этихъ полюсовъ идеала и дѣйствительности,—въ которыхъ, впрочемъ, какъ видитъ читатель, не заключается чего-либо новаго или неожиданнаго,—и опредѣляется почти цѣликомъ содержаніе книжки г. Касаткина: при свѣтѣ своего идеала жизни онъ разсматриваетъ жизнь, его окружающую,—надо ли объяснять, въ какомъ мрачномъ видѣ она ему представляется? И порой получается впечатлѣніе, что, войдя со свѣту своего идеала въ потемки земной юдоли, авторъ видитъ послѣднюю болѣе черной, чѣмъ она есть въ дѣйствительности. Спору нѣтъ, много жестокости, тьмы, тупости заключаетъ она въ себѣ, но... и тутъ все-таки есть мѣра. А г. Касаткинъ мѣры-то какъ будто и не знаетъ. У него—если родители, подавленные тьмой и нуждою, призываютъ смерть на своихъ дѣтей, то ужь непремѣнно чуть не въ каждомъ разсказѣ, непремѣнно съ нарочитой свирѣпостью, съ какою-то страстью. У него, напримѣръ, баба намѣренно кормитъ своихъ дѣтей зараженною больными пищей и повѣствуетъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „Я, бочкомъ, бочкомъ, да и забери обгрызочки-то, подъ зголовьями (у только-что умершихъ дѣтей)... Прибѣгла домой, дрожу, а сама быдто и радуюсь: авось, не приберетъ ли Господь къ рукамъ! Даю обгрызочки-то своимъ, гляжу: ѣдятъ, другъ у друга рвутъ даже. А сама такъ и вопіяю душой-то ко Владычицѣ: помоги, Матушка-Заступница, Егорій Стратилатъ"...

Дѣло, повидимому, объясняется просто тѣмъ, что авторъ пытается такими пріемами показать читателю степень бѣдственнаго положенія своихъ героевъ. Излишне доказывать, что единственное чувство, которое можно пробудить такимъ пріемомъ, это отвращеніе, а никакъ не состраданіе, а всего вѣрнѣе—просто никакого чувства: читатель автору не повѣритъ, и дѣло съ концомъ.

Надобно замѣтить, что въ томъ же направленіи, т. е. въ направленіи читательской недовѣрчивости, дѣйствуетъ и самый стиль г. Касаткина. Языкъ, какимъ онъ повѣствуетъ про суровую, неприкрашенную жизнь своихъ сѣрыхъ и темныхъ героевъ,—черезчуръ ужь цвѣтистъ, разукрашенъ и не простъ. Его мужикамъ и бабамъ именно первобытная простота стиля и подобала бы. А г. Касаткинъ, напримѣръ, о зимнемъ вѣтрѣ находитъ умѣстнымъ такъ писать: „Казалось, тамъ, тамъ, подъ сѣрымъ небомъ—въ поляхъ, по дорогамъ и всюду—во всю ширь распространился кто-то безпокойный и непосѣдливый, многоголосый и вездѣ поспѣвающій".... и т. д., и т. д., чуть не на цѣлую страницу тянется это клише изъ „Жизни Василія Ѳивейскаго", гдѣ все это (въ свое время новое) было умѣстно и производило впечатлѣніе и затѣмъ растеклось и разжижилось на тысячахъ и тысячахъ страницъ те-

кущей беллетристики... Или вотъ мужикъ въ пьяномъ видѣ ни за что, ни про что убиваетъ своего, тоже пьянаго, свата. Нужна и для пьянаго убійства мотивировка, и авторъ строитъ ее съ „соціальнымъ" фасадомъ: по-пьяному дѣлу споткнувшись и треснувшись затылкомъ о землю, сватъ видитъ передъ собою вертящуюся воронку и вдругъ, буквально ни къ селу, ни къ городу, „когда воронка стала останавливаться и когда память прояснилась,—страннымъ образомъ, всѣ звѣзды и радуги, и колокольный звонъ—все слилось въ большое, отъ земли до неба, и знойное, какъ солнечный шаръ, слово:—за что?... Разомъ хлынуло это яркое слово въ душу Михайлы и ожгло ее больно... Михайла разомъ увидѣлъ и понялъ всю свою горькую жизнь,—вотъ она, какъ на ладони!"— За симъ слѣдуетъ и самый фасадъ горькой жизни; но если пьяный Михайла, треснувшись головой о землю, сразу не только все увидѣлъ, но даже и понялъ, то трезвый читатель все же остается въ полнѣйшемъ невѣдѣньѣ и ему все кажется, что это—неудачная выдумка, вычурная и невразумительная.

Вычуренъ и надуманъ стиль г. Касаткина и въ деталяхъ. Онъ напряженно ищетъ „словечекъ", фотографируетъ ихъ фонетику („станцыя", говорятъ его герой, будто не такъ же точно произноситъ и любой интеллигентъ). Онъ питаетъ пристрастіе къ такимъ формамъ, какъ „увернутая лампочка", „удѣлавъ коня", „побоище удвинулось къ городу", „унырнулъ во тьму", „учинку сдѣлать", „улови", и т. д., все почему-то на „у". Отъ одного этого книжка его читается трудно, глазъ точно спотыкается о строчки.

Отъ положительныхъ героевъ автора отдаетъ позаимствованіемъ изъ Горькаго эпохи „Лѣта", „Матери" и др.

Добрыя намѣренія г. Касаткина не вызываютъ сомнѣній, но слишкомъ ужъ наивнымъ представляетъ онъ себѣ читателя, пуская въ ходъ такіе пріемы, какъ гипербола и сгущеніе красокъ. Гораздо выразительнѣе этихъ преувеличеній тѣ немногіе образы, которые написаны авторомъ просто, безъ прикрасъ, безъ желанія во что бы то ни стало разжалобить или поразить читателя („Въ уѣздѣ", напримѣръ).

Христо Досевъ. Вблизи Ясной Поляны (1907—1909 гг.). Изданіе „Посредника". Москва 1916. Стр. 96. Ц. 45 к.

„Онъ съ охотой общался съ нами, отвѣчалъ, самъ спрашивалъ, любилъ насъ, радовался нами. Но онъ скажетъ что-нибудь, чего мы не понимаемъ или не чувствуемъ,—и мнѣ казалось, что онъ сидитъ на недосягаемой высотѣ, одинъ, безъ насъ, и то, что онъ видѣлъ оттуда, было невидно намъ. И мнѣ бывало тяжело и за него, и за насъ". Это искреннее признаніе толстовца, проведшаго нѣсколько лѣтъ въ непосредственномъ общеніи съ Л. Н. Толстымъ, въ значительной степени опредѣляетъ духъ этого общенія. Въ

разныхъ воспоминаніяхъ о Толстомъ чувствуется эта духовная безплодность общенія маленькихъ людей съ большимъ человѣкомъ, но въ непритязательныхъ воспоминаніяхъ г. Христо Досева она выступаетъ съ отчетливостью тѣмъ болѣе вѣской, что она совершенно непреднамѣренна. Какъ ни „радовался нами“ Толстой, толстовцы мало давали Толстому и, въ сущности, Толстой мало давалъ толстовцамъ. „Пришли всей молодой компаніей къ Л. Н.— разсказываетъ г. Досевъ—въ Ясной уже поужинали. Собирались пить чай.—Хотите, я сегодня угощу васъ особеннымъ чаемъ,— сказалъ Л. Н. съ улыбкой.—Это прислали мнѣ мои друзья, живущіе въ Батумѣ и имѣющіе тамъ чайную плантацію... Хотя я и тронутъ этимъ, но долженъ признаться, что чай этотъ больше похожъ на сѣно, чѣмъ настоящій чай“.

Въ этомъ дружескомъ чаѣ—„больше похожемъ на сѣно“—есть нѣчто символическое; имъ — съ лучшими намѣреніями — поили друзья Толстого, имъ подчасъ — въ шутку, конечно,—поилъ Толстой друзей. Г. Досевъ говоритъ о тѣхъ тяжелыхъ мгновеніяхъ, когда толстовцы чувствовали, что не понимаютъ Толстого. Но всегда ли они умѣли почувствовать это? Вѣдь трагедія всякаго непониманія въ томъ, что оно не ощущаетъ этого непониманія; невѣжество чаще всего не знаетъ своего незнанія. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ простодушнѣе и искреннѣе воспоминаніе о Толстомъ, тѣмъ очевиднѣе, какимъ непониманіемъ онъ былъ окруженъ. Это непониманіе единомышленниковъ было, конечно, хуже непониманія его семьи. Онъ требовалъ отъ своихъ единомышленниковъ воли, а не мысли—и эту волю получалъ въ ихъ рѣшительныхъ поступкахъ. Но не все вѣдь поступки, и самъ Толстой, мыслитель, философъ, вѣдь не исчерпывалъ своего ученія вытекающими изъ него волевыми актами. Толстой горѣлъ мыслью, а его окружала грубость мысли, безмысленное пріятіе его ученія въ формѣ категорической и догматической. Толстой не зналъ ни минуты умственнаго покоя онъ всегда искалъ, а его послѣдователи, свершивъ подвигъ отреченія отъ нѣкоторыхъ земныхъ благъ,—а то и не свершивъ этого подвига—были успокоены тѣмъ готовымъ, что получали въ результатѣ толстовскихъ исканій. А живой смыслъ-то вѣдь былъ именно въ исканіи, а не въ догматѣ, не въ результатѣ. И живой Толстой въ воспоминаніяхъ его „послѣдователей“ не разъ становится какимъ-то мало-значительнымъ, ограниченнымъ, подчасъ пошловатымъ. Какъ-то на вопросъ Толстого, что ѣдятъ въ Болгаріи, г. Досевъ, родомъ болгаринъ,—отвѣтилъ: „Фасоль, это наша національная пища“. „Это понравилось Л. Н. Нѣсколько недѣль спустя, разсказывая Гольденвезеру о нашей общинѣ и издательствѣ, Л. Н. сказалъ, смѣясь: — А знаете, эти болгары очень музыкальный народъ.—Почему?—спросилъ Гольденвейзеръ, недоумѣвая.—А вотъ, когда я спросилъ Досева, что они ѣдятъ въ своей общинѣ, онъ сказалъ мнѣ: „Фа... соль“... Правда, музыкально?„

Никто, конечно, не обязанъ быть глубокомысленнымъ или остроумнымъ въ любой моментъ своей жизни—и оно даже какъ-то трогательно, что великаго человѣка подчасъ удовлетворяла острота, достойная гимназиста перваго класса. Когда-нибудь въ полной характеристикѣ Льва Толстого найдутъ свое мѣсто и его безшабашныя шутки, и веселыя мальчишества, и надо быть благодарнымъ г-ну Досеву за фактъ, сообщенный имъ. Но въ его сообщеніяхъ нѣтъ перспективы, нѣтъ равновѣсія—и о безвкусной остротѣ онъ разсказываетъ такъ же серьезно, какъ о дѣйствительно глубокихъ словахъ Толстого. Вѣроятно, еслибы такъ острилъ не Толстой, острота показалась бы безвкусной и г-ну Досеву, но сказалъ Толстой—и кончено. Тягостно это давленіе учителя на людей, которые всякое ученіе воспринимаютъ, какъ догму. Толстой говоритъ, что музыка Листа—безсознательный шумъ, и толстовцы самодовольно повторяютъ это; Толстой говорилъ о дуракахъ: „глупъ, какъ профессоръ"—и его поклонники, сытые своимъ умомъ и своимъ знаніемъ, считаютъ, что незнаніе дѣлаетъ ихъ умнѣе всякаго профессора. Они не знаютъ,—и Толстой ихъ не научилъ этому,—что одно и то же слово звучитъ совершенно различно въ устахъ Льва Толстого и въ устахъ г. Черткова. Это обстоятельство сильно умаляетъ цѣнность всякихъ правдивыхъ воспоминаній толстовцевъ о Толстомъ; они слушали учителя, но не чувствовали человѣка во всей его цѣлокупности. Они спорятъ о томъ,—г. Досевъ передаетъ такой споръ,—кто лучше передаетъ Толстого, Сергѣенко или Тенеромо; г-ну Черткову Тенеромо кажется лучше. Между тѣмъ для всѣхъ, любящихъ Толстого, ясно, что тому, кто хочетъ знать его, лучше не читать ни Сергѣенко, ни Тенеромо.

Мы не обидимъ г-на Досева сравненіемъ съ послѣднимъ. Общій недостатокъ писаній толстовцевъ о Толстомъ отразился и на его книжкѣ, но въ ней есть цѣнныя мелочи и факты, которыми воспользуется характеристика Толстого. Интересенъ, напримѣръ, разсказъ о томъ, какъ Толстому не хотѣлось идти на собесѣдованіе къ рабочимъ. Собесѣдованія устраивались у г. Черткова; Толстой на приглашеніе принять въ нихъ участіе отвѣтилъ отказомъ. „Я не могу такъ, не люблю,—говорилъ онъ:—сидишь какъ истуканъ, тебя спрашиваютъ, а ты отвѣчаешь. Не могу я учительствовать. Я люблю разговаривать наединѣ. Смотришь въ глаза собесѣдника, говоришь, слушаешь, видишь его. А тутъ развѣ я увижу что въ душѣ собравшихся?" Въ концѣ концовъ поклонники, правда, уговорили Толстого, и онъ пошелъ къ рабочимъ и „учительствовалъ". Но какъ знаменательны его слова и какую пропасть полагаютъ они между его живымъ бореньемъ и духовнымъ самодовольствомъ его послѣдователей.

В. М. Хижняковъ. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Предисловіе В. Я. Богучарскаго. Библіотека мемуаровъ издательства „Огни". Петроградъ. 1916. Стр. XV + 251. Ц. 2 р. 25 к.

Въ нашей, въ общемъ уже довольно богатой, мемуарной литературѣ, относящейся ко второй половинѣ XIX вѣка, есть одинъ большой и серьезный пробѣлъ — въ ней почти совершенно отсутствуютъ воспоминанія дѣятелей земскаго и городского самоуправленія. Тѣмъ большій интересъ способны вызвать къ себѣ воспоминанія В. М. Хижнякова, одного изъ старѣйшихъ и наиболѣе заслуженныхъ земцевъ Черниговской губерніи, горячо преданнаго земскому дѣлу и долгіе годы съ неустанной энергіей работавшаго въ области городского и земскаго самоуправленія. И содержаніе этихъ воспоминаній вполнѣ оправдываетъ ожиданія, возбуждаемыя именемъ ихъ автора. Въ сущности оно даже шире, чѣмъ это можно было бы предположить по заглавію книги. Въ дѣйствительности В. М. Хижняковъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ не только о своей работѣ въ качествѣ земскаго дѣятеля, но и обо всей своей жизни вообще, и этотъ разсказъ во всѣхъ своихъ частяхъ одинаково интересенъ. Въ первой главѣ книги авторъ описываетъ свое дѣтство, прошедшее въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ семьѣ мелкаго кіевскаго чиновника, и передаетъ тѣ впечатлѣнія, какія давали ему въ эти годы домашняя жизнь и каникулярныя поѣздки въ крѣпостную малорусскую деревню. Затѣмъ онъ въ рядѣ послѣдовательныхъ главъ разсказываетъ о своемъ ученьѣ въ 50-хъ годахъ въ одной изъ кіевскихъ гимназій, о кіевскомъ университетѣ, его профессорахъ и студентахъ въ началѣ 60-хъ годовъ, и, наконецъ, о своей службѣ въ качествѣ учителя гимназіи въ Пинскѣ и въ Черниговѣ, службѣ, продолжавшейся съ середины шестидесятыхъ до середины семидесятыхъ годовъ. Тѣ порядки жизни и порою даже тѣ лица, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой части воспоминаній В. М. Хижнякова, не разъ уже изображались въ нашей мемуарной литературѣ и тѣмъ не менѣе разсказъ В. М. Хижнякова вноситъ въ ихъ изображеніе любопытные штрихи, мимо которыхъ нельзя будетъ пройти историку и которые способны заинтересовать и читателя, уже знакомаго съ этими порядками и лицами изъ предшествующей литературы. Въ свою очередь не менѣе интересны и не менѣе богаты содержаніемъ и послѣдующія главы воспоминаній В. М. Хижнякова, посвященныя его дѣятельности въ сферѣ городского и земскаго самоуправленія. Въ 1875 г. В. М. Хижняковъ былъ избранъ черниговскимъ городскимъ головой и оставался на этомъ посту до конца 1886 года, когда его выбрали предсѣдателемъ черниговской губернской земской управы. Это послѣднее мѣсто онъ занималъ до 1896 г. и такимъ образомъ двадцать одинъ годъ его жизни были отданы напряженной работѣ въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи, работѣ, ставившей его въ тѣсное соприкосновеніе съ самыми различными слоями мѣст-

наго населенія и съ мѣстной и центральной администраціей. Описывая въ своихъ воспоминаніяхъ эту работу, онъ попутно говоритъ и о томъ наслѣдствѣ, какое получили городскія и земскія учрежденія отъ предшествовавшей эпохи, и о той дѣятельности, какую они вели, и о тѣхъ препятствіяхъ, какія встрѣчало широкое развитіе такой дѣятельности во внутренней организаціи самихъ этихъ учрежденій и—еще болѣе того—въ тяготѣвшемъ и тяготѣющемъ надъ ними административномъ контролѣ. Характеристикѣ этого контроля въ воспоминаніяхъ В. М. Хижнякова отведено особенно много мѣста и эта характеристика оказывается чрезвычайно яркой. За 40 лѣтъ земской дѣятельности и 21 годъ службы въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ автору воспоминаній пришлось близко перевидать немало губернаторовъ и онъ почти у всѣхъ ихъ отмѣчаетъ „общія черты: введеніе разныхъ новшествъ собственнаго изобрѣтенія, незнаніе законовъ и полное неуваженіе къ нимъ, и убѣжденіе въ томъ, что „мѣстныя пользы и нужды“ они знаютъ гораздо лучше, чѣмъ мѣстные люди“ (87—88). Исключеніемъ являлся лишь одинъ губернаторъ, Веселкинъ, но онъ интересовался больше астрономіей, чѣмъ дѣлами губерніи, да и пробылъ онъ въ Черниговѣ лишь около двухъ лѣтъ. Наиболѣе же типичнымъ губернаторомъ въ сущности былъ пресловутый Анастасьевъ. „Въ 1889 г.,—разсказываетъ о немъ В. М. Хижняковъ—когда введенъ былъ институтъ земскихъ начальниковъ, онъ далъ для нихъ руководящія указанія. Онъ рекомендовалъ новымъ дѣятелямъ грозно и рѣшительно проявлять силу и полноту своей власти; разъѣзжая на тройкѣ съ колокольчиками по участку, требовать, чтобы крестьяне издали сворачивали съ дороги, подвергая тотчасъ карѣ не исполняющихъ этого требованія; ко всѣмъ лицамъ волостного и сельскаго управленія обращаться на *ты*; вообще проповѣдывались быстрота и натискъ и, при всякой провинности обывателей, розги и розги“ (93). Этотъ эпизодъ самъ по себѣ уже достаточно обрисовываетъ то лицо, къ которому онъ относится, и для полноты характеристики остается только прибавить, что, какъ показываютъ приводимые В. М. Хижняковымъ факты, Анастасьевъ и подчиненные ему администраторы, въ томъ числѣ и земскіе начальники, свою „твердую власть“ нисколько не стѣснялись самымъ безцеремоннымъ образомъ употреблять въ своихъ личныхъ интересахъ. Но Анастасьевъ былъ именно типичнымъ губернаторомъ и его ближайшіе предшественники и преемники въ большинствѣ случаевъ немногимъ отличались отъ него. А между тѣмъ всѣ эти губернаторы энергично вмѣшивались въ земское дѣло, по большей части находя себѣ полную поддержку и въ центральныхъ учрежденіяхъ. Въ воспоминаніяхъ В. М. Хижнякова разбросано немало эпизодовъ, какъ нельзя болѣе наглядно показывающихъ, къ какимъ результатамъ приводило на практикѣ такое вмѣшательство, нерѣдко вырождавшееся въ голый бюрократичесій произволъ. Не-

мало мѣста удѣлено описанію эпизодовъ подобнаго произвола и въ заключительной главѣ воспоминаній, охватывающей 1895—1906 гг. и дающей, между прочимъ, рядъ любопытныхъ, хотя въ большей своей части и не новыхъ, свѣдѣній о конституціонномъ движеніи въ земской средѣ.

Въ цѣломъ воспоминанія В. М. Хижнякова, хотя они и относятся къ одной только губерніи, даютъ своему читателю яркую картину провинціальной и, въ частности, земской жизни Россіи въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка,—картину, наводящую на самые серьезные выводы и размышленія. Несомнѣнно, не у всѣхъ читателей такіе выводы вполнѣ совпадутъ съ выводами самого автора воспоминаній. Но, думается, каждый, кто прочитаетъ эти воспоминанія, будетъ глубоко благодаренъ В. М. Хижнякову за данный имъ интересный и поучительный матеріалъ.

Мемуары князя Л. Сапѣги (1803—1863). Предисловіе графа Станислава Тарновскаго. Вступительная статья и примѣчанія Бронислава Павловскаго. Переводъ съ польскаго Л. Я. Крюковской. Кн-во „Прометей" Н. Н. Михайлова. Петроградъ. 1915. Стр. 316. Ц. 3 р.

Князь Леонъ Сапѣга занималъ довольно видное мѣсто въ ряду польскихъ общественныхъ дѣятелей XIX вѣка. Членъ одного изъ наиболѣе знатныхъ и богатыхъ польскихъ родовъ, шуринъ извѣстнаго кн. Адама Чарторыйскаго, онъ молодымъ человѣкомъ началъ свою общественную дѣятельность въ конституціонномъ Царствѣ Польскомъ, поступивъ на службу въ министерство финансовъ, когда послѣднимъ завѣдывалъ Любецкій. На этой службѣ Сапѣга быстро выдвинулся, но возстаніе 1830 г. оборвало ее. Въ моментъ вспышки возстанія онъ находился за границей, въ Парижѣ. Самъ онъ мало вѣрилъ въ успѣхъ возстанія, но отстраниться отъ него не считалъ возможнымъ. Поэтому, постаравшись оказать вождямъ возстанія всѣ дипломатическія услуги, какія только были для него возможны, благодаря его связямъ въ Парижѣ и Лондонѣ, онъ затѣмъ пробрался въ Царство Польское, вступилъ здѣсь въ армію и принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ войскъ. Послѣ сдачи Варшавы, въ защитѣ которой Сапѣга также принималъ участіе, онъ съ остатками польской арміи перешелъ въ Пруссію. Но доля эмигранта, заброшеннаго среди чужого народа, пугала его и, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Пруссіи, онъ переѣхалъ въ Галицію, гдѣ и поселился навсегда, принявъ вскорѣ и австрійское подданство. Здѣсь, въ Галиціи, его жизнь вступила въ новую полосу. Его имѣнія въ Царствѣ Польсломъ были конфискованы. Но его тесть, Замойскій, отдалъ ему въ аренду имѣніе въ Галиціи, а черезъ нѣкоторое время его мать, сохранившая свои имѣнія, предоставила ему средства на покупку собственнаго имѣнія. Войдя такимъ образомъ въ число галицій-

скихъ помѣщиковъ, Сапѣга энергично занялся сельскимъ хозяйствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развилъ и широкую общественную дѣятельность въ той средѣ, въ которую его забросила судьба. Благодаря его энергіи, во Львовѣ были основаны земельное кредитное товарищество и общество сельскихъ хозяевъ, и онъ долгое время состоялъ предсѣдателемъ обоихъ этихъ обществъ; ему же были обязаны своимъ возникновеніемъ сельскохозяйственная школа въ Дублянахъ и первая въ Галиціи сберегательная касса; наконецъ, онъ явился и главнымъ иниціаторомъ въ дѣлѣ проведенія въ Галиціи желѣзныхъ дорогъ. Все это обезпечило ему видное мѣсто въ галиційскомъ обществѣ, и въ 1861 г., когда въ государственной жизни Австріи начали проявляться новыя вѣянія, Сапѣга былъ назначенъ предсѣдателемъ провинціальнаго сейма Галиціи, что дѣлало его фактически главою ея мѣстнаго самоуправленія. Послѣ того онъ прожилъ еще семнадцать лѣтъ и умеръ въ 1878 г., 76-ти лѣтъ отъ роду.

Свои воспоминанія, доведенныя до 1863 г., Сапѣга писалъ на склонѣ лѣтъ, когда позади его уже лежала долгая и богатая событіями жизнь. Но не всѣ этапы послѣдней нашли себѣ одинаково полное и яркое освѣщеніе въ этихъ воспоминаніяхъ. Наиболѣе подробно и обстоятельно разсказаны въ нихъ годы дѣтства и юности автора и первый періодъ его участія въ общественной жизни, закончившійся съ подавленіемъ возстанія 1831 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта часть воспоминаній кн. Сапѣги представляетъ и наибольшій интересъ, по крайней мѣрѣ—для русскаго читателя. Послѣдній найдетъ здѣсь и колоритные разсказы о сохранявшихся въ Польшѣ еще въ началѣ XIX вѣка обломкахъ старопольской помѣщичьей жизни, и кое-какіе небезинтересные эпизоды изъ эпохи Наполеоновскихъ войнъ и немало любопытныхъ, хотя и частныхъ, эпизодовъ изъ исторіи конституціоннаго Царства Польскаго и возстанія 1830—31 гг. Ничего особенно новаго читатель не встрѣтитъ въ этихъ эпизодахъ, но въ своей совокупности они дадутъ ему возможность ясно представить себѣ настроеніе значительной части высшихъ круговъ польскаго общества въ 1815—31 гг. и, въ частности, отношеніе этихъ круговъ къ Россіи и къ русской государственной власти. Нельзя не пожалѣть только, что именно въ этой части воспоминаній кн. Сапѣги русское издательство по условіямъ настоящаго момента, подчинившаго вновь выпускаемыя книги военной цензурѣ, вынуждено было сдѣлать рядъ существенныхъ купюръ. Менѣе интересна для русскаго читателя остальная часть воспоминаній Сапѣги, говорящая о пребываніи его въ Галиціи и посвященная по преимуществу хозяйственнымъ дѣламъ этой провинціи. И здѣсь, правда, имѣются страницы болѣе общаго интереса, вродѣ разсказовъ о смутахъ въ Галиціи въ 1846—48 гг., о славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ 1848 г., о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ слоевъ населенія Галиціи. Но такихъ страницъ

въ этой части воспоминаній Сапѣги не очень много, а, кромѣ того, для правильнаго пониманія ихъ рядовой русскій читатель, мало знакомый съ Галиціей, нуждался бы въ нѣкоторыхъ комментаріяхъ. Въ виду этого приходится пожалѣть, что русское издательство не нашло нужнымъ снабдить мемуары Сапѣги никакимъ самостоятельнымъ введеніемъ, удовольствовавшись лишь переводомъ приложенной къ польскому ихъ изданію вступительной статьи гр. Тарновскаго, быть можетъ, пригодной для польскаго читателя, но совершенно неудовлетворительной для русскаго. Переводчица мемуаровъ, г-жа Круковская, сдѣлала, правда, къ нимъ нѣкоторыя примѣчанія, но эти примѣчанія, очень немногочисленныя, нося по преимуществу формальный характеръ, мало что даютъ читателю, а временами даже являются и совершенно лишними. Врядъ ли, напримѣръ, нужно читателю такое примѣчаніе, къ тому мѣсту „Мемуаровъ" Сапѣги, гдѣ говорится объ основаніи польскими эмигрантами Демократическаго Общества: „17 марта 1832—особый демократическій кружокъ" (60). Самый переводъ „Мемуаровъ" выполненъ въ общемъ удачно, хотя временами въ немъ и попадаются все же досадныя небрежности и неточности.

Шарль Жидъ. Основы политической экономіи. Переводъ съ послѣдняго, 14-го франц. изд. Виктора Сережникова, подъ ред. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Съ предисловіемъ автора къ рус. изданію. Москва 1916. Стр. 615. Ц. 3 руб. 50 коп.

Книга Шарля Жида, профессора политической экономіи въ парижскомъ университетѣ, вышла въ первый разъ на русскомъ языкѣ въ 1894 г. и уже тогда нашла себѣ широкій кругъ читателей среди русской публики. Переводъ былъ тогда сдѣланъ съ 4-го изданія его „Principes d'économie politique". Съ тѣхъ поръ этотъ учебникъ (онъ вышелъ впервые въ 1883 году) былъ неоднократно переработанъ и выдержалъ на французскомъ языкѣ рядъ изданій; онъ былъ переведенъ на много другихъ языковъ, въ томъ числѣ даже на турецкій; на шведскомъ и голландскомъ языкѣ онъ выдержалъ по три изданія. Въ учебныхъ заведеніяхъ не только Франціи и Бельгіи, но и другихъ странъ онъ принятъ въ качествѣ обязательнаго руководства. „Тиражъ учебника проф. Жида вмѣстѣ съ переводами можно приблизительно опредѣлить въ 110 тысячъ, изъ коихъ 60.000 приходится на одну Францію. Такимъ образомъ этотъ учебникъ является самымъ распространеннымъ въ мірѣ руководствомъ по политической экономіи". (Предисл. редактора).

Въ чемъ же заключается причина столь широкой популярности этого учебника? Авторъ самъ объясняетъ это въ предисловіи. „Я не задавался—говоритъ онъ—цѣлью защищать тѣ или другія положенія; я хотѣлъ не столько дать разрѣшеніе соціальныхъ проблемъ, сколько показать, какого глубокаго интереса полны онѣ. Я

хотѣлъ бы, чтобы политическая экономія, въ теченіе столь продолжительнаго времени называвшаяся „скучной литературой" (какъ говорилъ Тьеръ) или „сухой наукой" (dismal science, какъ говорилъ Карлейль), могла предстать предъ всѣми, особенно же предъ молодежью, такою, какою она есть, „подобно драмѣ, захватывающей наукой"...

Въ самомъ дѣлѣ, учебникъ Шарля Жида не только написанъ чрезвычайно живо и интересно, скажемъ болѣе,—занимательно, но старается какъ бы схватить экономическую жизнь въ ея цѣломъ и въ отдѣльныхъ частяхъ съ ихъ наиболѣе интересной стороны, подмѣтить каждый разъ именно то, что должно захватывать пытливаго читателя, вызывать въ немъ новые вопросы, намѣренно оставляя въ тѣни и даже игнорируя болѣе скучныя мѣста и детали. Онъ не желаетъ разрѣшать сложныя задачи, выдвигаемыя экономической жизнью и наукой, а лишь задаетъ вопросы, указываетъ возможные способы рѣшенія и затѣмъ уже предоставляетъ читателю идти дальше, не заставляя его принимать то или другое опредѣленное рѣшеніе. Къ этому присоединяется яркость красокъ, блестящій стиль автора, чрезвычайная простота и ясность изложенія. Послѣ всего этого становится понятнымъ поразительный успѣхъ книги Шарля Жида. Она дѣйствительно заставляетъ полюбить политическую экономію, вербуетъ приверженцевъ этой науки.

Но изъ приведеннаго выше нельзя не усмотрѣть и отрицательныхъ сторонъ этого курса. Надо прежде всего отмѣтить, что, являясь по своему характеру популярнымъ руководствомъ, онъ въ то же время пріобрѣлъ въ настоящее время размѣры, совершенно несвойственные популярному учебнику и неподходящіе для него. Свыше шестисотъ страницъ содержитъ книга теперь въ русскомъ переводѣ, хотя и напечатанномъ весьма крупнымъ шрифтомъ. По сравненію съ первымъ русскимъ переводомъ, она сильно увеличилась въ объемѣ. А между тѣмъ ни цифръ, ни библіографіи въ книгѣ нѣтъ; авторъ ихъ намѣренно выбросилъ, опять-таки для того, чтобы придать ей общедоступный характеръ.

Не смотря на столь обширные размѣры, нѣтъ не только библіографіи, но и отсутствуетъ рядъ отдѣловъ, обычно помѣщаемыхъ въ учебникахъ политической экономіи. Такъ, ничего не находимъ ни о сельскомъ хозяйствѣ, ни о путяхъ сообщенія, ни о фабричномъ законодательствѣ, ни о страхованіи. Во многихъ случаяхъ авторъ отсылаетъ читателя къ другому своему учебнику—„Cours d'economie politique", предназначенному для людей, болѣе подготовленныхъ. О кризисахъ кое-что говорится, но только кое-что. Наиболѣе любопытныя теоріи, объясняющія современные промышленные кризисы, наиболѣе оригинальныя, хотя и сложныя, конструкціи совершенно отсутствуютъ. Авторъ слишкомъ легко, слиш-

комъ упрощенно трактуетъ сложную проблему кризисовъ и критика теорій кризисовъ, поскольку она имѣется, принимаетъ у него слишкомъ наивный характеръ.

Авторъ упоминаетъ, напр., о соціалистической теоріи кризисовъ, согласно которой причина ихъ заключается въ томъ, что доходъ рабочаго класса (класса наемниковъ, — какъ неудачно передаетъ переводчикъ) ростетъ медленнѣе, чѣмъ производство (мануфактурное производство вмѣсто промышленность,—тоже неправильно переведено). „Но это тоже романъ, только менѣе поэтичный,—говоритъ по поводу этой теоріи Шарль Жидъ,—потребленіе рабочихъ классовъ быстро возростаетъ... Впрочемъ, даже допуская, что у рабочаго класса безконечно продолжали бы грабить продуктъ его труда, все-таки мы не видимъ, почему должна была бы получиться отсюда всеобщая недостаточность потребленія, ибо при этомъ во всякомъ случаѣ была бы только передача потребленія отъ одного класса къ другому". Какъ будто бы цѣлью капиталистовъ является возможно большее потребленіе; вѣдь они имѣютъ въ виду не потреблять, а накоплять. Авторъ здѣсь совершенно не понялъ того ученія, которое онъ критикуетъ.

Есть и другіе неудачные отдѣлы, которыхъ во многихъ случаяхъ въ первомъ русскомъ изданіи еще не было. Такова, напр., глава подъ названіемъ: „почему существуетъ процентъ?" Шарль Жидъ теперь принимаетъ теорію Бемъ-Баверка, согласно которой процентъ съ капитала вызывается различіемъ въ цѣнности благъ настоящихъ и благъ будущихъ. Онъ говоритъ здѣсь о какомъ-то „психологическомъ законѣ" и утверждаетъ, что „эта теорія въ наибольшемъ почетѣ теперь", не считая нужнымъ даже подробнѣе изложить ее (хотя это дѣлается въ популярныхъ учебникахъ) и умалчивая о той уничтожающей критикѣ, которой ее подвергли экономисты самыхъ разнообразныхъ направленій.

Но, не смотря на эти существенные недостатки, книга его заслуживаетъ вниманія; большая часть ея составлена удачно и она въ состояніи заинтересовать читателя и развить въ немъ любовь къ знанію вообще и къ соціальнымъ наукамъ въ особенности.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммисеіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

В. В. Васильевъ (Ясавъ). Русскіе самородки. Жизнеописанія и характеристики со вступительнымъ очеркомъ А. А. Коринфскаго. Ревель. 1916 г. Ц. 75 к.

Уильямъ Дж. Локкъ. Другъ человѣчества. Романъ. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. Кн-во „Сѣверные Дни". М. 1916 г. Ц. 2 р.

Сборникъ статей о молодежи. Выпускъ первый. Кіевъ. 1916 г. Ц. 15 к.

П. Д. Бурскій. Война прежде и теперь. М. 1916 г. Ц. 40 к.—Его-же. Техника въ современной великой войнѣ. М. 1916 г. Ц. 40 к.

Весеннія дымки. Сборникъ поэзъ. Кіевъ. 1916 г. Ц. 20 к.

Изд-во „Огни" П. 1916 г. Роландъ Эшеръ. Пангерманизмъ. Сокращенный переводъ В. Я. Фанъ-деръ-Флита. Ц. 1 р.—Огни. Первая книга. С. Кондурушкинъ. Въ солнечную ночь. Ц. 1 р. 25 к. — Огни. Вторая книга. Г. Гребенщиковъ. Змѣй Горынычъ. Ц. 1 р. 25 к.—З. Гиппіусъ. Зеленое кольцо. Ц. 1 р. 25 к.

В. Флайшгансъ. Янъ Гусъ. М. Кн-во М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р. 75 к.

С. Н. Кошкаровъ. „Говоръ Зорь". М. 1916 г. Ц. 20 к.

Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1916—1917 академическій годъ. М. 1916 г. Ц. 15 к.

Е. Гинзбургъ-Гальперина. Міровая война и судьбы международнаго права. П. 1916 г. Ц. 50 к.

А. Лозина-Лозинскій. Тротгуаръ. Стихи. П. 1916 г. Ц. 1 р.

Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1916 г.—К. Тахтаревъ. Соціологія какъ наука. Ц. 1 р. — К. и О. Ковальскіе. Двуликій Богъ. Романъ. Т. I. Ч. III и IV. Ц. 1 р. 50 к.—К. и О. Ковальскіе. Двуликій Богъ. Романъ. Т. I. Ч. I и II. Ц. 1 р. 50 к.—Б. Авиловъ. Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи. Ц. 65 к.—Зоя Кананова. Я и Миръ. Ц. 1 р.

В. И. Кононовъ, М. Н. Николаевскій и К. П. Ягодовскій. Практическія занятія по естествознанію. Вып. I. Міръ неорганическій. Изданіе 2-е. П. 1916. Ц. 65 к. Изданіе Тенишевскаго училища.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. П. 1916 г.—Григорій де Волланъ. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ Русскаго Государства. Часть первая. Т. II. Ц. 2 р. 25 к. — М. Д. Ордынцевъ - Кострицкій. Опальный князь. Историческая повѣсть. Ц. 3 р. 50 к. Въ коленкор. переплетѣ.

Д-ръ филос. I. Л. Клаузнеръ. Сущность еврейской жизни. Одесса. 1916 г. Ц. 25 к.

Княгиня А. А. Голицына. Подруги. Повѣсть для юношества. П. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Всероссійское бюро труда № 4. Трудовое посредничество. М. 1916 г.

Д. Н. Прянишниковъ. Недосѣвы, минеральныя удобренія и военныя нужды. М. 1916 г. Ц. 30 к.

Что такое кредитный союзъ и каково его значеніе. 2-е изд. Московск. союза кредитн. и ссудосберегат. т-ва по спеціальн заказу Ржевскаго союза. М. 1916 г.

Сельскохозяйственный обзоръ за 1914—1915 гг. Выпускъ I. Зима, весна и начало лѣта 1915 г. Изданіе Оренбургской губ. земской управы. Оренбургъ 1916 г.

В. Боголюбовъ. Н. И. Новиковъ и его время. Изд. М. и С. Са-

башниковыхъ. М. 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иванъ Морозовъ. Красный звонъ. Стихотворенiя. М. 1916 г. Ц. 40 к.

Элеонора Диксонъ. Гюлльхана. Ташкентъ. 1916 г. Ц. 55 к.

Л. Г. Барацъ. Источники слова о законѣ и благодати и Евангелистой пѣсни. Кiевъ. 1916 г. Ц. 75 к.

Л. Г. Барацъ. Итоги полемики по поводу финансированiя промышленности. Кiевъ. 1916 г.

Всероссiйскiй союзъ городовъ. П. 1916 г. Обзоръ состоянiя транспорта и рынковъ. Выпускъ третiй. Состоянiе мясного рынка. Ц. 50 к. —Выпускъ четвертый. Состоянiе соляного рынка. Ц. 20 к. — Выпускъ пятый. Состоянiе хлѣбныхъ рынковъ. Ц. 50 к.

В. Д. Набоковъ. Изъ воюющей Англiи. Путевые очерки. П. Ц. 1 р. 75 к.

Извѣстiя студенческихъ организацiй. М. С.-х. И. (Петровской Академiи). Выпускъ II. М. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Н. Ефимовъ. Элементарныя понятiя о государствѣ и правѣ. М. Ц. 1 р. 25 к.

Отчетъ конторы журнала.

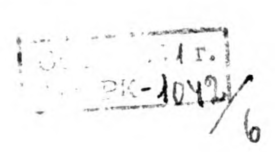
Въ контору журнала „Русскiя Записки" поступило: въ пользу русскихъ волонтеровъ во Францiи и ихъ семей: отъ комитета служащихъ Русскаго-Торгово-Промышленнаго Банка для оказанiя помощи пострадавшимъ отъ войны—200 руб.; отъ учащихъ Петроградскихъ городскихъ начальныхъ училищъ Московско-Александро-Невскаго района черезъ Л. Р. Менжинскую — 37 р. 80 к.; отъ В. П. Никольской—2 р; отъ Бакинскаго дѣтскаго кружка помощи дѣтямъ русскихъ эмигрантовъ, павшихъ на французскомъ фронтѣ — 14 р. 11 к.; отъ служащихъ о-ва потребителей Уссур. ж. д.—85 р. 18 к.; отъ служащихъ въ оцѣн.-статист. бюро Черниг. губ. земск. управы — 22 р. 35 к.; отъ Р. Ф. — 15 р.; отъ Г. Я. Калениченко изъ Троицкосавска — 5 р.; отъ А. Фортунатова изъ Москвы — 10 р.; отъ в-ча Е. Диканской — 10 р.; отъ М. И. Милашевской изъ Иркутска — 5 р.; отъ служащихъ въ канцелярiи Уманскаго окружнаго суда — 6 р. 55 к.; черезъ А. Ф. Керенскаго и Н. С. Чхеидзе: отъ М. И. Карузина—10 р., отъ Б. Е. Гурвичъ—10 р., отъ И. Усачева—2 р. 85 к., отъ ковенск. раввина Р. Шниткинда—3 р., отъ фармацевта Н. Шниткинда — 3 р., отъ фармацевта А. Шниткинда — 3 р., отъ доктора М. Датневскаго—2 р., отъ Исаева—5 р., отъ служ. кн. склада „Провинцiя"—8 р. 98 к., отъ служ. въ Правленiи Россiйск. Страх. О-ва—60 р. 10 к., отъ служащ. тарифн. отдѣла—34 р.; отъ М. И. Петрова изъ Венева — 1 р.; отъ комитета служащихъ Ярославской губерн. зем. управы — 100 р.; отъ в-ча А. И. Покровскаго—5 р.; отъ сотрудниковъ Всероссiйскаго земскаго союза въ районѣ. . . . дѣйствующей армiи—58 р.; отъ Е. С. Завьяловой—1 р.; отъ бывшаго патронажа при вспомогательномъ госпиталѣ на „Соломенной сторожкѣ" близъ Москвы, черезъ „Современный Мiръ" — 25 р.; отъ команды пар. „Полярный" Т. Д. Н-ки А. М. Кушнарева—21 р. 05 к.

Черезъ В. Г. Короленко: отъ группы петроградскихъ учащихъ, въ память Надежды Ем. Румянцевой—29 р.

Итого . . . . . 794 р. 97 к.

А всего съ прежде поступившими . 14.048 р. 17 к.

Редакторъ В. Н. Цѣховская. Издатель Н. С. Русановъ.

г.
РК-1042/6

